

№ 1(53). 2023

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Февраль 2023 № 1(53)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 911 863 0467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Римма Лютая – поэт, прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 17 февраля 2023 года. Тираж: 100 экз. Заказ № 168.

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53–17–05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала. Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Наталья Советная. Кремень. <i>Повесть. Начало. Продолжение в следующем номере</i>	5
Валерий Шелегов. Кросна. <i>Повесть</i>	23
Валерий Неудахин. Гармонист. <i>Рассказ</i>	32
Павел Рыков. Канитель. От одного до десяти. <i>Рассказы</i>	35
Геннадий Сазонов. Первый шаг на Голгофу. <i>Повесть</i>	39
Владимир Куницын. Андрей Тарковский и кот Бася. <i>И другие рассказы</i>	50
Галина Хэндус. Музей Совести. <i>Отрывок из романа</i>	57
Александр Герасимов. Таёжные истории. <i>Рассказы</i>	71
Анна Козырева. Невероятная история. <i>Рассказ</i>	80
Николай Зайцев. Короли и... поэты. <i>Эссе</i>	86
Сергей Салтыков. Атавизм. <i>Рассказ</i>	90
Александр Орлов. Однородец. <i>Рассказ</i>	92

Поэзия

Ильяс Аутов. Песня о войне. <i>Стихи</i>	96
Геннадий Ёмкин. О словах. <i>Стихи</i>	101
Виталий Даренский. Донбасс сражался за Россию... <i>Стихи</i>	105
Анатолий Андреев. Колокол. <i>Стихи</i>	108
Ирина Мишина. «Невозможной глубины это небо...» <i>Стихи</i>	112
Елена Канеева. Русь. <i>Стихи</i>	115

Поэтическая седмица

Елизавета Мартынова. <i>Стихи. Вступительное слово Александра Орлова</i>	119
---	-----

Берега юбилеев

Вадим Терёхин. Шестое февраля, или Первые письма от мужчины. <i>Стихи</i>	121
--	-----

Берега истории

Валерий Громак. А мы равненье держим верное... ..	123
Николай Андреев. Десять раз впереди планеты всей	127

Берега Памяти

Эльвира Трикоз. О строгости и эдельвейсах. <i>К годовщине со дня смерти учёного и писателя Людмилы Яцкевич</i>	137
---	-----

Берега культуры и искусства

Андрей Маруденко и Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский беседуют об искусстве и культуре современной России	141
Евгений Татарников. Мексиканский след поэта Бальмонта в Стране Красных Цветов	145
Валерий Герланец. Инкогнито в Сонцовке. Бывал ли Сергей Прокофьев в родном селе на Донбассе после возвращения из эмиграции?	156

Берега Янтарного края

Лидия Довыденко. Алексей Николаевич Хованский и царская подушка 160

Берега Новороссии

Галина Чудинова. Молитвы о здравии и спасении. Та, что приходит на помощь. *Рассказы* . 168

Берега прочтения

Сухейль Фарах. Почему нам дорог Пушкин вчера, сегодня и завтра? 178

Галина Хэндус. Романов: украденное имя. *О книге Лидии Довыденко «Дарить России»* 180

Ольга Ковшевная. Единого слова ради 184

Ирина Анастасиади. Медея. *Историческое расследование* 187

Светлана Савицкая. В ногу со временем. *Размышления об «Антологии стояния Донбасса»*... 195

Наши друзья

Правила приобретения и поддержки журнала 200

Проза

Наталья Советная

Наталья Викторовна Советная – член Союза писателей России (Санкт-Петербургское отделение), член Союза писателей Беларуси (Минское отделение), член Союза писателей Союзного государства. Председатель оргкомитета Международных научно-литературных чтений Игоря Николаевича Григорьева (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург) и оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996). Прозаик, поэт, публицист. Автор публикаций в журналах и альманахах: «Литературная учёба», «Наш современник», «Московский Парнас», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Акно» (Минск), «Качели», «Полымя», «Белая вежа», «Армия и культура», «Невская перспектива», «Мгинские мосты», «Земляки», «Берега» (Калининград), «Александръ» (Мичуринск), «Симбирск», «Петербургская литература», «Территория слова» (ЛНР), «Крылья» (ЛНР) и др. Участница многих коллективных сборников. Автор 16 книг поэзии, прозы и публицистики.

Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в т.ч. «Словенское поле» (2015), им. А. К. Толстого (2016), «Золотой Витязь» (обладатель Серебряного Витязя в номинации «Публицистика» (2019)) и др. Имеет награды: медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «Максим Богданович» (2020), орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др.

КРЕМЕНЬ

Повесть

(Начало)

ГЛАВА 1

ДОЖДЬ ЗА ОКНОМ

Хитько растерянно прижимал к уху телефонную трубку, из которой неслись монотонно-равнодушные гудки. Разговор прервался внезапно. Невестка вдруг разрыдалась и отключила мобильник. Обсуждали обстрелы украинской армией Луганской и Донецкой Народных Республик. Там снова погибли дети. В далёкой московской квартире Ира плакала по измученным украинскими нацистами мирным жителям Донбасса, которые за восемь лет после киевского майдана уже привыкли к бомбёжкам, разрушениям, нехватке продовольствия, отсутствию света, воды, отопления, но не могли привыкнуть к смерти детей.

Здесь же, в Витебске, он, Иван Павлович Хитько, заслуженный человек, доцент, известный художник-дизайнер, держал неумолкающе плакающую трубку дрожащей рукой, словно это был взрывной часовой механизм, и шептал побелевшими губами:

– Отродье бандеровское! Фашистское отродье!

Гибель людей, чудовищные издевательства над пленными, бессмысленные попытки над теми, кто думал и говорил по-русски, кто не мог произнести украинское слово «паляниця», превратившееся в пароль для определения «свой – чужой», стали реальностью на земле, которая недавно была его, советской, своей. Как это принять и не помутиться разумом?

...Трёхлетний Ванюша то волочился по дому за мамой, крепко вцепившись в её цветастое платье, то, обхватив ручонками папину ногу, повисал на ней, мешая отцу собираться. Павел Ефремович не сердился, не пытался оторвать малыша от себя, так и переходил из комнаты в комнату, от печки

к столу, осторожно приподнимая ногу, чтобы сынок не свалился, не ушибся. Откуда было знать не-смышлёнышу, что папка собирается на фронт, потому что началась война. Скоро выйдет со двора, оглянется прощально на новый дом, который поставил в тридцать девятом, и вместе с мужиками-призывниками отправится из Дуброво в Городок, а там – куда пошлют.

Старшая Антонина цедила через марлю парное молоко, переливая его тонкой струйкой из до-ёнки в глиняный горлачик, и тоскливо поглядывала на отца. В свои одиннадцать она понимала намного больше Ваниного, оттого сердечко колотилось тревожно, а глаза щипало, будто от лука. Тоня сердилась на себя, потому что папа уже обнадёжил и мать, и её: мол, война быстро закончится, он непременно вернётся живой и невредимый, а слёзы лить – только зрение портить. Но что-то внутри её никак не хотело слушаться и всё норовило взорваться, излиться солёной горечью.

Ефросинья Ивановна хлопотливо сновала от стола за занавеску, где рядом с кроватью громоздился сундук с одеждой и бельём, потом к шкафчику с продуктами, выскакивала в коридор, гремела там ведрами, зачем-то заглянула даже в сарай, а вернувшись, вдруг отчаянно взмахнула руками, бессильно опустила на лавку и жалостливым взглядом впиалась в Павла:

– Как же мы без тебя?

Он подхватил Ванюшку, посадил к ней на колени, приказал твёрдо:

– Сказал же, побьём немца, вернусь. Скоро! Ты, Фрося, детей сбереги и мать мою не оставь. Совсем слабая стала, как похоронила батю и брата моего Ивана. Тиф людей скопил – войны не надо... Слава богу, что Ванюшу нашего не тронул. Даже чудно...

Не сводя с мужа глаз, Ефросинья Ивановна крепко прижала к себе сыночка и согласно кивнула.

– Вот, сказал же! Памеж тифозных мальчонка ползал, да не захворал. Сдюжил!

Ловя каждое его слово, она снова с готовностью кивнула, хотя совсем не понимала, к чему Павел – про тиф.

– Смертоносная болезнь эта. Да не каждого со света сводит. Так и война. Хоть и убийство, да не все погибают. И я сдюжу! Батя-то мой, Ефрем Николаевич, церковным старостой был, стало быть, молитвенник, поди, выпросит у Бога...

Без отца хата осиротела. Стало зябко, неудобно. К вечеру поднялся ветер и протяжно, надрывно завыл в трубе, словно кто-то злобный и страшный пытался ворваться в горницу. Ваня натянул одеяло на голову, прижался к маме:

– Папа на фронт?

– Да, сынок.

– А что это?

– Война.

– Что такое война?

– Немцы придут, стрелять будут.

– А мы что сделаем?

Ефросинья Ивановна задумалась: действительно, что?

– В лесу спрячемся, – решила и, погладив малыша по белобрысой головке, чмокнула в лобик. – Спи, маленький, не бойся, наш папа немцев прогонит!

На хутор уже опустилась густая темень. Раскачиваясь под порывами ветра, тревожно шумели деревья. Неожиданно в окно что-то звонко ударило, словно горстью града, и оно откликнулось: стекло звякнуло, тоненько зазвенело. Ефросинья Ивановна вздрогнула, прислушалась, но дождь застучал дробненько, ритмично.

– Такой до утра будет лить, – вздохнула устало.

...Туп-туп-туп... Надавливая ногой на педаль, Феодосия Анисимовна, мама Фроси, мерно, в такт дождю, раскручивает колесо прялки и ловко тянет из кудели ровницу, скручивает её в нить. Пряжа из-под её рук выходит отменная, на загляденье. Мать ласково посматривает на дочку, которая усердствует рядом – колдует у кросен:

– Старайся, дочушка, старайся! Как шерстяная нитка закончится, скажи, ещё добавлю. Таких поясов, какие у нас в роду ткут, никто больше не сработает. Все женихи – твои!

Девочка передёрнула плечиками, возмущённо блеснула глазёнками:

– Вот ещё! Дурочка, что ли, замуж идти?

– Я и сама тебя никому не отдам, – еле сдерживая смех, с серьёзным видом отвечает Феодосья Анисимовна. – Разве только Павлику соседскому? Ему годика три было, когда в люльке тебя качал да приговаривал: «Не плачь, Тотенька, я на тебе зенюсь!»

– Пашке Хитько? – вспыхнула Фрося. – Какой же он жених? Это же просто Пашка!

– Да ты работай, работай, челнок перекидывай, утёк правильно заряжай, а то узор спутаешь. Чем длиннее пояс, тем мастеровитее девица, тем крепче семья. Пока ткать будешь, и женихи твои подрастут, и ты из маленькой дурёхи в невесту превратишься, – улыбаясь, мама останавливает колесо прялки. Приподнимается, медленно потягиваясь, слегка прогибается в пояснице, нежно поглаживает заметно выпирающий живот. Фрося смотрит на него с опаской: какой-то странный он, растёт быстро. Она ещё не знает, не догадывается, что вот-вот появится на свет её младшая сестрёнка Нина.

А на дворе всё льёт и льёт. Дождь остервенело ударяется в стекло и стекает вниз широкими ручьями, смывая всё, что можно было рассмотреть в окно: тропинки, скамейки, деревья, калитку, соседний дом. И мамино лицо, глаза, волосы...

– Мамочка, – стонет Фрося, пытаясь схватить её руку, но пальцы бессильно соскальзывают, и сквозь них струится холодная вода.

– Нет у нас больше мамки, – слышит девочка глухой голос отца и видит, как по его потемневшему лицу скатывается дождь.

Скрежещут давно не смазанные петли, распахиваясь, громко вскрикивает входная дверь. Фрося испуганно опускает голову, но успевает заметить, как огромные грязные сапожищи вырастают на пороге.

– Кравченко? Иван Герасимович? – притопывая, грозно вопрошают они, а мутная, маслянистая лужица дождливой ртутью собирается на полу.

– Колхозы ему не нравятся! Вишь, что удумал: хозяин-единоличник государству больше пользы принесёт! – скрипят чужие сапоги, прохаживаясь по комнате и помечая пол грязными, мокрыми пятнами. – Вот в Соликамске, на лесоповале, и будешь единолично пользу приносить!

Снова заскрежетали железные петли, больно вскрикнула входная дверь, скрывая за собой отца и страшные сапожищи. И уже не разобрать: то ли это они всё ещё злорадно шаркают в сенях, то ли ветер воет, врываясь в дом...

– Сюда, сюда! – прячась от дождя под стрехой, зовёт, тянет за руку Паша Хитько.

Фрося, тоненькая, нежная, светлая, как пасхальная вербочка, тоже прижимается к стене. Мокрое платье липнет к ногам, спине, упругой груди – холод дрожью пробегает по телу.

– Аж посинела! – пугается Паша и порывисто обнимает девушку, чтобы согреть. Но тут же смущённо опускает руки: – Прости!

Она не отталкивает его, лишь стыдливо отводит глаза.

– Вот, сказал же! – сердится на себя Павел и вдруг хватает Фросю за плечи: – Сватать буду, пойдёшь?

– Я уже пояс выткала. Тебе... Длинный-длинный! Повяжу – мой навеки будешь! – прошептала и зарумянилась так, словно жаром обдало. И затрепетала вся, только совсем не от холода.

– Пояс? Узоров в нём сколько? – хитро щурится Павел.

– Не считала, – удивляется вопросу новоявленная невеста, а в глазах у неё отражается, вспыхивает выглянувшее из-за туч солнышко.

Паша жмурится и, загадочно улыбаясь, шепчет:

– Зря не считала. Моей маме пояс ткать бабушка помогала, двенадцать узоров выткала и предупредила, что в них для неё загадка зашифрована, которую только время разгадает.

Девушка замерла, словно ждала чуда.

– Двенадцать деток у мамы народилось! – объявил торжественно и нежно коснулся губами Фросиных волос.

Она залилась краской, но не отвернулась, только спросила чуть слышно:

– Любишь меня?

Павел молчал. Испуганно подняла глаза, а суженого рядом нет! Как и не было... Закричала отчаянно – голоса не слышно, будто кто в ватный кокон её поместил...

Проснулась в поту. За окном шумит, бьётся в стекло дождь, словно на постой просится. «Боже мой, это ж война, война!» – метнулась с кровати, достала из шкафа, сработанного мастеровыми руками Павла, бабушкину иконку Николы Чудотворца.

Уже светало, когда пробудившийся Ванюшка вывел её из молитвенного забытья:

– Мама, мама-а-а!

Ефросинья Ивановна поднялась с колен и только теперь заметила, что дождь затих, умытое солнышко привычно зачинает новый летний день, в хлеву подаёт голос бурёнка, ей вторит соседская, вот и петух уже возвестил рассвет. Только мужниных шагов не слышно... Война!

ГЛАВА 2

СПЕЦОПЕРАЦИЯ

В кране шумела вода, позвякивали чашки, дребезжали ложечки. Привычно убирая после завтрака на кухне, Анна Нифантьевна не сразу услышала взволнованный голос мужа:

– Новости передают!

– Что там ещё? – буркнула, не желая отрываться от дел.

Иван Павлович уже стоял в дверях. Широко открытые глаза горели, неожиданный румянец выдавал крайнее возбуждение:

– Неужели это случилось?

Жена испуганно опустилась на стул, схватилась за сердце ослабевшей рукой.

– Анечка, Россия спасает Донбасс! Спецоперация!

– Господи! – вдруг перекрестилась Анна Нифантьевна. – Люди ж там спасения с две тысячи четырнадцатого ждали! А то ведь «незалежная» на своих, на мирных – танки! Разве кто подумать мог? Разве возможно было представить? – она побледнела. – За что? За то, что не забыли – русские они! Мало ли что Ленин со Сталиным взяли да и причислили Донбасс к Украине. Причина была: укрепить людьми надёжными, ведь в западной стороне народ разбойничал нешуточно... И вот они, донбассцы, не побоялись, на новоявленных фашистов с оружием встали...

– Так верили же – Россия к себе заберёт, как Крым, Севастополь. Ох, ликовал тогда народ! – поддерживал Иван Павлович, торопливо доставая с полки пузырьёк с валерианой. – Прими, Анечка, поберегись.

– Ваня, моё же детство там, в Ясиноватой! А её все восемь лет расстреливали! – виновато вскинула покрасневшие глаза на мужа, протягивающего ложечку с каплями.

Он прижал к груди седую голову жены, коснулся губами мягких волос:

– Помню, родная моя. И что тесть Нифантий Григорьевич воевал за Крым и Севастополь, не забыл. Бывало, ударится в воспоминания – и про то, как Западную Беларусь освобождал в тридцать девятом, и про финскую, где помощником пулемётчика в немыслимые морозы. Солдатики-то напьются для сугрева, а он на дух не переносил. Может, потому жив остался.

– А в Отечественную от ранения и трезвость не уберегла, – перебила Анна Нифантьевна. – Шестнадцать осколков! В бахчисарайском госпитале ногу отнять хотели. Не позволил.

– Так война же, не прогулка. Главное, выжил. И прожил девяносто пять! Каждому бы так, – задумчиво подытожил Иван Павлович, закрывая кран, но тут же сморщился от ноющей боли в суставах пальцев.

Из-за неё, проклятой, без любимого дела иной раз тоска одолевала. Его мастеровитые руки чувствовали, любили дерево, и оно отзывалось, превращаясь в подлинные произведения искусства. Куда ни глянь, везде хитковский труд. В белорусских музеях, на предприятиях, в учебных заведениях, в парках и на детских площадках. Про собственную дачу да квартиру и говорить нечего. Иван Павлович вздохнул, энергично потрянул руками, будто хотел сбросить с пальцев досадное, изнуряюще-болезненное нитьё, и неожиданно снова улыбнулся:

– Кремень был отец твой, ведь столько лет от боли мучился, но везде был впереди всех! Ноги покалечены, осколки во всём теле... Он же носил их в себе до самой смерти. Однажды в бане спину ему тру, а он стонет: «Ой-ё-ёй, не жми! Ой, болюча!» Гляжу, а у него из бедра железка торчит! Ну,

я и выдернул. А Григорич? С утра уже с косой! Пока мы с тобой десятые сны досматривали, он по росе – весь участок.

От Анны Нифантьевны не ускользнуло болезненное движение мужниных рук, потому теперь уже она шуршала пакетиками и коробочками в аптечке. Прищурившись, прочитала название тубика:

– Вот мазь тебе купила. Мощная, даже лошадям помогает. Неужто твоим рукам не полегчает? – и принялась сама втирать в его пальцы лекарство, которое по совету соседки приобрела в ветеринарной аптеке.

– Ну, если лошадям, – покорно подчинился Иван Павлович, – только я больше не коня напоминаю, а клячу.

– Не прибедряйся. Скоро на дачу галопом поскачешь! – обнадеживая, звонко засмеялась.

– Ага. Куда ж мне деваться, если оседлала? Вся в отца. Помнишь, как он сучья рубил, когда ты от него косу спрятала? «Где моя коса?» – «Не знаю! Отдохнул бы ты, папа, ноги пожалел!» А Григорич чуть не плачет: «Не могу без работы!» Смотрим, он перед пеньком – на коленках! Топориком машет, хворост рубит... Кремень!

– Не пил, не курил. Войну прошёл. Поколение такое, кремневое. Победители!

– Мы с тобой тоже – войну.

...Только хлопнула входная дверь за мамой, сестрёнкой и бабой Любой, которые ещё вчера обговаривали, что с утра, если погоду Бог даст, надо в поле – рожь поспела, как Ванюшка воробышком выпорхнул с печи во двор и шмыгнул в сарай. Окунулся в сумрак, пропитанный прохладным запахом свежего сена, и замер, пока глаза после яркого утреннего солнца привыкали к резкой перемене. Из узкого окошка под самой крышей луч света проникал внутрь помещения; в его потоке, словно в невесомости, медленно кружились-плавали золотые пылинки. Это было так сказочно-загадочно, что Ваня забыл, зачем сюда пожаловал. Опомившись, нырнул в сено, которое тотчас зашуршало, словно живое, нащупал под ним шершавую деревяшку и, прижимая её к груди, выскользнул из сарая. Оглянувшись по сторонам, вприпрыжку направился к бане.

По пути заметил камень, повертел в руке и решил прихватить с собой. Накануне дядя Фёдор, старший папин брат, выстругал мальчонке из обрезка доски пистолет. У Вани дух захватило:

– Пах-пах-пах! – целился в невидимого врага. – Когда немцы к нам придут, я их застрелю!

– Если немцы придут, сиди, как мышь, носа не кажи, вояка! – хмуро приказал Фёдор Ефремович. – А игрушку камушком отшлифуй, чтоб руки не занозить. Справишься сам?

– Ага, – обиженно шмыгнул носом Ванюша. Но уже через мгновение засиял: – У Кольки Рогова такого няма! И у Лёньки няма!

Сидя на пеньке за баней, он усердно натирал камнем дуло пистолета, представляя, как соседские мальчишки раскроют рты от удивления, и как потом они вместе будут играть в «войнушку», и, конечно, Ваня всех победит, потому что непременно станет красноармейцем.

Гитлеровцы появились неожиданно. Сначала затарахтели мотоциклы. Но Ванюшка был так далеко от дороги, да ещё заслонённый банной стеной, и так увлёкся игрушкой, размялся, что не слышал ни непривычных звуков, ни чужой речи. Немцев было немного, человек десять вместе с полицией, прибывшими на подводах. Они по-хозяйски заходили в хаты, выносили из них всё, что попадалось на глаза, грузили на телеги. Возле дома Хитько задержались. Полицай, юркий мужичок с лисьими глазами, подобострастно кружил перед главным немцем на присогнутых ногах, чтобы даже ростом казаться ниже и уже этим угодить хозяину.

– Вот хата что надо, господин гауптман! – заглядывая в глаза немцу, подсказывал полицай, подобно тому, как пёс, признающий вожак человека и доказывая преданность, пытается лизнуть его в лицо. – Новенькая! Хлебопекарню для гарнизона здесь развернём. Через окно буханки в машину подавать-отгружать – очень даже удобненько, господин гауптман. Здесь баба с девкой, мальцем и старухой. Так в сарайке поживут, там им и место. А пекарня знатненькая будет!

– Гут, гут! – согласился немец, брезгливо сторонясь полицая.

Издали заметив на дороге клубы пыли, Ефросинья Ивановна приказала дочери и свекрови оставаться в поле, сама же бросилась к дому. «Ванечка!» – сердце колотилось часто, словно пыталось

высвободиться от напряжённой тревоги, какой никогда не было раньше. Молва о немецких непредсказуемых бесчинствах, жестокости давно разнеслась по деревням.

– Добрались, проклятые! – она зло приговаривала на бегу, смахивая заливающий глаза пот.

Чтобы сократить путь, свернула огородами, к бане, и тут увидела Ванюшу, увлечённо натирающего камнем деревянную игрушку. Рухнула на землю рядом, обхватила ослабевшими руками:

– Мальчик мо-о-й! – тяжело дыша, запричитала отрывисто.

От неожиданности Ваня растерялся и даже попытался освободиться из материнских объятий:

– Пусти, задавишь!

– Тихо, тихо, сынок! Немцы услышат, – стремительно прикрыла его рот ладонью.

– Немцы? – ошалело просипел из-под руки Ванюшка. – Стрелять будут?

– А кто знает, что у них на уме? Бережёного Бог бережёт. Сиди тут, не высовывайся.

– А ты? – он испуганно вцепился в рукав материнской кофты.

– Посмотреть надо, что там...

Мать осторожно выглянула из-за бани, отпрянула.

– Тсс! – приложила палец к губам. – Возле хаты они.

– Страшные? – глазёнки у Ванюшки округлились.

– Очень! С автоматами.

– А у меня пистолет! Дядя Фёдор сделал, – осмелел мальчонка. – Я их пах-пах-пах!

– Глупенький, спрячь и не показывай. Разозлишь только...

ГЛАВА 3

«ОЙ, ХТО В ЛИСИ ЧУЕ, НЯХАЙ ПОРЯТУЕ...»

Ещё не закончилась программа новостей, как раздался телефонный звонок. Анна Нифантьевна первая подхватила трубку.

– Мама, вы с отцом у телевизора? Про Украину знаете? – голос у Сергея взволнованно-расстроенный. – Люди гибнут! Простые люди! Ой, не надо было начинать войну.

– Какая ж это война? Главнокомандующий ясно сказал: «Спецоперация!» Освободят, наконец, Луганскую и Донецкую области полностью. Хватит уж над людьми измываться. Демилитаризация и денацификация. Вот!

– Мама! – Раздражаясь, сын повысил голос: – Я тоже не глухой, знаю и про демилитаризацию, и про денацификацию. Но ведь люди гибнут! Одноклассница моя, вернее, с параллельного класса девочка, которая давно живёт на Украине, под Киевом, написала в Фейсбуке, что она в ужасе! Простые люди. Разве они хотели войны? За что им такие страдания?

В трубке что-то задрезжалось, зашипело, и Анна Нифантьевна решила, что связь оборвалась. Но голос Сергея раздался снова:

– Я тебе, мама, даже зачитаю: «У нас в городе в пять утра были взрывы! Не дай тебе бог проснуться от такого! Взрывы в Умани, Буче, Гостомеле. Это рядом с нами! Там наши друзья. У меня подскочило давление, плохо с сердцем, разве можно перенести такие потрясения? С пяти утра не спим. Дочка выстояла огромную очередь в банк, чтобы снять деньги, хотя бы на еду, ведь в магазинах перестали отпускать по банковским картам. А потом она, моя бедняжка, тащила на себе тяжёлые сумки. Я за это время набрала в бутылки пятьдесят литров воды. Мы уже и подвал подготовили: спустили туда ковёр, раскладушку, одежду, еду. Чудом удалось купить немного лекарств: аптеки закрыты. Но в той, что рядом с нами, вышли на работу фармацевты-добровольцы. На людей страшно смотреть, такие несчастные и перепуганные. В магазинах сразу взлетели цены, уже раскупили крупы, хлеб, мясо, колбасу. Я на следующий день отправилась туда сама, взяла самое необходимое из того, что осталось. И деньги в маркете снять с карты успела. Должны были выплатить пенсию, но пока ничего не перечислили. На что жить? Видела по ТВ, как в Киеве раздавали оружие людям, похожим на уголовников. Оружие первым попавшимся – это же ужас! Готовые мародёры! Они могут рассеяться по всей Украине! Страшно выйти на улицу... Все знакомые в Киеве попрятались по бомбоубежищам... Сейчас выступил Кличко по ТВ: с 17–00 вводится комендантский час до восьми утра. Нарушившие будут приравняться к диверсантам! Значит, ни в аптеку, ни в магазин... Даже если вдруг Россия по-

бедит, то ведь останутся только руины с выжившими, теми, кому повезло, но разоренными, нищими, голодными, полными горя...»

Сын перевёл дух и вскрикнул несчастным голосом:

– Это же война, понимаешь, мама?

– Да где уж мне понять, – тяжело вздохнула Анна Нифантьевна. Перед её глазами мгновенно появилось серое лицо гитлеровца с холодно-злыми глазами: «Den Mund halten!»¹ Она зажмурилась и отчаянно взмахнула рукой, прогоняя страшное видение:

– Не заткнись!

– Ты мне? – опешил Сергей.

Но мать словно не слышала:

– Тревожно на душе, сынок, оттого, что это, возможно, надолго. Ведь когда в сорок первом фашисты пришли, наши думали, что быстро с ними разберутся. А теперь на Украине с такими же фашистами справиться надо. У них и свастика паучья, и злоба звериная. Одно слово – нацисты! Ох, как больно: в одной стране когда-то жили, одним воздухом, по одним учебникам...

– Да при чём тут фашисты? Украина самостоятельная страна, как хотят, так и живут. Зачем было войну начинать? Там же наши люди, и они – гибнут!

– А я вот помню, что ещё при Союзе в западных районах Украины соседи друг друга опасались, потому что знали, кто есть кто: наши или не наши. Не каждую песню можно было громко спеть. Недобитые бандеровцы после сорок пятого мимикрировали – затихли, затаились, проползли на ответственные и руководящие посты. А после майдана головы подняли. Обнаглели до беспредела от власти и безнаказанности. Это ещё хорошо, что наши успели вовремя! Укрофашисты уже ядерным оружием грозили. Донбассу. Ядерным! – Анна Нифантьевна охнула и, передавая трубку мужу, схватилась за сердце.

– Что ж ты матери? – заорал он на сына. – Соображать надо!

– Так ведь я – правду. То, что думаю...

– То, что думаю! – передразнил Иван Павлович. – Упустил я тебя, сынок, упустил. Вроде голова есть, так почему не поймёшь, что НАТО четыре военных бригады планировало разместить на Украине – две сухопутные, одну морскую и одну воздушную, чтобы ядерными боеголовками – по Луганску с Донецком. По России! В декабре ещё Путин об этом узнал. А после Нового года Зеленский, уже не таясь, стал угрожать ядерными ракетами. Наступление планировал на двадцать пятое февраля. Мы опередили всего на один день!

– Папа, но там люди гибнут! – не сдавался Сергей.

– Хватит! – вдруг закричал Хитько. – На Донбассе не гибли все восемь лет? Мелко, сынок, мыслить. Во время Отечественной, знаешь, кто так же про партизан говорил? Мол, если бы не вы, люди бы не гибли. Предатели и трусы! Которые сами мышью затихорились: моя хата с краю. Только для мышей у врага мышеловок было немерено! Ладно, позже договорим. Дай маму успокоить, совсем ей плохо, – и резко бросил трубку на аппарат.

...Освобождение Донбасса советскими войсками началось после победы на Курской дуге². В это же время шло наступление на Харьков. Вермахт прилагал огромные усилия, чтобы остановить русских. Для удержания Донбасса гитлеровское командование создало укрепленные линии по рекам Северский Донец и Миус – «фронт мести за Сталинград»³. Доты и дзоты, пулемётные гнёзда, минные поля, проволочные и противотанковые заграждения, траншеи, блиндажи, ходы сообщений... В городах, посёлках, деревнях, на командных высотах – узлы обороны, опорные пункты. Вместо разгромленной шестой армии Паулюса была сформирована новая шестая, с такими же номерами соединений и полков. Дополнительно переброшены пятнадцать дивизий, в том числе четыре танковые из Донбасса.

¹ Заткнись! (нем.)

² Самое крупное танковое сражение в истории, одно из ключевых Второй мировой и Великой Отечественной войн (5 июля 1943 г. – 23 августа 1943 г.). В нём участвовали около 2 миллионов человек, 6 тысяч танков, 4 тысячи самолётов. Поражение гитлеровской армии проложило дорогу к великой советской Победе 1945 года.

³ Сталинградская битва (с 17 июля по 18 ноября 1942 года оборонительная операция и с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 года наступательная операция) – решающая, крупнейшая сухопутная битва в истории человечества, которая наряду со сражением на Курской дуге стала переломным моментом в ходе военных действий Великой Отечественной войны, в результате которых советские Вооружённые силы вырвали у противника стратегическую инициативу и удерживали её до конца войны.

Однако с каждым днём положение немецко-фашистских войск ухудшалось. И хотя они имели приказ любой ценой удерживать занимаемые рубежи, Красная армия один за другим освобождала донбасские города: Лисичанск, Люботин, Горловку, Артёмовск, Иловайск, Краматорск, Сталино¹, Мариуполь, Волноваха, Барвенково...

Трёхлетняя Анечка ничего этого не знала. Да если бы и знала, то понять, оценить не смогла бы в силу своего малого возраста. Она восседала на узлах с одежками, которые успела ухватить и бросить в тележку мать, когда немцы выгоняли их на улицу. Девочка не видела мамино лица, только спину. Согбенную спину измученной молодой женщины, волочившей тележку с ребёнком – самым дорогим грузом. Рядом шли такие же измождённые люди. Взрослые и дети. Тащили узлы, сумки, чемоданы, тележки... Их спины мельтешили перед Аничкиными глазами и далеко впереди так, что и дороги не было видно. Голова кружилась, к горлу подступала тошнота, от этого становилось ещё страшнее.

– Пить, – прошептала тихонько, почувствовав, как слиплись губы. – Пить хочу! – потребовала громче.

Мать не оборачивалась. Покачивались спины. Тяжёлые стопы сотен ног утрамбовывали песчаную пыль, но она всё равно взвивалась в воздух жёлтым туманом, забивала ноздри, мешала дышать. Девочка всхлинула и, размазывая слёзы маленькими кулачками, разревелась в голос.

– Den Mund halten! – резкий чужой голос заставил вздрогнуть.

Серое лицо немца глядело на неё усталыми, злыми глазами. И ещё десятки таких же волчьих глаз из-под запylённых пилоток, кепок, фуражек с алюминиевыми орлами и свастикой.

Отступая под упорным натиском советских войск, гитлеровцы гнали в германское рабство женщин и детей, выполняя приказ рейхсфюрера СС Генриха Гимлера: «Добиваться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожжённую и разрушенную страну...»²

Марфа Павловна испуганно метнулась к дочери, чтобы заслонить собой. Ручки тележки стукнулись о землю, один из узелков накренился и пополз вниз, девочка соскользнула следом и тут же оказалась в материнских объятиях.

– Воздух! – неожиданно пронеслось по толпе, которая вдруг качнулась и с тревожными криками стала рассыпаться по сторонам.

Анечка лежала на спине, прикрытая телом матери, и не видела ничего, кроме завораживающей сини неба, в которой клубились белые облака и щурилось яркое солнце. Нарастающий гул смешался с детским плачем, женскими воплями, лаем немецких команд, трескучим кашлем автоматных очередей, заглушая остальные звуки. Материнский голос звучал совсем рядом, но сквозь общий вой девочка, как ни силилась, не могла разобрать слов, кроме одного, которое Марфа Павловна, словно заклиная, повторяла и повторяла: «Бежать!»

Самолёты, сделав круг над дорогой, повернули назад, один из них качнул крыльями, и Анечка отчётливо увидела звёзды.

– Наши! Наши! – задыхаясь от нежданной радости, просипела вдруг севшим голосом Марфа Павловна. Подскочила с земли и, подхватив дочь, бросилась через редкий кустарник к сухой балке.

На дороге в панике беспорядочно отстреливались фашисты, но краснозвёздные самолёты, сделав разворот, снова прижимали их к земле, давая возможность женщинам и детям дальше убежать от дороги.

– А вы бейте фашистских гадов, родненькие, бейте! – прислушиваясь к гулу и немецкой стрельбе, разрешительно шептала Марфа Павловна и глубже зарывалась в сухой песок.

¹ 9 ноября 1961 года город Сталино переименован в Донецк.

² В ходе военных действий на территории Украины погибло около трех миллионов советских воинов, свыше двух миллионов украинцев были вывезены для принудительного труда в Германию во время оккупации. Полностью или частично было разрушено свыше 700 городов и 28 тысяч сёл, около 10 миллионов людей осталось без крова, уничтожено свыше 16 тысяч промышленных предприятий.

Анечке же виделось, как мама смело придавила рогатиной к земле ядовитую змею в огороде: «Бейте гадов, родненькие, бейте!»

– Ни в какую Германию мы с тобой не пойдём, донька! Спрячемся!

Короткие сумерки быстро сменились пронзительной тьмой. Она обволакивала кусты, дорогу, тела убитых немцев, дышала холодом. Марфа Павловна сняла кофту, укутала задремавшую Анечку и, уложив её на песчаное ложе, осторожно выползла из оврага. Тихо. Лишь без умолку стрекочут кузнечики да изредка вскрикивает ночная птица. От этого тишина становится ещё более властной и тонкозвонкой. Словно нет войны. «Подожду до рассвета и – домой! Хорошо бы тележку отыскать...»

Тележка, целёхонькая, валялась в кювете вверх колёсами. Марфа Павловна тащила её по вздыбленной разрывами дороге, спотыкаясь о засохшие комья глины. Пот крупными каплями катился по багровому от напряжения лицу. Шла торопко, почти бежала, не замечая усталости, не чувствуя боли в натёртых башмаками ногах.

Крепко держась ручонками за борта тележки, Анечка, по-детски смешно шепелявя, громко выводила вздрагивающим на ухабах голоском песенный припев:

– Ой, ти, Галю, Галю молодая, пидманули Галю, забрали с собою. Ой, ти, Галю, Галю молодая, пидманули Галю, забрали с собою...

– А дальше не помнишь? – улыбнулась Марфа Павловна и в полголоса затянула: – Ой, кто в лиси чуе, нехай порятуе, а хто дочок мае – нехай научае...

Ясиноватую освободили седьмого сентября сорок третьего. К пятнадцатому Юго-западный и Южный фронты вышли на линию Лозовая, Чаплино, Гуляй-Поле, Таганрогский залив...

ГЛАВА 4

СПУЩЕННЫЕ КОЛЁСА

Иван Павлович распахнул железные ворота, прищурился. После яркого света глаза отказывались различать предметы в сумраке тесного гаража. Щёлкнул выключателем, однако натужное сияние лампочки не помогло. Смирненно вздохнув, вытянул вперёд руки, наощупь двинулся к своей старенькой «лошадке».

За тягучие зимние месяцы «Opel Corsa» заждался хозяина, соскучился по шоссейной ивановской дороге, которая бежит через Большое Кашо. Он знает, если перед самой деревней свернуть вправо, в сторону озера, то по заросшей травой грунтовке можно докатить до хитьковского домика-дачи. У калитки, будто опознавательные знаки, важно почивают огромные валуны, вдоль забора высятся берёзы, ели, липы, дубы, уже очень давно высаженные Иваном Павловичем и Анной Нифантьевной. Да и без деревьев нетрудно определить хату художника – резные наличники, деревянные украшения с ходу бросаются в глаза.

Хитько повернул ключ в замке зажигания, машина с готовностью поднатужилась, кашлянула и мерно загудела.

– Жива старушка! – довольно крякнул хозяин. – Теперь бы к техосмотру подготовиться и – в дорогу!

Покрутил ручку приёмника, прогулялся по радиоволнам и остановился на российских новостях. В гараже стало заметно уютнее, словно в гости заглянул старый приятель, да и сумрак, не выдержав натиска мартовского уличного света, отступил, рассеялся.

– Надо бы масло поменять, пороги подкрасить, – озадачился Иван Павлович и прислушался.

Радио сообщало, что Зеленский отложил намеченные переговоры. Повестка ему не нравится.

А они, эти переговоры, нужны вообще? – закипая, возмутился Хитько. – Кто-то серьёзно верит, что президент Украины сам покончит с бандеровским национализмом и демилитаризуется? Нацики никого слушать не желают! Докучаевск снова обстреляли «Градом». В Николаеве под огонь попал автобус с гражданскими. Из Мариуполя не выпускают мирных, прикрываются ими, как щитом...

– О, сосед объявился! – вытирая руки ветошью, в гараж заглянул бородатый мужик, раза в два моложе Ивана Павловича, владелец дизельного внедорожника «КІА» две тысячи первого года. – Допуск на движение не получил? И я вот готовлюсь к техосмотру. Стучит что-то, как завожусь. Так громыкает, словно движок выскочить хочет.

- Подушку смотрел?
- Павлович, ты прям рентген! Как раз собираюсь проверить.
- Теперь, Толик, с запчастями будет трудно, обложил нас Запад со всех сторон, как медведя.

Санкциями.

– А не бойсь, Павлович, пробьёмся! – бородатый сдвинул набекрень вязаную шапчонку. – Слышал, что творят бандеровцы со своими? К столбу привязывают со спущенными штанами и бьют. Все, кому не лень. За мародёрство. Если с голодухи батон в магазине стянул, например. До смерти забивают. Без суда и следствия. Сам по телику видел.

Хитько помрачнел. Опустился на старый табурет, махнул рукой, указывая на стул:

– Это им привычно. Во время Отечественной националисты из УПА¹ деток к деревьям привязывали... А тебе я рад, рад, что ты – свой, против укронацистов, значит. А то ведь поразделились: «Мы против войны!» А кто за войну? Только как же остановить тех, кто давно уже реально воюет с нами?

С улицы раздался хриловатый окрик:

- Толян, ты куда подевался?
- Погоди, Павлович, меня кличут, – подхватился сосед.

Но в хитьковский гараж уже заглянул обладатель хрипотцы – худосочный парень в рабочей спецовке, с мятым пакетом, через который просвечивала бутылка.

– Во! – он приподнял пакет и показал все свои тридцать два зуба. – А я к тебе! За мир во всём мире поговорить.

– Мы как раз, Лёша, на эту тему с Павловичем...

– Во! – хрипло перебил его парень и надолго закашлялся. – Вы только не пугайтесь, это не ковид². Он уже в прошлом. Сейчас продезинфицируюсь и – никаких проблем! – поспешил успокоить мужиков и, широко улыбаясь, снова приподнял пакет: – За мир во всём мире!

– Отстал от жизни ты, наш молодой друг, – съязвил бородатый. – Война уже всех накрыла!

От этих слов Хитько даже съёжился и, поморщившись, словно от боли, поправил:

- Спецоперация!
- Бросьте, Иван Павлович, это война. С Западом и Америкой!

Алексей решительно определил пакет на стол и, манерно взмахнув рукой, возразил:

– Нет войне! Я против! Вспомните русскую литературу! Великое русское слово поддерживает мою позицию. Пришвин, Паустовский, Рубцов – вот кто научил меня по-настоящему любить Россию! Любить ти-и-и-хо, неприме-е-е-тно. Я дорос до понимания, что война, любая война – это зло, горе, смерть! Пропаганда довела нас до ненависти, до страха, до безумия! Пандемия же показала, как мы разобщены. Вакцинированные ненавидят невакцинированных, готовы их уничтожить, как тараканов, и наоборот! Не безумие ли это? Унижать, оплёвывать, оскорблять и убивать людей за язык, на котором они говорят – это возможно тому, кто принадлежит к человеческой цивилизации? Нет! И что же делать? Я нашёл ответ. Милосердствовать! Да, да! Милосердствовать! Помните «Гражданскую войну» у Максимилиана Волошина?

...А я стою один меж них
В ревящем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

Вот и я молюсь и за русских воинов, и за украинцев – за детей, женщин, за чужих и родных, чтобы как можно скорее пришёл мир! – И, воздев глаза к гаражному потолку, он рьяно трижды перекрестился.

Иван Павлович и сосед с молчаливым удивлением разглядывали Алексея, словно им явился сам автор стихотворных строк.

Анатолий снова схватился за шапку, натянул её на уши:

- Павлович, давай закроем ворота, сквозит вроде. Холодать стало.

¹ Украинская повстанческая армия – подпольная украинская военная организация в период Второй мировой войны, вооружённое ответвление Организации украинских националистов. Действовала с весны 1943 года.

² Коронавирусная инфекция (COVID-19), вероятнее всего, выведенная искусственным путём.

Хитько громко звякнул задвижкой и, возвращаясь, похлопал Лёшу по плечу:

– Молись, милосердный, дело хорошее. Богоугодное! Молитва, она и в бою помогает. Молись, раз умеешь и душа просит. Но! Не Ослябя ты, не Пересвет¹... Ну, так не всем же! – он кашлянул. – Непротивление злу... Где-то я это уже слышал...

– По-твоему, Лёша, не надо было гасить Чечню, Абхазию, Сирию, Карабах? Это же война! Там стреляют. И даже убивают! – взметнулся Толик. – И сейчас ты считаешь, надо было подождать, когда возьмут Донецк и обстреляют Россию (и Беларусь в придачу!) ракетами с ядерными боеголовками? Ждать, пока нас раздербанят? Главное, чтобы не было войны? Нет, дружок, время пришло встать по левую и по правую стороны – кто есть кто.

Побледневший Алексей отступил в тёмный угол и словно наполовину исчез, только глаза обиженно поблёскивали:

– Да ну вас! Я ж не за фашизм и не за Бандеру. Я за мир! Что вы на меня набросились? Вчера с родственником из Черкасс сцепился, сегодня вы, как коршуны...

– Так у тебя родственник на Украине? Тогда понятно, – улыбнулся Иван Павлович.

– Что вам понятно? – запетушился Алексей, даже голос вдруг прорезался. – Я его не битый час, а целый вечер уговаривал не брать оружие, не ввязываться в боевые действия...

– Ха, – перебил Анатолий, – там же навики всех подряд вооружают, даже рецидивистов и маньяков из тюрем выпустили. Нашёл, кого уговаривать! А тридцать лет антирусской пропаганды? У них же в головах реальный сумасшедший дом.

– Это точно, – вдруг согласился Алексей, – я ему одно, он мне другое. Хоть в лоб, хоть по лбу! Закончилось тем, что пообещал родственник русню резать, а меня далеко-далеко послал и заблокировал в сетях... Жалко его.

– Жалко. Но мы от них не отворачивались. А теперь поди разберись, кто чем дышит... – Хитько нахмурился. Давние воспоминания внезапно снова накрыли его...

Проснулся Ванюша от дребезга стекла. Окно разлетелось мелкими осколками. Автоматная очередь прошила стену под потолком.

– За печку! Прячьтесь за печку! – скомандовала Ефросинья Ивановна.

За окном топот, приглушённые голоса.

– Не стреляй, дурень! Немцы услышат – не поздоровится, что самовольничаем, – жёстко приказал старший из нагрянувших ночных гостей и, заглянув в окно, зычно гаркнул:

– Хозяева, мы партизаны. За коровой пришли. Открывайте хлев!

– Не дам! Не дам корову! – выкрикнула Ефросинья Ивановна из-за печи. – Дети у меня! Старуха! Только коровкой и кормимся. По миру без неё пойдём. Не дам!

Старший ухмыльнулся:

– Дура-баба! Молись, чтоб живыми остаться. Мужик твой где?

– А где все мужики, которых призвали? – осмелела женщина.

– Призвали? Так немцы же в Езерище расстреляли их, которые на фронт. Выясняли мы про твоего Павла. Нет его среди мёртвых. И в партизанах нет... И в полициях не числится. Как сквозь землю. Может, схавала где?

– Не ведаю ничего! – голос у Ефросиньи Ивановны дрогнул, она всхлипнула. – С самого начала ни весточки! Сгинул, видать... Не трогайте коровку, смилуйтесь!

Старший сплюнул, процедил сквозь зубы:

– Стёпка, сбивай замок!

Сквозь сон Ванюша чувствовал, как вздрагивают мамины плечи, слышал, как, давя рыдания, она плачет тихонько, чтобы не разбудить его и бабулю, как горько-горько вполголоса сетует на судьбу, зовёт на помощь пропавшего Павла. Видел, как, отзываясь, папка словно вырастает мощной коренастой фигурой из белого тумана над полем и машет, машет ему рукой. Широкая ладонь приближается, отчётливо видны короткие крепкие пальцы. Неожиданно, в одно мгновение, они сворачиваются в здоровенный кукиш, а рука разворачивается в сторону тех, кто уводит хитьковскую бурёнку, и грозит им...

¹ Александр Пересвет и Андрей Ослябя – воины-монахи, причисленные Русской православной церковью к лику святых. День их памяти отмечается 7 (20) сентября.

Чуть рассвело, Ефросинья Ивановна накинула кофух, влезла в валенки, закуталась в большой клетчатый платок и стала будить Ванюшку:

– Сыночек, надо коровку нашу искать. А когда найдём, ты, деточка, заплачь громче, может, они, ироды, смилуются, вернут кормилицу.

Шли торопливо, но тяжело, часто проваливаясь в снег. Мать, словно голодная волчица с волчонком, высматривала отпечатавшиеся следы грабителей.

В Дубиково она решительно постучала в крайнюю хату:

– Маруся, подружка, это я, Фрося Хитько!

Хозяйка опасливо огляделась и, убедившись, что чужих глаз не наблюдается, торопливо пропустила гостей в горницу.

– Чего шлындаешь? Не боишься одна? Ентот жа дитёнок тебе не подмога, – остановилась у порога, недоверчиво всматриваясь в школьную подругу. – Чёй-то ты лицом опухшая, зенки красные. Ревела?

– Следы привели, – озадачила Фрося.

– Якие такая следы? – опешила Маруся, даже ноги у неё подкосились. Бухнула на скамью.

– Корову у меня ночью забрали. К вам, в Дубиково, увели. Вернуть хочу.

– Сдурнела! Во сдурнела ты! Забьют жа тебе! И дитё твоё! Закопають, – запричитала хозяйка, переходя на шёпот. – Тута полицейский гарнизон. А ты – у самое пекла! Вот что. Передохните, согрейтесь и – до хаты! Если кто спросит, говори, что наведала родню.

Без коровы перебивались чем бог пошлёт. В схронах ещё была картошка, зерно. Иногда удавалось выменять что-то на молоко и масло. Весной выручали крапивные щи, ошпаренные листья одуванчика, корень дудника...

Тук-тук-тук! К крохотному банному окошку прильнуло лицо незнакомца. Ванюша с ужасом смотрел на него, забившись в угол полка, который для хитьковского семейства служил полатами, потому что банька заменила занятый немцами дом.

Тук-тук-тук... Снова царапнулся в стекло незнакомец и пригрозил:

– Открывайте, а то шпульну!

Баба Люба подтолкнула невестку, крестясь, прошамкала:

– Открой! От греха подальше... Спалюць баню, побьют усих!

– Кого ж это нелёгкая принесла? – соскочила на пол Ефросинья Ивановна.

– Можа партизаны? Хто ещё по ночам шаستاиць? – прошелестела старушка.

Ванюша не сводил глаз со страшного лица, приклеившегося к оконному стеклу. «Разве партизаны такие? Не, это чёрт забрёл к нам с болота. Как в сказке, что бабуля перед сном рассказывала», – думал он, натягивая на себя лоскутное одеяло до самого носа.

Незнакомец осветил баню, чиркнув спичкой. «Ого, спички! – завистливо отметил малыш, вспомнив, как мамка бережёт последний коробок. – А рогов не видно. И хвоста нет. Одежда на нём, не шерсть. Мужик просто. Но чего-то холод от него, глазищи чёрные, ледяные...»

– Давай одеялко! И падуху кидай! – брезгливо поморщившись, приказал незнакомец. – Нищета советская! И глядите мне, чтоб молчок, а то передавлю, как щенков!

Грабитель сверкнул железным зубом, прикрыл дверь и нырнул в ночную темень, мгновенно растворившись в ней, словно и сам состоял из эфирной темноты. Ванюша зябко поёжился, свернулся клубочком, положив голову на тонкую ручонку, но долго не мог уснуть без одеяла и подушки, которые были совсем не эфирные, а самые настоящие, согревали теплом маминых рук, когда-то с любовью сшивших лоскутки и перебравших каждое пёрышко прежде, чем поместить его в насыпку.

– Это бандит? – мальчик прижался к матери.

– Бандит. Но он ушёл и не вернётся. У нас брать больше нечего, – горько улыбнулась Ефросинья Ивановна, обнимая сына.

Ласковое тепло окутало худенькое Ванюшино тельце. Крепкий долгожданный сон скользнул на полатах, словно одеялом, незаметно накрыл с головой...

Очнувшись от воспоминаний, Хитько удивлённо огляделся. Толик и Алёшка всё ещё горячо спорили о мире и войне.

– У кого нет родственников да знакомых на Украине, тому не понять, почему я против войны! – уверенно заключил Алексей.

– У кого нет никого на Донбассе, тот не способен почувствовать чужую боль, чтобы встать на защиту с оружием в руках! – возразил Анатолий.

– Ребятки, а я вчера в Интернете случайно попал на ролик 2014 года. Одесса. Тысячи людей идут с российскими флагами, скандируют: «Мы и Россия едины! Наш язык – русский! Не пропустим фашизм!» Жена моя, Нифантьевна, как расплачется! И я, старый дурень, кулаком слёзы тру – решил, что это теперь, сейчас Одесса вышла!

Мужики замолчали. Долго виновато смотрели на вмиг поникшего старика. Толик первым нарушил тишину:

– Ничего, батя, не дрейфь! Задавим мы фашистскую гадину! Ещё жив русский дух и в Донецке, и в Одессе. Колёса, правда, спустили. Как у твоего «Опелька». Так это дело поправимое! Поднакачаем. Если надо, заклеим. А то и новыми заменим.

– Как спустили? – Хитько только сейчас заметил, что у машины действительно спущены задние колёса. – Мне ж самому не перебортировать, – он вытянул вперёд больные руки.

Переглянувшись с Толиком, Алексей ободрил:

– Так поможем! Мы же – вместе! – и, широко улыбнувшись на все тридцать два, кивнул на пакет: – А потом отметим, батя, да? За мир и дружбу между народами!

Иван Павлович вздрогнул:

– Любимый тост моего отца. Слово в слово.

– Во! – обрадовался Лёшка. – Значит, отметим?

Хитько растерянно оглянулся на Анатолия, ища поддержки:

– Вы уж без меня отмечайте. Не употребляю я, ребятки. Давняя история...

Первоклассник Ваня преданно смотрел на верного друга Юрку Михайлова, тщательно пересчитывавшего мелочь, которой под хорошее настроение одарил его отец, начальник вокзала: «На конфеты вам, мальцы! Буфет ещё открыт».

– Каких купим, подушечек или ледяшек? – нетерпеливо ждал решения сладкого вопроса Ванюша.

Юрка завёл глаза вверх, наморщил лоб, мучительно складывая и отнимая в уме копейки, и наконец многозначительно заключил:

– По бокалу пива и по пятьдесят водки!

– Чего? – испугался Ванюша, но любопытство взяло верх.

Местные мужики частенько заглядывали в вокзальный буфет и с наслаждением потягивали запретный для детишек напиток. Жёлто-коричневый, пенящийся, он напоминал и холодный чай, и газированное шипучее сидро одновременно.

Ваня с готовностью отхлебнул из тяжёлого стеклянного бокала и разочарованно сморщился:

– Фу, гадость какая! – с перекошенным лицом выскочил на крыльцо, выплюнул горько-терпкую, вонючую жидкость. Его едва не вырвало.

Юрка вышел следом и, наблюдая за другом, рассмеялся:

– Слабак ты, малой! Уметь надо! – с громким горловым звуком он сделал несколько глотков подряд, смачно причмокнул. – Давай так: мне пиво, тебе – водку!

Пятьдесят граммов прозрачной водицы казались совершенно безобидными. Просто вода!

– Глотай сразу! – учил Юрка. – Видишь, как мужики? Опрокинул – и всё!

...Ваня лежал на кушетке, его обессиленное тело содрогалось от частых рвотных позывов, цепкие спазмы безжалостно скручивали желудок и кишки, методично и гулко стучала в висках нестерпимая боль.

Бесконечно смахивая слёзы, Ефросинья Ивановна то срывалась на крик: «Ах, злодей! Гляди, что удумал! Батяка ремнём из тебя дурь вышибет! Позор-то какой перед людьми-и-и!» То, вынося в очередной раз тазик с блевотиной, горестно причитала: «Помрёт дитя-я-я! Ей-богу, помрёт!»

– С тех пор и не пью! – Иван Павлович поднял на мужиков светлые глаза.

– Ну, ты даёшь прикурить! – удивился Толик.

– А вот курить – никогда не курил. На отца насмотрелся. У нас на печке гора махорки была. Сами табак сеяли, сушили, перетирали – самосад делали. Папка дымил бесконечно. И тоже сам бросил!

Приснилось, что сидит на нём верхом медведь и давит его. На самом деле задыхался! Пошёл к врачу. Так и так, мол, чуть не помер! «Бросай курить, если жить хочешь!» Отец послушался. Дома выкурил последнюю и бросил. Как отрезал!

– Вот это да! – восхищённо присвистнул Алексей. – Но и ты, батя, не промах!

– Да что я... Если честно, то, признаюсь, когда вернулся после учёбы из Ленинграда, отец мне налил и приказал: «За мир и дружбу между народами!» Ослушаться не смог...

– Так за мир же! – радостно перебил Лёшка.

– И? – нетерпеливо ждал Анатолий.

– И снова мать бегала с тазиком... А миру и дружбе выпивка точно не поможет. Я вообще думаю, что сейчас, когда люди, дети, мирные гибнут... Когда фашизм голову поднял... Предательство это – пить! Там каждый час жизни за счастье, а здесь дни свои – пропивать?

Пока меняли колёса хитковскому «Опелю», Алексей сосредоточенно молчал, только иногда вдруг замирал, закрывая глаза, при этом губы его неслышно шевелились. «Молится, что ли?» – поглядывал на него Анатолий и только глубже натягивал на уши шапку.

Прощаясь, Лёшка вдруг смущённо попросил:

– Послушайте, я тут про Одессу...

Жив русский дух в Донецке и Одессе,
И помнят русский Запорожье, Львов...
Славяне мы! Нас Бог слепил из смеси,
В которой вера, правда, честь, любовь.

А дальше обжиг – то одно из правил,
Чтоб закалились телом и душой,
Господь, как глину, нас в огонь отправил,
И нам теперь
со злом не страшен бой.

Вернём же время совести и света,
Святую веру в силу доброты,
И пусть навеки онемеют Мета¹
И НАТО-европейские шуты!

– Ого! Так ты, браток, поэт! – бесхитростно восхитился Анатолий.

– Однако! В спорах раскрываются таланты, – удивлённо покачал головой Иван Павлович. – Глубоко в проблему зришь. Ишь, как мысль твоя повернулась! «Со злом не страшен бой... Вернём же время совести и света...»

– Да ну вас! – смутился Лёша, но глаза засветились радостно, и все его тридцать два браво блеснули на прощанье.

ГЛАВА 5

ВОЛКОВ БОЯТЬСЯ – В ЛЕС НЕ ХОДИТЬ

После двадцать четвёртого февраля жизнь Ивана Павловича резко переменилась. Конечно, он и раньше следил за информацией по Украине, не пропустил и сообщение о признании Россией Луганской и Донецкой республик. «Наконец! Слава богу!» – Не в силах усидеть на месте, вышагивал по квартире и удивлялся, как эта новость совпала с долгожданным признанием истинности Останков Царя Николая Второго и Его Детей. «О, это совсем не рядовое событие, как многим может показаться. Признание святых останков мистически судьбоносно для России! Потому что признание – это покаяние, а через него придёт прощение и мощное воскрешение Руси с постепенным восстановлением её в прежних границах. Многие захотят жить в России, да не всем будет дано, – мысленно он возвра-

¹ Социальная сеть, ранее называвшаяся Facebook (создатель Марк Цукерберг (Mark Zuckerberg), разрешила с 11 марта 2022 года публикацию постов о ненависти к русским.

щался к вековым предсказаниям святых, замирая от осознания грандиозности предстоящих событий, боясь говорить о них вслух, чтобы не спугнуть, не сглазить. – Поживём – увидим!»

Но ощущение мировых исторических перемен уже витало в воздухе, становясь вполне осязаемым. Потому и притягивал к себе сутки напролёт телевизор. Поглядывая на часы, Хитько ждал начала «Вестей» и «60 минут» по РТР, переключал на НТВ – программу «Сегодня» и «Итоги недели», на СТБ – «Военные тайны», на белорусском канале – «Правильную политику», а за полночь слушал политологов в передаче Владимира Соловьёва. В Интернете облюбовал сводки с фронта Юрия Подоляка и Михаила Онуфриенко. Поскольку же Фейсбук вёл с ними непримиримую войну, информация периодически становилась недоступной, что убедительно свидетельствовало о её правдивости. Тогда военные блогеры переселились в ВКонтакте, регулярно выдавая утренние и вечерние сводки о боевых действиях на линии соприкосновения. Кратко, чётко, конкретно, что вполне устраивало Ивана Павловича и, надо сказать, даже успокаивало. Вера в победу крепла. Хотя очень хотелось быстрого развития событий, которые развиваться не спешили.

Все восемь лет противостояния Украина, прячась за Минскими соглашениями¹, использовала выигранное время для превращения приграничной территории в мощные укрепрайоны, которые накачивались оружием и боеприпасами, а западные инструкторы лепили из нациков современных террористов, натравливая их, как немецких овчарок, на русского человека. Но к спецоперации уже подключился бесстрашный чеченский спецназ. Точечными ударами уничтожались военные склады и заводы, нефтебазы, взлётные полосы аэродромов, самолёты и байрактары, зенитные и ракетные установки. Под контроль российских войск были взяты Чернобыльская и Запорожская атомные станции, запущен водный канал в Крым, блокирован Мариуполь.

...Дощатые сходни, переброшенные через рельсы от грузового вагона к товарному перрону, раскачивались при каждом шаге. Огромный тюк плотно спрессованного сена весом сорок килограммов так и норовил нарушить координацию носильщика и сбросить его на землю. Само же человека изпод тюка и не видно, одни лишь ноги. По башмакам можно догадаться, что принадлежат они Юрке Михайлову. У Хитько же, который росточком меньше этого самого тюка, и ног не видно.

– Много ещё? – проговорило сено Ваниным голосом и закашлялось. От пыли, набившейся в нос и пытавшейся осесть во рту, першило в горле.

– Часов до семи вечера управимся, – едва отдышался тюк над Юркиными башмаками. – Ты решил уже, на что заработанные деньги потратишь? – поинтересовался он и снова закачался над сходнями.

– На Донбасс поеду!

Тюк даже присвистнул и замер, сражённый новостью. Юрка знал, что Тоня Максимова, старшая сестра его друга, уехала с мужем в Макеевку, на металлургический завод, надеясь безбедно обжиться в новом месте. Но Ваня?

Иван же давно мечтал посмотреть своими глазами огромную советскую страну, удивительную, непостижимую. Даже задумал выбрать такую профессию, при которой это будет вполне доступно – как говорится, всё по долгу службы. Но пока учёба в Ленинградском электротехническом училище, после которого можно будет распределиться хоть на край света, только призывно маячила на горизонте, громадный пульман с сеном, разверзнув своё вагонное чрево, обещал реальный заработок, которого вполне хватило бы на поездку в Донбасс. Подрядившись вместе с Михайловым на разгрузку, худенький, но жилистый семиклассник Хитько с раннего утра до дрожи в конечностях, словно тягловая лошадь, таскал и таскал тяжеленные тюки.

Антонина, не ожидавшая внезапного появления младшего брата, обрадовалась так, словно выиграла по облигации. После жарких родственных объятий, застолья и разговоров объявила безапелляционно-решительно:

¹ Соглашения, подписанные контактной группой, состоящей из представителей Украины, России и непризнанных Донецкой и Луганской Народных Республик (согласованные с руководителями Германии, Франции, Украины и России в формате «нормандской четвёрки») 5 сентября 2014 года и 11–12 февраля 2015 года в Минске с целью деэскалации вооружённого конфликта на востоке Украины, в частности, прекращения огня на территории Донецкой и Луганской областей Украины.

– С коляской мне теперь поможешь! А то её с третьего этажа, да опять на третий, да с ребёночком на руках... Замучилась! Мой-то Толик, чуть забрезжит, уже на ногах – на завод. Помощи от него, считай, никакой. Вот я одна и перебиваюсь. – И, громко чмокнув Ваню в щёку, словно маленького, счастливо улыбнулась.

Прогуливаясь по улочкам Макеевки, Иван катил коляску с племянником и замороженно крутил головой, разглядывая пирамиды терриконов, которые, будто ожившие вулканы, окружили город, дымя, вспыхивая одиночными языками пламени на крутых глеевых боках. Ветер подхватывал дымящиеся струи, гнал их вниз, и они, цепляясь за острые осколки породы, сползали мутной рваной пеленой, затмевая глубинную синь неба, подменяя её невзрачным, мутным, поганково бледно-серым. Иногда порывы ветра вместе с паром и жёлто-зелёными дымами заводских печей доносили тошнотворный серный дух, так что и слезу из глаз выгоняло против воли. Даже здания несли на себе слой специфического налёта. А деревья, листва которых должна была служить естественным воздушным фильтром, казалось, сами задыхались, изнемогая от зноя, дыма, газа, давно позабыв о первозданной изумрудной свежести.

Но люди, встречающиеся Ивану, точно не замечали того, что так его поразило. Именно шахты и огромный завод, территория которого протянулась более чем на десяток километров, были смыслом жизни обитателей Макеевки, их гордостью и надеждой всей страны. Один из самых крупных металлургических заводов Советского Союза, с самой крупной доменной печью на Донбассе, с полным металлургическим циклом.

Улочка, на которой жила Антонина и по которой прогуливался Иван, то карабкалась вверх, то устремлялась вниз, и тогда коляска с малышом норовила вырваться из рук и скатиться, набирая скорость, словно пустая вагонетка с дымящегося террикона. Пытаясь удержать доверенное ему средство передвижения с шестимесячным племянником на борту, Хитько вскочил на колёсную раму. Отяжелев, коляска, однако, не затормозила, а лишь замедлила движение, продолжая грузно катиться вниз. Ваня летел вместе с ней. Ветер лихо посвистывал в его оттопыренных ушах, мимо, отскакивая в стороны, проносились прохожие, испуганно шелестели пыльной листвой деревья, укоризненно смотрели мутные окна домов. Ребёнок безмятежно спал.

– Ух ты-ы-ы! – протяжное восхищение вырвалось из мальчишечьей груди и тут же переросло в громкий отчаянный вопль.

Правое колесо, споткнувшись о камень, неожиданно покинуло шасси на полном ходу. Коляска подскочила, перевернулась, спеленатый малыш катапультировался в придорожный песок, а Хитько со всего размаха шлёпнулся в едкую жёлто-серую пыль.

Убедившись, что ребёночек жив и невредим, лишь слегка покраснели его лобик и щёчки, царапнутые мелкозернистыми дорожными камешками, Антонина переключилась на брата, за которого, по старшинству, всегда чувствовала ответственность:

– Как такое удумать мог? Семь классов уже, а ума, словно у котёнка. Сам-то не ушибся? Локти зелёной помажь, чтобы ранки не загноились. Что я родителям скажу? – протянула пузырёк с бриллиантовой зеленью.

Иван отмахнулся:

– Вот ещё! И так заживёт.

Сестрёнка лишь тяжело вздохнула. Ещё с братишкиного малолетства у неё с матерью за него нескончаемые переживания...

– Закрой ты его в подвале! – причитая, умоляла Ефросинья Ивановна начальника Бычихинской железнодорожной станции. – Сил моих больше нет с этим неслухом! Вытворит ведь что-нибудь – без головы останется!

В Бычиху железнодорожников эвакуировали, когда началось освобождение Витебска. Михайловы поселились в немецком бетонном бункере, Хитько – в земляном. Юрка с Ваней, незамедлительно, в первый же день, обследовали близлежащую территорию. Оружие лежало прямо под ногами, вдоль бруствера, сооружённого немцами. Ящики патронов, гранат, винтовки и пистолеты, даже мины... В Городке мальчишки тоже раскручивали противотанковые, собирали тол, чтобы потом глушить рыбу. Для этого маленький Хитько усаживался на мину сверху, а Юрка крутил, вполне умело, со знанием дела. Однажды, ползая по траншеям, Ваня потянул за торчавшую из земли плащ-палатку и стал об-

ладателем автомата с круглым многозарядным диском. Однако хозяйничал недолго. Михайлов, как старший по возрасту (на целых три года!), предложил обменять на однозарядный карабин.

– По справедливости! – хитро щуря глаза, уточнил он. – Айда стрелять!

Пока Ваня открыл затвор, оттянул, выбросил гильзу и зарядил патрон, Юрка успел ударить трескучей очередью по ивовым кустам. Обломанные ветки и лиственная каша взметнулись веером, густо рассыпались, разлетевшись далеко в стороны. С вокзальных тополей рванули в небо перепуганные вороны и, кружа над деревней точно самолёты, картаво заорали, призывая на помощь: «Карр-раул! Карр-раул! Карр-раул!»

– Стреляют! – заполошно закричали бабы. – Няужò немцы возвернулись?

– Бежим! – спрятавшись за бруствер, скомандовал Юрка.

Ефросинья Ивановна не шутила, когда слёзно просила запереть сына в подвале. Надеялась, что там, в компании крыс и мышей, он беды точно не сотворит, будет у него время поразмыслить, одуматься.

– Давеча-то, – убеждала начальника, – ящик «лимонок» на берег приволок с Юркой, рыбу вдвоём глушили, пока не надоело. Потом просто так швыряли гранаты, куда придётся. Окрест всю землю вспороли! А если руки-ноги оторвёт? Или головы лишатся?

– Или кого другого головы лишат! – поддался начальник, накаляясь, закипая, багровея лицом. – До танка добрались! Танкисты, ёлки зелёные! Штаны снять да ремнём! Да чтобы сесть неделю не смогли!

– Какого танка? – обмякла Ефросинья Ивановна.

– Так в Янченках, на горе. Немецкий «Фердинант». Дулом как раз на Клюшово!

– Заряженный? – спросила чуть слышно, сама не ведая, на что надеясь.

– Что ни на есть заряженный и исправный! Так эти болваны за все рычаги дёргали, пытаюсь выстрелить. Силёнок не хватило. Не то бы по Клюшово долбанули, ёлки зелёные!

Ноги у Ефросиньи Ивановны подкосились, она медленно опустила на холодный вокзальный пол и, по-детски обхватив коленки, заплакала.

Однако предел терпения взрослых наступил лишь после истории с блиндажом.

Укрепления немцы строили так, словно готовились к ядерной войне. Толстые бетонные стены, мощные перекрытия, глубокие подземные ходы-переходы. Сдаваться русским они явно не планировали, потому и здесь, в Бычихе, недалеко от вокзала оборудовали неприступный блиндаж, который после освобождения Городка оказался бесхозным по причине полной непригодности: его затопило водой. Она никуда не уходила, вычерпать её не было возможности.

Михайлов и Хитько днями наворачивали круги, изучая вражеский объект, и уже сломали голову, изобретая способ решения водной проблемы. Когда, отчаявшись, сговорились забыть о блиндаже, Юрку осенило:

– Ваня, я нашёл! – сиял, словно светлячок. – В лесу, за болотиной, смотри! – он торжественно выкатил из кустов ржавую бочку.

Хитько озадаченно обошёл находку, мучительно соображая, отчего друг так радуется этой дырявой посудине. Но Юрке уже не терпелось выложить все карты:

– Набьём её толом, гранатами и рванём в блиндаже! Бетон лопнет – вода уйдёт!

– Ура!!! – Ваня даже подпрыгнул от восторга. Юркина идея показалась ему гениальной.

Когда бочка была набита до отказа, мальчишки повалили её на бок, подсоединили бикфордов шнур, подожгли и катнули эту огромную самодельную бомбу в блиндаж.

Землю вместе с деревней, лесочком, железной дорогой трянуло так, что не уцелело ни одного окна, стёкла осыпались, как ноябрьские листья. Сажистой тучей повалил дым, плотно заволакивая небо, словно внезапная ночь накрыла сведённую судорогой Бычиху.

Но блиндаж устоял. Ни трещинки! Хотя вода из него исчезла.

Три дня Ваня Хитько отбывал железнодорожный «арест» в подвале. Правда, не в темноте. Свет для него провели – сжалились. Маленький, щупленький, точно общипанный воробышек. Как не пожалеть?

Когда ещё семи ему не исполнилось, Антонина повела брата в школу, где училась сама, к директору Сидоренко. Пётр Яковлевич рассмеялся:

– Какой же ему первый класс? Сам махонький, да и годков мало.

– Возьмите, очень прошу! – взмолилась девочка, да так серьёзно, словно не сестра она, а мать родная. – Он же по вокзалу целый день – с винтовкой! От нечего делать. Пока мамка с папкой с работы не вернутся или я из школы, без присмотра болтается. А так – будет при деле. И я рядом.

Воспоминания настолько ярко всплыли перед глазами, что Антонина едва не расплакалась, как тогда в кабинете Петра Яковлевича. Раздражение, обида на брата, что не уберёт малыша, сломал коляску, мгновенно исчезли. Она обняла Ваню, ласково потрепала по запылённой шевелюре.

– Налей в тазик воды горячей, ополоснись! – приказала строго. – Попрошу Толика, чтобы завод тебе показал. Увидишь, как работают настоящие мужчины.

Перед грандиозностью металлургического с его огненными цехами померкли даже дымящиеся терриконовые вулканы. Королевство огня и расплавленного металла ошеломило. Он смотрел на разъявленную печную пасть и, словно заворожённый, не мог отвести взгляда. Было удивительно, как эти люди, управляющиеся с пылающими ковшами, не вспыхивают, не сгорают щепками. Искры огненными мухами разлетались по цеху и осыпали рабочих, прожигая робы и специальные рукавицы, оставляя на коже неисчезающие следы. «Вот откуда на лицах эти чёрные точки!» – догадался Ваня.

Непонятная сила притягивала его всё ближе и ближе к огню. Глаза полыхали отражённым пламенем. Жар обдавал щёки, лоб, глаза, руки.

– Уйди! Уйди! – закричал сталевар, но голос потонул в гудящем стоне печи.

Толик схватил Ивана за руку.

– Впечатлён? – гордость переполняла его, а покрасневшееся лицо сияло, как начищенная сковорода. Можно было подумать, что он не год назад переехал в Макеевку, а родился прямо на заводе.

Заметив крутящийся барабан, на который наматывался раскалённый красный провод, Иван остановился как вкопанный. Разве человек всемогущ? Как можно было подчинить себе и огонь, и металл? Мощь! Стихия! А ими управляет рабочий! Да, он защищён особой спецовкой, но она, хоть и жароустойчивая, всё равно уже словно сито, в мелких дырочках, прожжённых огненными мухами. И печное пламя бешено пляшет в чёрных стёклах огнеупорных очков. Рабочий с багрово-тёмным, вечно закопчённым лицом, несомненно, виртуозный мастер металлургических дел, но кажется, что вот-вот он вспыхнет сам. Только нет, нахлебается воды из ведра и снова, обливаясь потом, повелевает огнём и железом. И они слушаются его! А может, это и не человек вовсе, а могучий сын царя богов Зевса – Геракл?

Барабан крутился и крутился, раскалённый провод, наматываясь, таинственно сверкал, словно приручённая молния. Хитко шагнул ближе: если нельзя потрогать, так хоть рассмотреть.

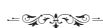
В одно мгновение неведомая сила свалила его на пол и поволокла. Огромный вентилятор, будто чудовищный паук-великан, жадно всасывал беззащитную жертву...

Когда опасность миновала, Максимов перевёл дух и набросился на шурина:

– Ваня, без приключений никак не можешь? Хоть объясни: ты за ними или они за тобой – по пятам?

– Волков бояться – в лес не ходить, – заторможенно промямлил спасённый.

Продолжение в следующем номере

Проза

Валерий Шелегов

Валерий Николаевич Шелегов – родился в Канске в 1953 году. В г. Канске окончил восьмилетнюю школу № 6. В 1969 году поступил в Томский геологоразведочный техникум. В 1972 году улетел работать в Магадан. На Крайнем Севере прошла вся жизнь. Чукотка! Посёлки Черский и Мыс Шмидта, город Певек. Работал в геологоразведочных экспедициях геофизиком. В Усть-Нере женился, работал в семидесятих годах в ВИГРЭ геологом на штольне в разведочной партии. В восьмидесятих годах служил охотоведом Оймяконского района. Работал на Индигирке старателем в золотодобывающей артели «Мир». В 1996-м вернулся на родину в Канск. Прозаик, поэт, публицист. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького в Москве. Первый рассказ «Санька – добрая душа» был опубликован в 1984 году в журнале «Дальний Восток» № 4. Автор книги: «Ленские подснежники», «Зелёный иней», «Пока горит костёр Звезды небесной», «На Индигирке», «Оймяконский Меридиан». Книга прозы «Луна в Водолее» отмечена Русской национальной премией «Имперская культура» имени Э. Володина. Член Союза писателей СССР. Живёт и работает в Канске Красноярского края.

КРОСНА

Повесть

1. Из «схронов»

В пятидесятые годы Сибирь стала наполняться ссыльными власовцами на поселение. Из лагерей освобождали побывавших в плену у немцев красноармейцев, согласившихся служить и воевать против Красной армии. Воевали предавшие пленные красноармейцы на стороне Гитлера, в армии предателя – советского генерала Власова. Остатки власовского отребья Красная армия добила в Польше. Власовцы получили большие тюремные сроки и были отправлены в советские лагеря ГУЛАГа. Летом пятьдесят третьего, после смерти Сталина, по амнистии Берии из лагерей выпустили десятки тысяч уголовников, власовцев определяли на поселение в сибирские деревни и сёла. Сельские люди не выказывали неприязни бывшим фашистским прихвостням. Но люди сторонились от общения с «врагами народа». В шестидесятые годы – по хрущёвской амнистии – власовцы уже освобождались от жительства на поселении. Большинство власовцев снялись с мест, где так и не прижились, и семьями разъехались на места, где родились. Осуждённые на Украине за службу Гитлеру бандеровцы сидели в лагерях ГУЛАГа на Колыме. По хрущёвской амнистии в шестидесятых освобождались бандеровцы из колымских лагерей и оставлялись советской властью там же на поселении.

Золотодобыча на Колыме и Индигирке в начале семидесятых мощно пошла в гору. Везли с материка на заработки вербованных. А бригадирами в артелях, добывающих россыпное золото, часто становились бандеровцы из бывших заключённых ГУЛАГа. В 70-х бандеровцам позволила советская власть возвращаться на Украину. И доходили слухи, что земляки их там часто убивали и топили с камнем на шее. Столько убийств соплеменников-украинцев бандеровцами и крови за всю историю Украины ни одно поколение украинцев не проливало, сколько пролили крови бандеровцы на Волыни, вырезав восемьдесят тысяч одних только поляков. Гуманная советская власть не уничтожила под корень это кайново племя, осудила на долгие сроки и отправила в лагеря на Колыму. Адская смесь вражды и ненависти – всех против всех! – на генетическом уровне передалась от бандеровцев их детям. Не все власовцы уехали с родителями из Сибири на родину. Годы шли мирные в СССР. Ужасы Великой Отечественной войны остались в памяти старшего поколения. Рождённые после

войны люди уже не жили воспоминаниями о войне. Послевоенные поколения вырастали, учились, строили города и осваивали космос. Но жила, жила под спудом звериная ненависть и месть за дедов-власовцев и отцов-бандеровцев в детях власовцев и отпрысках бандеровских рогулей. В советское время зверские убийства были редкостью в сибирских краях. Но минул двадцатый век. Иные времена настали. Потомки власовцев и бандеровцев набрали силу, тихой сапой оплели своими звериными удами советскую исполнительную и законодательную власть. Сговорились в Беловежской пуще иуды – предали СССР! Расчленили Родину: на Украину, Белоруссию и Российскую Федерацию. Остальные двенадцать республик и не спросили. И началась «гражданская» война, страшнее которой может быть только ядерная. Человек переродился в зверя.

Деревня Тайна поставлена переселенцами в конце девятнадцатого века на реке Кордон. До революции в семнадцатом, до гражданской войны в двадцатых годах двадцатого века деревня Тайна легла и укрепилась одной улицей по правобережью Кордона. Левые пойменные низкие берега и луга заливались полой водой и для жизни людей не годились. В гражданскую войну деревня Тайна стала центром партизанского движения Восточной Сибири против белогвардейских войск адмирала Колчака. Колчаковцы сожгли непокорную Тайну. Народ отстоял советскую власть. А на месте сгоревшей деревни Тайны советская власть вновь построила жилое поселение уже с новым названием – Кордон. Мудрить не стали при выборе имени для новой деревни, ставили дворы на берегах реки Кордон. И многолюдная, красивая строениями родилась деревня. И жила до войны с фашистами в 1941 году деревня Кордон молодая народом и многолюдная. Сибирские дивизии набирали из таких деревень, где молодцы были сильные до работы. А война – тяжкая работа по защите Отечества. Фашисты стояли под Москвой. Полегли в боях, защищая Москву, сибирские дивизии в снегах под Волоколамском, но не допустили врага к столице СССР. С военного времени затихла деревня Кордон. На третьем году войны ушли на фронт и средовеки. Некому стало приумножать село людьми – бабы да подростки тяглом в колхозе «Таёжном» и хлеб сеяли, и коров доили на колхозной ферме. Вымывалась деревня, не восполнялась новыми поколениями. И к началу двадцатого первого века совсем опустел Кордон. Несколько семей доживали свой век в Кордоне. Люди крепкие, рождённые от поколения победителей, на их детских и женских плечах послевоенная вся забота о хлебе насущном и держалась. Старшая в Кордоне жила Фима Белоусова. В этот году Фиме исполнилось в мае девяносто лет.

2. Выродки

Ночь Фима спала беспокойно. Поднималась от тёплой печи и шла в остывшую кухню к окну, будто кто её туда звал. Яркими замытыми бусинками виделись звёзды на морозном небосклоне. После дневной оттепели мороз давил прикордонную тайгу, река Кордон подо льдом грелась, ворочала плечами, лёд лопался. Фима не слышала этого ворочанья Кордона, но с молодости знала – при таком батюшке так бывает, лёд дыбится, сухо выстреливает.

«Как там Зорька? Тепло ей в хлеву? Голодная корова, телёночек под сердцем». – Фима жалела кормилицу, плакала, качала головой, слёзы замывали глаза. Оттого и звёзды в небе росисто подрагивали при взгляде на них.

Обильные капли обжигали морщинистые худые щёки, затекали в беззубую ямину на месте рта. Фима умывалась и упивалась слезами, слизывая кончиком языка их в уголках губ. Потом возвращалась от окна с видом на огород обратно на кровать, под тёплый бок кирпичной печи. И опять дремала без сна.

Блазились далёкие молодые годы. События минувшего дня она могла запомнить, но вот дальность лет и счастливая молодость каждый раз возникали в сознании будто бы только что минувший день. Молодой Васей Белоус. Голодные предвоенные годы, вши и похлёбка из лебеды от бескормицы в войну. Она боронит вспаханные поля верхом на лошадях. Ноги избиты от негожей обувки. Она ещё не замужем за Васеем Белоусовым.

Ночь. Полевая бригада из одних девчат. Чёрная ночь над полями и лесами. Огромный костёр на полевом стане. Над артельским котлом, объятый красным пламенем, высоко в темноту устремляется огненный язык. В котле кипятится одежда работниц, кипятится от вшей. Вши заедают молоденьких девчат на весенней пахоте, сколько не вываривай их. Вши и в соломе на широких нарах вагончика, где девчата зорюют. Сейчас, пока одежда кипятится в артельском котле, девчата, словно русалки, на-

гие и с развитыми волосами, отплясывают хоровод вокруг костра. Чужих глаз нет, взрослые мужики давно воюют. А подростки и малолетки из соседней бригады только поддразнивают девчат своим подглядыванием из темноты. Такое водилось. Зналось всеми. Мысленно девчатами звались эти подростки. Манились песнями, жадными женскими губами рвались сердца подростков. Норму выполняли «взрослую» и девчата, и подростки. И по-взрослому крутили любовь. Одежду вываривали раз в три дня. На большее не хватало терпения. Вши одолевали от бескормицы. От голода и бессонницы девчата падали в борону.

Не хватало терпеть разлуку более трёх дней и подросткам. Они являлись крадучись от своего стана и выскакивали на свет неожиданно, когда девчата заводились до истерики в огненной пляске вокруг костра. И хохот, визг. Подростков пленяли за руки, за ноги и кидали в реку, искупаться, чтобы знали, как зариться на взрослых девок.

Что делать, война!.. А жизнь властно брала своё. Песни, казалось, спасали от всех бед. Сейчас Фиме не шли они на память, выветрились за дальностью лет. Фиме девяносто первый год, и крепкая ещё старуха для своих годов. Но память человеческая ослабла. Знала она песен много. За голосистость и выбрал Васей Белоус неутомимую в работе Ефимью Коноплёву.

Вот с Васей и она, Фима, – во главе свадебного стола. Она в беленьком и простеньком платыишке, венок полевой вместо фаты. Васей крутоплечим валуном рядом в чёрной косоворотке под костюмом, сшитым отцом ещё до войны.

За свадебным столом все ведают, что забирают на фронт уже и ровесников Васея. Война явилась в Отечество тяжёлая и затяжная. Мужиков бьют на фронтах бесчисленно, вся молодёжь деревни почти уже выбита, во многих избах получены «похоронки» и стоном стоит плач. Забрали и зрелых совсем мужиков. Отец Фимы полгода назад ушёл в пятьдесят три года. Погиб зимой под Москвой. В семье Коноплёвых одни девки. Фима – старшая из дочерей. И решили они с Васеем, пусть хоть дитя останется, если Васея убьют. Родила она Антона. Бог уберёт от пули Васея, вернулся с фронта одним из немногих мужиков из Кордона. Всю работу тащили на себе бабы и в войну, и после войны. Вспоминать тяжело, но душе от этих воспоминаний сладостно. Горько одно: не было больше у Фимы с Васеем Белоусовым детей. Покалечила война мужика.

Поблазнилось, калитка стукнула. Радио в центре деревни гремит. Ещё не поздно по часам, но темно по зимнему времени. Для Фимы день и ночь теперь мало имеют значение.

Опять себя Фима видит молодой. Но даль эта расплывчатая. Далёкая даль – молодость, девчонкой себя помнит уже плохо. Только в девках. Любовь Васея будто бы и есть начало жизни.

И показалось Фиме, будто взмыкнула Зорька. И очнулась от грёз Фима, и упало сердце, остановилось. Показалось? От кровати, через дверь в избу, минуя высокие сенцы, с улицы слышался странный звук, идущий от хлева. Из окна кухни двор не увидеть. Ночь хоть и звёздная, но тёмная. Задрожали у Фимы ноги. Остыли, как в смертный час, не слушаются. Казалось ей, спешит быстро она делать, а пошла, шаркая галошами, мелко. Придерживаясь ладонью о стену. У дверей облачилась в телогреечку, повязалась шалью. В уголке и батожок. По дому Фима передвигается, опираясь на предметы и стену. К Зорьке на двор в хлев шла с батожком.

Сил кричать у Фимы не достало. С высокого крыльца она увидела в темноте двора страшную картину: беда под навесом хлева творится, люди чужие там, не деревенские...

«Зорька?!» – Корову вывели из тёплого хлева под навес и зарезали. Теперь свежевали, не обращая внимания на хозяйку на крыльце. Было их двое, этих молодцов. Днём они заходили в избу, предлагали Фиме продать стельную корову на мясо. Кормить корову Фиме всё равно нечем. Остатки закупленного сена неожиданно быстро подъелись Зорькой незадолго до Нового года. Оттого и горевала, плакала Фима, жалеючи голодную корову, на соломе долго не протянет. Фима была согласная отдать корову даром родной сестре – старикам Еремеевым, крепким ещё по годам и живущим в достатке. Но не резать корову. Стельная Зорька, грех резать корову с телёнком в утробе.

Ноги у Фимы отказали, и она опустилась медленно на приступок крыльца. В молодые годы Фима Коноплёва крупной молодухой была. Женщина в кости широкая. Сильные натруженные руки легко поднимали и кидали навильник лугового пахучего сена на вершину зарода. Но старость никого не щадит. И силу заберёт, и болезни, что стерегла старость для такого возраста, вернёт. Нутром небольшая, Фима мучалась ногами.

– Та шош вы, ироды, наделали?! – только и вышептала Фима бандитам.

«Ироды», будто так и положено, будто по согласию и полюбовно решён вопрос с коровой Зорькой, похохатывая, стали дразнить беспомощную старуху. Деревня пустая от жителей, кричи, не докричишься от людей помощи: пять семей всего живут в разных концах протяжённого села. Все старики. Сотня домов пустует без хозяев.

– Тебе же, бабка, предложили хорошую цену, а ты заупрямилась. Сами возьмём. Тебе деньги уже не нужны.

В центре села, в столбовом и гулком морозном воздухе, в ночи при ярких звёздах, запикало радио на высоком столбе. Колокол хрипнул и замолк.

Тишина, как при сотворении мира. Днём бандиты всё рассчитали. Знали, куда ехали. Фимин двор по эту сторону села крайний у прикордонной тайги. Днём приходил с центральной усадьбы грейдер, улицу от снега разрыл лопатой на две безжизненные половины с рядами изб без следов и тропинок ко дворам. Новый год осталось ждать недолго, и для пенсионеров председатель сельсовета нашёл возможность очистить дорогу до села и улицу. Центральная усадьба в восьми километрах на берегу Кордона. В советское время там базировался леспромхоз «Таёжный». Леспромхоза лет двадцать как не стало. Деревня на берегу реки Кордон осталась без работы. Кормятся люди доходами с подсобных хозяйств и огородов; кормит, не даёт умереть голодной смертью тайга. Глухой угол на стыке двух районов. А дальше – до Енисея! – триста вёрст петляет шиверами река Кордон в дебрях непроходимой тайги.

– Я вот щас до Еремеича дойду. – Поднялась Фима, намереваясь пройти к открытой калитке, за которой в кузовок иноземного головастика – «ироды» укладывали коровье мясо.

– Тарас! Граби, бабку. Закатаем её в коровью шкуру, – прохрипел пропитым голосом бандит дружку.

Фима всё поняла, но кричать о помощи на всё село сил уже не осталось.

Фиму Белоусову бандиты свалили на мягкую Зорькину бело-пегую шкуру, сноровисто закатали в ней старуху. С головой, так что валенки едва видны остались. Мороз быстро схватил остывающую колом сырую кожу.

3. Кросна

Пётр Еремеевич ждал ранних гостей. Сын должен приехать из Красноярска. Письмом сроки сообщил. Стоял Пётр Еремеевич у распахнутых ворот, опершись на снеговую лопату, снежный вал от грейдера раскидал, освободил проезд к воротам. О Фиме Белоусовой в добрый час вспомнил. Каждый день ходил на усадьбу к Фиме Белоусовой, корм корове давал. Дарья Митрофановна Коноплёва – жена Петра Еремеевича. До замужества младшая родная сестра Фимы Коноплёвой. Крепкая здоровьем ещё Фима и в девяносто лет. Давно бы корову Пётр Еремеевич увёл на свой двор в хлев, но своих две коровы. Обещал Фиме копёшку сена подтянуть со своего огорода. Кормами он запаса на две зимы за глаза. Не задаром, конечно, он сено отдаёт. У Фимы пенсия, деньги старухе тратить не на что. Время такое. Трактор «Беларусь» солярку жрёт, сено сам косил, хоть и трактором, всё же труд. А корову бросать Фимину на голодный постой над соломой тоже не дело. Старуха на одном молоке и держится. Сейчас, пока корова стельная, молоко ей носит его хозяйка – сестра Фимы Дарья Митрофановна.

Воткнув лопату череном в сугроб, Пётр Еремеевич подался к Фиминому двору. В такое время утра Фима всегда топит печь, и дым от крайней избы у леса как бы знак, что изба жилая и хозяйка в ней живая. Множество примет для себя старики держали в уме. И помочь им здесь, в глухом краю, кроме самих себя некому. Пронька Вертолёт и его заполошная Автолавка Верка самые и есть молодые из всех пяти семей деревни.

Одинокими бедовали только Фима да Катька Прибылиха, ещё не старая, но родом не из Кордона. Пьёт Катька Прибылиха, «стеклорез» возит из города.

Деревня людная была двадцать годов назад, многие пили тогда от безнадёги. Пётр Еремеевич работал управляющим отделением совхоза «Таёжный». Хозяин он крепкий всегда был, сына выучил на художника. Дочка директор школы на центральной усадьбе. У других стариков тоже дети в городах живут, кто-то выбился в учителя, кто-то рабочей косточкой пробивается.

Необычной всех дети у Проньки Вертолёта и Верки Автолавки: зубные врачи. Родители – алканавты распоследние, а дочери высоко взлетели. Девочек после окончания школы в деревне у родителей уже более десяти лет никто и не видел. Но верили на слово Верке Автолавке. В Канске кто-то в районной больнице зубы рвал. Подтвердил: «Работает, зубы вставляет». В деревне ты хошь профессором в прошлом будь, всё едино. День текущий кормиться надо. Огород посадить и выкопать картошку. Без мяса тоже не жизнь. Для себя и кабанчика, и бычка на мясо растишь. Пётр Еремеевич с женой в годах, многого им не надо, но для сына в город стараются, пока силы и возможность имеется. Не сидеть же сложа руки, как другие делают.

Пронька Вертолёт с Веркой Автолавкой тоже не сразу и не в один день превратились в деревенских выпивох. Пронька всю жизнь отработал в леспромхозе, лихие перемены в девяностые годы встретил пенсионером. Верка дояркой вкалывала, пока всех коров на ферме не порезали. Совхоз был подсобным хозяйством леспромхоза «Таёжный». Жили богато и многодетно, с думами и планами на будущее. А вышло вон что от «перемен к лучшему»... Смерть одна народу досталась. Хорошо ещё электричество не обрезали на столбах. В других местах и провода поснимали и продали.

Размышляя таким образом, развалисто в мягких валенках, Пётр Еремеевич достиг двора Фимы. У ворот остановился, попинал носком валенка умятый колёсный след к воротам. Ночью кто-то был, определил.

Побоище с Зорькой белым днём смотрелось страшным сном. Скаток коровьей шкуры – с Фимой внутри – поверг Петра Еремеевича на колени. Сырая коровья шкура задубела на морозе, и раскатать её оказалось не так просто. Пётр Еремеевич по годам на пятилетку младше Фимы. После войны пашню вместе подростками боронили. Дружили семьями после войны. И такая насильственная смерть?

Будто и не жила Фима на свете белом долгий свой век вечной труженицей; будто не на Фиме и таких, как она, женщинах держалась вся Россия, когда мужиков побили на фронтах. Будто не Фима родила и отдала своего сына Антона далёкому Афганистану. Целый век жил человек и обустроивал землю своим трудом и милосердием. И такая кончина.

Пётр Еремеевич сокрушённо по-стариковски бормотал, распаковывая Фиму из этого злосчастного кокона. Умерла, задохнулась, Фима в тот же час, когда бандиты завершили свое чёрное злодеяние.

«Это какими выродками надо быть, чтобы совершить подобное убийство немощной старухи. Кто их родил, этих выродков? Когда они успели такими стать?»

4. Покой и воля

Хоронили Фиму Белоусову на Шише волглым тихим днём. «Шишой» звалось кладбище, пологое место на холме, высокое над деревней; и полноводный Кордон летом, зимой виделся далеко внизу белоснежной лентой замёрзшего льда и заметённый в русле снегом. Деревня Кордон по эту сторону холма. Широкая долина полноводной реки лесистым перевалом от деревни отделена. С кладбища взору открываются и хлебные поля, в снегах по такому времени. Видится хорошо и центральная усадьба в восьми километрах. Хорошее место для вечного отдыха. Простор и воля от всех плохих и хороших дел и мыслей. Рядом с Богом, под Его приглядом.

Сырой снег приставал к подошвам валенок. Дарья Митрофановна как бы успокаивала себя и стариков своими выводами о «вечном отдыхе». Недолго и им осталось смотреть на это вольное небо, дышать вольным воздухом тайги. Век свой они прожили худо-бедно, в глаза Богу не стыдно будет взглянуть.

Декабрь вольничал оттепелью в завершение Рождественского поста. Метели закружат из Саян по Кордону в Сретенье. До перелома февраля покуражится ещё зима, а там до Масленицы, до сырной недели – белый день силы наберёт. Тогда можно и считать, что год прожит.

По хозяйской деревенской привычке Дарья Митрофановна год распределяла по делам – по крестьянскому календарю. Пока же до Нового года дожили. Фиму хоронили тёплым днём, Господь на ласку людям старым не поскупился. Обмывала летней водой покойницу и обряжала в чёрное шер-

стяное платье, приготовленное Фимой на смерть, Дарья Митрофановна. Пётр Еремеевич открепил с дверей в горницу пригвоздоханное рейками ватное одеяло. Дом построен в своё время просто, за прихожей горница. Чтобы экономить тепло, по просьбе Фимы, после смерти Васея Белоуса, Пётр Еремеевич и забил одеялом проход в горницу.

За русской печью на кухне лежанка Васея, туда и перебралась Фима после смерти старика-мужа. В старости уже нет злобы в душе на время и на плохих людей. Покорно и смиренно принимала Фима разлуку с сёстрами. Бог милостив, рядом живёт младшая сестра Дарья, рождённая на третьем году войны, после ухода отца на фронт. Васеевы родственники в городах, и никто стариками последние десять лет не интересовался, в гости не приехал. Старость обременительна для самого человека, но ещё большим бременем эта старость для тех, кто обязан старикам своим появлением на свет.

Покойница Фима скорого конца своего не предвидела. Жить она ещё могла самостоятельно до весны. Гроб пришлось делать Петру Еремеевичу. Об убиенной односельчанке немногочисленные жители села уже к обеду узнали. Горе сплачивает русских людей. Старухи прибрали от многолетней пыли горницу, протёрли влажной тряпичей стекло иконы Казанской Божьей Матери в красном углу горницы, покрыли поверх рамки белым рушником. Икона, старого письма, досталась Фиме от бабушки, которая привезла икону из «Расеи, когда ехали на новые земли обживать».

После смерти старика Белоуса в забитой горнице за дверями простояла икона при плотных ставнях в темноте пятнадцать лет. Круглый стол на точёных балясинах с центра горницы отодвинули. Поставили две табуретки под гроб.

Лампадку под иконой Дарья Митрофановна заправила подсолнечным маслом. И затеплилась лампадная светлица в полумраке над покойницей, над скорбными ликами стариков и старух.

Связи с центральной усадьбой нет никакой. Гнать свой трактор «Беларусь» Петру Еремеевичу времени не оставалось. Все заботы с похоронами легли на его плечи. Он руководил Пронькой Вертолётном во время копки неглубокой могилки на Шише. Старикам долбить мёрзлую неподатливую землю в декабре не под силу.

И гроб тесовый сколачивать кроме Петра Еремеевича тоже оказалось некому. Старики, конечно, запаслись каждый для себя домовиной заблаговременно. Но свой гроб никто не пожелал жертвовать покойнице Фиме. В голову никому не пришло.

Пётр Еремеевич много лет работал управляющим отделением совхоза, строить умел, землю знал, тайнами тайги ведал, добывал и тайменя в Кордоне, когда был годами моложе. Остальные старики тоже не безрукие, но гроб сладить не каждый возьмётся.

В заботах с похоронами Фимы Пётр Еремеевич не забывал ждать сына. Не хватало его молодых рук в столь скорбном деле.

5. Шиша

Хоронили Фиму на третий день после её гибели. И как водится, вечером приехал сын. Привёз Павел и гостя. Дарья Митрофановна сыну рада, гостя постороннего не ждала. Уморилась Дарья Митрофановна с похоронами и поминками в доме Фимы. В своём доме некогда было приготовить. Но дом Петра Еремеевича полная чаша. Из погреба поднялись и грузочки, и домашняя колбаска. Картошку отварить недолго. Перед ледоставом Пётр Еремеевич сеть ставил в протоке. Рыбы набилось, спасаясь шуги, плотно. Попалась и щука, и харюзя, сорога крупная. Ведро рыбы засалил для сына Павла.

Сына расстраивать убийством Фимы, старики решили, не станут. Ночевать сын не оставался, привёз матери и отцу новогодние гостинцы да спешил увезти таёжные гостинцы в Красноярск. Всё как-то бёгом, не по-людски, но спорить с сыном Пётр Еремеевич не стал. Машина у Павла добрая, иномарка, утром в Красноярске будут. Последний день старого года сын желал дома быть.

– Мама, ты нынче из бранки ткала? Мой товарищ купит у тебя твоё рукоделие. У него свой антикварный магазинчик в городе, иностранцы с руками отрывают старинные вещи. Рассказал ему, что ты по старинной технологии из конопля на ручных домашних кроснах ткёшь ткань, да ещё шабуры шьёшь. Он даже сам вот приехал.

– Полотенчики есть, – отозвалась от плиты Дарья Михайловна.

Лён в предгорье Саян в начале двадцатого века не знали, как он и растёт. Сеяли коноплю. Из конопляной бранки волокна теребили, потом сучили в нить на прялках, ткали из витой кудели на кроснах ткань. Ткали на кроснах из разноцветных тряпиц половики в горницу на полы. Красиво получалось. «Ткалось» полотно жизни. Домашний ткацкий станок-кросна, на котором в прошлом веке крестьяне ткали себе ткани и половики. Староверы в таёжной глубинке на Кордоне жили обособленно в деревне Федино! На кроснах ткалась ткань, как человеческая жизнь – нитка за ниткой. Узоры на ткани разные, замысловатые ткались – на это уходили дни и годы. На это уходила вся жизнь. Из конопляной бранки получалось нежное волокно, нежная и ткань, шили из такой ткани подённые женские рубахи, полотенца. Беда и выручка была конопля в крестьянском хозяйстве, без мешков под картошку при копке огородов, тканых из конопли, в хозяйстве и с места в делах не сойти.

По родителям до замужества Дарья Митрофановна была Коноплёвой. По роду передавалось «конопляное» ремесло. В «коноплю» и одевались. И масло конопляное сбивали. Шабуры шились из самой грубой конопляной ткани, с открытым воротом без рукавов. Одевались через голову и при ходьбе шуршали – шаборшились. Оттого и шаборами звались. Тёрли эти шаборы мужика во всех местах до крови.

Убирали коноплю, когда начинала поспевать лесная земляника. Жёлтенький, тонкий и долгий стебелёк без семени звался бранкой. Бранку эту от конопляного стебля обрывали, вязали в снопы и до первого снега снопы с бранкой проветривались стоймя.

В августе конопля созревала, её тоже убирали серпом. Обмолачивали семя, толкли из него масло. Стебель конопляный обрабатывался одинаково с бранкой, из волокон его ткали мешковину.

Технология изготовления из конопляных стеблей ткани – секрет передавался детям в семьях. Хитрости свои. Обязательно на Покров, и обязательно первый снег таяли в чанах в бане, вода колодезная и речная для такого дела не годилась. Снопы из бранки и стеблей рассыпали и заминали в чаны со снеговой водой. Квасили две недели, «отбеливали». После чего вынимали и «сажали снопы в горячую баню». После бани мяти костру на деревянных мялках. Чесали деревянными гребнями. Из грубых волокон конопляного стебля ткали на кроснах мешковину; из грубой бранки получалась ткань для шабуров; тоньше волоса начёска из бранки шла на прялку для полотенец и исподних женских поддёвок. Вышивала цветными нитками шабуры и полотенчики из бранки Дарья Митрофановна – глаз было не оторвать.

Павел учился в художественном училище, забирал её изделия в город. В лихие девяностые, когда всё рушилось, а деньги цены не имели, изделия матери Павел продавал через знакомых художников иностранцам за доллары, японскую валюту. В немалой степени дар Божий матери и её изделия помогли Павлу и выучиться, и стать на ноги, когда человеческая жизнь перестала стоить и копейку. А шабуры ценились. Отец купил старый трактор «Беларусь», подвеску с плугом для пахоты, сенокосилку. За горло взяло лихое время людей. Не пропадать же даром, на голую пенсию. Таёжники – народ бывалый. От тайги кормились. Выжили. Сына выучили. Людьюми остались. Не всё рублём измеряется.

Гость решил прогуляться по за вечеревшему селу. Родным есть о чём поговорить без посторонних ушей.

Ушёл.

Мешок кедровых орехов Павел брать отказался. Дарья Митрофановна отсыпала ведро орешек в плотную наволочку и завязала концы узлами. Тем временем Пётр Еремеевич поднял из погреба и отнёс в багажник машины замороженную бруснику в картонном ящике, ведро рыбы солёной, угнездили с сыном задок кабана. Мать принесла мороженое в чашках кругами жирное молоко, упаковали в коробку от импортного цветного телевизора, который привёз в подарок родителям Павел. Старый «Рекорд» давно просился на двор. Успели поговорить без постороннего человека. О смерти Фимы так и не заикнулись старики. Ночь впереди, дорога дальняя за рулём сыну. Когда ещё дома будут.

Смеркалось. Вернулся из похода по селу гость. Шабур и полотенчики из конопляной бранки он купил, не поспешил на деньги. Дарья тут же сыну и отдала. Гость поездкой доволен. Гостеприимство требовало и гостя без деревенских гостинцев не отпускать. Пётр Еремеевич выделил гостю и ореха кедрового, и мороженой брусники, и добрый пласт домашнего солёного сала.

Долгие проводы, долгие слёзы. Раз надо, поезжайте. Уехали.

Подозрительной показалась весёлость в госте после прихода его из села.

«Пронька, сукин сын! Неужели продал?» – Пётр Еремеевич направился к Фиминому двору в край тёмной улицы.

Замок на сенцах и гвоздём открывается. Был Пронька! Замок в пробое на раздвинутой дужке. Дверь в избу, забитую Петром Еремеевичем парой гвоздей, Пронька взломил топором. В избе Пётр Еремеевич запалил спичку. В горнице в красном углу на месте иконы просторно. «Ушла Богородица из села».

6. От войны до войны умирало село

В обед последнего дня старого года всё население таёжного села Кордон собралось у заколоченного бесхозного магазина. Традиция такая появилась с началом «третьей мировой войны», так обозначил войну на Донбассе Пронька Вертолёт. В лихие девяностые годы он и прозвище своё «Вертолёт» получил, за своё «летание» по селу с новостями. Верка стала «Автолавкой», она первой начала возить спирт из Канска и продавать односельчанам. Потом этот промысел перешёл к Катьке Прибылихе. Жила баба в Красноярске всю жизнь в общежитии, работала на заводе. Получила пенсию и уехала в глушь, чтобы в городе окончательно не спиться. В деревне хоть молоко беда и выручка для пьющих людей. Все болезни молоко коровье лечит. Оттого и трудно всегда было крестьянина сподить. Дома нежилые, без хозяев пустые в Кордоне – всё село. Разъехались люди, вымерли. Выбирай дом и живи. Катька обжила небольшой домик, курей в стайке держала, поросёночка стала ежегодно выращивать, молоко купить в деревне не проблема, пока хоть в одном дворе корова останется. Так все и жили, выживали. При наступившем капитализме человек стал неинтересен власти. Доживали крестьяне век двадцатый при огородах и молоке, на скудные пенсии. Не заметили в Кордоне люди, как набрал силу и жестокий двадцать первый век. Война с бандеровцами-фашистами на Украине. Война на Донбассе. Теперь круглые сутки по телевизору дикторы говорили о войне.

Высокий серебристый радиолокол на столбе гремел музыкой. Ночью навалило снега на штыковую лопату. Белизна сугробов у ворот нежилых дворов пригласила при хмуром дне. Снег поскрипывал под валенками людей. Люди стоят чёрными семечками горсточкой под столбом, беседуют, сводку с войны на Донбассе обсуждают. Петру Еремеевичу помнилась война с фашистской Германией и в сорок первом году. Так же вот собрались люди со всего села в центре у колхозного правления. Только от народа в улице тесно было. Ныне Пронька Вертолёт и Верка Автолавка отсутствуют. День тёплый и хмурый. Необычный для сурового сибирского декабря весь месяц отстоял. Корова орёт недоеная на дворе Проньки Вертолёта – возле магазина этот трубный и зовущий рёв коровы слышно.

– Им что, одним днём живут, – покачала головой на рёв коровы Дарья Митрофановна.

– Сегодня в России многие так живут. Обнищали люди. Просвета впереди не видно. Войну связали со всем вражьем миром.

– А какой ты хотела просвет от олигархов? Кто сегодня правит Россией? Олигархи и есть враги народа. Уж какая была богатая деревня Кордон! Сто дворов! Две тысячи коров на фермах. Жили как у Христа за пазухой.

Говорить о смерти Фимы избегали. Помянули вчера сдержанно, да из сердца вон такую горькую надсаду.

Пронька Вертолёт с Веркой Автолавкой выклинились из ворот своего двора, матрёшками пометили к людям у магазина. Люди ждали их. Осуждай не осуждай, а чужая жизнь – потёмки. Односельчане – родные, как бы все от самого детства. Не всегда Пронька был Вертолётком. Хоть и пьют с Верой, хозяйство не изводят. Другой раз и корова вот не доена, и поросёнок, наверное, доски грызёт, требуя комбикорма с водой.

– Автолавки, мать их так! – волоча еле ноги в чёрных подшитых валенках-бахилах, заорал ещё издалека Пронька Вертолёт. – Всё брешут? – показал на макушку столба с колоколом репродуктора. – Я бы им яички поотрывал и покрасил, этим кремлёвским мироедам. Сколько не говорят халва, а пенсия всё такая же – восемь тышш! И слаще жизнь не становится.

Автолавка шибче своего Проньки Вертолёта мотыляется, одетая в длиннополую искусственную рыжую шубу. Падает, встаёт, гребёт-таки упорно к народу.

Дым над сенцами из избы Проньки Вертолёта не сразу люди заметили. А когда дошло, что изба горит, как ахнет столб огня над крышей, будто в избе газовый котёл взорвался.

– Корову спасай!

Успели выгнать корову из хлева, поросёнка из стайки. Хорошо, что хозяйственные надворные постройки для скотины за широким двором к огороду поставлены. Зарод сена далеко в огороде стоит, искры не долетают. Избу тушить никто и не пытался. Нечем! Мигом изба сгорела, остов кирпичной печи только и остался.

– Украл, продал, сукин ты сын, икону Казанской из Фиминой избы. Вот теперь всем нам и наказание, – шипел на Проньку Вертолёта Пётр Еремеевич так, чтобы люди не услышали.

Пронька и не отнекивался. Попутал его бес с этой иконой, продал приезжавшему с Павлом человеку. И хошь бы за деньги! За водку, которую тот принёс из багажника машины. На поминках не хватило, пили с Веркой эту водку почитай всю ночь. Час назад глаза продрали, опохмелиться не успели, как понесли ноги к Прибылихе за «стеклорезом». Забыли и про Новый год, что и тридцать первое число уже на дворе. У магазина на людях только и вспомнили, что Новый год на носу.

– Та шошь это, Божечка! Та как же мы жить таперь станем? – запела-запричитала Верка Автолавка. Пьяненькая, она повесила из безалаберности махотку для рук над включенной электроплиткой с открытой спиралью. Для сковороды гвоздь в стене. Махотка сорвалась с гвоздя на красную спираль электроплитки от хлопка двери в избу, когда хозяйка удалилась из кухни на двор. Сухой избе много ли надо – искры достаточно.

– Баня не загорелась, в ней перебьётся. А то и домов пустых вон сколько. Растопляй печь и живи. Или вон в дом Фимы поселяйтесь, – рассудил здраво Пётр Еремеевич.

Рассудил и пошёл в сторону своего двора. В хмурых небесах дым от пожарища в деревне чёрным змеем вытянулся к Шишиной горе. Там, над Фиминой свежей могилой, дым обдался о невидимую преграду, закрутился, круто пополз выше Шиши грибом в небеса над долиной Кордона. И Пётр Еремеевич ахнул: в небесах дым стал терять черноту, обращаясь на глазах в паровое облако, очень похожее очертаниями на Богородицу с Младенцем на руках. Небесная икона поволновалась скорбно, будто жалея неразумных людей, и медленно растворилась в заоблачной выси.

«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы на сопротивные даря, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство».

10 декабря 2022 г.

Проза

Валерий Неудахин

Валерий Фёдорович Неудахин – родился в 1955 году в г. Бийске Алтайского края. После окончания школы связал судьбу с армией. Прослужил 28 лет, по увольнении работал в кадетской школе. Много путешествует по Горному Алтаю, в походах находит истории и легенды и рассказывает читателю. Автор семи книг. Рассказы печатались в различных журналах и альманахах. Лауреат Православной литературной премии им. святителя Макария, митрополита Алтайского (2022), победитель литературного конкурса «Югра. Это моя земля», дипломант Международного литературного конкурса Агни Барто в номинации «Проза».

ГАРМОНИСТ

Рассказ

Дед Иван стоял на пороге бани и перебирал ногами под мелодию, исполняемую на гармонии. Да и как не перебирать некогда лучшему гармонисту на селе, когда за околицей у озера слышна «хромка». Это что же за шельмец появился в нашем околотке, такие выводит коленца? Заслушается любой, а тут бывший и бессменный исполнитель. Ревность говорила в хмельной голове, и никак не мог с ней справиться старый. Он сегодня казался сам себе добрым к окружающему миру: к берёзам, бросившим на потную землю первую желтизну; к сельчанам, что копали в выходной картошку в поле; к старухам, устроившим разговорный балаган у магазина по поводу привоза свежего товара. Секрет такого благодушия объяснялся просто: удалось-таки незаметно просочиться в дальний угол огорода, где хрен листвой переваливался через плетень. А там, в потайном месте, рядом с третьим столбиком от угла, закопана в земле бутылочка красненькой. Из неё он и хлебнул от всей русской души, потому и деловито снуёт возле бани, поленницы дров, возле кадки с водой, дабы бабка не спохватилась.

Но та увязалась за кумой и, наверное, не первую сплетню у порога сельпо обсуждают. Вот и вышло ему раздолье да просветление от сумрачной временами погоды. Второй раз отхлебнул из бутылки спокойно, размеренно. Так сказать, с полным осознанием того, какое удовольствие ему выпало. Остатки запечатал пробкой и в глубину хрена опять-таки закопал. Сорвал и пососал запоздалый помидор, тронутый ранними заморозками, крикнул от удовольствия, распиравшего изнутри, и принялся топить баню.

Но главное-то, конечно, не это событие. Гармонь! Кто так уверенно выводит ноты? Отродясь такого не слыхивал. Ивана никто не в состоянии переиграть. На спор с парнями в молодости исполнял целый день без остановки, вся деревня приходила посмотреть, кто в споре прав окажется. Такие коленца выкидывал, голова кружилась от удовольствия. Победил! Девчонкам голову вскружил. У туфлей каблук отлетали, как перепляс барышни вели. Тонкий слух его поймал небольшой сбой, Иван поморщился, словно свою оплошность допустил. И тут гармонист вдарил Камаринскую, так ловко мелодия повелась, заливаясь и удивляясь звукам, издаваемым ею самой. Переборы ускорялись и ускорялись. Мелькнуло: ведь собьётся сейчас. Запереживал за незнакомого исполнителя дед, да даром. На самой верхней ноте запела и зазвенела, уводя с поляны к реке. Как он в прежние времена уводил за собой. Стихла, а спустя секунды полилась печалью: «Извела меня кручина...»

У Ивана невольно заломило пальцы в суставах, поднёс к глазам руки и внимательно поглядел. Громадные утолщения в соединениях фаланг, болящего вида подушечки, бугристая тыльная сторона, изрезанная реками и ручейками вен. От морщин и свободного места не найдётся. К тому же трясёт их

лихоманка, что ни возьмёшься делать, с трудом управляешься. Смех сказать, за стол сядешь и ложкой в рот попасть не можешь. Только морковь сеять. Какой тут – гармонь в руки взять, стоит родимая с десяток, а то и более лет на почётном месте. На комод, накрытая вязаной салфеткой.

Сколько себя помнил, столько с гармошкой и представлял. Дед передал наследство, как старшему внуку. Он и игре обучил, хитростям разным. Гармонь одна на всю деревню – пуще глаза берегли. Времена сложные выпали на молодость, борьба с международным капитализмом, с разными внутренними врагами. Простой народ понять, почто сегодня врагом стал тот, кому ещё вчера в ладоши хлопали, – не мог. Но в силу обстановки, сложившейся по всей стране, понимали: хлеб отдать надобно, чтобы станки покупать, вырваться вперёд и победить супостата. Да и кто особо сопротивлялся. Всякое упрство с властью обходилось болезненно.

Припрятут, бывало, хлебушек в ямы, в потаённых местах вырытые, надеются не помереть от голода. Придут уполномоченные государством люди и приглядываются. Как хлеб изъять? Явно попрятали. А чего присматриваться, коли все друг дружку знают и даже место схрона указать могут. Отец собрал детвору на пыльном дворе, Ивана играть заставил, а остальных детей плясать. Кто без рубахи, другие и вовсе без штанов. Сопливые и грязные, что с таких взять? Да хитры люди, что государством назначены хлеб изымать. Это понять надобно, им тоже жить хочется, не он – так его. За правило взяли: коли дети живы, не перемерли с голода, значит, есть в доме хлеб: а тут такая орава. Отцу невдомёк, а они пытаются у младшенького. Мамку с тятенькой поставили и у них на виду мальцу ручонки выкручивают, не выдержал отец – что так, что эдак изведут до смертушки. Повёл к яме в рощице берёзовой.

В тот год выжили благодаря тому, что мать схитрила и вторую ямку от отца тайком устроила. Небольшую, да запаса гороха, проса хватило, чтобы выдюжить. Хорошо, не отправили по этапу в болота Нарымские, других не миновало. Уехали люди и пропали. Спустя время вернулись некоторые, угрюмые и молчаливые.

Благодаря гармонии их семья не попала на баржу в долгий путь к Северу. Молодой председатель свадьбу праздновал, играть позвали Ивана. Ему не хотелось такого присутствия, невдомёк, чего это отец настаивает, чтобы отыграл. Только спустя годы окончательно понял, что семью глава спасал от северного свежего воздуха. После праздника записал председатель семью как активистов колхозной жизни, и случай со спасительной ямой забыт оказался.

Подсел во хмелю к молоденькому гармонисту и выдал сокровенное:

– Я ведь, Ванятка, собирался списать с баланса вашу семейку. Документы готовил на отправку на поселение. Хорошо играешь, молодец. Считаю, спас семью-то. Ну а теперь живите, разрешаю!

И налил бражки стакан, заставил выпить. То первая порция питья хмельного для мальчишки оказалась. Выпил, чтобы страх погасить, на второй день меха растягивал, хотя болела голова. С той поры, ой, сколько выпито! Нет, не злоупотреблял, он и сейчас не грешит. А тайком от Клавды, жены своей, так оттого, что беспокоится она за сердце больное его:

– Мне, Иван, без тебя жизни нет на этом свете. Как я одна? Ты побереги себя, вместе уйдём, как срок подойдёт.

Он ведь фронтовик. Почитай, всю войну протопал в пехоте от Москвы и до Берлина. Как напал немец, в военкомат пришёл, да военком завернул:

– Куда ты собрался? Что, думаешь, на парад? Крови и на твоём веку доведётся насмотреться. Не приписывай годы, на следующую осень приходи.

Не утерпел Иван, собрался и тайком, напрямки, через поля и сенокосы до станции ушёл. Там и забрался скрытно в вагон с лошадьми. Они и прикрывали его несколько дней, в сене прятался, пока не обнаружил дотошный младший лейтенант. Вывели его на станции, поставили перед большим чином, полковником, ответ велели держать, куда путь держит и как в поезде оказался. Рассказал всё как на духу, да обидно, расплакался от бессилия что-либо доказать. Военный начальник снять приказал с эшелона.

Стоит состав, дожидается сигнала на движение, в штабном вагоне на гармошке солдатик пиликает, играть учится. Попросил: дозвожь с горя напоследок сыграть вам. Взял инструмент, привычно пальцы по клавишам пробежались. «Семёновну» выдал, словно ахнул, да так, что в пляс солдатики пустились. Перебор на переборе, такие наигрыши вспомнил! Подошёл политрук:

– А можешь про войну?

Заиграл «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой...», Иван научился подбирать музыку. Чего не исполнить? Лица людей преобразились, сгрудились возле гармониста. Хором запели. Полковник на просьбы политрука махнул рукой:

– Под твою ответственность!

И поехал Иван на фронт, Родину защищать. В морозы и в жару, в дожди и в метели топал, выполняя свою солдатскую работу. Не стеснялся пулям кланяться, но и не прятался за последний бугорок. Награды имел, на особом счету у командования числился. Оказался в разведке. Уйдут иной раз в тыл, обратной дороги не видно. Ходят по вражьи позиции, дома потеряют давно, только по радиации сведения получают.

А как выберутся к своим, гармошка зазвучит в землянке – и печаль и удасть выскажет окружающим берёзам да осинам, привет песенный посылает домой вместе с треугольником полевой почты. Сам Иван петь не умел. Вернее, умел, но голос отсутствовал. Заиграет, и инструмент будто бы словами разговаривает. А бойцы пели! Вспоминая перелески, поля и огороды родных деревень: у кого попавшие под оккупацию, у кого – в далёком тылу. Пели с печалью о любви, оставшейся дома на тяжёлой работе. Оно понятно, и на фронте тяжело, да бабёнок жалко: надорвутся, а им ещё рожать, чтобы детьми численность населения страны поднимать.

Дошёл до столицы вражеской, ни разу не ранен. Видно, хорошо за него матушка по ночам молилась, поклоны на праздничный угол отбивала, иконы-то в доме сильно не разместишь. Тогда деревни в рощах и в лесах молились. Оплакивали павших, здоровья желали стоявшим в строю, терпели! Терпели! Будь Иванова воля – над каждой избой поставил бы купол и ангелов попросил летать.

Отыграл на ступенях рейхстага, отплясали на радостях товарищи по оружию, да просто война не прошла мимо. Собирались домой, а пришлось на Дальний Восток мимо дома проехать, самураев бить. На востоке-то пуля и достала Ивана. Несерьёзно, но пришлось отлежать в госпитале, чтобы домой отремонтированным вернуться. А когда отступило дневное светило, порвала сумерки мелодия. Всё село ощутило – гармонист вернулся. Зимой на вечерках играл: днём трудился, а к вечеру зазывали поиграть. Соскучился народ по нормальной жизни да по песне русской, что душу перевернёт своими напевами.

Там и заметил Клавдию. Худенькая, после войны сильно справных не найдёшь, а эта подавно светится. Плясать любила, всякого в переплясе утомит. С Иваном завязались отношения, ни на шаг не отходит, прислонится головой к плечу, у гармониста сердце замирает. Изредка не выдержит, посмотрит жалостливо в глаза, испросит разрешения: припустит в пляс, не остановишь. Мужиков в деревне мало осталось, только деды на завалинках сидят. За фронтовиками увивались, на женитьбу рассчитывая. Но на всех не наберёшь, на поле боя остались. Бабёнки встречались, которым и минуточки счастья в достатке, большего не просили. Но Иван любил свою ненаглядную, не смел её обидеть не только отношениями на стороне, даже взгляда косоногого на холостячку не позволял себе.

А что? Дружно прожили, дети в городе, дед с бабкой на лето внуков принимают. Только не смог Иван передать искусство игры на гармони по наследству. А сейчас поздно, сам боится в руки взять, стоит теперь на комоду – не тронута, не обласкана пальцами музыканта. Хромка любимая, раньше такие северянками называли...

А в наступивших сумерках звала гармонь, полились страдания, зазывая за собой в берёзовую рощу. Деда разобрало любопытство: кто посмел переиграть старого гармониста? Он нашёл лаз в плетне, обжигаясь крапивой, пробрался и тихо подошёл со стороны. Не выходя на свет, замер. Молодые девичьи голоса чисто выводили песню, поддерживая музыканта. Кто же таков? И увидел на лавочке мальчишку лет пятнадцати, растягивающего меха и перебирающего клавиши-пуговки. Вот шельмец! Чего творит-то! Да как ловко у него получается, душа задохнулась от восторга! А новые коленца всё вырывались из инструмента, у деда покатились слеза, и он, боясь себя выдать, попятился назад к спасительному лазу.

– Ванюша, пойдём на речку, – послышался задорный голосок.

– Иван, Иван! Да ты где запропал? – звала жена...

Надо свою хромку отдать мальцу. У неё голос золотой, сейчас таких нет. Чего ей молчать в доме. Гармонь играть должна, чтобы вокруг неё жизнь радовалась!

Проза

Павел Рыков

Павел Георгиевич Рыков – родился в Москве в 1945 году. Образование – театральный режиссёр. С 1973 года в профессиональной журналистике, теледокументалист. Автор 20 поэтических, прозаических книг, драматургии. Живёт в Оренбурге, преподаёт журналистику в государственном университете.

КАНИТЕЛЬ

Ясен пень: не зря нас называли суючками. Не было места в нашей большой квартире и большом сарае, куда мы с двоюродным братом Славкой не сунули бы свои носы. Самая первая потребность человека – насытиться. Мы неостановимо росли и есть готовы были даже лишь казавшееся съедобным. О прочих фундаментальных потребностях пока не задумывались – не по возрасту. Но стремление выведывать, знать, видеть, слышать, осязать, обонять захлёстывало и только росло вместе с нами. А потому – исследовали всё, что попадает на глаза. Были, однако, безусловно запретные зоны. Во-первых, фронтовые награды родителей. Смотреть можно, но только если мама по нашим тянучим-липучим просьбам открывала заветный ящик, и награды извлекались на свет божий. Эх, как хороша вишнёвого цвета эмаль ордена Красной Звезды! А медали с портретом товарища Сталина? В порядке особого расположения мама позволяла накрыть медаль листком бумаги и, водя карандашом, проявить профиль любимого вождя.

Ещё один полный и безоговорочный запрет касался оружия. Двустволка отца хранилась безо всяких сейфов в разобранном состоянии в кобуре, за шкафом. В особой укладке – снаряжённые патроны, запасы дымного пороха и дробы, войлочные да картонные пыжи. Эх! Собрать бы ружьё, повзводить, переламывая, и пощёлкать. Но! Оружие!!! Как говорил дворовый друг и ровесник Серёжка: «Полный атас, если отец узнает». Для Серёжки полным атасом было стояние в углу коленями на горохе. Отец Серёжки – дядя Яша – слыл на весь двор бооольшим педагогом.

Однажды Славка поманил меня молча. Родителей дома не было. Дед на службе – он никогда не говорил «на работе». Бабушка Соня погрузилась в кухонные заботы, окутанная несказанным запахом пекущихся в духовке пирогов. Мы почему-то на цыпочках пошли в большую комнату, и Славка забрался бочком в простенок между печкой-голландкой и стеной. А за печкой, оказывается, был ещё один простенок, в сущности, щель размером с половину «николаевского» кирпича. И вот оттуда Славка извлёк нечто, завёрнутое в кусок чистого сурового полотна старинной выделки.

– Смотри, – сказал Славка драматичнейшим шёпотом.

Смотреть было на что! Перед нами лежал клубок металлических, ослепительно блистающих – не знаю, как сказать: нити не нити, витушки... пружинки... Нет, не знаю – слов таких не водилось в наших только созревающих головах.

– Теперь смотри! – Славка выпростал одну витушку из клубка, зажал пальцами рук оба конца и потянул. Витушка-пружинка стала растягиваться, растягиваться и превратилась в долгую блестящую тончайшую нить.

– Ух ты! – только и смог восхищённо воскликнуть я. – А мне можно?

Через несколько минут мы распустили несколько спиралек и взапуски понеслись друг за другом вокруг большого круглого стола. Нити, словно серебряные лучики, парили в воздухе. Восторженные клики и беготня достигли бабушкиных ушей. И она явилась. Несмотря на спину, изрядно искривлённую сколиозом, было в ней нечто такое, что заставляло сразу же вспоминать, что она не просто баба Соня, но София Аполлоновна. Улавливаете разницу? Мы-то её улавливали, хотя бы по тому, как к ней относились родители, дед и даже соседи, которые по особо важным случаям просили их рассудить. Наше буйство пресеклось одновременно.

– Кто взял? – спросила бабушка.

– Я! – честно признался Славка. Он знал, что его сильно ругать не будут. На стене комнаты, где мы бесились, висел в дорогой резной рамке портрет Славкиного отца – моего дяди. В ноябре 1943 года пришла похоронка и письмо командира батареи. Он описывал, как погиб и где похоронен друг Павлуша – у хутора Милый под Киевом. Славкина мать, спустя какое-то время, оставила детей свёкру и свекрови на попечение и ушла устраивать свою дальнейшую жизнь. Оттого-то Славке многое сходило с рук.

– А это от чего и для чего? – спросил я, указывая на моток.

– Это... Это... – Бабушка явно подыскивала слова. – Это канитель... Мне для вышивки.

Она и впрямь вышивала порой на пяльцах нитками мулине наволочки для подушек-думок, явно перебирая с нитками красного цвета. Забрав у нас тряпицу с клубком странных витушек, столь непохожих на нитки для вышивания, она куда-то её заныкала. Мы со Славкой погадали-погадали о происхождении клубка и увлеклись чем-то иным. Мама вечером в ответ на мои расспросы отвечала уклончиво. Папа пообещал всыпать по первое число, если мы не прекратим шарить по квартире. На том историю можно бы и закончить.

Прошло много-много лет. Умер Сталин. За ним – дед. Долго жила бабушка София Аполлоновна, но и она ушла в мир иной. В её оградку положили следом папу. Нелепо погиб Славка... А про загадочную канитель из-за печки я давно позабыл. А если бы и вспомнил – расспрашивать уже некого. Однако в конце семидесятых годов добрался я до семейных тайн, которые тщательно скрывали, оберегая нас. Как известно: во многом знании – многие печали. А тут выяснилось: скрывать, по тогдашним лютым временам, было что. Прежде всего, череду предков – военных моряков, дослужившихся до адмиральских эполет. А ещё – до бабушкиных братьев-офицеров, воевавших под началом лихого и лютого врага соввласти атамана Дутова. И её же родня из древнего рода яицких казаков, ушедшая в Персию с белым уральским атаманом Толстовым... А дедовы братья, покинувшие Крым вместе с Врангелем... А ещё брат деда – адмирал, георгиевский кавалер, бессудно расстрелянный чекистами в Петропавловской крепости. И ещё один дедов брат, утопленный всё теми же чекистами вместе с другими «бывшими людьми» на барже в Финском заливе... Бабушка, дед и отец не верили, что Зло исчезло само собой. Они не сомневались: Зло всего лишь осело, словно муть, на дно реки Времени. Но только до поры. А может в любой подходящий момент вновь быть взбаламучено. Но канитель из-за печки? Она-то здесь причём? Разглядывая старые фотографии и рисунки, бывая в музеях, нашёл её на... адмиральских эполетах. Вспомнили? Густые впечатляющие висюльки по краям эполет? На их изготовление и шла канитель. Остатки эполет мы и растребушили вместе с братом.

Зачем дед и бабушка тайно хранили эти серебряные витушечки – единственное, что оставалось от утраченного, казалось бы, навек славного прошлого нашего рода? Неужели только затем, чтобы бабушка вплела блестящую канитель в густо-красный узор своей вышивки, над которой корпела молча, думая о чём-то своём, пока пальцы ещё слушались старую женщину и глаза позволяли вдеть в игольное ушко серебряную нить?

ОТ ОДНОГО ДО ДЕСЯТИ

Как без пароля воевать и уж тем более выжить? Скажем, идёшь ты, беспечная душа, по лесу, любуешься растительным многообразием, и вдруг из кустов:

– Стой! Кто идёт? Пароль?

– Какой такой пароль?

– Стой! Стрелять буду! Пароль?

– Да отвязись ты!

Бабах! И бдительный воин отправляется в качестве поощрения на побывку к домашним харчам.

Не знаю, как это французское словечко «Parole» затесалось в русский армейский лексикон – да это и неважно. Затесалось и прижилось. И не дай бог вам не знать пароль, когда вокруг война и требуется отличить своего от чужого.

А дело было так: мы возвращались на гору в расположение «федералов» – 506-го полка Российской армии из мятежного Ведено, где хозяйничали недобитые бандиты под предводительством полевого

командира Шервани Басаева. Осенью 1995-го на недолгое время вступило в силу странное перемирие. Большая стрельба поутихла. Однако постреливали практически ежедневно. Но так – по малой, как говорят, нужде. Например, кто-то куда-то зачем-то прогуливаясь по лесу, зашёл не туда-куда. А пароля не знает...

Пароль же прост. Например, окликает тебя из-за кустов боец, а ты должен назвать цифру: от одного до десяти. Скажем, «восемь». Боец же, залёгший в карауле у пулемёта, держит в голове под каской цифру «два». Складываем – получаем в сумме «десять». Значит, свой – проходи. Не знаешь – начинает бить пулемёт в ответ на твою арифметическую ошибку по заранее пристрелянным ориентирам.

А мы припозднились с возвращением в расположение полка, хотя опекавший нас майор товарищ Андрей предупреждал: близится время «Ч», а значит, смены пароля. Но разве можно урезонить репортёра и оператора, дорвавшихся до разговора с простыми чеченцами на улице и деревенском рынке. Встречались мы и с бандитами в щегольском натовском камуфляже с оружием наизготовку. Сразу же возникла в голове строчка поэтическая: «Ведено, Ведено! Здесь оружие взведено». Но меж тем возникло и крепло понимание того, что бандиты бандитами, а люди людьми. Так, встретился вдруг почти земляк, построивший в советские времена целую улицу в одном из целинных сёл области и, несомненно, гордившийся этим – чеченцы издревле хорошие строители. И плачущие женщины, не понимающие, за что им такие мучения. И торговцы на рынке, зарабатывающие на хлеб сбытом контрабандного и контрафактного товара. И вездесущие мальчишки, лишённые школы в обычном её понимании. И средних лет крестьянин, отлучённый войной от руля трактора. Все они никак на бандитов не походили.

Возвращаться надо было петляющей лесной дорогой в гору, нависающую над селом и увенчанную ажурной башней телеретранслятора, служившего бандитам до того, как им накоматыляли, телестудией. Отсюда летели в эфир передачи, большая часть которых представляла собой видеозаписи Зикра – молитвенного мусульманского обряда, состоящего из ритмичных движений группы бородачей в камуфляже по кругу и повторения в такт слов, прославляющих Аллаха. Быстро темнело. Посыпался снежок. Мы сидели на броне под охраной двух сверхмолчаливых бойцов-разведчиков, готовых в любой момент открыть ответный огонь. И тут наш БМП встал, замолчал и обесточился. Механик-водитель высунул голову в люк и сказал: «Всё».

– Что всё? – спросил майор товарищ Андрей.

– Я же предупреждал командира, что на этом сучьем потрохе нельзя ехать. Вот он и сломался.

Стало совсем темно. Снег повалил пуще.

– Что будем делать? – обратился я к майору.

– Пешком пойдём. – И мы спрыгнули с брони в холодную, вязкую, глубокую мешанину дороги, вконец разбитой колёсами и гусеницами бронетехники. Виктор – оператор божией милостью, нагруженный тяжёлой видеокамерой с накамерным светом, обвешанный запасными аккумуляторами к ней и аккумулятором же к светильнику, тут же попытался выбраться по откосу на сухое.

– Туда не надо! – тихо, но крайне весомо произнёс один из разведчиков, до того производивший впечатление глухонемого. – Там мины.

– Всё! – сказал майор товарищ Андрей, глянув на светящиеся стрелки часов. – Смена караула, пароль поменяли. Я его не знаю. Но идти всё равно надо. Иначе замёрзнем. И мы двинулись по этой вязкой, застывающей грязище, причмокивающей и норовящей снять с Виктора его резиновые сапоги.

– Далеко ли до блокпоста? – полюбопытствовал я.

– С полкилометра, – ответил разведчик.

– Так мы подойдём и объясним бойцам, что БМП сломалась, – сказал я.

– Думаю, что нас пристрелят раньше, чем успеем подойти на расстояние разговора, – философски заметил майор товарищ Андрей.

– А мы крикнем, что мы свои, русские, – нашёл выход оператор Виктор – простодушнейший человек с характерным армянским носом и обросший бородой покруче боевика из банды Басаева.

– Тут все могут крикнуть по-русски, – улыбнулся невидимо во тьме майор товарищ Андрей. – Голосу доверия нет.

И правда, не с немцами же война идёт. Воюют люди, которые, быть может, вчера сидели за одним столом в солдатской казарме. Дудаев – президент независимой Ичкерии и вовсе генерал Советской армии. Это понимать надо. Но что с нас, штатских, взять? Приятно и легко быть бестолковым, когда до конца не понимаешь всей остроты ситуации. Однако наши военные опекуны знали: впереди блокпост и два пулемёта. А за пулемётами – бойцы, прошедшие с боями сто километров от Ханкалы до Ведено, умелые и знающие, почём фунт лиха. И между прочим, надеющиеся, как и мы, что Бог поможет им уберечься и вернуться домой. Но и мы не лыком шиты.

– Виктор! – попросил я. – Давай-ка мне наkamerный светильник.

Он открепил фонарь и передал мне. Щелчок – и сноп яркого белого света высветил дорожное месиво и заминированные кусты, растущие обочь дороги. Посветил на БМП – из люка торчит голова механика-водителя в шлеме с перемазанным лицом. А вот и «опекуны» в бушлатах и вязаных зелёных шапочках. Тут же и майор товарищ Андрей. Посветил вверх – туча, напитанная снегом, хоть рукой хватай. Теперь мы видны издалека. Темнота рождает непонятки. Непонятки – страх. А свет – это Свет. «Да будет Свет», – процитировал я Писание. И мы двинулись вперёд. Шаг, два, три, десять... Хотелось, чтобы бойцы, притаившиеся за пулемётами, уразумели: «злой чечен», как некогда написал воевавший здесь великий поэт, не пойдёт на пулемёты, освещая себя и свой путь. Хотя военным уловкам окорота нет. О, путь этот оказался самым долгим за всю мою жизнь. Ибо кто знает – не следят ли за нами из темноты бородатые любители прогуляться по тёмному лесу с автоматами в руках? А для таких предположений были основания, если судить по настороженности молчунов-разведчиков. Больше прочего я боялся, однако, только одного: аккумулятор может раньше времени разрядиться и фонарь погаснет. Но обошлось – не подвела импортная техника. Тем не менее задолго до приближения к блокпосту майор звонким «командирским» голосом назвал себя и потребовал, чтобы бойцы вызвали начальника караула. Дальше всё было просто, и мы вскоре оказались на своей территории. Только зубы малость постукивали от холода или... от пережитого напряжения. «Опекуны-разведчики» растворились во тьме. А мы очутились в палатке офицеров-сапёров, с которыми недавно вместе прилетели в Чечню. Нас поздравили с успешным возвращением без потерь. А потом угостили чем бог послал. А послал сапёрный бог остывшую гречневую кашу и тепловатую водку – по стакану на нос. Здесь же мы и уснули на деревянном помосте, застеленном ковром. Заснули крепко. Но среди ночи дважды по команде переворачивались с боку на бок потому, что лежали с сапёрами, приютившими нас, впритирку. Но ничего: в тесноте – не в обиде.

Утром я вышел из палатки. Куда делась вчерашняя снежная туча – неведомо. Как и не бывало! Из-за гор уже выкатило солнце. Наибелейшие снежные папахи, надвинутые по самые брови сурово глядящих гор, сверкали под его лучами. Небо было невиданной голубизны, какой не увидишь в степных краях, где вечный ветер развеивает и несёт невесомый прах. Внизу, глубоко под горой, тянулись вверх дымы от домашних очагов Ведено. И так хотелось жить. Просто жить – и всё! И не считать от одного до десяти шагов по жизни, отпущенные тебе Всевышним.

Проза

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – поэт, прозаик, публицист.

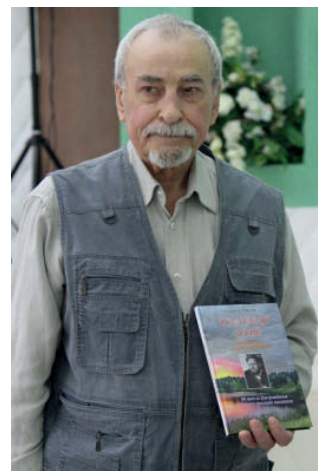
Родился 21 марта 1950 года на станции Пожитово Высокоского района Калининской области – ныне Торжокский район Тверской области в семье железнодорожников. Окончил с серебряной медалью среднюю школу № 35 г. Торжка. Трудовой путь начал литературным сотрудником в редакции объединённой районной газеты «Маяк коммунизма» г. Торжка Калининской (ныне Тверской) области. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета.

Отработал в печати более 40 лет, в том числе собкором газет «Правда», «Труд» – на Южном Урале (Оренбург), в Вологодской, Новгородской, Архангельской областях, республиках Карелия и Коми.

Первую книгу – «Я здесь живу...» (очерки о людях деревни) – выпустил в 1982 году в издательстве «Московский рабочий». В настоящее время издано 35 книг поэзии, прозы, публицистики.

Публиковался в журналах: «Берега», «Север», «Москва», «ЛАД вологодский», «День и ночь», «ДОН новый», «Врата Сибири», «Пятницкий бульвар» и других. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов, в том числе: лауреат журнала «Берега» за 2022 год (номинация проза), лауреат Международной Литературной премии Главы Республики Карелия «ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА» им. Г. Р. Державина за 2022 год (номинация литературоведение), лауреат ФИЛОФЕЕВСКОЙ литературной премии за 2022 год за книгу прозы «Яблоки небесные» (Архиерейская Грамота Митрополита Тобольского и Тюменского Дмитрия, медаль Святителя Филофея).

С 1987 года живёт и работает в Вологде.

ПЕРВЫЙ ШАГ НА ГОЛГОФУ

Повесть

...суд над Христом произвёл большее впечатление в мире,
чем все и всякие суды вместе.

Протоиерей Иоанн Восторгов

Час первый

В окна потянуло вечерней прохладой.

Южное солнце падало за горизонт. Тихие лучи, медленно угасая, скользили по нагретым за день скромным глинобитным домам, причудливым дворцам и невозмутимым синагогам шумного Иерусалима.

Шёл восьмой час пополудни, но темнота, опускаясь с холмов, уже накрыла город.

Стуча сандалиями, обутыми на босые ноги, по жёлтым камням узкой дороги быстро шагал молодой еврей Мисаил. Порой он припускал и трусцой; всякий видел, что он спешил. Чёрный хитон и синяя повязка на голове выдавали в торопливом парне официального служку. Мисаил состоял посыльным в Синедрионе.

Свернув в переулок, посыльный остановил шаг у третьего дома по левой стороне. Двухэтажное каменное строение с большими окнами, балконами. У входа – терраса, увитая густым тёмно-зелёным виноградником. Она казалась безжизненной.

Мисаил нетерпеливо дёрнул за тяжёлое кольцо на двери забора. На звон вышел слуга.

– Проводи к хозяину, – попросил посыльный, – я из Синедриона!

Слуга распахнул дверь и дал знак следовать за ним.

В прохладной глубине террасы на ковре сидел, поджав ноги, хозяин, торговец лет сорока на вид. Он держал лавки и караваны в Иерусалиме, Галилее и Вифании. За благосклонное отношение к партии фарисеев его некоторое время назад избрали судьёй.

– Ваша честь! – Мисаил сделал поклон. – Вы обязаны срочно, с минуты на минуту, прибыть в судебное заседание.

– Что я слышу! – удивленно протянул Никодим. – Не помню случая, когда бы евреи собирали суд ночью. Уж ночь на дворе – посмотри! Не хлебнул ли ты вина через край?

– Не извольте иронизировать, ваша честь, – возразил посыльный. – Я передаю личное повеление первосвященника Каифы.

– Каифы? – изумился Никодим и втянул голову в плечи. – Куда прибыть?

– К дому Анания, желательнее быстрее...

– Сейчас иду!

Когда посыльный ушёл, Никодим сильно разволновался. Повеление кого-либо другого он бы и рискнул не исполнить – такой имел характер. Но послушаться первосвященника, восседавшего в Иерусалиме, означало всё равно что подписать себе смертный приговор.

«Что за срочность такая?» – неотвязно думал Никодим.

Ладони у него от волнения вспотели, и пальцы плохо слушались. Никодим кое-как оделся в просторную мантию и поспешил с террасы.

Проходя мимо величественного здания Синедриона, судья отыскивал глазами кого-нибудь из знакомых. Ему захотелось с кем-нибудь пообщаться, обсудить срочный вечерний вызов. Но площадь перед Синедрионом была зловеще пустынной.

Только факелы, горящие в вечерний час, освещали вход в здание, где на мраморной плите большими буквами сияло высеченное древнее изречение: «СИНЕДРИОН, РАЗ В СЕМЬ ЛЕТ ОСУЖДАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕКА НА СМЕРТЬ, НЕ ЕСТЬ СУДИЛИЩЕ, А ЕСТЬ БОЙНЯ!»

Отвращение к смертной казни разделял и Никодим. «Ну, уж я-то, – сказал он сам себе, прочитав в очередной раз надпись на плите, – никогда не отдам своё мнение за смертный приговор обвиняемому!»

Дом отставного первосвященника Анания, близкого родственника правящего первосвященника Каифы – его тестя, являл дворец из нескольких просторных палат, соединённых между собою. В разных местах дворец освещали факелы. Перед входом, прямо на улице, гудела разношёрстная толпа. Никодим с удивлением оглядывал это вечернее сборище.

Здесь были стражи из охраны еврейских синагог, римские воины, служившие в Иерусалиме, несколько важных раввинов, представители богатых и знатных граждан города, а также простые жители и даже бродяги, которые, не стесняясь, потягивали вино из глиняных фляг...

Многие держали в руках длинные крепкие колья, или дротики с наконечниками, или мечи и кинжалы. Казалось, только брось клич, и толпа ринется вперёд, кромсая всё на пути.

Никодим подпрыгнул от радости, когда увидел у забора, в отдалении от толпы, своего знакомого – Иосифа, тоже новоиспечённого члена Синедриона.

Подошёл к нему.

– Что происходит? – обратился он к Иосифу. – Зачем вызвали?

– Хотят наложить руки на проповедника Иисуса из Назарета, – пояснил Иосиф. – Он находится где-то в пригороде. Вот и пожелали использовать момент, пойти толпой...

– На Иисуса? За что? – Никодим был поражён.

– Послушай, Никодим! – досадливо поморщился Иосиф. – Спроси о чём-нибудь другом, о чём-нибудь простом...

Живо вспомнил Никодим, как около года назад познакомился он с Иисусом возле синагоги, когда Тот говорил поучение народу. Никодима потрясла речь Иисуса. Ничего подобного он ни от кого не слышал, хотя объездил немало земель и был в странах за пределами Иудеи.

Покорённый обаянием проповедника, желая завести с ним дружбу, Никодим уговорил Иисуса прийти в дом и назвал адрес. Чтобы уберечь Никодима от нежелательных последствий со стороны фарисеев, Иисус тайно, в сопровождении двух учеников, вскоре пришёл к Никодиму.

Встреча будто обожгла душу торговца. В ушах его всё звучали слова, обронённые Иисусом: «Друг мой! Евреи ожидали Мессию, чтобы его силой возобладать над всем миром и положить все народы

к ногам своим, – взгляд Иисуса излучал сильный свет, Никодим зажмурился от боли. – Этого никогда до скончания века не будет! В их душах и сердцах вместо Бога – чрево и золото! Я – Мессия, и Отец Мой Небесный так сказал. Я пришёл спасти заблудших овец стада Израилева, и всякому достойному будет наградой Мое Царствие Небесное, которое не от мира сего...»

– Ни за что я не пойду на Иисуса! – возмутился Никодим. – Даже если бы мне заплатили много тысяч сребреников...

– И я не пойду с толпой, – поддержал Иосиф.

Молодых судей окликнули и позвали в дом Анания.

...Далеко в глубине Гефсиманского сада, прикрытый пышными смоковницами и пальмами, стоял особняк молодого учёного-аристократа Марка Озалия. В тот час юноша был в имении. Он возлежал на террасе и при свете ночника читал изречения из древнего еврейского судебника под названием «Мишна».

Марк помнил, что в другой части сада отдыхал Иисус с учениками. Аристократ ожидал, что его друзья придут заночевать. И коротал время за книгой, надеясь побеседовать с Христом о Божественных предметах.

«Без предварительного обвинения свидетелями, – гласил судебник, в который вчитывался молодой учёный, – нельзя начинать суд, в таком случае суд будет незаконным. Суд нельзя также начинать в отсутствие свидетелей. Суд обязан оградить личную безопасность подсудимого от всякого рода насилий и оскорблений...»

Вдруг шум множества шагов и людской говор отвлекли Марка от книги. Он накинул простынь и вышел в сад. Со стороны Иерусалима приближалась толпа, в руках идущих горели факелы. Марк, подгоняемый любопытством и чувством опасности за друзей, пошёл навстречу толпе.

Скрываемый темнотой, он видел происходящее со стороны.

Впереди, на небольшом расстоянии от толпы, шёл молодой Иуда. Он был в белом хитоне, глаза его лихорадочно горели. Иуда то и дело оступался на ровной дороге. Несмотря на вечернюю прохладу, его бросало в жар, и он тыльной стороной ладони, в которой держал факел, отирал пот со лба.

Только этот Иуда точно знал, зачем и куда идёт. Толпу же, похоже, не волновало местонахождение, она готова была бродить по окрестностям всю ночь.

Неожиданно Иуда в белом хитоне сделал знак рукой тем, кто шёл за ним. Они остановились. Иуда проследовал дальше, будто явился сюда один.

Навстречу ему из темноты вышел Христос. «Друг мой, зачем ты так поздно здесь?» – спросил Он.

Иуда смутился, не зная, что ответить.

– Учитель... – начал было Иуда.

Но голос его осёкся, пропал.

Он судорожно сглотнул слюну, напрягся и уже громко поприветствовал:

– Учитель! Здравствуй!

Затем Иуда подошёл и поцеловал Христа.

– Иуда, лобзанием ли предаёшь Меня? – спросил Христос.

Ученик не успел ответить Учителю, толпа быстро окружила Его. На лицах у отдельных ночных гостей застыло выражение ненависти и злобы. Громко, чтобы все слышали, Христос спросил:

– Кого вы ищете?

– Иисуса Назарянина! – крикнул один из стражников.

– Это Я! – громко ответил Христос.

Страх обуял некоторых из толпы, они упали на землю. Но, ободрённые фарисеями, поднялись. Римские воины, выполняя приказ начальства, подошли к Христу и возложили на Него руки, что означало – теперь Он арестован.

– Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня, – сказал Он. – Каждый день с вами сидел Я, уча в храме, вы не брали Меня!

Легионеры и люди из толпы ничего не ответили на замечания Христа.

Из темноты подошли ученики Христа и, видя то, как поступают с Учителем, возмутились. Пётр ринулся на защиту, выхватил короткий меч и ударил одного из стражников по имени Малх.

– Ой, ой! – закричал он, кровь брызнула из рассечённого уха. За оружие схватились и другие ученики.

– Вложи меч в ножны, – приказал Иисус Петру. – Все, поднявшие меч, мечом погибнут!

Тут же Христос подошёл в Малху, коснулся пальцами раны, мгновенно кровь остановилась, след удара мечом исчез.

Чудное воздействие Богочеловека вызвало страх кое у кого в толпе. Но римские легионеры и еврейские фарисеи, почувствовав, что сопротивления со стороны учеников не будет, впали в привычную наглость.

Они обращались с Христом так, будто Он уже давно был официально осуждён: заломили руки за спину, связали, попутно не скупясь на бранные слова.

И повели Иисуса в Иерусалим.

Потрясённый всем увиденным, Марк Озалий подскочил к главному стражнику. Показывая на Иисуса, Марк зачастил:

– Вы не имеете права арестовывать Его. Я – законник, я изучаю «Мишну». Закон требует: без письменного запроса свидетелей вы так не можете поступать с любым человеком, как поступили теперь с Иисусом. Я требую – отпустите арестованного немедленно!

Главный стражник выпучил глаза. От злости у него перехватило дыхание.

– Кто такой? – заорал он. – Эй, арестовать этого негодяя!

Двое воинов подбежали к Марку, схватили с двух сторон. С неудержимостью молодой силы Озалий рванулся от стражников.

В руках у них осталась простынь.

Час второй

Толпа вела Арестованного по дороге. Но во дворец Анания уже добежал посыльный с радостной для хозяина вестью – проповедник взят.

Вспышка глубокого удовлетворения озарила лоб седого саддукея. Потерев ладонь о ладонь, он предвкушал полное унижение Того, кто, по мнению Анания, ставил себя выше священнослужителей и всего Синедриона.

Перемену в настроении Анания заметили присутствующие в его доме. И один из них, молодой судья Никодим, осмелился спросить старейшину:

– Учитель, разве были какие-то основания арестовывать Христа?

Старый саддукей вздрогнул от наглости молодого судьи, нахмурил брови. Пристально посмотрел на него. Нагнул голову и медленно, чтобы дошло до всех, произнёс:

– А вы не слышали о Его самоуправстве? Кто дал Ему право изгонять торжников из храма? Он это сделал! Храмом распоряжается только первосвященник Каифа. И никто другой! Или вам не ведомо, что Он ходил из края в край и проповедовал какое-то «небесное царствие»? У нас царство одно – Иудея! И мы хотим, чтобы во всём мире знали, что Иудея неделимая... Или вы не ведаете, что Он объявил себя Мессией без ведома Синедриона? – называл Ананий мотивы ареста Христа. – Это уже прямое нарушение Римского закона, это уже повод говорить об арестованном Христе как об уголовном преступнике...

Краска залила щёки Никодима, будто слова Анания прозвучали в адрес купца. Забыв о рассудительности и осторожности, кои подобало соблюдать еврею в общении с начальством, молодой судья бросил запальчиво бывшему первосвященнику:

– Учитель, как можно арестовывать человека за его убеждения? Всё, что мы услышали сейчас от вас, касается именно убеждений Христа! А Иудея, о которой вы так печётесь, испокон веков славилась тем, что у нас за убеждения никого не судили. Всякий человек имел право на собственные убеждения. Свобода приравнивалась к самой жизни. Свобода и жизнь ценились одинаково высоко! Кто, зная обо всех этих традициях, посмел отдать приказание связать руки Христу?

Багровая краска пролегла по впалым щекам Анания.

– Здесь не место прениям! – резко оборвал он Никодима. – И вообще, вы должны прибыть на заседание к Каифе. Извольте немедленно туда проследовать!

После сей тирады бывшего первосвященника Никодим, Иосиф и ещё несколько судей вышли из дворца и побрели по тёмным улицам Иерусалима, где освещались только дома важных особ. Путь их лежал во дворец действующего первосвященника.

Когда «супротивники» ушли, Ананий приказал слугам, приставленным к дверям, никого не впускать во дворец. Выведенный из равновесия рассуждениями купца Никодима, старый саддукей вскоре успокоился, представляя в воображении приближающуюся минуту личного торжества над Христом. Предвкушение ожидаемой минуты наполняло сердце заостренного саддукея необыкновенным, ни с чем не сравнимым трепетом и сладостью.

Теперь, думал Ананий, он сможет отплатить Христу за то, что посрамил перед всеми иудеями посланное к Нему всенародное посольство от Синедриона.

Дело выглядело так. Саддукеи дали задание ослабить Христа лучшему оратору из фарисеев Тертилу, хотя сами и враждовали с фарисеями. Но общее дело – гонения на Христа – сплотило представителей двух еврейских партий. Тертил согласился исполнить поручение. От имени Синедриона он должен был испытать Христа как пророка. И затем, после испытания, вынести суждение о достоинствах Его, если таковые, по мнению фарисеев, отыщутся. А если не отыщутся, тогда...

Тертил самолично решил сразить Иисуса сразу и наповал. Он задал Ему вопрос в лоб:

– Кто Тебе дал власть делать то, что Ты делаешь?

– И Я вас спрошу, – не замедлил Христос, – и если ответите Мне, то Я скажу, какую властью всё творю. Итак, что вы думаете: крещение Иоанново было с небес или от человеков?

Ехидная улыбка слетела с губ Тертила. Он отошёл к посольству, долго совещался со старейшинами. Архиереи и старцы, встав в кружок, рассуждали: «Если ответим, что с небес, то скажет, почему Ему не верите? А если ответим, что от человеков, то почему народ почитает Его за святого? И так и эдак для нас невыгодно!

Тогда одного из старцев осенило: – Лучше всего в нашем положении, – изрёк он, – прикрыться незнанием. Это будет достойным ответом гордецу из Назарета!

Корыстный интерес связал язык лучшим людям Иерусалима. Они боялись гонений со стороны Синедриона и не могли перед Христом засвидетельствовать Истину.

Наконец, оратор Тертил приблизился к Иисусу:

– Мы не знаем, откуда крещение Иоанново! – почти прокричал Тертил.

– И Я вам не скажу, какую властью всё творю! – заключил Христос.

Так посольству от Синедриона на виду у собравшегося народа не удалось одержать верх над Иисусом.

Ныне, полагал Ананий, ситуация изменилась.

Отставному первосвященнику доложили: Христос во дворце. Хозяин дал знак, чтобы Его ввели в зал.

За одиннадцать лет на посту первосвященника Ананий хорошо усвоил иудейские и римские законы. Он прекрасно понимал, что в данном случае не имел права единолично допрашивать Христа. Тем более выяснять столь сложный вопрос: является ли Христос Мессией?

Внутренняя самость заглушала разум в старом саддукее. В его сознании свербила мысль, будто Христос создал «Общество тайных последователей». И вот он, Ананий, первым раскроет сию тайну и немедленно доложит властям. И возможно, получит какую-нибудь высокую награду, почести в придачу к ней.

Когда Пленника ввели, Ананий задал Ему сразу несколько вопросов: «Чему Ты учишь? Откуда Твоё учение? Сколько у Тебя учеников? Где они? Вообще, какая цель ваших действий?»

Христос понял, куда Ананий клонил. Помолчав, Он ответил:

– Я тайно ничего не говорил миру. Я всегда учил на собраниях и в храмах открыто. Что Меня спрашиваешь? Спроси тех, кто слышал, они скажут, о чём Я говорил...

Ананий побагровел. Едва сдержался, расценив ответ искусным уклонением от сути вопросов. Да, «тайну», похоже, ему, Ананию, не выведать у Него! Хозяин думал, что Пленник упадёт к его ногам, станет просить о прощении, пощаде. Так же мыслил и раболепный слуга заштатного первосвященника, он посчитал ответ Христа оскорбительным для хозяина. Желая выказать усердие бывшему владыке, слуга закричал: – Так-то Ты отвечаешь первосвященнику! – Замахнулся и ударил Христа по щеке.

Это было уже самоуправство. Законы, утверждённые Синедрионом, не допускали какого-либо оскорбления обвиняемого, а тем более грубого насилия, как в те минуты во дворце Анания. Рукоприкладство нарушало личную свободу гражданина римской провинции Иудеи – Иисуса Христа из Назарета.

К тому же суд над Ним ещё не начался. В Синедрион не поступало ни одного письменного документа, на основании которого можно было бы вести допрос или начать такой суд!

– Если Я сказал плохо, покажи, что плохо! – повернулся Христос к ударившему Его слуге. – А если хорошо, то что ты бьёшь Меня?

Великий законник Иудеи – отставной первосвященник Ананий – сделал вид, будто не заметил наглого поступка слуги, поступка, подлежащего осуждению Синедрионом. Потому что внутри хитрый саддукей кипел от гнева: ему не удалось вывести пленника из равновесия, поколебать веру, узнать тайну Его веры.

Поспешно приказал он отослать Христа во дворец к действующему первосвященнику Каифе. Отослать в том самом виде, в каком привели, – со связанными руками.

Час третий

Молодые судьи из Синедриона молча шли по тёмной прохладной улице Иерусалима.

Первым заговорил Иосиф.

– Не советую тебе, – обратился к Никодиму, – говорить у Каифы, как ты говорил у Анания. Первосвященник не простит!

– Что он мне? – вспылил Никодим. – Он что, кормит меня хлебом? Я сам кусок добываю. У Анания я не сказал главного. Всё, что затевается против Иисуса Христа, полнейшее беззаконие. У меня ощущение, что и тебя и меня затягивают в грязную лужу, в зловоние, от чего вовек не отмыться...

– Может, ты прав, – продолжал Иосиф. – Я тебе по секрету скажу. Вчера на тайном собрании саддукеев Каифа определил: «Лучше один Христос умрёт, чем погибнет весь иудейский народ». Все члены партии поддержали Каифу! Чуешь, откуда дует ветер?

Никодим кивнул.

– Я догадывался, что не обошлось без заговора. Не возьму в толк, чем Иисус не угодил Каифе? – рассуждал купец. – Пойми, Иосиф, теперь от судей всё зависит! Не захочет Синедрион плясать под дудку Каифы, и он ничего не сделает Христу, как миленький отпустит на свободу! Вдумайся: нас собирают ночью! Это попирает все законы! Такого в Иерусалиме никогда не было!

Иосиф не ответил.

Власть судить кого-либо в Иудее уголовным судом, согласно предписаниям Римской империи, принадлежала исключительно Синедриону. Это религиозно-государственное учреждение состояло из 71 лица и разделялось на три комитета («малые» Синедрионы), в каждом из них было по двадцать три члена.

Уголовное дело против религии и государства, которое заведомо приписывали Христу, мог разбирать только Великий Синедрион, то есть в полном составе трёх комитетов.

По регламенту Синедриона такое заседание открывали обязательно днём, ночное время полностью исключалось. Причём и окончить заседания по уголовному делу необходимо было в дневное время – так опять же предписывал регламент.

Всю «азбуку» иудейского правосудия Иосиф знал не хуже Никодима. В душе он был согласен с доводами друга. Но что двое судей против сборища отцов родов, старейшин, раввинов и прочих знатностей Иерусалима? Против верховного первосвященника? Они все вместе – стена, неодолимая никаким способом.

Иосиф знал, как открывались заседания Синедриона. Специальный книжник выходил в главный полукруг и громко произносил: «СВОБОДА И ГЛАСНОСТЬ – главные принципы Синедриона!» – «Неужели и теперь, в случае с Христом, будет кричать о том же?» – подумал Иосиф.

Глубокая полночь приняла в объятия Иерусалим. Эта полночь отличалась от тысяч других за всё существование города. Знатные люди и не помышляли о сне. Они были озабочены возникшей судебной суетой. Каифа беспрерывно рассылал гонцов, пытаясь собрать Синедрион полностью. Это оказалось невозможным.

Кто-то из членов Синедриона так и не приехал в город на праздник Пасхи. А некоторые из тех, кто приехал, а также и кое-кто из живших в Иерусалиме вообще не открывали двери гонцам из Синедриона. Они справедливо полагали, что первосвященник не имел права беспокоить судью ночью.

Каифа в душе сознавал: и одной его личной ненависти к Христу достаточно, чтобы предать Арестованного смерти. Достаточно указания тайным прислужникам, способным на любое преступление, и Христа лишат жизни в считанные минуты. Но первосвященник боялся волнений простых людей, ведь они не скрывали симпатий к Иисусу. Следовательно, делу надо было придать вид законности, пройти все внешние формальности «справедливого суда».

Соблюдение видимости закона, а не соблюдение самого закона уже вошло в кровь Каифы. И он не мог изменить привычке. Видимость закона нужна, чтобы потом никто не ткнул осуждающим пальцем в первосвященника. И он спешил собрать хотя бы две трети членов Синедриона или около того количества.

Его ничуть не смущало и то обстоятельство, что закон запрещал проводить заседания Синедриона в частном доме, пусть это даже и дом первосвященника Иудеи. Закон определял место заседаний в здании Синедриона, на главной площади Иерусалима – только там!

Час четвёртый

Стражники вывели Христа из дворца Анания во двор, ночная прохлада освежила лицо Господа. Он увидел горящие костры, греющихся возле них людей и сердцем прозрел то, что здесь произошло с Его учеником Петром. Тот не раз говорил женщине-придвернице, впустившей Петра во двор, что не знал Иисуса и никогда Его не видел. Страх на какой-то миг затмил разум Петра. И это было для Христа вторым огорчением после удара раба по лицу на допросе у Анания.

Христос видел Петра, протянувшего озябшие ладони к пламени костра. Ученик не заметил Учителя, поскольку стоял спиной к шедшей страже. Вскоре Пётр обратил внимание на шум и в числе остатков толпы поспешил в сторону дворца Каифы.

Первосвященник с нетерпением ожидал привода Арестованного. Каифа полагал, что уже всё готово к началу процесса. В зале несколькими полукругами на мягких сидениях расселись вызванные члены Синедриона. По восточному обычаю они были в тюрбанах и сидели, скрестив ноги. Кроме них явилось несколько законоучителей, в числе их занял своё место и молодой аристократ Марк Озалий.

Согласно протоколу, законоучители давали советы судьям, как им поступать в затруднительных ситуациях. Около кресла председателя (по-еврейски – *нази*), оно принадлежало Каифе, восседал мудрец и два писца. Небольшое место перед председателем было специально обозначено для обвиняемого и свидетелей.

Стража ввела в зал Христа со связанными руками. Все зашушукались. Каифа поднял руку – наступила тишина.

– Веками наш народ ждал Мессию, – обратился он к Синедриону. – Теперь исторический момент наступил. Мы должны определить, есть ли сей человек Мессия, а если нет, то какого наказания заслужил, поскольку именно так Он представил себя нашему народу...

Каифа глубоко вздохнул, набрал воздуха в грудь, желая продолжить речь.

Вдруг с места встал молодой книжник Марк Озалий.

– Учитель, – поклонился он Каифе. – Я не понимаю, что происходит? Если мы собрались для уголовного судопроизводства, то вы прекрасно знаете, что его нельзя начинать без свидетелей. Присутствуют ли свидетели в Синедрионе? Если присутствуют, прошу ввести их...

Каифа застыл на месте, будто громом поражённый. Холодный пот выступил на лбу. Он сделал знак, чтобы стража увела Обвиняемого. Наклонился к мудрецу, зашептал что-то тому на ухо.

– Я напомню членам Синедриона, – продолжал Марк Озалий, – начинать уголовное дело против обвиняемого должен только свидетель своими личными показаниями. Никто другой не может. Даже первосвященник! Или вы забыли, что написано в судебнике «Мишна»?

Марк увидел искажённые злобой лица, повернутые в его сторону. Хитрый Каифа не желал дополнять ночную историю с Христом конфликтом в Синедрионе.

– Книжник Озалий прав! – громко возгласил он. – Мы чуть поторопились. Поправим ошибку. Свидетели скоро будут, потерпите немного...

За всю историю Синедриона это был ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ начала уголовного обвинения без свидетелей, что являло собой грубейшее нарушение закона.

Саддукеи и фарисеи спешно принялись искать свидетелей. Им мнилось, они тотчас приведут тысячи свидетелей против Христа. На деле всё оказалось наоборот. Тех, кто горел бы желанием обвинить Христа, не было. Их предстояло найти, упросить идти в ночной суд, дать соответствующие инструкции.

Посыльный Мисаил, уже стоптавший одни сандалиии за нынешнюю ночь, а с ним и другие посыльные, кинулся опять рыскать по спящему Иерусалиму.

Пока искали главных обвинителей, две ведущие партии в Синедрионе – саддукеев и фарисеев – проводили совещания, каждая – в отдельной стороне.

И первые и вторые обсуждали формулировки вины Христа. Их следовало произнести на суде, а после довести на площади и до всего народа.

Час пятый

Наконец гонцы доставили в Синедрион свидетелей.

Первого из них поставили рядом с Христом.

Каифа, сразу повеселев, открыл новое заседание. По давнему обычаю первосвященник сделал судебным свидетелям внушение.

– Не забудь, о свидетель, – повысил голос Каифа, – иное дело давать показания в суде об имуществе, и иное – в суде, где речь идёт о жизни. В денежной тяжбе, если свидетельство твоё будет неправильно, всё кончается деньгами. Если ты согрешишь в суде, решающем вопрос о жизни, то кровь обвиняемого и кровь его Ангела до скончания века вменится тебе. Почему и Адам был создан один, – чтобы научить тебя, что если какой-либо свидетель погубит одну душу из среды Израиля, то Писание признает его погубившим весь мир. Ибо человек одною печатью своего перстня может сделать много оттисков, – и все они будут точно схожи. Но Он, Царь царей, Он, Святой и Благословенный, со Своего Образа первого человека взял образы всех людей, которые будут жить, – впрочем, так, что ни одно человеческое существо не похоже вполне на другое. Посему будем думать и веровать, что весь мир сотворён для человека такого, каков тот, жизнь которого теперь здесь, в суде, зависит от твоих слов...

В практике еврейского Синедриона свидетелям принадлежала главная роль в уголовном суде. Поэтому было принято разделять их показания на три категории: *пустые свидетельства, свидетельства недостаточные, свидетельства надлежащие* (подтверждённые фактами).

Судьи по данной триаде оценивали то, что говорил свидетель.

Суд приступил к опросу свидетелей. Они должны были представить суду вину Христа.

Сбивчиво, со страхом поглядывая то на Каифу, то на Христа, первый свидетель доложил о том, что Христос вместе со своими учениками нарушал покой субботний, а делать такое в Иудее запрещено религиозным законом. Нарушал, к примеру, тем, что исцелил от тяжёлого недуга больного...

Следующий свидетель сообщил Синедриону о том, что Христос не мыл руки перед вкушением пищи. Не соблюдал древние предания, чем нанёс вред вере еврейского народа. По мнению свидетеля, за это Он должен быть наказан. Мету наказания свидетель не назвал...

Третий свидетель повторил доводы первого и второго. Третий свидетельствовал суду о том, что Обвиняемый не признавал законов и постановлений Синедриона – это должно расценить как посягательство на существующую власть.

– Что же Ты ничего не отвечаешь на свидетельства? – вопрошал Каифа Обвиняемого.

Христос молчал!

В те минуты молодой судья Никодим сидел будто на раскалённых углях. Ему не терпелось высказать своё мнение о суде. Наконец, используя паузу, он вышел в полукруг.

– Перед нами уже прошло число свидетелей, достаточное для дела, – начал Никодим. – Ни один из них не привёл надлежащих свидетельств. Ни один из них не назвал конкретной вины Христа. Поэтому я прихожу к заключению, что свидетели не располагают фактами, следовательно, у Синедриона нет оснований для ведения данного дела, предлагаю его не рассматривать дальше, прекратить его... Иисуса Христа не считать обвиняемым и немедленно отпустить. Повторяю ещё раз: мы не получили надлежащих свидетельских показаний, и наше решение о прекращении дела будет соответствовать закону...

По рядам старейшин лёгким ветерком пронеслось волнение.

– В заседании объявляется перерыв, – произнёс Каифа, никак не отреагировав на выступление молодого судьи.

Час шестой

Саддукеи и фарисеи лихорадочно искали повод для осуждения Христа на смерть. Нарушая регламент Синедриона, они после перерыва начали суд опять с опроса свидетелей.

Почему-то этих свидетелей, четвёртого и пятого, привели вместе.

– Два года назад я сам слышал, как вот этот человек сказал: «Я могу разрушить храм Божий и в три дня воздвигнуть его», – говорил свидетель.

– Да, и я подтверждаю, что слышал такое, – вступил другой свидетель. – Только, насколько я помню, Он утверждал так: «Я разрушу сей храм рукотворный, и в три дня воздвигну другой, нерукотворный». Вот так я помню!

Довольная усмешка скользнула по губам Каифы. Он тут же погасил её, не желая показывать судьям внутреннее ликование. Ликовать было отчего! Разрушить известный храм, а потом воздвигнуть какой-то неизвестный – уже явная хула на Бога и Закон Моисея, за такую хулу предусмотрена суровая мера – смертная казнь.

Каифа ещё раз обратился к Христу. Каифа напомнил Обвиняемому, что совпадение мнений двух свидетелей придаёт показаниям силу законного обвинения. Значит, из Обвиняемого он становится Подсудимым.

Иисус Христос, как и первый раз, не удостоил первосвященника ответом.

Опытный саддукей, каким был Каифа, всё-таки попытался найти средство заставить заговорить уже теперь, по его мнению, Подсудимого. Как первый служитель Бога Израилева, Каифа имел право спрашивать обвиняемого под клятвой. И обвиняемый обязан был ответить. Обязан!

– Заклинаю Тебя, – с притворным пафосом произнёс первосвященник, – заклинаю Тебя Богом живым: скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?

– Я! – ответил Христос. – Даже скажу вам более: отсюда увидите Сына Человеческого, сидящего одесную силы Божией и грядущего на облаках небесных...

Выражая состояние крайнего душевного волнения, Каифа напоказ разодрал на себе часть облачения и громко закричал:

– Слышали? Слышали ли вы, что Он сказал? Он явно богохульствует! И мы ещё требуем каких-то свидетелей!? Что вы думаете, чего Он достоин после своего богохульства?

Синедрион молчал.

Наконец, один за другим стали подниматься старейшины: «Смерти достоин, смерти достоин...» – произносили они друг за другом.

В заведомо настроенный хор судей попытался внести разлад книжник Марк Озалий.

– Учитель, – обратился он к первосвященнику, – нельзя принимать серьёзное решение скоропалительно. По законам судебника «Мишны» подсудимый имеет право на защиту. И в Синедрионе обязаны выслушать адвоката Христа или свидетелей Его защиты. Так диктует закон! Я не слышал, чтобы были заявлены адвокат Христа или Его свидетели. В суде была выслушана только одна сторона – свидетели. Почему не выслушаны другие?

– Это будет рассмотрено на новом заседании, которое должно либо подтвердить, либо отвергнуть только что принятое обвинение, – с нескрываемым раздражением бросил первосвященник.

Часы седьмой – девятой

С чувством исполненного долга и достигнутого успеха уходили члены Синедриона на перерыв. Их заговорщические планы обрели реальность. То, что вчера некоторым из них казалось невозможным, теперь стало фактом – Христос осуждён публичным судом.

Оставалось, согласно протоколу Синедриона, только подтвердить обвинение. По еврейскому закону, если уголовный суд выносил приговор, то вынесение окончательного осуждения откладывалось на сутки.

Иисуса Христа под конвоем вывели из дворца Каифы во двор. Там коротала время пёстрая толпа из охранников синагог и служителей первых религиозных лиц Иерусалима. Видимо, хозяева уже сообщили слугам об участии Божественного Узника. Возможно, и дали указание, как с Ним поступать. Только Христос оказался среди толпы, на Него обрушили шквал раздражительности и злобы.

– Пророк Галилейский! Мессия-самозванец! – выкрикивали из толпы. Некоторые плевали в Него. По обычаю евреев это считалось признаком крайнего презрения.

По еврейскому религиозному закону и по гражданскому праву Римской империи (тогдашняя Иудея входила в число провинций Римской империи) человек был невиновным, пока ему не вынесено ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ осуждение.

Никто не имел права оскорблять или унижать Его. Христос как гражданин обладал всеми законными правами. Грубейшее нарушение Его прав было автоматически перенесено еврейскими старейшинами с заседания Синедриона в ночную толпу во дворе Каифы.

Опьянённые безнаказанностью слуги избивали Христа. Били кулаками, били палками по лицу, по спине, по груди. Притом, выказывая остроумие, слуги набрасывали на Него одежду и, ударив, кричали: «Христос, сын Божий, угадай, кто тебя ударил?»

Господь переносил тяжёлые унижения и оскорбления без ропота. Иногда говорил слова для вразумления мучителей, напоминая об их человеческом облике.

В те минуты они скорее имели облик звериный...

Вдруг шум в другом конце двора на некоторое время отвлек внимание слуг от поругания Господа. Стражники допрашивали ученика Христа – Петра, который, несмотря на отречение во дворе Анания и теперешнюю опасность, продолжал следовать за Учителем. Петра пытали: не он ли в Гефсиманском саду отсек ухо слуге Малху? Пётр клятвенно утверждал, что не был в Гефсиманском саду и не знает Иисуса.

В этот миг Христос пристально посмотрел в сторону Петра, взгляды их встретились.

И тогда же в соседнем дворе пропел петух.

В смятении и страхе Пётр выбежал со двора, упал на землю и навзрыд заплакал.

Час десятый

На востоке заалела полоска зари, возвещая ранний рассвет. В такое время по древнему обычаю евреи отправляли утреннее жертвоприношение в синагогах – проливали кровь приносимых ими животных...

Совершив сие во имя Бога, члены Синедриона поспешили на новое утреннее заседание по уголовному делу Иисуса Христа.

Судебный регламент предусматривал: если дело завершалось смертной казнью, то вынесение окончательного приговора откладывалось ровно на сутки – на 24 часа.

С момента вынесения первоначального приговора в ночном заседании Синедриона с четверга на пятницу прошло лишь четыре часа!

Таким образом, Синедрион не имел права собирать новое заседание на раннем рассвете в пятницу.

Однако Синедрион собрался!

К тому же особый глашатай несколько раз всенародно должен был объявить на улицах Иерусалима о том, кому назначена смертная казнь (до вынесения окончательного приговора!), каково его имя, в чём состоит его вина, а также призвать всякого жителя города, всякого, кто хочет, прийти в суд и защищать такого человека.

Особого глашатая из Синедриона не послали на улицы Иерусалима!

Да, еврейские законы высоко ценили жизнь иудеев. Но евреями их еврейские законы были забыты, когда зашла речь о жизни Богочеловека – Иисуса Христа!

Первосвященник Каифа с выражением торжественности открыл новое заседание Синедриона опять же в своём дворце.

Он вёл себя так, будто в суде не было выступлений книжника Марка Озалия и молодого судьи Никодима.

Каифа очень торопился.

В полукруг членов Синедриона вновь привели Христа.

– Ты ли Мессия? Скажи прямо, – опять спросил первосвященник Христа.

– Я уже говорил вам! Ещё подтверждаю, что вы не имеете Веры! – голос Христа был твёрдым.

Один из судей подскочил с места и закричал:

– Итак, Ты сын Божий? Ты Мессия?

– Я – есть! – ответил Иисус.

Судья заверещал, будто ужаленный пчелой:

– Он сам на себя произнёс осуждение, Он сам на себя произнёс осуждение...

Почему-то у судьи вылетело из головы, что по еврейским и римским законам человек не имел права свидетельствовать на себя. Если он всё же свидетельствовал сам на себя, то суд не принимал свидетельства, считал, что они – ПУСТЫЕ!

То есть не рассматривал их...

– Более нам не о чем рассуждать! – встал один из старейшин. – Перед нами – богохульник! Смерть богохульнику! Смерть лжемессии...

Отдельные голоса несогласных с приговором, в том числе Марка Озалия и Никодима, потонули в общем хоре старейшин и раввинов.

Окончательный приговор был принят Синедрионом.

Данная казнь по еврейскому обычаю предусматривала побиение камнями виновного до смерти. Первые камни в Осуждённого должны были бросить свидетели, говорившие в суде о Его вине...

Первосвященники уже после второго заседания Синедриона решили предать Христа казни по законам Римской империи – распятию на кресте.

ПОЯСНЕНИЕ

Суд в Синедрионе был начальным этапом глумления над Богочеловеком. Христос после часа десятого прошёл ещё три (!) суда: суд в претории у римского прокуратора Понтия Пилата, суд у правителя Галилеи Ирода, повторный суд у римского прокуратора Понтия Пилата.

И на каждом из этих судов были нарушены действующие тогда гражданские и уголовные законы. Обычно уголовное дело, связанное с вынесением приговора о смертной казни, в Синедрионе и юридических инстанциях Римской империи рассматривали в течение нескольких месяцев, а в некоторых случаях – и в течение нескольких лет...

С момента ареста Христа и до распятия Его на Голгофе, включая пять заседаний разных судов, прошло не более 15 (!) часов.

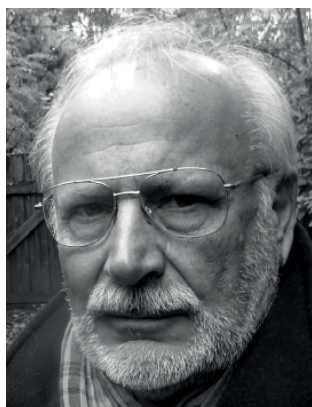
ПРИМЕЧАНИЕ

Господи, благодарю Святых Угодников Твоих – Иоанна и Иннокентия, через слово их открылось видение суда над Тобою. Господи, не сочти за грех желание рассказать о том.

2013–2022 гг.

Владимир Куницын

Владимир Георгиевич Куницын – родился в Тамбове в 1948 году. Окончил философский факультет и аспирантуру МГУ. Работал на «Мосфильме», во ВНИИ теории и истории кино, в журналах «Литературная учёба», «Советская литература», обозревателем «Литературной газеты». С 1993 по 1998 год вёл авторские передачи в эфире радио «Маяк», с 1998 по 2014 год работал на Центральном телевидении. Лауреат премии «Литературная газета» (1988), премии им. А. П. Чехова (2008), журнала «Москва» (2019). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ И КОТ БАСЯ

Вспомнился забавный случай. Что-то похожее на этюд от великого режиссёра. Однажды к нам на Песчаную, в родительскую квартиру, приехал Андрей Арсеньевич Тарковский. Один. По его сосредоточенному лицу я решил, что на важный для него разговор.

Я всегда радовался, когда видел Андрея. Он очень мне нравился – своей одухотворённой нервностью, живостью мимики, мужской красотой. Я считал, что он похож на русского офицера, дуэлянта! Впервые увидел его лет в шестнадцать. Конечно, даже не подозревал, что передо мной гениальный человек. Он просто сразу понравился. В отличие от других приятелей отца, пожалуй, тогда известных поболее Тарковского, Андрей совершенно не лицемерил, был абсолютно настоящим. Так я его ощущал – как мальчишка, мальчишеским чутьём. И с годами не изменил о нём мнения.

Этот его приезд в наш дом на Песчаной оказался последним. Андрей вскоре покинул Россию. Как оказалось – навсегда. Когда они вышли из кабинета, я был тут как тут и, улучив момент, спросил Тарковского, правда ли, что он собирается снимать «Мастера и Маргариту».

Андрей коротко взглянул на меня и задумался – руки нарисовали вокруг головы китайский иероглиф: правая щека припала к левой ладони, а затылок уткнулся в ладонь правой руки. Вся эта сложная конструкция была какой-то тревожно-зыбкой. «Видите ли, какая штука! – сказал Андрей. – Я представляю, как можно снять всё. Но я не знаю, не могу представить, как снять Бегемота!»

Пока он говорил всё это, мы шли по квартире и оказались в комнате с ковром на стене. И тут Андрей молниеносно подхватил с пола нашего кота Басю и одним непрерывным движением, как бросают лопатой снег, властно, по-режиссёрски непререкаемо – швырнул его на ковёр!

Здесь уже удивил кот. Он грациозно, иначе не скажешь, наподобие мотоциклиста в цирке, мелькнул дугой по отвесной стене и, мягко притормозив, с высокомерным шиком равнодушия ступил на пол.

Андрей повторил: «Не знаю, что делать с Бегемотом. Наряжать актёра? Плохо!»

Так и остались вопросы. Отец не рассказал, зачем приезжал Андрей Арсеньевич. И фильм по Булгакову Тарковский так и не снял. Интересно, имея в руках нынешние компьютерные технологии, как бы он всё же решил проблему Бегемота?..

И ещё осталось изумление от поведения кота Баси. Это был свирепый камышовый сиамский голубоглазый гордец, никому не спускавший обид, унижений и просто недостаточной почтительности! Однажды брат Миша отшвырнул его ногой. И тут же горько пожалел о своём поступке. Кот вскочил на лапы, заскрежетал когтями по паркету от нетерпения, как гоночная машина жжёт шины на старте, включив максимальную скорость, и – бросился с разбегу обидчику прямо в пах, зловеще щёлкая зубами. Михаил успел отмахнуться, но не тут-то было! Кот разогнался опять и прыгнул теперь ещё выше, целя в грудь! Миша, вопя от мистического страха, бросился за дверь. Больше Басю не пытался унижить никто, даже в шутку.

Почему же кот так спокойно проглотил режиссёрский экспромт от Тарковского? Почему не вспылил?

МИШКА, МИШКА, ГДЕ ТВОЯ УЛЫБКА?..

Брата Михаила не взяли в подводный флот, хотя весь районный призыв брали именно туда. Военком посмотрел на Мишу раз, посмотрел ещё и сказал со смешанным чувством восхищения и досады: «Куда ж ты вымахал, бэ? Ты ж ни в одну лодку не влезешь!»

И отправил Мишу, в порядке исключения, служить три года, но – над водой! А нечего выпендриваться со своим нестандартом в два метра! Миша к восемнадцати даже папу перерос. А папа был, как любили говорить его друзья маленького роста, ну такие, например, как знаменитый кинорежиссёр Марк Донской – сибирским богатырём! Так папу любили величать. И вдруг появляется Миша, ещё больше, чем папа. Это уже совсем какой-то нонсенс, вызов неподготовленному мировому сообществу!

Я-то давно подметил, что Миша гораздо крупнее своих сверстников. Гораздо! На одной примечательной фотографии из пионерского лагеря, где брат Миша стоит рядом со своим сверстником, мальчиком лет десяти-одиннадцати – Миша похож на папу этого мальчика. Одна Мишина нога выглядит как-то убедительнее, чем весь чужой мальчик. Картина! Мы все до сих пор смеёмся, натываясь на эту старую фотографию! А Миша, кстати, обижается, как и в детстве. На наш глупый смех.

Помнится, привезли нам в новую московскую квартиру мебель. Бригадир грузчиков, огромный мужик, всё посматривал внимательно на Михаила, как тот пытит, помогая; а потом деловито, ну просто как цыган лошадь, пощупал Мишины руки, ноги, помял плечи и с великой убеждённостью изрёк: «Тебе, парень, надо борьбой заняться. Чемпионом мира будешь!» Сам он оказался бывшим борцом, два раза становился призёром Москвы в тяжёлом весе по «вольной», но – когда щёлкнул пальцем по горлу, мы сразу поняли, почему он теперь грузчик.

Миша лет в четырнадцать и правда записался в секцию самбо. К этому времени я уже несколько лет «бил по почкам» старому мешку с песком. Мешок фригидно, но мастеровито уклонялся влево-вправо, избегая бесконечно опостылевших ему молодых боксёров, с их озабоченно-страстными наскоками.

Регулярное это «избиение» происходило по какой-то прихотливой фантазии судьбы – в спортивном зале ЦСКА на Комсомольском проспекте, в двух шагах от Союза писателей России, до которого дела мне тогда никакого не было и в помине. А между тем, как я узнал позже, бокс нравился самому Александру Сергеевичу Пушкину, который не ленился самостоятельно изучать «английскую забаву» по французским книжкам!

И вот однажды как-то поехали мы с братом Михаилом в Серебряный Бор кататься на лодке, загорать и плескаться в пресных водах. Мне уже стукнуло двадцать, а Мише пятнадцать. Я был – придётся горделиво повториться – достаточно сильным выюношей – с детских лет лыжи, лёгкая атлетика, слалом, велосипед. Регулярно и в охотку поднимал утюги, потом гантели, а позже, в ранней юности, зашалил и с разборной штангой на двадцать кгэ, ну и, наконец, любимый бокс... И потому, валяясь на речном песке, стал я подначивать одного со мной роста Мишу на «померяться силой». Пока Миша отнекивался, я деловито взял его в захват и начал заваливать на левую лопатку.

Миша спокойно стерпел этот манёвр и даже позволил сесть на себя верхом, что меня несколько обеспокоило. Как, наверное, Наполеона горящая Москва, когда он рассматривал её с Воробьёвых гор в 1812 году. Я на всякий случай спросил: «Ну что, сдаёшься?» На что Миша миролюбиво сказал: «А мы чего, боремся?» Я ухватил его за шею и принялся неторопливо «душить», чтобы понял он, наконец, кто в доме хозяин. Мише это не понравилось, но стерпел он и сей манёвр. Слегка подушив его, я опять уселся на его широкой груди со словами: «Что, чувачок, сдался?» – и пару раз для убедительности подпрыгнул, как верхом на лошади.

И почему-то вот именно это Мише не понравилось. Сначала он подозрительно глубоко задышал, помидорно побагровел лицом, а потом я явственно ощутил, что подо мной пробуждается Везувий. Или даже точнее – паровоз! Вот сдвинулись его могучие штифты, приводя в движение колёса, вот ожили шатуны и рычаги, пыхнул паром огромный, быстро раскаляющийся котёл и... я почувствовал, как вдруг едва заметное Мишино движение заблокировало свободу моей правой, опорной ноги, а затем уже и одна из моих рук, не желая того, куда-то опасно потянулась Мишей, и я сообразил, что вот, через секунд пять, потерю равновесие и он не просто свалит меня с себя, а уже сам сядет сверху.

Я напрягся изо всех своих спортивно-физкультурных сил, «прощально» сдавил его, как смог, и вырвался из чугунных объятий со словами: «Ладно, живи!» Миша какое-то время подышал бурно вздымающейся грудью, перекрывая ею горизонт, и успокоился. И если честно, меня уже даже не задело, что он так легко пропустил мимо ушей мою «великодушную» финальную фразу...

Но особо крепко запомнилось, как отдавали мы Михаила в армию, уже на сборном пункте. Сам момент его отлипания от нас, семьи. Подошли автобусы с приглашающе раскрытыми дверьми, мальчишки полезли внутрь. Миша ещё стоял с нами, самый из всех большой, тёплый, домашний наш ребёнок, но только с государственно обритой головой. И вот он в дверях, двери со скрежетом сдвигаются, я вижу через окно растерянное, по-телячьи тычущееся в стекло детское лицо, прощальный взмах руки!

А через полгода отец читал в большой комнате очередное письмо от Миши из Североморска. Специально всех собрал, чтобы и мы разделили с ним нечаянные слёзы его веселья. Он размазывал их по щекам, выходя с конвертом из кабинета.

В этом письме Миша сообщал, что занял второе место на чемпионате Военно-морского флота СССР – по боксу! В супертяжёлом весе.

– Почему по боксу-то?! – поражённый, вскричал я.

Папа, успевший насладиться письмом, пояснил – потому что Мишин командир был уверен, что, если салага занимался самбо, значит, и бокс постигнет! В процессе самой драки, так сказать. К тому же выставить боксёра в таком весе от Северного флота – на знаменитом флагмане «Мурманск» – было некого. Кроме нашего «домашнего молочного телка», правда, уже прошедшего учебку, получившего первую лычку на погон, а также бесценный опыт приобщения к коллективному разуму могучего военного организма!

Об этой, самой грандиозной спортивной победе в жизни Михаила, увы, поведать особо нечего. Миша добросовестно поднимался на ринг и терпеливо ожидал противника, но противник с равными габаритами не находился, и Михаилу автоматически, согласно правилам, засчитывали победу. Всё! Так воздушно и чудесно шло дело до финала.

Как писал Миша, он уже начал надеяться, что никто и не выйдет на его последний, «триумфальный бой». Но вышел боксёр-перворазрядник, очень большой, сурово нахмуренный бугай. И брата Мишу обморозило – роковой час пробил, сейчас гарантированно и бесславно рухнет он на ринг, хорошо, если не в глубоком нокауте!

Спасла смекалка: Миша молниеносно вошёл в клинч и успел шепнуть суровому на ухо, что это его первый бой в жизни, «давай, мол, повозимся чуток, ты победишь, а я не опозорюсь»... Мужик понял, и Миша даже ни разу не упал. Вот на какие чудеса способен человеческий разум в минуту грубой опасности!

В итоге отслужил Миша все три года доблестно. Иначе и не скажешь. Вернулся старшиной первой статьи, что для срочника – потолок возможной карьеры. К тому же совершил два дальних похода по семи морям и двум океанам, швартовался на африканском континенте, а также у берегов Дубровника и Сирии, год простоял в ремонтных доках Севастополя и тем самым побратался и с Черноморским флотом.

Рассказал как-то и про севастопольские ночные шуточки над ушедшими в увольнение: шарили, мол, корабельным прожектором по сопкам вокруг бухты и, когда поднимали товарищей с местных девчонок, дружно вопили от подлого счастья! Смекаю, приврал.

А кораблик-то, между тем, достался брату Мише легендарный – не только потому, что славной, но ещё и трудной, даже трагической судьбы, о которой из уважения к нему стоит поведать. Уж больно судьба его смахивает на судьбу человечью.

Заложили крейсер ещё при Сталине, а сошёл на воду он в 1955 году – при «царе» Никите. Хрущёв не полюбил корабль сразу. За то, что не реактивный и не атомный. Почему он не попал в число порезанных Хрущёвым более 240 кораблей ВМФ СССР, тем паче что генсек о своём намерении в отношении «Мурманска» высказывался – история умалчивает. Может, отвлёкся на кукурузу за Полярным кругом или на «пидарасов»-абстракционистов. Чёрт его знает! Но корабль уцелел, хотя и сократили его штатную команду с 1270 человек до 495, и поставили на годы в консервацию... Короче, на смену шустрому, как веник, Хрущёву, явился спокойный и вальяжный Брежнев. При нём крейсер очухался, ожил, быстро набрал популярность и даже стал флагманом Северного флота, наилучшим образом проявив себя при стрельбах по радиолокационному наведению, что тогда было внове, а на крейсере как раз и стояло новейшее радиолокационное оборудование. К тому же этот двухсотсорокметровый корабль с двигателем в 110 тысяч лошадиных сил развивал скорость более 60 километров в час, а это не плохо даже сейчас.

Брат Миша как раз и был на этом крейсере в начале семидесятых годов радиометристом, командиром наводчиков главного калибра – в три 152-миллиметровых ствола на башню. И если уж быть до конца честным, то своей безукоризненно точной стрельбой по условным мишеням – существенный

вклад в боевую репутацию крейсера, занимавшего в эти годы неизменно первые места по всему ВМФ в стрельбах, Миша своей тяжёлой рукой внёс.

Так-то вот обстоят дела в глубокой исторической ретроспективе советской мирной боевой славы, дорогие товарищи! И это не шуточка – быть лучшим наводчиком на лучшем корабле ВМФ СССР, а именно такое звание заслужил крейсер «Мурманск» к концу восьмидесятых.

Но... пришёл к власти новый «царь», Горбачёв, и вскоре «лучший крейсер ВМФ СССР» сначала перестроили в корабль управления, а через год – списали в утиль.

Под руководством Горбачёва страна в одностороннем порядке пошла на разоружение. До сих пор Запад не очухался от геополитического шока. Да оно и понятно – не было в мировой истории аналогов подобному: то ли предательству, то ли идиотизму!

Но и это не всё. Уже в 1992 году, при Ельцине, вспомнили, что где-то в заливе Кольского полуострова всё ещё ржавеет «слава Северного флота», никому теперь не нужный крейсер «Мурманск». И окончательно «исключили» его из состава, «расформировав».

А в 1994 году – «лучший крейсер» продали Индии как металлолом. Его посадили на стальной ошейник, как обречённую собаку, поволокли буксирами к чужим океанам и берегам.

И вот тут оказалось, что душа крейсера ещё жива! Проходя по водам Ледовитого океана, предчувствуя встречу с Атлантикой, он, столько раз бороздивший эти два родных ему океана – рвёт «ошейник» и выбрасывается на скалы острова Серейя, упав на песчаное дно норвежского фьорда, место своего последнего пристанища. Словно окончательно соединив в своей судьбе два океана, но и сам себе выбрав «могилу».

Ещё целых девять лет он пролежал на правом боку, днём рассматривая туристов и зевак, специально едущих к нему – поглазеть на русского богатыря. А ночами сам смотрел в северное небо, мысленно прокладывая пути среди звёзд. Пока не растащили его стальное тело до последней заклёпки.

Такая вот судьба приключилась у корабля, на котором три года отслужил моряк Миша, мой брат. Большой и сильный, но не сказать, что очень везучий. Случилось и с ним то, что, по моим наблюдениям, оставило неизгладимый след.

Однажды пришлось Мише забраться на достаточно высокую радиолокационную башню крейсера с технической инспекцией, и в это самое время какой-то идиот внизу врубил станцию на полную – и попал Миша под колоссальный волновой удар! Последствия этой контузии я почувствовал после его возвращения домой, ещё ничего не зная.

Не мог я понять, смириться не мог с тем, что вот ушёл он из дома три года назад – добрейший, ласковый, простодушный человек, а вернулся задумчивый, беспричинно темнеющий парень, способный час просидеть с опущенной головой, словно в великой и дремотной озадаченности.

Что он мог получить от крейсера в тот роковой момент, когда враз и дыбом встал каждый волос на его теле и затрещал вокруг возмущённый воздух?!

Не знаю, не знаю...

Но посуровел наш добряк, это бесспорно. И ещё обнаружилась новая новость: когда в застолье начинались разговоры на «высокие» темы, Миша водил, водил взглядом по «умникам», подозрительно мрачнел, поднимал рюмку и, останавливая повелительным жестом очередного оратора, с очевидным мужским сарказмом говорил: «А не поднять ли нам бокалы за дам, которые своим пыш-шным букетом украш-шают этот стол?» Вставал во весь свой «военно-морской» рост и внимательнейшим образом наблюдал за тем, как поднимаются над столом «умники»... Если за столом оказывался при этом папа, папа ухмылялся, с интересом наблюдая за Мишей своим синим из-под брови глазом и хмыкал, загадочно оценивая ситуацию.

Слава богу, контузия не помешала брату окончить экономический факультет МГУ, поработать в Институте международной экономики, в экономической редакции АПН, пока... перестройка не выбросила Мишу, как многих из нас, на паперть «свободного рынка», но это уже другая, отдельная и, разумеется, драматическая история, которую не оторвёшь от мировой, во всей красе её масштаба.

Вернёмся к доблести. Вот что получается в сумме усилий одной лишь нашей семьи – отца, братьев и мамы. Отец окончил школу в июне 1941-го, в Великую Отечественную ранен четырежды, два раза тяжело. Прошёл Сталинград, Курскую дугу, командовал батальоном сапёров, капитан. Тут, как говорится, вопросов нет. Боевые ордена не врут. К папиным ранам прибавились Мишина контузия, а про достижения его я не всё, но сказал.

Младший Иван – добровольно ушёл со второго курса журфака МГУ в десантные войска, служил в лучшей разведроты СССР, под началом легендарного десантника-разведчика, боевого офицера Леонида Васильевича Хабарова. Как и Михаил, собрал все высшие знаки отличия для солдата-срочника. И позже добровольцем отслужил военным переводчиком в Анголе два года, ранен в бою, контужен, переболел африканской лихорадкой и там же подцепил гепатит, который позднее убьёт его в мирное время, в возрасте 59 лет, переродившись в неизлечимый недуг.

Остаётся сказать о матушке. В пять лет окажется в ссылке на Бодайбинских приисках, вместе с матерью, старшим братом и четырьмя сёстрами. Как дочь врага народа. Однако выживет, станет учительницей русского и литературы, встретит отца, родит ему трёх сыновей. Сдюжит с отцом все годы его политической опалы при Брежнев, поднимет нас, потом потеряет отца, младшего сына. И, перевалив за девяностолетний рубеж, будет без ошибок читать наизусть Лермонтова и Пушкина на наших с ней неторопливых дачных прогулках. Доблесть?

И всё же, когда сегодня смотрю я на своего седого брата Михаила, вспоминаю не о доблести его воинской. Я вспоминаю, как зимними вечерами забирал его из детского садика и вёз через тамбовские сугробы на санках, время от времени оглядываясь на краснощёкого пузана, беспокоясь – как он там, не замёрз? А он всякий раз отзывался в ответ приветливой улыбкой. Вспоминаю, как в трескучий мороз спровоцировал его лизнуть чугунную ограду нашего палисадника, и он, простодушный, лизнул. И как забудешь горячее своё раскаяние в тот момент, когда Мишу всем двором пытались отлепить от чугуна, но всё же кусочек его языка так и остался на ограде, когда Мишу «оторвали»? Не забыть такого. Не забыть.

Ведь простодушие и доверчивость сохранил он и в девяностые годы, вынужденно занимаясь бизнесом. А когда заработал деньги, практически всё раздал в долг бывшим друзьям. Как он мог подумать, что они ничего не вернут назад? Ну вот как? Ведь сам он всегда возвращал и даже представить не мог, как возможно нарушить слово, данное другу! Этому же учила с детства мама!

Боюсь, он один из нас троих твёрдо следовал маминим урокам. Да и сейчас такой же, хоть бит-перебит предательствами и вероломством.

Бог ты мой, что мы вспоминаем, прожив жизнь?! Наш младший брат Ванечка, отчаянно махнувший через десантуру и войну, на полном серьёзе, с детской обидой припоминал ещё совсем недавно нам с Михаилом, как мы мучили его, зажимая пальцами кончик носа, и обвинял, что нос у него с малолетства приобрёл каплевидную форму!

А Миша до сих пор вспоминает, как в детстве, впервые оказавшись в Сочи, не доел шашлык – очень-очень вкусный, сочный, первый в жизни шашлык. Каждый раз, когда Миша начинает описывать этот свой недоеденный шашлык, его сочные, с хрустящей корочкой сиротливо оставшиеся три кусочка, дразняще пахнущие костерком, сахарно-белые олимпийские колечки репчатого лука, ломтики пурпурного помидора, с зеленоватыми в мякоти зёрнышками, и... невероятно вкусный томатный соус на ободке тарелки – у всех начинают течь слюнки, и народ оглядывается на маму, с горячим сочувствием к Мишиной трагедии. Из-за отъезжающего автобуса мама подарила Мише трепетное воспоминание о первом шашлыке на всю жизнь!

Неужели доблесть моей собственной жизни только в том, что я почему-то помню об этих и прочих мгновениях и процарапываю их на бумаге? Что не могу забыть про то, как в сорок-то лет взял зачем-то «Маленького принца» Экзюпери перечитать в Гульрипши, на пустынном сером абхазском берегу, а дочитав, разрыдался и упал лицом в море? Про то, как вёз на санках добрейшего маленького толстяка? А он успевал улыбнуться, будто знал, что я сейчас оглянусь на него. Неужели это всё? Вся моя доблесть? И оправдание моё... чего?

Эх, Мишка-Мишка! Ну же! Где твоя улыбка, Мишка? Где ямочки на щеках, бедный мой дорогой брат?..

ПРИМАКОВЫ

С Примаковыми связаны дорогие воспоминания. В августе 68-го года я жил на их «правдинской» даче в Дзинтарсе под Ригой. Кровать мне поставили у окна, и я – в двадцать-то лет! – возвращался «домой» из «ночного» через окно, чтобы никого не будить. Сам Евгений Максимович отсутствовал. Жили в небольшой, кажется, двухкомнатной дачке. Лаура Васильевна, для меня – единственная его жена – и их чудесные, просто восхитительные дети: тринадцатилетний сын Саша и очаровательная крошка Нана.

Моего отца из «Правды» к этому времени уже убрали. Так что это был и дружеский жест поддержки со стороны Примакова. Ведь он продолжал работать в газете и отлично знал, что Георгия Куницына наказал лично «дорогой Леонид Ильич Брежнев». Наказал за то, что тот посмел заступаться за Лена Карпинского и Фёдора Бурлацкого, которых он, Брежнев, повелел из «Правды» выгнать. За их скандальную статью в «Комсомолке» против театральной цензуры «На пути к премьере».

Мой отец – единственный из всех присутствовавших на судилище – проголосовал против. Единственный! При том зная, что Ильичу доставят стенограмму заседания...

В том августе я впервые в жизни увидел море! Я столько мечтал об этой встрече, воображал себе море на разные лады, но, когда мы с моим «проводником», младшим Примаковым, взбежали на песчаную дюну и передо мной предстал Рижский залив, я ахнул от разочарования! И это – море?!

Смешно признаться, но среди моих ровесников, мальчиков и девочек, живших в соседних «правдинских» дачах, самым интересным, умным, живым и доброжелательным собеседником оказался всё тот же Примаков-младший. Это был настоящий ребёнок-вундеркинд! Весь пляж «сползался» к этому ребёнку, когда он вдруг начинал наизусть, целыми страницами декламировать текст «Золотого телёнка» или «Двенадцати стульев» – в лицах, в характерах! Или на великолепном английском, встав в позу – монологи Гамлета и короля Лира! К тому же Саша был обладателем чудо-техники, ещё не виданной в родных палестинах – миниатюрного переносного магнитофона с мини-бобинами, на которых были записаны «Битлы» свежайшего выпуска! Этот магнитофон, размером с большую книгу, имел ремень через плечо, две скорости и кармашек для «уменьшенных» плёнок. И что вы думаете? Я не успел даже договорить, как он притащил мне это чудо – со всеми своими чудесными плёнками – перед вечерним романтическим свиданием, понимая лирическую, разоружающую силу «Битлов». И в дальнейшем предлагал магнитофон первым, не дожидаясь, чтобы я заикнулся сам...

Сегодня, видя сквозь время, как сидят на лавочке и увлечённо беседуют двадцатилетний студент третьего курса философского факультета МГУ и школьник-семиклассник – о Монтене и теории Платона об идеях и «тнях теней», мне кажется это причудливым. Но в реальности нам просто было интересно друг с другом. Младший Примаков превратился в мой «хвостик». Сам он сформулировал изящнее: «Я твой верный Санчо Панса! Ты не против, если я буду сопровождать тебя в твоих походах и подвигах?!» Но я был такому товарищу только рад.

Однако вскоре на «правдинском дворе» появились две новые сильные фигуры! Они приехали одной электричкой, но с разными целями. Молодой начинающий сценарист Саша Миндадзе сразу же попал под горячую опеку Лауры Васильевны, а вот второй «богатырь» как вихрем закружил меня. Звали его Андрей, он приехал в отпуск, отслужив год срочной, к маме, сотруднице «Правды». Приехал на шесть драгоценных дней и не желал терять здесь впустую ни минуты! Для моего Санчо Пансы настали чёрные дни. Мало того что мы с Андреем практически на весь его «армейский» загул изъяли чудо-магнитофон вместе с «Битлами», главное – не могли мы таскать за собой школьника, потому что окунулись в настоящую пучину курортных безобразий!

...Запомнилось ещё, как ездили с Лаурой Васильевной на электричке в Ригу. Она заказала местному столяру-мебельщику «эсклюзивную» тумбочку по своему чертежу. Я с радостью исполнял роль носильщика, пытаясь хоть в этом быть ей полезным. Жена Примакова нравилась мне, она сразу же покоряла своей открытостью, искренней прямоотой. При этом в ней бурлил грузинский темперамент, и её эмоциональность совершенно обезоруживала любого. Однажды к нам приехала из сибирского Киренска папина племянница Галя, моя двоюродная сестра. Высокая, голенастая девчонка лет семнадцати. Лаура в восхищении уставилась на её длиннющие, как у цапли, ноги и бросилась возить её по магазинам, одевать по моде!

А чего стоили её публичные восхваления в адрес Георгия Куницына? Не раз слышал у нас дома, как она тоже как-то по-грузински горячо восхищалась – при Примакове! – отвагой моего родителя, способного ради убеждений и правды на «безумные» поступки. И при этом, не стесняясь, упрекала при всех Евгения Максимовича в том, что он так поступать не умеет, слишком осторожный и расчётливый. Примаков в ответ всегда примиряюще смеялся, отшучивался, тоже говорил отцу комплименты. Его природное обаяние, мягкий юмор снимали любое напряжение. Да и видно было, что, несмотря на эти спонтанные Лаурины выпады, они оба любят друг друга.

И вспоминается, как одним августовским утром в «моё» окно тревожно застучали. Стучал Всеволод Овчинников, теперь знаменитый по книгам о Японии, прекрасный журналист и писатель. Он

почти прокричал громким шёпотом: «Володя! У вас есть радиоприёмник? Мой не ловит. Кажется, война! Наши танки вошли в Прагу! Скорее просыпайтесь!»

Такое вот было лето 1968 года...

Спустя пару лет Лаура и Евгений Примаковы были на моей первой свадьбе. До сих пор храню их подарок – грузинскую чеканку и декоративную большую настенную тарелку. «Это авторская!» – предупредила Лаура.

А ещё через десять лет я стоял в Институте США и Канады – у гроба Саши Примакова. Он умер внезапно, как говорили, на Красной площади, во время демонстрации 1 мая 1981 года. От сердечного приступа. Гениальный, прекрасный юноша, человек такого обаяния, какое мне больше не повезло в жизни встретить ни разу. До сих пор скорблю по нему, ужасаясь горю, которое пережили Лаура и Евгений!

Отец всегда говорил о Примакове с огромной симпатией: «У Жени редчайший талант! Он умеет дружить! Женя может очаровать любого человека! Любого! Он настоящий дипломат, тонкий, умный. С ним легко, тепло и приятно любому человеку. Это великий талант. У меня такого нет...»

Но добавлю от себя, поскольку отец не дожил до этого события – Евгений Максимович Примаков, человек – РАЗВЕРНУВШИЙ СВОЙ САМОЛЁТ НАД АТЛАНТИКОЙ! Россия будет помнить это долго. С гордостью...

ЭРНСТ НЕИЗВЕСТНЫЙ

Всего однажды привелось мне видеть знаменитого скульптора Эрнста Неизвестного, но зато в нашем доме.

Поскольку матушки в тот момент не было, отец с гостем прямым отправился на кухню, и вскоре послышалось оттуда звяканье бутылок, а затем и рюмок.

Неизвестный – когда вошёл в прихожую – скользнул по мне безумными глазами, мельком, как по случайному предмету.

Особенность взгляда состояла в бытовой незрячести! Похоже на того же Пикассо. Если присмотреться к глазам Пабло на фотоснимках – в них заметна опрокинутая перспектива бесконечности, из которой он, Пикассо, смотрит в этот мир, будто соображая, как он может сюда протиснуться, среди сходящихся плоскостей.

Через некоторое время из кухни стали доноситься по-мужски возбуждённые голоса. Я прислушался. Эрнст называл имена великих писателей – Державин, Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Достоевский... А затем – татары, эфиоп, шотландец, шляхтичи! Я понял суть дискуссии. Тогда, в начале семидесятых, среди особой части советской интеллигенции стало модным мнение, что всю «большую» русскую литературу создали не русские. Если судить по крови.

Отец на дух не принимал эту «подлую расистскую галиматью», и потому градус кипения на кухне стремительно повышался.

Затем я услышал, как отец, видимо, совсем потеряв терпение, громогласно объявил на всю квартиру и прилегающие территории: «Я тебя в окно сейчас выброшу!»

Наступила мёртвая тишина. И в этой тишине голос скульптора Эрнста Неизвестного зло, но всё же компромиссно, предложил: «Давай на руках!»

Я быстро представил покатые его, почти борцовские плечи, вообразил, сколько он намахался за жизнь молотком и зубилом со своими камнями и мраморными глыбами, однажды слышал даже, что, будучи на войне десанником, в одной из рукопашных схваток Неизвестный убил 16 фашистов, сам не помня как, за что получил боевую награду. И всё равно не мог я допустить одного – его торжества. До сих пор отец не знал поражений в борьбе на руках! Я верил, не узнает и теперь.

Они затихли, послышалась короткая возня, громкие выдохи и азартный, раздражённый выкрик Эрнста: «Давай левой!»

Это был конец дискуссии! Если отца не перебарывали правой – а она после ранения разрывной пулей на Дуклинском перевале в 1944-м срослась на сухожилиях и малой косточке, то о здоровой левой и заикаться было нечего. Так через минуту и случилось.

Ушёл Неизвестный из нашего дома слегка взбешённым. Уходя, он уже и не взглянул на меня и совсем не среагировал на моё вежливое: «До свидания, Эрнст Иосифович!»

Папа же благодушно отправился проводить гостя и заодно развеяться. А может, поиграть в шахматы в Берёзовой роще у Ходынского поля с отдыхающими от суеты местными гроссмейстерами.

Проза

Галина Хэндус

Галина Хэндус – прозаик, публицист. Родилась в России, с 1998 года живёт и работает в Германии. Автор книг: «Берег другой жизни», «Отношения», «След Хамелеона», «Бумеранг из детства», «Музей Совесть», «Долгая жизнь, короткая смерть».

МУЗЕЙ СОВЕСТИ

Отрывок из романа

Работы с каждым годом не убавлялось, а добавлялось. Список очередников, желающих получить свой портрет, удлинялся. И это несмотря на возвращаемые мне картины.

Некоторые из моих клиентов, вернув «испорченный» портрет, заказывали новый, не желая ждать возвращения прежнего после, по их убеждению, реставрации. Они и не догадывались, что отреставрировать их судьбу, вылезавшую грязными пятнами на картине, я не в состоянии. Им, богатым и успешным, легче было выдать эти страшные пятна за мои ошибки, якобы мою небрежную работу, плохие, некачественные краски. Небрежность карманного художника, которую можно легко исправить, положив сверху дополнительно несколько хрустящих купюр. *Им, моим заказчикам, никак не хотелось видеть в мерцающих теневых всполохах грязь, прилипшую к их душе.* Грязь, в которую они добровольно окунулись и барахтаются в ней, не в силах ни вылезти из неё, ни отмыться. Они не хотят видеть в своих испорченных портретах органичную часть своей прожитой жизни.

Её худшую часть. Её упрек. Её Совесть.

Может быть, я не прав, и они прекрасно знают о происхождении портретных призраков, но надеются, что именно я смогу их уничтожить, положив сверху несколько толстых мазков? Не могу понять: то ли мои клиенты действительно могут так наивно думать, либо... Либо это я такой наивный. Наивный – потому, что хочу хоть чем-то помочь тем, кто не хочет сам себе помочь и измениться в лучшую сторону.

В нашей галерее собралось за несколько лет более тридцати красиво выполненных портретов, присланных заказчиками назад. Портреты каждый день смотрели на меня, молчаливо спрашивая о своей судьбе. Я не знал, что же им ответить. Они не были виноваты в том, что отражали перевёрнутый и злой мир. Отражали тайную лживую сторону жизни изображённых на картинах персонажей.

В моей жизни наступил период серьёзных размышлений. Сегодня у меня есть, кажется, всё – успех, деньги, молодость, здоровье, семья, любимая работа. Но в то же время чего-то не хватает. Новая цель? Тоже есть, но я пока не совсем уверен, что именно она – единственно верная. Да и возвращённые картины висели надо мной дамокловым мечом, мешая двигаться вперёд. Голова гудела от мыслей и искала правильные решения, пока однажды...

– Отец! У меня родилась идея! Кажется, я знаю, что нам делать с этими портретами. Как ты помотришь на то, чтобы на время закрыть галерею для посетителей и открыть вместо неё небольшой музей?

– Музей вместо галереи? Благотворительность вместо бизнеса? Странная идея пришла в твою гениальную голову.

– Ну, не преувеличивай насчёт гениальности. Голова у меня самая обыкновенная. Впрочем, как и идея. Объясню по порядку. Ты же понимаешь, переписывать качественно написанные картины я не собираюсь. Это лишняя и никому не нужная работа. Трата сил, денег, времени. Силы и время – мои, деньги – моих заказчиков. Они охотно предлагают свои деньги. Не считают. Но зачем обманывать людей и вновь заставлять их платить за то, что я уже и так хорошо сделал? Сэкономим на душевных

волнениях. К тому же я не уверен, что подретушированный или перерисованный портрет не преподнесёт нам подобного сюрприза. Я решил, что лучше мы с тобой откроем музей и назовём его «Музей Совести».

В нём будут висеть только картины «с дефектами». Но не моей работы, а с дефектами жизни заказчиков этих полотен. Каждый из вернувших мне картину должен быть абсолютно уверен, что выступившие на ней тени прошлого видит только он один. То, через что он когда-то переступил – солгал, предал, обманул, убил, принадлежит только ему одному. Это он совершил что-то плохое, подлое, неуютное людям, и только он один должен жить с этим знанием. Это его жизнь и его Совесть.

Неожиданно проснувшаяся Совесть, не дающая теперь покоя душе.

Что ты скажешь?

– Боже мой, сынок, я повержен! Твоя идея действительно гениальна! Музей Совести! Название самое подходящее. Как хорошо придумано!

– Спасибо, Отец, мне самому нравится эта идея.

– Подожди, как же ты хочешь выставить картины с призраками?! Не будет ли это балластом для остальных посетителей?

– Другие посетители увидят профессионально написанные портреты. Кроме самого владельца картины никто заглянуть внутрь и распознать волнения его души не сможет. Ты же знаешь. Зловещая тайна скрыта от посторонних глаз.

– Верно. Тогда как же быть с нами? Ведь мы-то это видим и знаем? И потом, картины постоянно прибывают, ты рисуешь новые, но и среди них начали появляться призраки. Однажды нам может не хватить стен нашей галереи. Что тогда?

– На последний вопрос я не готов ответить. Впрочем, наш музей всегда можно расширить – прикупить соседнее помещение или найти новое, попросторней. Что же касается нашего тайного знания, то оно останется с нами. Мы с тобой решили много лет назад, что незачем о портретных метаморфозах рассказывать кому-то ещё. О портрете моей бабушки знали только мы трое. Аркадий Рэмович умер. Теперь нас осталось двое, и мы просто промолчим. Для нашей сегодняшней безопасности. Молчание – не ложь, и, следовательно, мы никого не обманем. Не так ли?

– Наверное, ты прав: молчать – не обманывать. Ты хорошо подумал. Хвалю. Но почему же ты хочешь закрыть галерею только на время? Чтобы потом вновь открыть её? Ты не уверен в своём новом проекте с музеем? Сплошные вопросы, ты уж извини, всё так неожиданно...

– Отец, не нужно извиняться. Мне понятны твои вопросы и твоё нетерпение. Попробую ответить, но у меня, к сожалению, у самого нет пока полной и ясной картины. Я в самом начале пути, многое мы должны обдумать вместе. Без твоей поддержки мне не справиться.

– Понимаю, но я задал простой вопрос...

– Да, конечно, на него я отвечу. Галерея будет закрыта временно только потому, что ничего вечного в жизни, кроме смерти, не бывает. Ты же сам меня учил. В одном ты прав: в расширении проекта с музеем я действительно не очень уверен, потому что не знаю, как поведут себя картины дальше, при стечении большого количества людей. Каждый, кто придёт сюда, принесёт с собой муки собственной Совести. И очень сложно предположить, как отреагируют на этот шквал эмоций картины, собранные вместе под одной крышей. Не получится ли такого же эффекта, когда картина Артёма начала истекать кровью Совести своего хозяина? Но это единственное, чего я опасаюсь. Хотя не думаю, что это может случиться. Молния не ударяет дважды в одно дерево. Вряд ли возможно, что кто-то из посетителей сможет увидеть призраки других картин... Что скажешь ты?

– Ты не прав, мой мальчик. Каждая из твоих картин индивидуальна и принадлежит её владельцу. В то же время она является отражением только его дурных поступков. Его неожиданно пробудившейся Совести. Другие люди никоим образом не смогут отгадать секрет, скрытый от них в других полотнах. Не беспокойся об этом. В данном случае каждый несёт за спиной собственный рюкзак и для рюкзака соседа у него ни теоретически, ни практически нет места. Каждый отвечает только за себя в этой жизни. Никто не посмеет ткнуть в него пальцем, кроме него самого, кроме его собственной Совести. Звучит замечательно, только вслушайся: *«Музей Совести» как отражение внутреннего мира человека, скрытого от других.* Поздравляю тебя с замечательной идеей!

Не скрою, такое признание приятно. Одним махом я мог освободиться от большой проблемы, мучающей меня. Хотя то скрытое, что я видел на картинах, не имело ко мне никакого отношения, я чувствовал себя каким-то образом причастным к пробудившейся Совести моих героев. Мне не нужен этот балласт. Это знание. Но, видимо, Господь дал мне зачем-то мой талант – открыть людям глаза, и я обязан выполнить мою миссию. Как, где, каким образом – точно я не знал, но двигался вперёд, полагаясь на интуицию и советуясь с мудрым Отцом. Ведь он тоже был послан мне свыше совсем не зря.

Итак, мой проект утверждён на семейном совете. Теперь можно приниматься за дело. Меня, нас ждала большая работа. Вначале нужно официально, по бумагам провести процедуру превращения галереи в музей. Большая и нудная бюрократическая работа. Работа не за совесть, не за страх, а просто за деньги, которые за такой ничтожный труд даже не положены. Ну да ладно с деньгами, если кто-то от этого станет счастливее...

К нашей с Отцом великой радости, для получения разрешения городских властей нам нужно было оформить только два документа. Но к этим документам приложить ещё с десяток весьма важных справок. Параллельно мы заказали новую вывеску. Разработали рекламные проспекты и небольшой красочный каталог. Но прежде всего пришлось, и совершенно правильно, испросить согласие наших клиентов. Письменно мы известили каждого из владельцев присланных мне портретов о нашем проекте. Пригласили их посетить галерею и подтвердить, согласуется ли отведённое картине место с их желанием. Нам нужно было получить дозволение каждого владельца картины на её экспозицию в музее, поэтому приходилось скрывать своё знание и цель под вежливыми витиеватыми предложениями.

Все приглашённые, как один, побывали в галерее, внимательно осмотрели не только свою, но и все остальные картины. Каждым из моих заказчиков двигали два чувства: любопытство и страх. Вполне понятные человеческие чувства.

Мы с Николаем Львовичем внимательно наблюдали за посетителями. Что интересно, все они вели себя одинаково. Все. Без исключения. На другие портреты они несколько раз быстро бросали взгляд. Подходили ближе. Видели то, что изображено, осматривали ещё раз, но мыслями были где-то далеко. К своим подходили не спеша и простаивали перед ними долго. Вглядывались в каждый миллиметр. Брали в руки принесённую с собой или позаимствованную у нас лупу. Не доверяли своим глазам. Никогда не верили, что другим посетителям совсем не видны явные «ошибки» художника. Пытались уличить меня в каком-то хитроумном обмане. Каждый из них подходил ко мне и задавал единственный вопрос:

– Неужели вы не видите этих непонятных пятен?

Посторонних лиц?

Чужих рук?

Не принадлежащих портрету предметов?

Не слышите странные звуки?

Непонятные голоса?

– Нет, – отвечал я. – Я вижу перед собой только хорошо написанную картину. Странно, но никто не видит и не слышит того, что видите или слышите вы.

Возможно, свет падает не с той стороны? У вас устали глаза? Что-то с давлением? Видели ли вы то же самое дома? Стали ли эти пятна светлее или ярче? Может быть, часть их исчезла?

Видимо, вам послышался шум с улицы – картины пока не могут разговаривать (здесь: виноватая улыбка художника, ободряющая заказчика).

Впрочем, всё может быть, и вы видите то, чего не вижу я, художник.

Смысла вас обманывать нет. Возможно, вас подводят ваши же глаза.

Переутомление. Усталость. Большой объём работы. Стресс (здесь: улыбка сопереживания).

Я – дорожу своим именем и своими клиентами.

Ваша картина, на мой взгляд, осталась такой, какой я её написал.

Не разрешите ли на короткое время выставить её в нашем Музее Совести и проверить, как она поведёт себя

- при изменившейся влажности,
- в другом помещении,
- при большом наплыве посетителей,

– среди других картин?

Вполне возможно, что тогда пятна, мешающие вам, исчезнут сами по себе.

К нашему взаимному удовольствию. Вы сохраните свой первоначальный портрет. Я – своё имя (здесь: улыбка уверенного в себе профессионала).

После такой дипломатической беседы я всегда получал согласие на экспозицию картины в нашем музее.

Люди предпочитали верить не себе, а утверждениям, что я не вижу ничего из того, что им колет глаза и не даёт спокойно заснуть. И они тут же начинали посыпать сахарной пудрой успокоения свою Совесть, которая в очередной раз пыталась вылезти из укрытия и напомнить хозяину или хозяйке о неблагоприятном поступке.

Утопив Совесть в сладких заверениях и обещаниях, они, криво улыбаясь, быстро задавали следующий вопрос, вызывающий подозрение:

– А почему музей называется так странно? Неужели нельзя было назвать как-нибудь проще? Каким образом он связан с совестью? И почему ваша «Совесть» пишется с большой буквы?

Мне хотелось крикнуть каждому из них: «Это не моя, а ваша Совесть! И написал я её с большой буквы именно для вас, слепых и глухих, чтобы вы проснулись и задумались наконец-то о своей жизни! Задумались о том, почему именно сейчас, глядя на собственный портрет, вы лишились сна и покоя. Почему именно сейчас задумались о причинах собственного беспокойства. Очнитесь и оглянитесь назад, признайте совершённое когда-то зло и хотя бы попытайтесь что-то исправить!»

К сожалению, я не мог никому из них сказать правду. Да они и не нуждались в ней. Привыкшие лгать, хитрить, изворачиваться, мои клиенты ожидали и от своего окружения услышать только те слова, которые им бы понравились. И совсем не обязательно эти слова должны отражать истинное положение вещей. Именно поэтому пришлось опять придумывать легенду. Заранее. Как тогда, много лет назад, для соседей Николая Львовича.

Легенда получилась тяжеловесной, не очень складной, но её слушали охотно. Солидно кивали головами, снисходительно соглашались, лукаво улыбались причудам художника, но – верили. И отходили, довольные. Никто не показал своей радости оттого, что Совесть – не про него.

– Вы знаете, господа, что людей привлекает всё необычное. Выходящее за рамки серого и обыденного. Именно поэтому мы и назвали наш музей не так, как все. Это своего рода эпатаж. Скандальное название. Но никому это название ни о чём не говорит. И одновременно говорит о многом. Каждый из нас, покупая конфеты, сначала видит фантик, а уж потом разворачивает саму конфету, не так ли? Это примерно то же самое, как... назвать, например, больницу «Голубой колодец». Или новый современный кинотеатр – «Кладбищенский карнавал». Нонсенс, вы не находите? Так вот, чем необычнее явление или название, чем ярче фантик, тем больше успех. Поверьте мне как профессионалу. Я знаю, о чём говорю.

Удивительно, но со мной соглашались даже самые трезвомыслящие, во всём сомневающиеся клиенты. И чем парадоксальней звучало моё объяснение, тем скорее они верили и оставались довольны, что к ним это не относится и ржавчина на их Совесть никому, кроме них, не заметна.

Мои слова не были ложью. Это лишь была не вся правда. Становясь профессионалом, учишься и этой стороне отношений. Попробуйте кого-то убедить в том, что недосказанная правда является ложью! Вы тут же найдёте как оппонентов, так и единомышленников. И у каждой стороны окажется правильный взгляд на это явление. И каждый будет прав, защищая свою правду. Правду полупустого стакана и правду стакана, наполненного наполовину.

Разрешение на открытие музея получено.

Стены двух больших просторных комнат галереи мы постепенно освободили от картин, предлагаемых к продаже, и их места заполнили портреты. Подготовительная работа хотя особенно и не обременяла, но заняла немало времени. В сентябре мне исполнялось тридцать два года. Открытие Музея Совести мы приурочили к этой дате.

За два дня до волнующего мероприятия мы остались с Николаем Львовичем в галерее одни. Закрыли двери. Опустили шторы. Решили проверить и внимательно осмотреть ещё раз наши экспонаты. Нас обоих не отпускало чувство тревоги и одновременно – волнения, ведь музей стал нашим самым большим и рискованным проектом.

Лично меня ни на минуту не покидало ощущение, что скоро, совсем скоро я открою широкие двери, из которых хлынет яркий поток света, чтобы обласкать своими лучами моих больных детей. Освободить их от вериг долгих и мучительных болезней, в которых те неповинны. Мне, как крестному отцу портретных призраков, хотелось по возможности быстрее распрощаться с коростами выросших на картины чужих грехов – ни один родитель не желает видеть своих детей ущербными. Любая же из моих картин была и осталась моим свершением, моим ребёнком.

Мы с Отцом вместе подходили к каждому портрету и долго всматривались в его изображение. Сердца наши сжимались от боли и сострадания. Но не к тем, кто смотрел нам прямо в глаза, а к бледным жертвам-призракам за их спинами.

Вот портрет пожилой дамы.

Она сидит, гордо откинув голову. В её слегка голубоватых, волной уложенных волосах сверкает диадема. Руки, лежащие на коленях, держат изысканный японский веер. Женщина одета в закрытое длинное бальное платье. Всё ещё красивая, с хорошей фигурой. Ухоженное, подтянутое лицо жёстко и холодно. Даже для портрета она так и не смогла улыбнуться. Хотя бы глазами. Всё это видит обычный зритель, и его притягивает к себе непрístupность и необъяснимая тайна светской дамы, закутанной в горностаевый палантин. Глубокая тайна, скрытая за холодной красотой, за богатой оправой.

Мы же видим за её спиной несколько – раз, два... восемь детских лиц, протягивающих к ней свои тоненькие ручки. Дети смотрят на неё мёртвыми глазами, пытаясь достучаться до её жестокого сердца. Что же такое страшное могло произойти в жизни этой женщины? Кто эти дети? Как и при каких обстоятельствах столкнулись их жизни? Почему они мертвы? Она повинна в их смерти? Загадка, отгадку на которую знает только она. И проступившая на поверхность картины её Совесть. Проснувшаяся Совесть, робко выглядывающая из-за спин мёртвых детей.

Или вот – весьма импозантный мужчина средних лет.

Сидит, вольготно развалившись в большом кожаном кресле. Одна рука его касается цилиндра. В другой зажата дымящаяся сигара. Светлые до плеч волосы красиво лежат на стоячем воротнике парадного тёмно-серого фрака необычного покроя. Глаза хитро прищурены, на чётко очерченных губах – довольная улыбка. Он богат. Уверен в себе и своих силах. Это – его внешняя сторона, видимая всеми и вызывающая тайную зависть откровенной жизненной силой. Но и тут есть незаметный для других призраков, притаившийся в виднеющемся за спиной героя небольшом озере. Если присмотреться, можно увидеть в воде слабое отражение тела молодой женщины с накинутой на шею петлёй. Конец петли уходит под воду, а задушенная женщина лежит на берегу. Почему именно здесь? Какая причина заставила несчастную расстаться с жизнью? Накинул ли петлю ей на шею мой клиент или это сделал кто-то по его приказу? Отгадку на эту шараду знает только он, светловолосый улыбчивый «джентльмен». И проснувшаяся Совесть, воткнувшая ему прямо в сердце острую иглу неумолимой правды.

Перед нами портрет двух мальчиков-подростков. Симпатичные близнецы. Гордость успешного папаши-банкира. Они стоят, обнявшись, в красивых спортивных костюмах. Радостно смотрят вперёд в своё безоблачное будущее. В руке каждого из них – теннисная ракетка. На головах – модные бейсболки известной фирмы. Нескладные худощавые фигуры подростков не мешают им излучать взрослую уверенность. Будущие спортсмены-чемпионы. Или банкиры. Но в любом случае – счастливы-богачи. За плечами этих благополучных мальчиков – котята и щенки, которые слабо повизгивают неслышными зрителям голосами. Что плохого могли сделать несчастные животные этим деткам?

Укусить? Царапнуть? Облаять?

Но даже за это разве можно отрубать животным головы папиным самурайским мечом?! А мальчикам, похоже, такая казнь доставляет большое удовольствие. Догадывается ли вечно занятый отец о кровавом развлечении своих обожаемых чад? Закрывает ли глаза на жестокое хобби или поощряет уроки охоты на зверей? Чужая семья – потёмки... У мальчиков ещё есть шанс перейти из категории кровожадных палачей в разряд обычных любящих и сострадающих людей, потому что их Совесть проснулась. Поймут ли они правильно её укор?

О-о-о, знакомая молодая женщина.

Я помню её отца. Весьма строгий господин в смокинге с атласными отворотами. У него не только отсутствовали волосы на голове, но и недоставало приличного отношения к людям, имеющим денег меньше, чем он. При общении этот господин был высокомерным и громогласным. Всё хотел показать, что он – величина, остальные – ничтожество. В отличие от отца, дочь не умеет говорить громко. Но зато умеет исподтишка больно ущипнуть пожилую прислугу. Пнуть ни в чём не повинную кошку. Между делом больно наступить на хвост собаке. Обидеть собеседника тихо просвистевшим сквозь зубы бранным словом. Странно, что её портрет вернулся к нам. Мне казалось, что её уснувшая крепчайшим сном Совесть никогда не проснётся. Но она ожила вместе с убитым молодой матерью младенцем. Вот он, этот малыш, смотрит на нас полуслепыми, едва приоткрывшимися глазками. Только-только родившийся. Успевший прожить не больше двух дней. Завёрнутый в большой платок и брошенный на дно заросшего травой колодца на окраине города. Упавший в холод, мрак и сырость. Где совсем не место для младенца, рождённого для жизни. Страшная молодая женщина с не менее страшным началом жизненного пути. Разве достойна жалости хладнокровная убийца? Нет, только её невинная жертва достойна и жалости, и глубокого сочувствия.

Симпатичного господина-рыболова я помню слабо.

Вспоминаю место, куда он меня привёз, чтобы показать реку. Райский уголок природы, не испорченный цивилизацией и дикими туристами. Мечта для любителей летнего отдыха. Рыбалка – хобби моего заказчика. Отдых от тяжёлой работы. Окно в природу, где он находит умиротворение и покой. Не интересовался, чем и как он зарабатывает себе на жизнь, кто по профессии. Бедным его никак не назовёшь. Денег у него достаточно. Что за душой? Знает только он и его Совесть.

Довольный рыболов, изображённый на картине, держит в руках огромную щуку – награду за целый день волнений в ожидании удачи. А откуда-то сбоку тянутся к нему переломанные руки женщины, хорошо видимые в свете фар. Тело её перемолото и похоже на кусок сюрреалистической фантазии с кухни дьявола. Перебито, измято, раздавлено. Большая красивая машина с виновником аварии несётся дальше, не остановившись, будто в неё забыли при сборке встроить тормоза. Оставляет позади себя облако выхлопного газа и лежащую на земле искалеченную жертву, попавшую под её быстрые безжалостные колёса.

Проносится мимо быстрым силуэтом. Фантомом.

Страх остановиться? Лень оглянуться? Равнодушие к случившемуся?

Откровенный цинизм хозяина жизни к человеку из толпы?

Безнаказанность, рождающая беспредел?

У водителя нет и капли жалости к чужой крови и боли.

Совесть улетает вместе с хозяином за блестящими лакированными боками машины, не оглянувшись, в раже бешеной скорости. И вот теперь, через много лет, Совесть проснулась и смотрит в упор с нарисованного мною портрета. Она – проснулась, но не в силах исправить содеянное. Как жаль, что нельзя подписать под портретом: «Человек – это звучит подло!»

Вот эту семью я помню хорошо.

Муж, жена, двое маленьких детей. Детки тихие, охотно играющие на ковре, такие же симпатичные, как их приветливая мать.

У отца мало времени для позирования.

Ему некогда. Много работы. Заботы и дела. И ещё одна семья. И ещё двое детей.

Вот они – рядом с ним. Но те, невидимые дети, чуть взрослей. Также любят отца и не знают, что он живёт на две семьи. На две лжи для других. На две правды для себя. Важная правда – для себя. Неважная ложь – для других. Всё – для себя. Остатки – для других. Похоже на сложную, полную проблем жизнь, с которой можно было мириться. До тех пор, пока этому тайному двоежёнцу не пришлось в голову заказать портрет. Теперь ему неуютно со своей Совестью, сиротливо стоящей непрошеной, нежеланной гостьей посреди двух семей. Посреди угрозы разоблачения отца семейств, нежно оберегающего свой собственный покой.

Эта пара заинтересовала меня с самого начала.

Он – высокий, стройный, с приятной внешностью и вкрадчивыми манерами мужчина. Она – красивая, с замечательно пропорциональной фигурой женщина. Запомнил же я их единственно потому, что оделись они для совместной картины как-то не совсем, на мой взгляд, подходяще. Мужчина вышел ко мне в новом чёрном фраке, атласном цилиндре и белых тонких перчатках. По всему чувствовалось, что этот наряд носить ему не с привычки. Женщина появилась тоже во фраке и таком же шикарном цилиндре, но вместо брюк на ней были только тонкие тёмные колготки. Красивые длинные стройные ноги, обтянутые тонким рисунком лайкры. На ногах – чёрные туфли на высоких каблуках. В руке – тонкий хлыст. Мужчина всё время шутил и посмеивался. Женщина не отвечала на его шутки, оставалась серьёзной. В её глазах светилась невысказанная грусть и печаль. Теперь мне понятно – почему.

Муж устроил у себя в доме бордель. И продавал богатым клиентам свою красивую жену. Одному. Двум. Трём. Вот она стоит безмолвной тенью, растерянная и растрёпанная, среди троих обнажённых и возбуждённых мужчин. Они не понимают слова «нет». Они заплатили столько, сколько им сказали.

За деньги – развлечение. С удовольствием или без него. Без него ещё занятней.

Сопротивление всегда раздражает. Игра без правил. Насилие без границ.

Вряд ли беспокойство весёлого господина во фраке, вызванное призраком на картине, пересилит власть денег. Скорее, наоборот, количество легко заработанных денег и молчание жертвы заставят опять уснуть пробудившуюся на время Совесть.

Трудно представить себе другой исход: такова жизнь. Таковы люди. Вопрос, почему женщина остаётся в стенах насилия, задавать не имеет смысла. Ответ, кроме неё, не знает никто. И она его никому не скажет...

Многие заказчики мне отвратительны.

Отвратительна их вульгарная внешность.

Дурные манеры.

Снисходительный или командирский тон в разговоре.

Но я люблю свою работу. Я делаю её с удовольствием и страстью, даже если лицо очередного заказчика мне глубоко несимпатично, вызывает отторжение. Клиент является для меня лишь объектом работы, способом заработать деньги. При этом я испытываю огромное удовольствие от самого процесса работы. От точного переноса эмоций и выражений живого лица на холст. А главное – правдивого воспроизведения его глубинной сути. Я запечатлеваю миг жизни и оставляю этот отпечаток на многие годы.

Этот мужчина-заказчик мне запомнился сразу.

Потому что точно соответствовал своему имени – Герман. Такой же, как у Пушкина, классический Германн. Такой же, как у Чайковского.

Красивый. Волевой. Страстный.

Говорю об этом с полной уверенностью, потому что «Пиковая дама» – единственная повесть Пушкина, прочитанная мною в зрелые годы. «Пиковая дама» – единственная опера, которую я вместе с Николаем Львовичем слушал в Мариинском театре. Они оставили глубокий след в моей творческой душе. Именно поэтому я не стал искушать себя и продолжать дальнейшее знакомство с классикой. Моё свободное время было ограничено рамками информации о художниках-классиках.

Их работами.

Моими успехами.

Своего Германа я сравнил с классическим Германном потому, что других примеров для сравнения у меня не было. Но мой клиент, в отличие от пушкинского героя, был ещё и очень богат. Во время сеансов Герман-заказчик не мог усидеть спокойно. Он метался и часто вскакивал с обитых бархатом качелей, на которых позировал для картины. Его как будто что-то мучило. Не давало покоя. А может быть, это и был его настоящий характер: беспокойный, неуравновешенный, дёрганный. В то время его поведение казалось странным и непонятным. Только теперь, спустя месяцы, при взгляде на его возвращённый портрет у меня прояснилась причина его тогдашнего беспокойства.

Позади сидящего на качелях Германа проявился ещё один его силуэт. Невидимый зрителю Герман кладёт подушку на лицо лежащей в кровати женщины. По возрасту она может быть его матерью. А может быть – и женой. На ней надет длинный кружевной пеньюар. Волосы разбросаны по шёлковым простыням. На прикроватной тумбочке – ингалятор. Женщина привыкла, что ей часто не хватает

воздуха при её астме. Сейчас же он ей без надобности. Решительный жест, несколько мучительных секунд – и Герман уже богат. Очень богат. Он – единственный наследник-сын или неутешный вдовец. Мне это достоверно неизвестно. Вижу только, что он – счастливчик-богач и убийца в одном лице.

Портреты окружают меня, и, если в них не вглядываться, можно подумать, что действительно попал в музей на интересную экспозицию. Модная денежная современность вперемешку с классической и порой экзотической манерой изображения. На картинах – небольшие странности, как необъяснимые прихоти клиентов, на которых те особенно настаивали.

Искусство не для масс. Только для избранных. Для тех, кто может себе это искусство позволить. Купить.

Но мне как художнику ясно видно, что может стоить это позволение. Я сумел почувствовать и отобразить ту страшную тайну, о которой знает лишь изображённый на портрете – и никто другой. Поневоле я являюсь палачом людей, которые доверились мне. Нет, неверно, я не палач. Палач находится в каждом из них – это их Совесть, которую они не смогли ни задушить дорогими подачками, ни раскаяниями в церкви.

Они так и не поняли, что Совесть купить нельзя. Ни за какие деньги. Нельзя стереть ластиком, как неправильно написанное слово. Нельзя отправить в далёкое путешествие, как поднадоевшую жену. Нельзя поменять на новую, как меняют обивку на вытершемся диване.

Мне жаль их. Себя же им, в отличие от меня, совсем не жаль. Так мне, во всяком случае, кажется.

Мы обошли с Отцом не спеша нашу экспозицию, не забыли ни одной картины и остались удивленным довольны. Но к нашему довольству примешивалось неприятное чувство, будто что-то неуловимое и непонятное не даёт нам насладиться замечательным искусством портрета. Как не даёт насладиться солнечным днём нечаянно попавшая в глаз соринка или натёртая новыми туфлями мозоль. Эту малость не видно, но она есть и мешает смотреть или двигаться.

Глазу больно, он постоянно слезится, пытаюсь вытолкнуть чужеродное тело, и омывает его слезами. Сморгнуть помеху нельзя, если она засела острым тончайшим концом глубоко внутри. Остаётся идти к врачу за помощью. Просить и ждать, пока он вернёт радость видеть без боли краски жизни.

Видимо, ко мне, как к врачу, и стремятся люди, вглубь души которых впилось острое жало Совести. Это жало нарушило их внутреннее равновесие и причиняет не проходящую боль. Невольно я явился причиной поразившей этих людей беды, которую они навлекли на себя своими отвратительными поступками, но излечить их от неё я не в силах.

Это только в их власти и желании.

Но только в том случае, если сумеют дорасти до этой простой истины.

Сами.

Без подсказки со стороны.

Золотое правило нравственности встало перед каждым висящим на стене портретом и протянуло свои руки к Совести его хозяев: «Не делай ближнему своему ничего из того, чего ты не желаешь для себя». Услышат ли этот призыв люди, которые придут сюда через два дня? Ведь в нём – золото мудрости и залог их будущей спокойной жизни.

ГЛАВА 18

Вернисаж

Открытие Музея Совести мы назначили на пять часов вечера в один из субботних дней холодной петербургской осени. В разосланных приглашениях мы назвали открытие вернисажем. Я долго настаивал на этом названии без объяснения причины.

– Что-то не пойму тебя, Антоша. У тебя появилась какая-то идея с лаком?

– С каким лаком?

– Тебе видней. Я думал, ты знаешь, что означает слово вернисаж.

– Конечно, знаю. Не зря все твои умные книги о живописи прочёл. Слово «вернисаж» родилось во Франции и означает «покрытие лаком». Перед тем как выставить свои картины, французские художники покрывали их лаком. Для большего эффекта. Что тебя здесь удивляет?

– Ты мне не говорил, что хочешь использовать лак. У тебя появились секреты от меня?
 – Секретов нет, но есть одна идея. И пока я эту идею не проверю, говорить тебе о ней не хочу. Только из-за этой идеи я назвал открытие музея вернисажем. Да и слово красивое, притягивающее... Не обижайся, но мне необходимо вначале самому разобраться со своей идеей.

Николай Львович улыбнулся и махнул на меня рукой:

– Ты уже давно большой мальчик. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Поступай как считаешь нужным, если понадобится моя помощь – я всегда рядом.

Петербург зарылся по самые крыши домов в поздний сентябрь. Голые деревья стояли, стыдясь наготы, зябко подрагивали тонкими ветвями и кутались в воспоминания о пышных летних кронах. Загазованный воздух лежал на широких проспектах города и лениво шевелился над водой многочисленных каналов, подгоняемый игривым прохладным ветерком. Лето закончилось, до зимы далеко. Людей окружала плотная серость наступившей влажной осени.

Горожане давно вернулись из отпусков и по прохладной, сырой погоде не спешили уезжать на выходные дни в загородные дома.

Наше приглашение на вернисаж оказалось очень кстати, почти все мои клиенты с удовольствием его приняли. У каждого из них был свой, только ему известный интерес в открывающемся Музее Совести. Те, в ком проснулась Совесть, считал, что он – единственный обладатель тайны, которая жжёт и мешает жить. Название музея им категорически не нравилось, но все до единого старались скрыть эту неприязнь под маской доброжелательства. Каждый из моих гостей в глубине души надеялся на то, что из-за множества собранных в одном месте картин и людей исчезнет, наконец, выпячивающаяся из его собственного портрета болезненная короста прошлого. Они наивно думали, что она, эта кровоточащая незаживающая рана затянется сама по себе.

И – о счастье! – вдруг исчезнет!

Рассосётся под множеством доброжелательных взглядов.

Под давлением потока похвал.

Испарится от тёплого дыхания положительных энергий.

Столь наивную надежду можно объяснить только тем, что люди старались схватиться за предложенную им возможность, как за тонкую соломинку, призванную вытащить их сухими на берег из болота дурных поступков. Из болота лжи, обмана, предательства. Они видели в этом последний шанс в борьбе с собственной Совестью. Невидимая другим борьба обессиливала, утомляла, забирала энергию, давила. Люди хотели жить спокойно и весело, не оглядываясь назад на совершённые ошибки, промахи и жестокие решения. Менять себя, сегодняшнего, никому из них не приходило даже в голову. И это было их право – право успешных и богатых.

На вернисаж мы разослали более шестидесяти приглашений. Каждое рассчитано на два лица. Дети и подростки проходили с родителями или родственниками без приглашений. Мы готовились к приёму около ста пятидесяти гостей.

Для посетителей в этот субботний день Музей Совести был закрыт. Официально он начинал работать с понедельника.

Такого огромного волнения я не испытывал давно. Для кого-то другого цифра в сто пятьдесят человек могла показаться незначительной, но для меня за каждым написанным портретом стоял живой человек, облечённый определённой властью. Каждый из них, моих героев, пришёл к своей вершине, совершив неблагоприятные поступки. И вот они-то, эти поступки, протягивали сейчас свои ожившие щупальца ко мне, подрагивая от нетерпения и позванивая тусклым колокольным звоном отпевания. Мощный сгусток энергии чужой ожившей Совести взывал ко мне, как к своему открывателю, просил о помощи.

Мне было очень и очень неуютно среди оживших призраков, я чувствовал большую ответственность за свой талант, который вытащил на свет этих чудовищ. Открытие музея становилось для меня своеобразным экзаменом на аттестат зрелости и мудрости. Экзаменом на знание человеческой силы и слабости. На знание бесконечной людской подлости.

Накануне, в пятницу вечером, поужинав в небольшом ресторанчике на Садовой недалеко от галереи, мы вернулись с Николаем Львовичем в студию и с волнением обсудили завтрашний день. Перед тем как идти домой, Отец накрыл мою руку своей и сказал:

– Сынок, я уже стар. Мне далеко за семьдесят. Я много видел и пережил. За те годы, что мы вместе, я поделился с тобой всем, что умел сам. Ты меня давно перерос в профессиональном плане. Ты умён и мудр для своих лет. Много видишь, понимаешь. Умеешь анализировать и делать выводы – это важные качества в жизни. Не каждый владеет таким умением. И я рад, что всё у тебя складывается хорошо. Музей Совесть – только твоё дитя. Тобой придуманное, тобой рождённое. Возможно, ты в полной мере не предполагаешь, во что выльется твоя идея. Ты пока не знаешь, обрадует или разочарует тебя твой ребёнок. Именно поэтому завтрашний день станет для тебя большим испытанием. Испытанием на зрелость.

Помни, сынок, жизнь – самый серьёзный экзамен на свете, и она редко предоставляет возможность тянуть второй билет. Потому так важно отвечать на поставленные вопросы не только быстро, но и правильно. На второй год в институте жизни не остаются. Неправильный ответ может стоить если не жизни, то больших увечий, разочарований, горя, зря потерянных лет. Попробуй сэкономить на этом. Поэтому учись и дальше жить набело, без черновиков.

Учись быть внимательным.

Ладить с самим собой.

Пусть нам завтра сопутствует удача. А сейчас – пойдём спать. Уже поздно, а нам ещё нужно добраться до дома...

За час до начала вернисажа двери музея впустили тридцать самых нетерпеливых приглашённых. Мы это, впрочем, предусмотрели и были готовы к приёму первых гостей уже с трёх часов дня. Можно было догадаться, что в необычный музей придут и необычные посетители, которых ни в коем случае ничем нельзя разочаровывать.

Каждый гость на входе получал бокал шампанского, сока или воды. По совету организатора вечера крепких алкогольных напитков мы не заказали во избежание нежелательных эксцессов. Решение, что встреча с искусством и крепкий алкоголь несовместимы, оказалось совершенно верным. Зато в просторной кухне для гостей были подготовлены подносы с тарталетками. Они стояли на столах накрытые салфетками и ожидали своего выхода. Маленькие корзиночки из хрустящего теста были наполнены разнообразными начинками: сыром, грибами, овощами, икрой – сладкие, острые, солёные. На любой, самый изысканный вкус. Их запах невидимой вуалью струился между картинами и вызывал лёгкое возбуждение посетителей: хороша ли еда? На подходящем ли уровне?

Гости заходили, оставляли на входе верхнюю одежду, брали напитки и растекались двумя ручейками по галерее: один поток людей – туда, другой – обратно, и вновь по кругу.

Они внимательно осматривали каждую выставленную картину. Приближали лицо то очень близко, то отходили от портрета подальше.

Стояли, покачивая головами.

Поджимали губы или растягивали их в улыбке.

Молчали или роняли несколько слов своему спутнику.

Спутнице.

Выражали искреннюю заинтересованность.

И только мы с Николаем Львовичем знали истинную подоплёку каждого внимательного взгляда, брошенного на картину.

Время от времени гости подходили ко мне, мы вежливо беседовали. Затем приближались другие и переводили разговор на свою персону. Всё шло так, как и положено на художественной выставке. Над головами висел плотный гул голосов, изредка прерываемый всплеском смеха. Смех умолкал, чтобы возникнуть вновь в другой части музея.

– А у вас здесь очень здорово, Антон Петрович. Мне нравится.

Обернувшись, я увидел Варю, стоящую с бокалом шампанского в руках. Она, кажется, ещё больше похорошела со времени её визита в галерею. Мне показалось, что та наша встреча произошла вечность назад.

– Варенька! Как хорошо, что ты тоже пришла. Но я тебя как-то не заметил в самом начале вечера. Ты с дядей?

– Нет, я приехала позднее. Меня даже пускать не хотели без приглашения. Вы забыли включить моё имя в список гостей.

– Я дал организаторам вернисажа список непосредственных заказчиков, чтобы они пригласили их с жёнами или мужьями. Про племянниц я как-то не подумал. Прости. После твоего звонка я бы прислал тебе приглашение отдельно. Как жаль, что ты не позвонила...

Настроение у меня было приподнятое, так почему не сказать хорошенькой девушке несколько приятных слов? Её появление удивило и обрадовало меня. Подняло уровень счастья ещё на один градус.

– Антон Петрович, а у вас этот музей теперь будет открыт каждый день? И почему у него такое странное название? Нельзя ли было назвать его как-то попроще, ну, хоть «Музей портрета» или «Музей лиц»?

– Все мои клиенты положительно отреагировали на это название, поэтому мы его оставили. Знаешь, Варя, мне прямо неловко. Почему бы нам не перейти на «ты»? Я ведь не настолько стар, чтобы ко мне обращаться по имени-отчеству. Во всяком случае, не хорошеньким молодым женщинам.

– Ой, с удовольствием! Только нужно взять ещё шампанского и выпить на брудершафт.

У моей знакомой оказалось игривое настроение, но мне стало не по себе. Я – хозяин вечера, и пить на брудершафт на глазах публики с одной из приглашённых, вернее, даже НЕ приглашённых не позволял статус. Пришлось быстро придумывать отступной манёвр.

– Варенька, и я выпью с тобой с большим удовольствием. Но давай отложим брудершафт. Не хочу, чтобы все мужчины стали мне завидовать. Подожди, пока публика немного схлынет. Надеюсь, у тебя достаточно свободного времени? Ты никуда не торопишься сегодня вечером?

– Нет, не тороплюсь. И завтра – тоже. Да-да, я охотно подожду, но не очень долго. А-а-а, конечно, до встречи.

Варя вежливо улыбнулась и отошла, уступая место возле меня очередному заказчику, горящему нетерпением поговорить. С его приближением на меня обрушился запах дорогого одеколona, смешанный с крепкой неприязнью.

– Антон, ты уже давно обещал мой портрет отреставрировать. Он у тебя находится больше года, а теперь ты вывесил его ещё и в своём странном музее. Музей – это же лавка древностей, а я пока живой и не такой старый, чтобы вечно тут висеть.

Мужчина рассмеялся собственной шутке. Допив шампанское, он поставил бокал на поднос подошедшему официанту и взял новый.

– Насчёт музея позвольте с вами не согласиться. Он – не лавка древностей, а собрание художественных портретов. В отправленном вам письме я сообщил, что потребуется время, чтобы разобраться с произошедшей метаморфозой. Вы мне дали на это согласие. И разрешение на то, чтобы поместить картину в музей.

– Ну, давал. Помню.

– Вы уже её видели здесь? Нравится ли место, где она висит?

– Видел. Нравится. Но я хочу, чтобы она висела у меня дома. Когда её можно отреставрировать? Или, может быть, это сумеет сделать другой художник?

– Не уверен, что кто-то другой сможет вам помочь. Я ведь так и не вижу тех пятен, что видите вы. И мне это, по меньшей мере, странно. Давайте пройдем к портрету и посмотрим. А вы мне объясните, какого рода пятна вы видите. Где конкретно, какого они силуэта, размера, цвета. Мне нужно знать всё, что знаете и видите вы. В вашем письме такие детали не были указаны. Идёмте же!

Я специально провоцировал заказчика, чтобы он, а не я, почувствовал себя неуверенно. Я-то давно знал, что именно видит он на своём портрете, что его тяготит и от чего он хотел бы избавиться. Мне стало интересно, попадёт ли он в расставленную мною простейшую ловушку. И главное, захочет ли раскрыть своё второе дно, открыть постороннему человеку вход во врата своей Совести.

– Ну, это не обязательно. Если ты... вы не видите пятен, то тогда я ещё подожду... Не обязательно подходить к картине, всё в порядке... Хорошего вечера, встретимся.

Мужчина сконфуженно повернулся, взял стоящую рядом женщину под локоть и, не говоря ни слова, повёл к выходу, по пути поставив пустой стакан на поднос официанту.

Проводив взглядом недавнего собеседника, я увидел спешащего ко мне старого знакомого – Артёма Назарова. Моя неприязнь к нему давно исчезла, уступив место снисходительному равнодушию.

– Слушай, старик, ну, здорово! Молодец! Спасибо тебе! Можно, я прямо сейчас заберу портрет с собой?

Вся его фигура выражала восторг, а маленькие, заплывшие жирком глаза светились неподдельной радостью.

– Не понимаю. Почему ты хочешь забрать портрет? Объясни толком.

– Да ты что, как не понимаешь?! Почему не сообщил, что ты его отреставрировал?! С него все пятна исчезли! Как это тебе удалось? Ну, молоток, то есть молодец!

Чуть воровато оглянувшись по сторонам, он облегчённо повернулся ко мне в уверенности, что никто из присутствующих важных господ в строгих дорогих костюмах не услышал не подходящее обстановке слово. Слушая Артёма, я отлично понял, о чём он говорит.

Перед самым вернисажем я проделал с его картиной маленький эксперимент, о котором не сказал даже Николаю Львовичу. И теперь, глядя на довольную физиономию Назарова, понял, что опыт удался. Чтобы убедиться в этом воочию, я охотно пошёл вслед за Назаровым. Он вёл меня напрямиком к своему портрету.

Люди, стоящие вокруг, слышали наш разговор и, повинувшись обычному человеческому любопытству, с интересом смотрели на нас. И когда Артём потянул меня за собой, несколько гостей пошли вслед за нами. Пройдя мимо разговаривающих, жующих и пьющих людей, Артём остановился около своего портрета и с радостным восторгом вновь обратился ко мне:

– Ну вот, смотри: ни единого пятнышка не осталось. Не знаю, как ты это сделал, но я очень рад. Получишь за хорошую работу премию, как я и обещал. Когда можно забрать картину?

Я молча слушал Артёма и одновременно рассматривал свою работу, пытаюсь найти на ней следы недавнего кровавого душа. Ничего. Ни единого красного пятнышка, так отчётливо видимого ещё совсем недавно. Всё исчезло и не оставило после себя даже небольшого напоминания, царапины, тени. Передо мной висел тот самый портрет, который я отдал много лет назад его владельцу в Анапе, – чистый и не омрачённый муками его Совести.

Замешательство уступило место новым чувствам, и я теперь уже не знал, радоваться или печалиться результатам своего опыта. Дальнейших возможных метаморфоз с картиной я предположить не мог.

– Да, Артём, я рад, что тебе нравится. Картина пусть повисит немного, пока свежий лак подсохнет. Я придумал новый рецепт лака специально для твоей картины и нанёс его накануне вернисажа. Так что не будем торопиться – ему нужно время для высыхания. Картину получишь через две недели. Когда она полностью высохнет, я отправлю её почтой.

– Ну уж нет, я приеду сюда через две недели и заберу свой портрет собственноручно. Вдруг он где-нибудь на почте задержится или, не дай бог, затеряется, не хочу рисковать... Вот так удружил, кореш, спасибо!

Довольный, Назаров развернулся на каблуках, подхватил худенькую жену под руку и отправился с ней к выходу. Долгожданный вечер встречи с собственной Совестью закончился для него счастливо. Каким-то образом он сумел запереть её обратно в тёмный чулан. Надолго ли?

В чудесное «исцеление» картины посредством лака я сам до конца не очень-то верил. Трудно сказать, почему, но меня не отпускало чувство, что лак – это совсем не тот путь, который может привести к успеху.

Во время нашего недолгого разговора вокруг меня собрались чуть ли не все пришедшие по приглашению гости. Они встали вокруг плотным кольцом и с любопытством поглядывали в мою сторону, тихо перешёптываясь, затем разошлись по залам.

И только когда я остался один, то понял, что каждый из них вернулся к своей картине с надеждой, что и с ней произошла такая же счастливая метаморфоза: портрет оказался отреставрированным.

Грозные пятна исчезли.

Ненавистные тени растворились.

Призраки ушли, наконец, в прошлое.

Но их надежды не сбылись: проснувшиеся муки Совести по-прежнему протягивали к своим хозяевам длинные цепкие пальцы.

Разочарованные, гости стали расходиться. Остались те, у кого ещё нашлось время, кто не был столь нетерпелив, наиболее любопытные и толстокожие. Они знакомились друг с другом, переговаривались, переходили от портрета к портрету, изредка поглядывая сквозь стёкла на ярко освещённую улицу.

После радостного откровения Назарова Николай Львович подошёл ко мне и спросил глазами: что это всё значит? Он пропустил нечто важное?

– Не сейчас, Отец. Потом. Я тебе всё объясню потом. Ещё сегодня вечером.

Он понимающе кивнул, а я, подхватив два бокала с шампанским, отправился к стоящей в сторонке Варе. На её плечи была накинута коротенькая шубка. Девушка, видимо, собралась уходить.

– Вот и я. Мы можем теперь выпить на брудершафт. Если ты, конечно, не передумала.

– Нет. Не передумала.

Она взяла из моих рук один из бокалов, скрестила свою руку с моей и осушила бокал до дна. Затем приблизила свои губы к моим и слегка поцеловала. На меня пахло лёгким ароматом свежей клубники, настоящей на белом вине.

– Тебе понравилась презентация?

– Понравилась. Было вкусно.

От такого откровения я слегка оторопел. Что это – шутка? Ирония? Скорее всего. Такая красивая и образованная девушка не ходит на презентации для того, чтобы только поесть.

– Не сомневаюсь, что вкусно. А ты видела картину своего дяди?

– Но ты же рисовал не его самого, а его жену с ребёнком. И эта картина висит у них в зале. Очень хорошо смотрится. И рама подходит под интерьер.

– Да-да, конечно. Я как-то забыл, что писал его домочадцев. Всё так и есть. Сегодня я пригласил очень многих клиентов, с кем работал эти годы. Их у меня столько, что можно позабыть детали...

– Ты мне не ответил, почему назвал свою бывшую галерею так странно. Неужели нельзя было придумать что-нибудь современной? Художественная выставка, например... И зачем вообще тебе понадобилось галерею переименовывать в музей?

Разговаривая, Варя скинула с плеч свою шубку и положила на изогнутую спинку красивого венецианского стула, стоящего у стены.

– Это не картинная галерея, потому что выставленные картины не продаются. Каждая из них закреплена за законным хозяином. Художественные выставки предназначены для временного показа произведений. А я хочу свои картины показывать до тех пор, пока их владельцы мне позволят. Вот отсюда и возникло слово «Музей». Музей – многозначное понятие. В музеях собирают, хранят, изучают и выставляют произведения искусства. Поэтому определение «Музей» как нельзя лучше подходит к этому проекту. Как только я разберусь...

На последнем слове я загнулся, потому что понял, что красота девушки, возбуждение от множества гостей и выпитого шампанского могут сослужить мне плохую службу.

Варя – не ямка, а я не раб короля Мидаса, чтобы шептать в эту ямку известную только нам с Николаем Львовичем тайну. Именно в эту минуту мне стало понятно, как может отягощать знание чужих секретов. Стоит мне только раскрыть рот и намекнуть, что я вижу на портретах, вывешенных по стенам моего музея, так тут же меня будет ожидать участь того самого легендарного раба: смерть. Поэтому мне следовало быть весьма и весьма осторожным в своих высказываниях. Видимо, само провидение остановило поток невольного и ненужного красноречия.

– Алё, Антон, так с чем ты хочешь разобраться?

На меня смотрели внимательные, подёрнутые насмешливой плёнкой любопытства, замешанного на шампанском, красивые голубые глаза.

– Мне нужно проверить лак, который я придумал. Это очень интересно для меня, но совсем не интересно для такой красивой девушки, как ты. Лучше расскажи о себе. Ты где-то учишься или работаешь? Ведь я о тебе ничего не знаю.

– Заканчиваю экономический факультет университета. Буду работать у дяди в конторе, он уже для меня хорошее местечко подготовил. Вообще-то здесь не место говорить по душам. Вон, опять к тебе идут заказчики. Так что я лучше поеду домой. Спасибо за приём. Заскочу, когда буду в ваших краях. Если не возражаешь.

– Конечно, заходи. Мы с Николаем Львовичем будем очень рады видеть тебя. Но особую радость ты доставишь своим посещением, конечно, мне.

Я помог Варе надеть невесомую шубку и махнул рукой, прощаясь. Ко мне уже подходил солидный полный господин, одетый в модный серый костюм. Тёмно-бордовый с искрой галстук притягивал взгляд к его широкой развёрнутой груди. Я вспомнил, каких призраков отображал портрет подошедшего ко мне мужчины. У него в прошлом была история с утопленником. То ли он помог кому-то

утонуть, то ли из-за него кто-то утопился – мне об этом не было известно. Но ему – наверняка. И эта трагическая смерть не давала, видимо, жить его Совести спокойно.

– Антон, а почему ваш музей называется с такой претензией? Вы что, через эти портреты хотите воззвать к совести людей, изображённых на них?

На меня смотрели, не мигая, умные глаза средних лет мужчины. Взгляд его был тяжёлым и пригибал к земле.

– Ну что вы, какая претензия! Мне хотелось просто надеть побольше шума в городе. Привлечь новых заказчиков и разбудить интерес у остальной публики. Вы же понимаете, что чем непонятнее название, тем больше интерес. У меня на выбор были три варианта, но этот оказался наиболее интересным.

– Неужели вам не хватает клиентов? Я думал, вы достаточно известны...

– Клиентов никогда не бывает слишком много. Вы, как бизнесмен, это знаете лучше меня.

– Да, конечно... Скажите, с полчаса назад тут один мужчина сказал, что у него с картины исчезли все пятна. Значит, вы нашли всё же рецепт восстановления картин? Ведь не у меня же одного из-за ваших некачественных красок проступили пятна плесени или чего там ещё, не знаю...

– Понимаете, Константин, – я, наконец, вспомнил его имя, – у каждой выставленной здесь картины только свой, присущий ей дефект. Картины писались в разных условиях разными красками. И в квартирах, и на озёрах, и у костров, и так далее. Ваш портрет я писал в саду недалеко от пруда. Разная влажность воздуха, температуры, многие другие факторы могли сыграть роль в том, что картина получилась в итоге с небольшим дефектом. Но вот парадокс – дефект, по вашим словам, есть, но я его не вижу. Вы – единственный, кто это видит. И всё же, несмотря на это, я ищу возможность исправить эту неприятность для вас. Скажу откровенно, это очень сложно. Почти так же сложно, как искать чёрную кошку в тёмной комнате. Так что дайте мне, пожалуйста, ещё немного времени. Вы же видите, с одним портретом у меня получилось, наверняка получится и с вашим.

– Ну, хорошо. Я подожду. Разрешите задать последний вопрос.

– Конечно.

– Скажите, портреты, выставленные сегодня здесь... Они, ну, у них всех есть пятна, подобные моим?

Мне понадобилась всего секунда, чтобы ответить без запинки. Это был пятый или шестой человек, задающий подобный вопрос. Ещё перед открытием я догадывался, что вполне могу его услышать, и заранее подготовился.

– Нет, кроме вашего, у меня всего три портрета, хозяева которых указали мне на плохое качество красок. Другие картины выставлены в музее лишь на некоторое время. Их владельцы или переезжают, или делают ремонт, у кого-то уже есть портреты, поэтому они охотно предоставили эти работы для вернисажа. В качестве поддержки. Вы же понимаете, что художнику даже моего уровня трудно прожить без финансовой и дружеской поддержки обеспеченных людей. И я благодарен заказчикам за то, что они пошли мне навстречу. Их содействие для меня в данном случае оказалось важнее денег.

На лице Константина проступило явное облегчение после моего объяснения. Неопределённо кивнув головой, он отошёл от меня и направился к висящей недалеко картине.

Ложь далась мне нелегко, но она защищала от непредсказуемых поступков владельцев картин, их потенциальной агрессии, которая могла бы проявиться вместе с правдой о существующем положении вещей. Вынужденной неправдой я не делал никому зла, зато охранял свою жизнь, благополучие моей семьи. Этим объяснением я в очередной раз успокоил себя.

Презентация закончилась только к часу ночи. Я не понимал, что же так долго удерживает здесь людей: картин было не так много. Места – тоже. Бесплатные еда и напитки – не повод задерживаться в музее до полуночи. Без танцев и веселья. Впрочем, можно было догадаться, что у каждого пришедшего на наш праздник была своя цель, о которой знал только он.

Закрывая музей, я довольно улыбался: в общем и целом презентация прошла неплохо. Мне удалось организовать встречу клиентов с их собственной Совестью и одновременно не подставить под удар себя, невольно выдав их тайны. Первый шаг был сделан. Оставалось только ждать, что же последует дальше.

Проза

Александр Герасимов

Александр Владимирович Герасимов – прозаик, драматург. Родился в 1955 году в таёжном Приамурье, на Дальнем Востоке работал учителем, редактором газет и телевидения, генеральным директором государственной телерадиовещательной компании «Амур», трижды избирали председателем Амурской областной организации Союза журналистов России. С 2011 года живёт в Калининграде. Рассказы публиковались в России, Австралии, Германии, Канаде, Чехии. Член редакционных коллегий литературных журналов «Берега» (Калининград, Россия) и EDITA (Вестфалия, ФРГ). Награждён орденом Преподобного Сергия Радонежского Русской православной церкви, заслуженный работник культуры РФ.

ТАЁЖНЫЕ ИСТОРИИ

МЫШОНОК

Через заросли красно-бурых кустарников, тоненьких блестящих осинок-берёзок мы вошли в зимний лес. То была опушка, воротничок леса. Но здесь деревья степенные, высокоствольные. Остановитесь, прислушайтесь к своему дыханию. Воздух свежий, студёный. Чистым снегом пахнет. Хорошо!

Славный снег выпал, мягкий, пушистый. И целёхонькие снежинки россыпями бриллиантов светятся, сверкают, искрятся; несмелый ветерок, шёпотом гуляющий среди деревьев, их легче пуха подхватывает и бережно опускает. А бывают снежинки как крупка, они белыми рыхлыми градинками выпадают, как сахарная пудра, как мерцающие звёздочки, как мохнатые пёрышки, такими художники на картинах любят изображать, но эти – самые красивые, ажурные, лучистые – из детства, тогда, упав на ладошку, они казались огромными и сказочными, но, к великому огорчению, тихо истаивали и растворялись.

Солнечно, но оттепелей и сильных ветров не было, оттого не взялись снега корочкою наста. В сугробах снег тоже разным бывает: воздушным, шелковистым, бархатным, колючим, жёстким, клёклым, волглым – не счесть, всевозможным. А какие разные случаются снегопады: глухие отвесные, косящие наклонные, карусельные, а ещё – слепящие метели и хлётские метелицы, разгульные выюги, тоскливые завихури, заверти, замети, позёмки... Ух, попал я в снежные передряги – как-нибудь расскажу, если не очень торопитесь.

Сегодня снег радостный. Праздник, а не снег.

Дробинки следов видите? Эту строчку мышонок оставил. Пробежал немного, припорошенные сухие былинки понюхал, развернулся, чиркнул тонким хвостиком пышный снежок, зашпешил дальше и нырнул в рыхлую норку. Сейчас он под снегом – в придавленных опавших листьях у него лабиринты проходов и уютное круглое гнёздышко, высланное мягкими сухими травинками и пушинками увядших цветов. С одним таким мышонок я дружил.

Много лет назад работал на таёжном Севере учителем. Там настоящая тайга начиналась сразу за домами посёлка лесорубов. После школы, а иногда и до уроков я ходил в таинственные чащи. Ступал по мягкому, толстеному, годами нараставшему ковру осыпавшейся лиственничной хвои – идёшь, затаив дыхание, потому что шагов своих не слышишь. Бродил дивным таёжным ручьём, вода в нём чистая-чистая, и гладкие камешки на дне словно колышутся, пытаются обогнать один другого.

А однажды я заблудился. Когда неблизко уходил, старался придерживаться чуть приметной тропинки, набитой охотниками к дальним озёрам и зимовью. Но тут увлёкся табунком рябчиков, всё время отлетавших от меня, стал за ними продираться через цепкие кусты, обходить завалы рухнувших деревьев, вывернутых корней и заплутал. Был конец октября. Небо мерклое. Меленькие снежинки

мельтешат. Знобко мне стало. Решил в посёлок возвращаться. Пытаюсь на тропку выйти, да найти не могу. Стараюсь одного направления держаться, пробиваюсь сквозь дебри, а вновь свои же рыхловатые следки на снежной порошнице вижу, – оказалось, что круги наворачиваю. Всполошился. Неужто в тайге ночевать придётся? С собою даже спичек не взял, обут в ледяные сапоги, ноги стынют. Назавтра у меня – день рождения, двадцать пятое. Вот попал... А может, попытаться выйти по своим следам, – рассуждаю, – пока их ещё не совсем присыпало. Разворачиваюсь и по едва различимым отпечаткам резиновых сапог начинаю распутывать собственные блукания. Долго ли коротко, а вышел-таки на знакомую тропиночку. И едва успел, потому как запорхали большие лохматые снежинки, и натоптанное мною скрылось, исчезло в белом саване. От сумятицы и беготни распалился, вымотался. Сел, привалился спиной к лиственнице, ладони в рыхлый снежок опустил, а там кустики брусники, а на них твёрдые шарики. Коченелыми пальцами веточки прочёсываю и мёрзлые ягодки с чистым снегом в рот отправляю. И так мне хорошо стало! С кем бы радостью поделиться?

Тут-то он и появился. Лесной мышонок. Тёмный на снегу, кругленький. Нашупал в кармане батончик с изюмом, в школе купленный, отламываю кусочек, протягиваю зверушке. Подумав, тот подбегает, осторожно нюхает, доверчиво берёт угощение в маленькие лапки и быстренько уносит под ворох опавших листьев. Покрутившись, пошуршав в своей крохотной берложке, возвращается. Немного погода от моего батончика ничего не осталось. Из смурого ненастного неба лохматый снег полетел охапками. Я попрощался с маленьким приятелем и поспешил домой. Снегопад усиливался, густел, а, когда я подходил к посёлку, стал таким плотным, что вытянутой руки невозможно увидеть.

Ночью я сочинял письмо девушке Люсе о первом снеге и забавном мышонке. Любимая связала и подарила мне красивый шерстяной пуловер солнечного цвета, он меня грел, в печке потрескивали, шипели и пищали сырые поленья, пахло смолой, а снег за мокрым окном всё падал и падал. Но утро было восхитительно погожее, лучезарное. С хорошим настроением отведя уроки, купил два батончика с изюмом и заторопился в заснеженные кущи. Рыхлый снег был по колени, но я бороздил его не хуже вездехода. Смог найти вчерашнюю лиственницу. Под нею на первоснежье увидел бисерные тропочки моего дружка. Через малое время он и сам объявился, узнал меня, подбежал и привстал на задние лапки. Один батончик я покрошил ему, другой съел сам. Так и отметили мой день рождения. Мышонок был внимательным и отзывчивым собеседником.

Я ещё с неделю приходил к маленькому другу, приносил лакомство. Конечно, я считал себя серьёзным взрослым человеком, в тайгу ходил вовсе не для этих встреч. В руках у меня были то ружьё, мечтал добыть царственного глухаря, то спиннинг с удочкой – на благородного тайменя. Но в трофеях случались только рябчики да хариусы. Потом повалили непросветные дремучие снега. А когда погода наладилась, раза три пытался найти ту лиственницу и не отыскал. Огорчался, успокаивал себя, что в норке под пухлой снежной периной крохотному мышонку должно быть тепло, а запаса моих гостинцев хватит надолго.

Давно была та история.

Девушка Люся стала моей женой, – получив в подарок вязаный ею пуловер, посчитал, что обязан жениться.

Я уже не пишу простодушных писем. Некому. Но иногда сочиняю наивные рассказы. Будто бы с кем-то беседую. Как с тем чутким мышонком в тихой тайге на снегу под высокой лиственницей, сбросившей до весны свою мягкую хвою.

Ну вот, опять вы куда-то спешите. Понимаю. Не до беспечных прогулок. Дела. Да и эка невидаль – лесные мышки. А они, между прочим, в отличие от полёвок и серых домашних, замечательны незаурядной сообразительностью и бесподобным проворством, даже по деревьям умеют лазать.

ЖЕНЬШЕНЬ

В лето того довольно далёкого года я в очередной раз решил что-то себе доказать. Взял отпуск и уехал в Приморский край. Мне предстояло в одиночку пройти добрую сотню километров по тайге вдоль отрогов Сихотэ-Алинского хребта. В рюкзаке кроме брезентового полога, минимума продуктов, котелков были компас, блокнот с карандашами, фотоаппарат с кассетами чёрно-белой плёнки, бинокль и две дюжины патронов с мелкой и крупной дробью. К патронам имелось ружьё шестнадцатого калибра, раздолбанное и незарегистрированное, которое по окончании похода не жалко было

выбросить. При таком снаряжении отправиться в дальнейшее путешествие по незнакомому маршруту может только неисправимый романтик и авантюрист.

Но в тайге я не новичок, пропасть вовсе не собирался. И поход складывался благополучно. Пробирался через дебри. В таинственном мире тугих, налитых соками зарослей каждую секунду что-то происходило. Шумно срывались с насиженных мест невидимые звери и птицы. Прямо из-под ног вылетали встревоженные пичуги. Трещали слюдяными крыльями огромные пучеглазые стрекозы. Порхали исполненные монаршего величия чёрные махаоны, этих гигантских бабочек нигде в целом свете не найдёте столько.

Пытался рисовать, фотографировать и даже философствовать. Удивительное явление – наше короткое лето. Однажды начавшись, оно кажется бесконечным. Забывается, что была на свете и, возможно, будет вновь холодная вечность зимы. И люди, живущие в лете, и оно само думают так и надеются на собственное бессмертие. Наивные мы и этим счастливы. – Примерно так, со свойственным молодости снисходительным глубокомыслием, я тогда рассуждал.

На четвёртый день похода нащупал едва заметную, теряющуюся в зарослях тропку. Она вилась в сотне метрах от каменистого берега шумливой таёжной реки. Здесь я и увидел тревожный флажок – ленточку выгоревшего брезента на ветке. Остановился и огляделся. Тряпочка была повешена недавно, примятые и сломанные листья не засохли, а только привяли. Рассмотрев кусочек брезента, я заметил на его краешке смазанный красный отпечаток пальца. Понял, что это кровь. Едва заметные бурые пятнышки были и на тропинке. Услышал тихие стоны. Прошёл навстречу звукам и увидел человека, он лежал на взгорке у корней двух огромных кедров. Выцветшая «энцефалитка» и такие же штаны были разодраны. Правый рукав куртки от самого ворота почти оторван, – в прорехе на плече глубокая запёкшаяся царапина. Правая штанина от пояса до колена тоже зияла сплошной дырой, сквозь которую виднелись вывернутые наружу мышцы бедра. Ремень на штанах порван. Одежда и земля вокруг в тёмных пятнах и сгустках засохшей крови. Под левой рукой старинная бердана с затвором, треснутым прикладом. В стороне – две стреляные гильзы двадцатого калибра. Всё это я разглядел на бегу, за пару секунд. Подбежал, наклонился к изголовью, свинтил пробку у фляжки, приподнял страдальцу голову, стал осторожно через запёкшиеся губы вливать воду. Судорожно, захлёбываясь, пьёт. Это хорошо. Сейчас очнётся. Поговорим – покумекаем.

– С...с...спсиб...

Ну вот, заговорил.

– Пожалуйста. Ты как?

– Нрмально.

– Я тоже оптимист. Что делать будем? У тебя серьёзная рана. Может заражение пойти.

– Знаю. Пробьёмся...

Всё. Выключился. Потерял сознание.

На вид ему лет сорок. Лохматый. Светлая борода растёт почти от самых глаз, широкой лопатой тянется до ключиц. Роста среднего, сложения крепкого. Но слишком много потерял крови. Раненое бедро сильно опухло, уже гноится. Но сухожилия, вижу, целы. Достая флакончик спирта и бинт. Пытаюсь промыть рану. Хотя толку от этого никакого, раньше бы это сделать.

Догадываюсь, что порвал его медведь. Но не бурый мишка, с тем не забалуешь, а чёрный белогрудый. Этот размером мельче, но паскуднее. Азиатский характер у чёрного медведя, злопамятный и мстительный. Если ты ему чем-то насолил – спугнул с добычи, помешал жрать ягоды или дрыхнуть на солнцепёке – убежит, но потом обязательно вернётся и отомстит. Не уследишь – разорит стоянку, в ключья порвёт рюкзак, палатку. Даже ружьё может погнуть и погрызть. Но напасть на человека – это и для него сверхнаглость. Был или раненый зверь, или от рождения пакостного нрава отморозок.

Похоже, что бедолага пострадал не здесь. Сюда пришёл, пока были силы. Но зверюга напал где-то недалеко от этого места. У человека ружьё, потому нападение было внезапным. Или подкараулил, или подкрался. Однако в последний момент человек успел увернуться, потому что голова не повреждена. Медведь первым делом сдирает скальп от затылка до лба. Охотники говорят, что якобы не может видеть глаза, потому и закрывает их лоскутом кожи с головы. Отметина от медвежьего когтя на плече, значит, успел среагировать. Замах звериной лапы был страшным. Хорошо, что когти зацепились за крепкий брезентовый ремень штанов. Ремень лопнул, но удар ослабил. На бедре осталась глубокая рваная рана, но могло быть ещё хуже. Хотя и сейчас ничего хорошего.

Медведь не убил его, потому что человек успел выстрелить. Или испугался зверь, или был ранен, но факт, что убежал. Нет, не ранен, просто струсил. Раненый зверь был бы в ярости и добил добычу. Почему я не допускаю варианта, что медведь в той стычке мог быть убитым? Потому, что зверь возвращался, приходил уже сюда, к двум кедром. Бородач был ещё в сознании, начеку, – вот они, две стреляные берданочные гильзы.

А место для стоянки он выбрал доброе. Обзор хороший, незамеченным сюда не подойдёшь. На взгорке сухо, кроны кедров и от солнца защитят, и от дождя. В десяти метрах чистый ключик.

Но дело кислое. Рана продолжает воспаляться, нужны антибиотики. Больного надо срочно доставить в посёлок. А это семьдесят километров сквозь заросли, через тайгу, мари, участки скальных осыпей, небольшой горный перевал, два десятка речушек да три брода по горным порожистым рекам. Я мужик здоровый, могу тащить, где на плечах, где на волокушах из ветвей. Но не донесу, не успею.

Пока про всё это рассуждал, успел вскипятить котелок, сварить и запарить таёжный «чай» из листьев элеутерококка, земляники и красной смородины, с ещё зелёными плодами актинидии и уже бурыми ягодами маньчжурского лимонника, дикого барбариса и крупного приморского шиповника. В летних походах я никогда не завариваю чай из пачки, свежие дикоросы и полезнее, и вкуснее. Остуженным отваром начинаю отпаивать своего нового знакомого. Точнее – незнакомого, поскольку имени не спросил. Надо – сам скажет.

Бородач открывает глаза и говорит, как будто продолжая прерванный разговор:

- Пробьёмся.
- До посёлка донести не успею.
- Знаю. Далеко. Переправы. Не дотащишь. Три дня и сам встану.
- Лекарств нет?
- В тайге лекарство.
- В зимовье, лабазе? Антибиотики?
- Нет. Я расскажу. Научу тебя.
- Чему научишь?
- Всему. Ружьё есть?
- Есть. Шестнадцатый калибр. Дробь: семёрка, тройка и нулёвка.
- Нулёвку заряди. Иди, убей зайца. Их здесь много.
- Прямо сейчас?
- Да, поспеши.
- Как скажешь...

Встаю, заряжаю ружьё. Зайчатинки ему захотелось. А почему нет? Может, это последняя воля умирающего?

Я отошёл на двести шагов к большим таёжным лопухам. Такие места зайцы любят. И точно, здоровенный зайчище высунулся из зарослей и лениво запрыгал прочь. Вскидываю ружьё. Бабах! Готов косою: перевернулся через голову, дрыгнул задней ногой и замер.

Возвращаюсь с добычей. Мой напарник заметно ожил. Сумел присесть, упершись спиной в красноватый кедровый ствол. Глаза закрыты.

- Заяц?
 - Заяц-заяц! – говорю я голосом ушастого персонажа из популярного мультфильма.
 - Распори его до хребта и повесь на солнце. Вон на ту ветку.
 - Что? Рагу не будет?
 - В другой раз. Шкуру не сдирай.
- Распарываю тушу ещё горячего зайца, верёвкой за задние ноги вывешиваю на солнцепёк.
- Смотри, – говорю, – как его мухи сразу облепили. И откуда налетели? Не понять.
 - Они везде. Мухи – это хорошо. Хорошие мухи.
- Я не стал любоваться хорошими зелёными мухами, вернулся к раненому.
- Ты кто? – спросил я.
 - Человек. А ты?
 - Тоже человек.
 - Вот и познакомились, – болезненно улыбается, – ты мух не отгоняй, мне их черви нужны.
 - Личинки? Опарыши?

– Да. Я пока посплю. Сил мало.

Человек вновь закрыл глаза и, видимо, потерял сознание. Я заготовил и натаскал дрова для кострища, как смог оборудовал бивак. Потом заваривал таёжный чай с травами и ягодами, разводил в кипятке сгущённое молоко – поил горячими напитками свалившегося на мою голову страдальца. В этих хлопотах протянулись сутки. Раненому становилось хуже. На тушке зайца роились полчища мух. Вновь была бессонная ночь у костра, пришло утро, наступил день, и я заснул крепким сном.

– Эй, – услышал я голос, – эй, человек! Просыпайся!

Открываю глаза. Мой подшефный, хотя и в сознании, выглядит дряннее вчерашнего. Его знобит и колотит. Рана продолжает воспаляться, и я понимаю, что уже сегодня-завтра могут начаться осложнения: отравление крови, гнилостная гангрена.

– Не бойся. Гангрены не будет.

Похоже, что мы об одном подумали. Сейчас его проблемы стали и моими.

– Согрей воды, чтобы не горячей была. И не холодной. Будем червяков купать.

Он знает, что мне делать. Это не бред. Нагреваю чистую ключевую воду градусов до двадцати пяти, трогаю пальцем. Сосед следит за мной.

– Не холодная? Не замёрзнут?

– Не простынут. Чихать не будут.

– Тащи сюда косога. Червячков не стряхни.

Приношу подвоявшего зайца, на внутренностях которого шевелятся мелкие опарыши.

– Червячков отмой. Только пальцами не трогай. Мне инфекция не нужна.

– Ты что, их есть собрался?

– Увидишь.

Споласкиваю гадких мушиных личинок, осторожно сливаю воду.

– А сейчас высыпай их на рану. Не бойся. Мне хуже не будет. Вот. Молодец. Тебе уже можно в уголке дедушки Дурова выступать. Номер с дрессированными червяками.

– Наверное, ты шутишь?

– Угу.

– Значит, жить будешь.

– Я и не сомневаюсь. Ты поаккуратнее, понежнее с червячками. Смотри, чтобы равномерно распозлись.

– Они тебя сожрут.

– Нет. Есть будут только гнильё.

– Уверен?

– Знаю. Учись, студент.

– Я не студент. Я учитель.

– Тем более учись. Других научишь.

– И сколько они тебя будут глодать?

– Сутки. Пока не разтолстеют. Расслабься. Спирт есть?

– Есть.

– Выпей. Боюсь, стошнит тебя. Совсем зелёный стал.

– А ты выпьешь?

– Нет. Я вообще не пью алкоголь.

– Завязал?

– Даже не развязывал.

– Старовер, что ли? Божий человек?

– Все мы Божьи твари. Меня можешь Лешим звать. В посёлке так называют. Ты зайца унеси на север, триста метров. В большой муравейник брось. Только муравьев сюда не приведи. Извини, мне поспать надо.

Опять вырубился. На рану страшно смотреть. Мелкие трупные личинки мух освоились, шевелятся в гнилой плоти живого человека. Господи, чего только в этой жизни не увидишь! «Сходил за хлебушком», прогулялся по тайге...

Уношу вонючего зайца. Издалека забрасываю тушку к полуметровому муравейнику. Через сутки от зайца только сухие косточки белого скелета останутся. Как советовал Леший, близко

к муравейнику не подходил, чтобы не привести мелких лесных троглодитов к биваку, к больному человеку.

Через час он проснулся. Резко открыл глаза, потянулся к берданке.

– Ты что, – забеспокоился я, – стрелять собрался?

– Тихо, медведь. Ты куда зайца выбросил?

– К дальнему муравейнику.

– Медведь там.

– Уверен?

– Знаю. Он всегда был здесь. Рядом. Не подходил. Потому что боялся. Нас двое. Если бы не ты – пришёл бы. Он меня давно задрать и забрать хочет. Сейчас зайца жрёт. Я слышу. Вот что: возьми мою бердану, пойди и шугани его. Стреляй метров за сто. Чтобы картечь над его башкой прошла и ветки посыпались. Пусть обделается. Не бойся, он убежит. Ты ему не нужен. Ему я нужен.

Как быстро я стал подчиняться этому человеку. Делаю всё, что он говорит. Беспрекословно. И несколько не сомневаюсь в его правоте. Командир, блин. А я – солдат рядовой, будто бы всегда только тем и занимался, что выполнял чьи-то команды. Это я – дитя свободы, который после института на полуторамесячных военных сборах умудрился заработать восемнадцать нарядов вне очереди и трое суток гауптвахты. Ненавижу ходить строем и выполнять дурацкие приказы. Я для того и в тайгу приезжаю, чтобы не слышать команды: пойди туда, сделай то, доложи и встань смиренно. Сейчас! Вот вам!

Чего это я разухарился? Надо задержать дыхание. Через прорезь мушки вижу медведя. Ни хрена себе! Таких гигантов из мелкой гималайской породы я ещё не видел. В этом косолапом больше двухсот килограммов, четверть тонны. Настоящий монстр. Жрёт зайца. Поднимает чёрный нос кверху, водит из стороны в сторону, нюхает воздух. Сейчас почувствует меня. Ну уж нет! Он у меня обделается по полной программе. Нажимаю на курок. Картечь прошла в метре над чёрной башкой, срубилась низко нависшие еловые лапы. Грохот выстрела усилился круговым эхом и одновременно с упавшими ветками огрел зверя. У медведя от неожиданности расплзлись лапы, и он, как свинья, распластался на земле. Вскочил, крутнулся на месте и, поджав куцый хвост, дал дёру, прямо как заяц, высоко задирая толстую задницу.

– Эй, засранец, – ору я вслед, – бумажку принести?!

Хохочу и радуюсь. А чему радуюсь? Головореза напугал. Ха-ха-ха!

Возвращаюсь к стоянке. Дурашливо прикладываю ладонь ко лбу:

– Товарищ командир! Приказ выполнен! Тайга в дерьме, медведь – по уши!

– Вольно. Здесь командиров нет. Мы напарники. А главным сегодня ты, учитель. Потому что сильнее.

– А ты?

– А я умнее. Не обижайся. Я сразу понял, что ты хороший мужик. И тайгу любишь. Но ты городской. Совсем своим в лесу не станешь. А я живу здесь.

– В школу не ходил, в армии не служил? – всё-таки обиделся и ёрничаю я.

– В армии служил. Там, где Макар телят не гонял. И учиться учился. Физтех Новосибирского университета.

– Ещё скажи, что с красным дипломом.

– Угадал. Наш таёжный отдел кадров только с красным принимает. Разрешите вновь представиться: бывший интеллигентный человек, бич таёжный¹. А ты, учитель, разумное, доброе и вечное сеешь?

– Отсеялся. Отпуск взял, сюда приехал. За туманом и за запахом...

– Только не за запахом того медведя. Сам я воздух тоже не очень освежаю.

– Поправишься.

¹ Постсоветские поколения читателей, справедливо воспринимающие автора и героя его рассказа персонажами доисторическими, ровесниками волосатых мамонтов, могут не знать, отчего Леший называется: «бич таёжный». Бич – «бывший интеллигентный человек», так именовали себя представители люмпенизированного социального класса 70–80-х годов прошлого века. Они не имели постоянного жилья, но, в отличие от современных бомжей, многие бичи не чурались работы. На Дальнем Востоке эти люди составляли большинство среди сезонных рабочих в геологических экспедициях, заготовительных артелях и даже на присках. Мне не раз встречались очень колоритные представители «бывших интеллигентов», в том числе образованные, с хорошим чувством юмора. – *Прим. автора.*

- Не успокаивай. Я должен встать. Встану и прибью людоеда.
- Что? Тот медведь настоящий людоед?

Честно признаюсь: меня даже зазнобило. Чуть зубы не застучали. Я только что, как пацан, ходил шугать таёжного людоеда. Он же меня мог сожрать!

Бородач устало прикрывает глаза.

– Извини, учитель. Ты не бойся. Он сегодня сюда не сунется. Завтра придёт. Придёт, когда ты уйдёшь и оставишь меня одного. Мне поспать надо. Ты не скучай. Возьми мой топор и заготовь четыре метровых кучи ильмовых дров. А ночью не тревожься, спи. Медведь тебя не тронет. Всё будет завтра.

Я сделал, как он просил. Заготовил четыре кучи дров из приморского ильма. Только ночью спать не мог. Палил огромный костёр и прислушивался к тайге. Медведь, как и все звери, огня боится. Поил Лешего отварами, он просыпался, что-то благодарно бормотал и улыбался. Человек был почти без сознания, но что удивительно – жар у него прошёл. Под утро, прижав чужую бердану к груди, я всё-таки уснул. И спал часов до девяти, пока солнце не стало красными кругами щекотать сомкнутые веки. Почему-то я проснулся с очень хорошим настроением. Только открыл глаза, как тут же услышал добродушное ворчание бородатого соседа:

- Ну, ты и спишь. Даже дверь веником не подпёр. Заходите, люди добрые, берите что хотите.
- Привет! А что? Кто-то в гости заходил?
- Слава богу, никого не было.

Мой напарник сидит у костра. Берданка, которую, как родную, я всю ночь прижимал к себе, лежит у его раненого бедра. Нет, зрелище ещё то: в развороченном бедре белые личинки заметно выросли, копошатся, пульсируют, крутят острыми носами. Однако рана стала почти чистой, гладкой и девственно-розовой.

– Иди умывайся. Пойдём мох собирать. Нет, толпиться сегодня не будем. Ты пойдёшь, а я здесь позагораю.

Умываюсь у чистого ручейка, фыркаю и разбрызгиваю искры студёной воды. Примечаю, какой день хороший, солнечный и нежаркий. Середина августа, а в буйных космах лиственных деревьев уже чуть проблёскивают золотые и медные пряди осеннего предвестья.

– Ну, долго ты там? – бурчит сосед – Сначала спал до обеда, а сейчас до вечера купаться будешь? У нас хлопот полон рот, а он плескается, как десантник в фонтане.

– Цыц, Леший! Забыл, что меня в главные командиры назначил? Почему до сих пор в две шеренги не построился? Быстро лёжа подровнялся и бегом с докладом!

Бородач поддерживает моё дурачество:

– Я, товарищ командир, извиняюсь, конечно, но личный состав волнуется: а на горшочек пи-пи вы сходили?

- Молчать! За неуставное запанибратство объявляю пять суток гауптической вахты!
- Есть пять суток! Разрешите исполнять?

Смеёмся, два дурака. Уж больно хорошо день начинается. Пьём чай и треплемся как закадычные приятели на пикнике в городском парке. Барышень только не хватает.

– А теперь за дело, командир. – Леший рассматривает раненое бедро. – Будем с пассажирами прощаться. Пойди вон в ту ложбинку и набери мхов зелёных. В этот чистый котелок складывай. Аккуратно режь. Соринки стряхивай. И пальцами поменьше ко мху прикасайся.

- Полный котелок?
- Полный. Только не спрессовывай. Нежненько-нежненько. Ружьё возьми.

Ну вот, напомнил о медведе-людоеде, и настроение моё подкисло. Иду в указанном направлении. Мхи здесь шикарные. Место тенистое, в меру влажное. Веточки ворсистого мха тёмно-изумрудные, высокие, похожи на маленькие ёлочки. Осторожно нарезаю квадратные лоскуты, смахиваю соринки – сухие хвоинки и листики.

Наполнив доверху котелок, возвращаюсь. Леший лежит на боку, стряхивает на землю личинок-пассажиров. Лоскутом принесённого мною мха тщательно протирает рану, затем плотно накрывает её зелёными облатками:

– Учись, учитель. Мох – природный антисептик. Фронтвики в окопах мох вместо йода и бинтов использовали. Полдела мы сделали. А сейчас зажигаю первую кучу дров. Будем мой окорок коптить и жарить.

Настроение у мужика весёлое. Глядя на него, вновь ожил и я, забегал, разжигая и добавляя жару огромному костру. Огонь полыхает, а я, подбадриваемый напарником, всё бросаю и бросаю в него запасённые дрова. Через три часа слой раскалённых углей достигает почти полуметра.

– Хорош кочегарить! Стребай в кучу и выравнивай угли!

Формирую нечто, похожее на пирог из вулканической лавы. Леший подползает к адскому холму. Избавляется от моховых облаток и подставляет жару травмированную ногу. Рана на глазах подсыхает. Он терпит. Закрыл глаза, скрипит зубами и не отползает.

– Ты уже как жареный поросёнок, отдохни, – я силой оттаскиваю товарища в сторону, – охладись, палёным пахнет. У тебя борода дымится.

Экзекуция жаром продолжается с перерывами два часа. После чего вконец обессиленный человек сдаётся. Ложится на спину, навзничь, и мученически улыбается:

– Ну вот... А ты говоришь: «гангрена», «антибиотики»... Хрена, а не гангрена! Вот так тайга лечит. Через сутки я уже бегать буду. И прыгать, как козёл.

Варю гречневую кашу с двумя банками тушёнки. Впервые мы плотно обедаем. Расслабленно пьём чай и тихо разговариваем. Без напрягов, без шутовства. Я подробно расспрашиваю. Леший (так своё имя, хитрец, и не назвал) рассказывает.

Уже много лет он промышляет таёжный женьшень. Обычно «корневики» в сезонные походы выходят по двое-трое. Компанией легче и обследовать территорию, разбивая её на условные квадраты, и обустроить незамысловатый быт походной жизни. Это и безопаснее в случае встречи с лихими людьми – беглыми зеками или «хищниками», как называют тех, кто без лицензий моет золото в таёжных ключах и горных шурфах. Угрозы могут исходить и со стороны диких зверей. Особо опасны вепрь, кабан-секач и обиженный, раненный людьми либо попробовавший человечину медведь. Полюбовому, компаниею в тайге продержаться легче.

У него тоже был напарник, с которым хоть в полынью, хоть в пламя. Но полмесяца назад на самое начало сезонного промысла женьшеня Леший растянул связки и не смог выйти с товарищем. Встретиться договорились вот на этом самом месте.

Он пришёл в назначенный срок, но друга не обнаружил и сразу почувствовал неладное. Для него тайга – открытая книга с понятным, хотя и затейливым текстом. Обошёл территорию в несколько километров и всё понял.

С первых часов появления здесь человека охоту на него затеял гигантских размеров и чрезвычайно хитрый гималаец. Чем ему насолили люди, можно только предполагать, но этот медведь был кровожадным людоедом.

Почему друг не почувствовал угрозы? Может, подцепил хворь и потерял бдительность? Но финал был страшен.

В двух километрах вверх по реке товарищу улыбнулась коварная Фортуна. Он нашёл огромный корень. И не просто неправдоподобно крупный, а удивительных форм. Известно, что женьшень – это «человек-корень». Самые ценные экземпляры очень напоминают человеческое тело. Есть голова, туловище, руки, ноги и ещё более мелкие детали всяческих органов. Есть у корней и половые признаки человека, потому их разделяют на «мужские» и «женские». Этот корень был мужским. Очень рельефный, с массивными и соразмерными отростками конечностей, без излишних «аппендиксов», и в то же время с нежными пушистыми волосками. Найти такой корень не просто редкая удача, это фарт, который выпадает далеко не каждому поисковику заветного «корня жизни».

Друг Лешего стал осторожно подкапывать и очищать чудесный корень. Возможно, он ошалел от неожиданности и величия находки, возможно, размечтался и расслабился. Человек держал в руках удачу, был безумно счастлив и не услышал бесшумной поступи зверя...

Леший замолчал и отвернулся. Ком боли забил его горло.

– В общем... корень я целёхоньким с земли поднял. А друга... то, что от него осталось, нашёл в пятистах метрах от проклятого места.

Поплакал. Собрал останки в полог. Решил на высоком месте временно захоронить, чтобы звери не растащили. А потом, думаю, вернусь с людьми, перенесём, похороним на кладбище рядом с отцом-матерью. Я уже тело в могилу уложил и стал засыпать землёй, когда этот подонки вернулся. Ты понимаешь?! Я его не услышал! У меня в ушах звенело. Только в последний момент от удара увернулся... Он мне бедро разорвал. Не было бы ремня – оторвал бы ногу. А бердана взведённая на земле лежала.

Я к ней рванулся, даже не поднял, только до курка дотянулся. Короче, выстрел, медведь дёру. Я ещё, по горячке, могилу успел засыпать, потом сюда приковылял. Смог и лоскут над тропинкой повесить... А этот ко мне два раза приходил. Я стрелял, он убежал. Потом сознание стал терять. Уже ни на что не надеялся, совсем отчаялся. Только бесило, что не отомстил, не убил. А потом ты пришёл. Остальное знаешь лучше меня. Такие вот дела...

– И что намерен делать дальше?

– Сейчас ты уйдёшь. А я останусь. Я убью его, расчленю и сожгу. Чтобы ничего от этой сволочи не осталось. А ты не задерживайся, дело к вечеру. Пойдёшь по этой тропинке. Через семь километров выйдешь к реке. Переход деревянной стрелкой обозначен, не промахнёшься. По камням перейдёшь на левый берег. Под скалой схрон найдёшь. Я его с другом делал. И дрова, и продукты, даже керосиновая лампа имеется. Там и переночуешь. Такие дела...

Леший полез в рюкзак и достал полотняный свёрток, аккуратно закрученный бичевой:

– На, брат, возьми. Потом посмотришь. Спасибо тебе. Уходи. Христом-Богом прошу: уходи. Долгие проводы – длинные слёзы. А мне ещё к встрече с тем гадом надо подготовиться.

Мы встали, крепко, по-братски обнялись. Я подхватил свои вещи и пошёл. Солнце клонилось к закату. Надо было спешить.

Через пару часов я уже был на стоянке. Легко нашёл схрон, запалил из сухих дров костёр, зажёл и керосиновую лампу. Достал и принялся осторожно разматывать полотняный сверток. Я уже догадался, что мне подарил Леший. Это был тот самый, необыкновенного величия и красоты корень женьшеня.

Я рассматривал его в свете костра и лампы. Всплески огня оживили корень. Он в самом деле был человеком. Наполненный необъяснимой магической силой человек-корень напрягал мощную плоть торса своего тела, упругих конечностей и... смотрел на меня! Я физически почувствовал этот холодный и насмешливый взгляд. Конечно, это только ощущения. Просто я устал. Надо завернуть корень в тряпицу и хорошенько выспаться. Трофей, конечно, уникальный. И больших денег стоит. Я слышал, что у корейцев в приморском посёлке за подобный, но гораздо меньший корень фартовый промысловик как-то получил почти новые «Жигули».

Остаток маршрута я прошёл с опережением намеченного графика, уложился в три дня. В посёлке, который был и районным центром, я спросил, где живут корейцы. Не нищие рабочие из Северной Кореи, занятые на лесоповалах, а наши корейцы, чьи предки поселились в Приморье в девятнадцатом веке вместе с русскими первопроходцами.

Я нашёл самого старого деда-корейца и передал ему свёрток. Сказал, что это «корень жизни», что мне за него ничего не надо. Сказал, что из-за этого корня погиб человек и я хочу, чтобы теперь он спасал человеческие жизни. В общем, что-то очень сумбурное говорил и говорил корейскому дедушке. Тот слушал меня и всё время кивал головой.

Я встал. «Спасибо», – сказал старый кореец. «До свидания», – сказал я и поклонился. «До свидания», – ответил дедушка и тоже поклонился.

Во Владивостокском Морском вокзале, откуда, как известно из песни Юрия Визбора, корабли отходят всегда на восток, а поезда всегда на запад, я купил местную газету. На последней странице увидел заметку:

НЕОБЪЯСНИМАЯ ЖЕСТОКОСТЬ

На берегу одной из таёжных рек в районе Сихотэ-Алинских предгорий охотинспекторы обнаружили кострище с обгоревшими частями расчленённой туши необычайно крупного гималайского медведя. По факту незаконного отстрела и необъяснимой жестокости ведётся следствие.

А Леший своё слово сдержал...

Проза

Анна Козырева

Анна Александровна Козырева – родилась в г. Краснокамске на Урале. Детство и юность прошли в г. Перми, где окончила Школу рабочей молодёжи. Образование: Литературный институт им. М. Горького и сценарный факультет ВГИК. Работала редактором, литературным консультантом, журналистом. Печаталась в журналах и коллективных сборниках. Автор нескольких книг. В 2020 году за книгу «Анна Кашинская – светильник веры и благочестия» (издательство «Символик») была отмечена «Золотым дипломом» на Литературном форуме Международного кинофестиваля «Золотой Витязь». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Рассказ

Эту столь удивительную историю пришлось однажды услышать в поезде. История тогда не просто впечатлила своей невероятностью и неправдоподобием – буквально ошеломила, причём явно не одну меня.

Какое-то время она жила в цепкой памяти, однако незаметно забылась и, кажется, забылась напроочь.

И вдруг, спустя годы и годы, смутное воспоминание из минувшего прояснилось случайным сновидением, – и, восстановившись неожиданно из глубин памяти, ошеломило наново.

Я была ещё в том возрасте, когда будущее видится близким продолжением дня сегодняшнего, а мой нынешний возраст мог показаться разве что нереальным и никоим образом даже в отдалении лично не соотносимым.

Только-только днями раньше был выпускной вечер, вручение в торжественно-праздничной обстановке аттестата об окончании средней школы, – и вот оно первое самостоятельное путешествие в ожидаемое будущее, где, по наивным представлениям, только и могла проживаться настоящая жизнь.

Это сейчас детство и ранняя юность видятся самой лучшей, самой безмятежной и счастливой порой, а тогда...

... а тогда, сливаясь с механическим ритмом громыхающего скорого поезда, столь же дробно и часто стучало девичье сердце, и слова, произносимые страстным шепотком:

– Перестук колёс, перезвон колёс,
а из сердца крик: не люблю!.. люблю... —

ощущаемо виделись единственно верными, отражающими внутреннее состояние стихийной поэтессы в тот миг. И самое смешное было в том, что те слова вовсе не адресовались конкретному лицу, чей бы образ маячил в покидаемом пространстве, ибо любовный опыт юницы оставался быть поверхностно-зыбким и книжно-романтическим.

(Не уверенная в точности воспроизведения прошлой череды событий автор решила далее обозначить героиню в третьем лице и тем позволить себе свободу художественного вымысла.)

В дороге впечатляло всё.

Возбуждённая от любопытства и обретения свободы наша путешественница к вечеру не знала, чем себя занять: то ли продолжать смотреть в окно, за которым мелькали поля-луга, полустанки, редко – незнакомые города, но чаще тянулись и тянулись стеной вдоль ж/д путей лесопосадки; то ли уткнуться в книжку, покоившуюся в раскрытом виде под боком; то ли в который раз сходить за чаем...

Спрыгнула вниз с верхней полки и – напрямиком к титану с кипятком. Назад возвращалась, осторожно вышагивая с горячим чаем в тонком стакане в причудливом подстаканнике. Извлекла из торбочки заботливо собранную в дорогу мамой снедь и с ленцой, не испытывая даже лёгкого чувства голода, принялась за вечернюю трапезу.

Попутчиками её была молодая семья. Муж с изрядно потрёпанной книжкой затаился на верхней полке, неохотно отрываясь на редкие обращения жены, а та всецело была занята бойким малышом лет трёх-четырёх. Неугомонное дитя бегало по вагону – мамочка следом.

За перегородкой к вечеру стало более шумно, чем было до того. Проходя мимо, девушка заметила, что за столиком дружно сидело четверо мужчин.

«Дядьки», как определила она соседей, все были солидного возраста. Все одеты в спортивные штаны, белые майки и в кожаных шлёпках на ногах.

Непринуждённая ещё днём их беседа из тихой и размеренной вдруг вылилась в бурное и общее воспоминание о прошедшей более двадцати лет назад войне.

Будущая абитуриентка, не особо вникавшая в долетавшие до слуха слова, не проявила интереса и сейчас, когда снова улеглась на полке и уставилась в окно, где вечерняя гладь меняла очертания внешнего мира, – только, невольно уловив проникающую до сознания суть, вслушалась...

...вслушавшись же, поспешила перекинуть изголовье и сунулась любопытной головой за перегородку.

– А вот я расскажу историю, – мужчина, чей профиль с густой седой шевелюрой слабо отражался в посиневшем стекле, говорить начал осторожно. – Ясно: не поверите! Впрочем, поверить в такое – трудно... Я, может, и сам бы не поверил... Но тут... тут я прямой участник... – Приумолк на миг другой и, приглушив голос, продолжил более уверенно: – Почти десять лет назад я схоронил друга... Может быть, самого лучшего... самого преданного друга...

– Так надо помянуть! Срочно! – с готовностью отреагировал один из захмелевших компаньонов и поспешил потянуться рукой вниз, где на полу стояла недопитая бутылка водки.

Рассказчик резко и властно осадил его:

– Нет! Пить не будем! Не тот, мужики, это случай... Сейчас и сами поймёте... – Он машинально вытащил из заднего кармана штанов примятую пачку «Беломорканала». Вытянул папироску. Постучал полый гильзой о столешницу. Приплюснул кончик... и вернул папиросу в пачку. Пачку бросил на стол. – Это случилось летом сорок третьего. Я со своей группой возвращался из немецкого тыла. Вылазка была удачной: задание выполнили, в группе ни потерь, ни ранений... День клонился к закату, и мы надеялись, что ночью перейдём линию фронта. Оставалось всего-ничего. Двигались лесом. Вокруг спокойно. Только птицы всё как-то тревожно чвокали... – Покрутил папиросную пачку в руках. Вернул торопливо на прежнее место – в карман. Посмотрел на своё отражение в темнеющем окне. Продолжил:

– Внезапно рядом раздался взрыв... по звуку догадались: мина! Следом чудовищный звериный врезг вспорол лесную тишь... С осторожностью подошли к опасному месту – и такая, скажу я вам, открылась зловещая картина... Дымится земля... пни-выворотни чёрными головешками торчат, а меж них – растерзанная в клочья волчица, которая к тому ж погибла беременной... Казалось, что за годы войны столько видано-перевидано, что и поразить уже ничего не может... Ан нет! Увиденное удручало и так сковало нутро, что ни вздохнуть, ни выдохнуть... Мокрые трупы не родившихся волчат... отдельно оскалившаяся голова самой волчицы – а в стеклянных глазах её мутный осколок синего неба... Глянул на своих ребят: на растерянных лицах угрюмая оцепенелая маска... – задержал дыхание. – На самого волка наткнулись не сразу. С торчащим железным осколком в разорванной до кровавого месива ране на бедре тот лежал в стороне, в кустах, куда его отбросило взрывной волной. Сотрясаясь мучительно лохматым телом, зверь дышал тяжело... затравленно... и слабо-слабо хрипел... и от боли наголо стесал лапами траву: жизнь едва-едва теплилась в нём...

– Пристрелили? – вздрогнув нервным голосом, оборвал нить повествования один из товарищей.

– Не поднялась у меня рука... – тихо отозвался рассказчик. – Парнишка в группе был... его за малый рост шутя Карандахом кликали... сибиряк... если росточком и не удался, зато стрелок был редкий: по шороху в цель с лёту попадал... Он и шепчет: пристрелю, мол, чтоб не мучился... жалко... У меня и у самого сердце вспухло от жалости... пульсирует... бьётся в груди... Взор во взор столкнулся с волчарой: он боль в измученных глазах гасит, а взгляд всё равно грозный, беспощадный... И в них немой укор: «Ты кто есть, человек? Зверь – ты... а не я...» – и вроде как пытается угрожающе ворохнуть...

Аптечку я точно достал бессознательно. Поставил зверю болеутоляющий укол. С помощью ребят обработал рану... удалось вытянуть и осколок... Пока возились, Сашок, наш сапёр-минёр, ещё две мины обезвредил. Мины наши были... при отступлении, видимо, прикопали впопыхах...

Стало тихо... Казалось, что повествование закончилось, – и, выдохнув облегчённо, предложивший было «помянуть» сосед торопливо потянулся рукой под стол. Рассказчик категорично одёрнул его:

– Это ещё не всё! – И, обратившись непосредственно к нему, приказал: – Слушай дальше! – Однако продолжил рассказ, преодолев лишь затяжную паузу: – Сорок четвёртый год... Пруссия... Осень... Тот поход в тыл начался с неудачи. Радистка, когда преодолевали песчаный карьер, переломала ноги... Скатились по склону... прошли по низу... стали подниматься на другую сторону... Склон высокий, крутой и голый почти: зацепиться не за что... Девчушка наша еле-еле карабкается... кто-то из ребят рацию у неё перехватил, чтоб легче ей было... она уже до верха добралась... ей и руки протянули... а она возьми и сорвись... камушком рухнула вниз... обе ноженьки, как спички, в голени переломились... – вздохнул. – Она и кричать не кричит... терпит молодчинкой боль... стонет только... лицо побелело враз, осунулось. В глазах не то что страх и ужас – полная безнадёга... Мы и сделать ничего не можем... Уходить надо срочно... А её как с собой возьмёшь? – вновь глубокий вдох-выдох. – Укололи... кое-как перетянули туго ноги... что-то вроде укрытия устроили: мол, на обратном пути заберём... Не успели и десяти метров пройти – выстрел... Застрелилась наша девочка... совсем молоденькая была... красивая... Наскоро прикопали в песок... у самих и слёзы... и, стыдно сказать, облегчение...

Группа успела выполнить задание, но немцы сумели-таки выследить нас. Вначале вроде как удалось от погони оторваться, только не тут-то было: по-охотничьи, отсекая единственно верный путь, погнали нас в западню – к болоту. Затаиться, отсидеться не получалось: собачий лай слышен со всех сторон... Немцы неотступно шли по следу... шли не спеша и верно... И мы уже не спешили. В головах от бессонницы трескотня. Вдобавок и харч кончился. Мысли все ощупью, когда чётко понимаешь лишь одно, что гибель неотвратна и что лучше пусть будет глубь-трясина, но только не плен. Богу о том, думаю, только каждый и помолился...

...Увидел я его не сразу. В стороне тенью мелькнула собака и пропала. Ещё раз показалось... Тут мне мой сибирячок шепчет, что волк там, – и рукой тычет вперёд... Я так и сяк присматриваюсь: точно волк маячит, всем своим видом открыто на глаза лезет... как будто завлекает... Карандах втихомолку: мол, присмотрись командир... на бедро глянь... Я – в бинокль. Отчётливо вижу: на оголённом бедре зверя большой рубец от раны. Поверить трудно – а по сердцу полоснуло: он! Оробел даже, а сибирячок шепотком: точно тот волк, товарищ капитан... Мне и самому будто видится, что дальний взор зверя, обернувшегося к нам, настойчив и выразителен. Подпускает ближе и, как бы пролагая путь, манит за собой. Сделал я боязливо первый шаг... и так, не рассуждая, шагок за шагком... шагок за шагком... Успел лишь сибиряку негромко приказать: мол, веди ребят следом. Двигался почти наугад – понимал, что глупо, но шёл... Волк же продвинется чуть вперёд и остановится. Держится на расстоянии. Выжидает. Потом ступил прямо в болото – и я за ним врюхался туда же. Не отстаю... Трясь-трясина пугает, а иду. Прошли всего метров пять, и вдруг чувствую: становится дно под ногами твёрже и твёрже и воды уже только по колено. Сам ли умом дошёл, подсказал ли кто, только понимаю, что это тропа... невидимая тропа... Следом ребята осторожно идут. Карандах впереди. Идут молча. Шаг в шаг...

Длинный прогал провёл нас волк, причём видел его я один. Вывел в безопасное место. Я и опомниться не успел, как он провалился в лесные заглушины. Ушёл восвояси. В чапыжнике пропал. Следом в тех зарослях папоротника и мы спасительно укрылись, а там, где вслед нам шелестела куга-трава, скоро раздался собачий лай... надрывались псы... хрипели от злости... Под утро вышли к песчаному карьере, где наша девочка лежать осталась. Поклонились безымянной могилке и подались к своим. Выбрались благополучно. Про волка я промолчал. Никому ничего не сказал и мой сибирячок. Верный был парнишка... надёжный... Погиб в самом конце войны... Всё мечтал мне свою Сибирь показать... На охоту, мол, в тайгу свожу... Только вот какое конкретное место называл, – затуманилось в памяти...

Не скрывая лёгкого раздражения, нетерпеливый сотоварищ пробурчал, как итог:

– Ну и сказочку же ты нам тут выдал! Ничего подобного я никогда и слыхом не слыхал! Про собак знаю... Сам на фронте не раз видел... и танки взрывали... и раненых выносили... но тех обучали... Потом, собака – животинка при человеке всегда была и есть. А тут?! Извини, друг, не могу поверить! Невозможно! Давай-ка лучше твоего сибирячка помянем...

– Да не гони ты лошадей! – на этот раз недовольно одёрнул торопыгу молчавший до того сосед. – Успеешь ещё... добьём мы ту посудину... Не переживай!

– Вот ведь что интересно, – вновь начал негромко рассказчик. – Карандах попозже проговорился, что он того волка и прежде наблюдал... что мелькал тот порой поблизости... что несколько раз волчьи следы рядом обнаруживал... Предположил, что волк вроде как держал нас постоянно в поле своего внимания... – помолчал. – Может, и так... только не всегда ж мы лесом ходили...

– Выслеживал вас, что ль, всегда? – подал голос четвёртый собеседник.

– Выходит... Такая вот загадка жизни... – согласился фронтовик. Добавил: – И совершеннейшая правда, мужики...

– А я всё одно не верю! Сказки всё! – сомневающийся сосед агрессивного неприятия своего не скрывал.

Не менее категорично отреагировал на те слова и сам повествователь. Вздохнув рукой седую шевелюру и выдержав молчаливую паузу, он настойчиво сообщил:

– У той сказки, между прочим, и продолжение было...

Уплотнялись сумерки: наплывающая синь-синева в густой колер заливала квадраты вагонных окон.

В глухом затишье замер, казалось, весь вагон, – и лишь стучали-перестукивали неумоимо колёса.

Замерла и будущая абитуриентка. Она слушала рассказ фронтовика со странным ощущением некоторого недоумения, однако в правдивости истории сомнений у неё не возникало, да и не могло возникнуть, ибо с детства простодушно доверяла каждому слову, произнесённому взрослыми, как искренне верила и тому, что могла рассказать «из старой жизни» бабушка Настя.

Обычно та была немногословна. Всё больше молчала. Если же случалось вдруг появиться в доме кому-нибудь гостем, связанным родством родной деревни, вынужденно оставленной в далёкие тридцатые годы, то словно бурливый ключ-родник сплошь из воспоминаний вырывался на поверхность.

Наступал поздний вечер. Дружно укладывались спать после гостеприимного застолья. Затихало всё в полной тишине, но девочка догадывалась, что та тишина обманчива.

Так оно и было. Минуту-другую бабушка замирала на своём топчане. Привычно молитвенно пошептав себе под нос, она глубоко вздыхала и ненароком будто подавала голос: вроде, как только уточнить что, – и скоро длинной чередой потекут воспоминания.

Поначалу это будет про давно оставленную в прошлом жизнь, про близких, родных и чужих, про живых и ушедших в мир иной. И как-то само собой начнут выговариваться такие невероятности, от которых замирало в трепете детское сердечко, оттопыривались в напряжении ушки и всё теснее и теснее жалось дитё к материнскому боку.

И уж вовсе не задумывалось о том, что тут есть действительно быть, а что небыль.

– И долго ишшо старик по деревням ходил... – отчётливо услышала девушка внезапно бабушкин голос.

– Дак, сказывали, отыскал он их... – пробился до слуха и чужой.

– Отыскать-то отыскал, да не всех сразу... – снова слышит родную бабу Настю, заново будто напомнившую внучке давнюю историю о том, как колдун по злобе обратил в волков целую свадьбу... – Перву-то старик невестку свою нашёл... Она у их уже на сносях была, кады свадьбу играли... Ей срок родить приспел – она в стожку-то и затаилась, бедная. Там-то он её и отыскал... Люди знающие подсказали... Успел... дитё-то она уже в человечьем обличье рожала... Позже слухом прошло, что и остальных удалось ему отыскать... А вот про жениха... евойного сына, так ничего и не было слышно... То ли отыскал, то ли нет... Да и уехали мы... – девушка ясно-ясно учуяла глубокий-глубокий вздох. – И ты, Катерин, не слыхала?

– Откель?! Это ж кады и было? Я ишшо вовсе девчонкой была, кады про того старика сказывали...

– Да нет! Верно: нашёл! Не мог же он своо сына запросто так бросить...

И как же было тому не поверить, если всё рассказывается родной бабушкой?

И верила.

И устойчиво жили бабушкины «старины» в глубокой памяти, как часть ее детского мира...

Вот и сейчас вероятная студентка московского вуза ничего из истории фронтовика сомнению не подвергла...

Меж тем рассказчик вновь овладел притихшей аудиторией. Речь его была чёткой и плавной:

– Демобилизовался я в начале пятидесятых. Куда ехать – не знаю. Был я из детдомовских. Перед войной успел закончить педтехникум, а вот жениться не получилось... Был у меня в группе парнишка с Брянщины. Погиб как раз, когда мы те земли освобождали. Умирая, он мне целое письмо нашептал, чтобы я его жене пересказал... Мол, она тут совсем рядом... Место назвал... я с картой сверил – точно рядом... Всё надеялся, что сумею в ту деревню выбраться... не сложилось... Данное обещание я помнил – и всё нашептанное слово в слово хранил в памяти... и все его награды, какие приборёг, при мне были... Вот и решил я тогда, что пришло время обещанное выполнять. Нашёл деревню. Поинтересовался, где такая-то живёт. Отправляют на кордон: мол, там живёт... Ну, думаю, за лесника, поди, старого замуж вышла! И такая вдруг досада на неё... обида даже за погибшего парнишку по сердцу шибанула...

– А чё и обижаться? После войны никто особо не выбирал: лишь бы было с кем для жизни сойтись... – кто-то попытался оправдать молодую вдову.

– Так-то оно так, – согласился рассказчик, – и я это понимал, а вот всё равно резануло по сердцу... Добрался до лесного кордона. Там лесником точно старик, а при нём – дочь его. Отдал я им Толины награды... ещё какая-то мелочёвка сохранилась... Галина ушла быстро... Слышу: плачет в голос... навзрыд... с причитаниями... Как вернулась, стала всё расспрашивать о муже... подробно... уточнять в деталях... И видно было из тех расспросов, что продолжает любить его... А я последних слов его ей передать не могу... Все слова помню, а язык не поворачивается... Влюбился я с ходу... День живу... другой... Чувствую: загостился, а у самого сил подняться и уйти нет... Не выдержал – говорю старику: «Отдай за меня дочь!» Он только хмыкнул: «Это ей решать... Ты ж не первый... всем отказала...»

– Ну и как? Неужели не уговорил? – с робким сожалением в голосе полюбопытствовали одновременно двое из соседей.

– Уговорил... – встряхнув седой шевелюрой, улыбнулся рассказчик. – Определился в деревенскую школу учителем, а через год у нас мальчонка родился. Мы его, само собой, Анатолием назвали.

– Не пойму – это, чё, и есть продолжение сказки? – язвительно поинтересовался нетерпеливый слушатель.

– Вот тут-то как раз продолжение и было. Потерпи малёк: смочим скоро горло, – успокоил его товарищ. – Летом корову с телёнком на выгоне держали... в лесу, на поляне... Жена на дневную дойку засобиралась, а тесть её предупреждает, чтоб повнимательней была: мол, волчьи следы намедни видел. «Только откуда? – удивляется. – Давно о них ничего не слыхали...» – «Капканы, – говорит, – ставить буду». Ушла Галина. Следом и я было собрался – глядь: она назад бежит. Бледная вся... сынишку к груди прижимает: тот за мамкой увязался. Голос дрожит: волк там лежит... прямо на поляне... недалеко от коровы... Тесть ружьё в руки – и бегом, а у меня, не знаю почему, заговорившее сердце вдруг ёкнуло... Я – следом... На поляне корова с телёнком спокойно пасётся... подойник в траве валяется... и никакого волка... Присел на пенёк. Тесть тот вокруг поляны рысачком пробежал... запыхался ажно... «По следам, – тесть вернулся, – явно матёрый волчара был...» Сам же удивляется, что тот телёнок не тронул. И снова про капканы поминает: завтра, мол, спозаранку расставлю. Погнал корову с телёнком домой. На меня оглянулся: чё, мол, сидишь? Я ему: докурю – приду...

Недолго я в одиночестве на пне сидел. Волк вышел осторожно из кустов с противоположной стороны и, как надломился ровно, упал на землю... Я его сразу узнал, хотя тот уже стар был... Изношенное тело зверя всё было в седине, как пеплом обсыпано... Смотрит на меня – я на него. Молчу... папироску одну за другой только из пачки вытягиваю... Наконец он поднялся и медленно... очень медленно пошёл ко мне... Напряглось всё во мне... а он подходит и, знаете, как пёс домашний, ткнулся мне в колени... и замер... как окаменел... Я рукой по его пегой голове глажу... рука дрожит, а у самого из глаз слёзы... И у него, чувствую, ноздри задрожали... Поднял голову вверх. Смотрит прямо мне в лицо, а взгляд затуманенных глаз длинный, осмысленный... Лизнул одну мою руку... потом другую... язык шершавый и сухой-сухой...

– Отблагодарить, верно, приходил, – осторожно высказал общую догадку кто-то.

– Тут и не знаешь, кто кого благодарить должен, – тихо отозвался рассказчик. – Тесть видел, как волк, пошатываясь крупным телом, не спеша преодолел поляну и ушёл в лес. Мне ещё, когда провожал его взглядом, подумалось с грустью: умрёт скоро... а он перед тем, как окончательно исчезнуть с глаз, оглянулся. Вскинул голову вверх и коротко так, ровно выдохнув, рыкнул... Тесть подошёл.

Спрашивает: «Кто это был?» – «Волк, – отвечаю. – Самый натуральный волк...» Рассказал я ему всё как есть... Удивился, конечно. Да и как тут не удивиться? – приумолк. Понизив голос, продолжил тихо: – Дня через два он обнаружил его в километрах пяти от кордона... мёртвый тот был... Схоронили мы его... – Снова притих на время и, глубоко-глубоко вздохнув, подытожил: – Такая вот, мужики, история... Хотите верьте – хотите нет...

– Слушай: я что-то не понял, как же он тебя через столько лет нашёл? – высказал общее изумление один из слушателей.

– То и для меня загадкой было... загадкой и осталось...

За окнами поезда, неутомимо громыхающего по стальным рельсам, подступая, тмилась вовсю и тмилась ночь.

В темноте на бегущем вслед небу проступали яркие звёзды, подгоняемые рогатым вожаком – выглядывавшим из-под ветхого облачного полога месяца.

Поезд мчался в черноту. Плотно окутала тьма и полусонный вагон. Жёлтым тусклым зрачком мигал под потолком плоский плафончик, слабо освещая узкое пространство.

Затаённо лежала на своей полке девушка, не допускавшая и мимоходом каких-либо подозрений в правдивости услышанной истории.

– Серёжа!.. – внезапно пробилось до её слуха – то женщина с нижней полки просительно звала мужа. – Серёжа!..

– Ну? – не сразу откликнувшись, тот свесил голову вниз.

– Ты как думаешь: всё это самый настоящий вымысел, да? – торопливо прошептала ему жена.

– Не знаю... – неуверенно выдавил мужчина в ответ. – Какое-то странное ощущение: поверить – трудно, а не поверить – не получается... Спи!.. – снисходительно бросил он и поспешил отвернуться к стенке.

– Серёжа! – спустя минуту-другую женщина вновь позвала. Муж на робкий зов не отозвался. Подождав терпеливо, она тихо поднялась и в который раз за вечер бережно подоткнула лёгкое одеяльце под сынишку, вольно раскинувшегося на соседней полке. Вернулась на место – и сокрушённо выдохнула: – Но ведь такое и помыслить невозможно... Нельзя и вообразить...

Никто на её слова не откликнулся. Женщина успокоилась, и спустя время раздалось мерное сонное посапывание – а вот девушке нашей совсем-совсем не спалось.

Всё более и более углубляясь в себя, она пыталась не столько критически постигнуть смысл невероятной истории, сколько, пробиваясь сквозь дебри возбуждённого воображения, ощутительно повторить чужой рассказ наново самой себе. Ей ничего не стоило перенестись мыслью в мир иной, где воедино переплеталось услышанное и измышленное воображением.

Увиделся и лес, причём близкий тому, который был с детства хожен-перехожен вдоль и поперёк.

И если поначалу в воображении точно воплотилась картинкой Гарюшка – возвышенное место в родном лесу, плотно заросшее ельником, то через миг-другой калейдоскопом замелькало совершенно иное: взбугренная жиловатыми корнями поляна с развороченной пластами землёй... толстый слой рыжей скользкой хвои на потерянной тропе, спускавшейся в тёмный распадок... тяжёлым вдавишем на буром войлоке мха увиделся и раненый зверь с рыжими подпалинами на животе... зверь, схожий обличьем с большой собакой, с трудом преодолевая тяжесть частых судорог, беспомощно карябал когтями землю...

Память, путаясь, выстраивала всё новые и новые калейдоскопические видения, всколыхнувшие девичью душу: дышать становилось трудно, и подпирали к горлу безотчётные слёзы...

Девушка невольно зашевелилась, поудобнее устраиваясь на жёстком тюфяке, однако облегчения не наступало – и тогда она отважилась посмотреть в окно: там окончательно пропал в темноте мир...

Снова увидела лес. Лес давил вокруг синим мраком. В небе сквозь тяжёлый лиственный свод были видны тучи в цвет безнадёги. Веявший сыростью вечерний воздух, чем ближе и ближе к болоту, уплотнялся летучей гнусью: сквозь гнетущий писк комарья ясно пробивалось влажное хлюпье... хлюпье... Болото, в которое ступили идущие друг за другом люди, пузырилось и хлюпало, а в гибельном мареве, зависшем в плотном воздухе, зыбкой тенью впереди маячил зверь...

Она не заметила, как уснула. И последнее, что успело захватить сознание перед волной наплывающих быстротекущих снов, было то, как, преодолевая тяжёлую медлительность, пересекал широкое пространство зверь... старый седой волк...

Проза

Николай Зайцев

Николай Петрович Зайцев – родился в 1950 году в Талгаре Алматинской области Казахстана. Печатался в республиканских журналах «Простор», «Нива», московских – «Наши современники», «Молодая гвардия», «Подъём» – Воронеж, «Север» – Петрозаводск, «Автограф» – Донецк, альманахах «Литературная Алма-Ата», «ЛитЭра», «Литературная Вена», сетевых журналах «Молоко», «Великороссь», «Камертон», «Лексикон» – Чикаго. Автор четырёх поэтических сборника и шести книг прозы. Лауреат премий им. В. И. Белова, им. В. М. Шукишина, Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь», премии «Золотое перо Руси».

Член Союза писателей России, член Союза писателей Казахстана.

КОРОЛИ И... ПОЭТЫ

Эссе

Не то чтобы всех и вокруг обуяло бездарное тщеславие, но кажется, что мир немного продвинулся к сумасшествию в понимании разгадки поэтического творчества. Пишешь – пиши, ведь никто не запрещает этого делать, правда, членам монарших семей указывалось на несоответствие таких занятий для лиц царского происхождения, занимайтесь, мол, делами государственной важности, но нынче голубой крови в народах осталось совсем немного, принцы женятся чуть ли не на проститутках, а то и прямо на них, и потому их потомки теряют важность своего происхождения. Но всюду и всегда существовали самозванцы, стремящиеся приблизиться к власти, объявив себя потомками царей, королей и властителей каганатов – одни иногда получали признание своего торжества, других просто вешали или томили в тюрьмах. И хотя солнце русской поэзии, и не только русской, однажды, желая выразить своё видение земного удела поэта, сказал: «Поэт – ты царь, живи один...», но, вняв этим словам согласно разумению своему, царями стать согласились, а вот творческому одиночеству нынешние пииты предпочитают шумные фестивальные сборища и даже соревнования в стихотворстве, с названием странным для слуха нежного – стихоборье. Победивших в оном состязании именуют королём поэтов, временно, конечно, до окончания праздника или закрытия фестиваля. Быть временным королём тоже почётно, но что будет потом – воспоминания о триумфе или сожаления о краткости оногo события?

Можно и самому себя называть королём поэтов, как это уже делал Игорь Северянин, но он имел небольшое королевство своих читателей и почитателей, а вот нынешние самозванцы они на что надеются, если на венец, то он зачастую терновый у настоящих поэтов, а корону, скорее, наденут на того, у кого крепки связи и друзья в мире литературном. Они всюду – эти выскочки – резвятся на всех поэтических тусовках, где никто никого не слушает, а только пытаются показать себя и даже тут стихи неважны, а присутствие рядом с какой-нибудь знаменитостью. Мудрецы (их тоже приглашают для обеспечения равновесия сил) улыбаются куда-то в пространство – пусть порезвятся поэтишки, праздник – он всем нужен, но всё это молча, не гневить же толпу, запишут в ретрограды, поди потом отмойся. Известные поэты и писатели заседают в жюри различных конкурсов, где, начитавшись опусов от подворотни, начинают плохо понимать происходящее вокруг и выдвигают на Гран-при какого-нибудь фестиваля лучшего из всех бездарей, что здесь собрались. И это не сумасшествие, а просто усталость от прочтения и потребления материалов массового пошиба написания стихов и прозы, после которых записки сумасшедшего от Николая Гоголя покажутся шедевром мысли и таланта.

Но мы говорим о королях, но тут воспроизводится воображением образ Тамерлана, Вещего Олега или короля Артура и даже Людовика, что сложил голову на гильотине, а писал ли кто из них стихи, история умалчивает – и правильно делает, ведь равнять рыцарей и стихотворцев – дело неблагодарное, и тем и другим всегда не хватает славы, а уж делиться ей никто не собирается. Слава неделима, но есть народная слава, и она дарована свыше, и ей невозможно воспользоваться ради собственного величия, а только для украшения пространства изящной словесности, что противоречит чаяниям рифмоплётов. Можно написать стихотворение для себя, для друга и даже любимой и носиться с ним по редакциям и творческим вечерам, не понимая, почему этот шедевр вашей творческой деятельности так мало ценен в среде любителей поэзии, слушателей и читателей. Просто в вашем произведении недостает самой малости – поэзии. Есть рифмованный слог, который нынче считается стихотворением и шумно приветствуется на кухнях и прочих мероприятиях отзывчивой к воспеванию бытового пространства и событий в нём публики. Именно для этой публики и создаётся образ короля поэтов. Для этого общества не существуют Верлен, Данте, Пушкин, Рубцов, а только тот поэт, который пишет о рядом живущих, в пределах города, улицы, дома. Они так и говорят: «Что мне ваш Рубцов, вот Алка с Пересыпи написала мне поздравление на день рождения в стихах, на целые две страницы, читаешь, и до костей пронимает». А надобно, чтобы не кости ублажались, а сознание светлело от нежности чувств, вложенных в строку, но это понять сложно, оно, это чувство, рождается вместе с вами или прививается мудрыми наставниками.

Поэзия становится придатком неких сообществ, в которых нередко собираются люди непричастные к творчеству, но умеющие навязать своё мнение о том или ином предмете, например о гениальности и художественной ценности чёрного квадрата Малевича. Постмодернисты пытаются сбросить Пушкина и прочих гениев прошлого с корабля под названием «ПОЭЗИЯ», дескать, без них станет комфортнее плавание в безбрежном море бездарности, тщеславия и сиюминутного блеска. Постмодерн – вообще чудное явление в литературе, его адепты едва ли сами сознают в чём суть их творчества, как и те почитатели этого движения, но они делают вид, что их радуют эти письмена из психушки. Совершенно ясно, что эти люди заражены безумием своего величия и пытаются выдать словесную абракадабру за некое неизвестное никому высокое искусство, а себя – за новых олимпийских богов. Вся суть их творчества в непонятности объёма собранных вместе слов, а их звучание – это какофония безразличных к тональности нот звуков. Интересно, что такие произведения стали появляться на страницах литературных газет и журналов, и ведь кто-то из любителей поэзии, наверное, пытается серьёзно разобраться в феномене этого воинствующего бреда. И как говорится – лиха беда начало. И начало чего вся эта суета слов и мельтешение королей-поэтов и даже королев?

Король – сам по себе величина недостижимая в любом смысле власти и творчества, одинокий житель земли, живущий вдохновением, исходящим с небес. Но когда королей становится много, они утрачивают свою величавость и превращаются в обыденное явление, как сапожник или повар. Особенно те поэты, что в угоду демократии рядятся в драные джинсы и мятые рубахи, мол, я как все и хочу быть близок вам по духу и внешнему содержанию. Но любителям поэзии не нужны такие, как все, а надобно слово, великое по духу, и соответствующий этому слову индивидуум, что поражает всеобщей доступностью своей мудрости и в то же время отдалённостью своего величия. Но нынешние короли, избранные толпой или самим собой, не очень мудры и очень обидчивы, а нанести им обиду просто, и этим они сильно отличаются от духовных властителей. Только один ваш вопрос о желании знакомства с трудами короля поэтов ввергает обладателя титула в гнев, мол, такие мелочи не обсуждаются в высоких сферах искусства. Но именно изданная книга является целью поэта и писателя, желающего передать свои мысли на суд любителей чтения, попросту читателя, который и определяет ваш статус в искусстве, и другого пути определения значимости литературного произведения нет. Можно, конечно, угодить критиков и добиться от них бравурных отзывов, но это только подстегнёт любопытство читателя к вашим произведениям. Если их нет или литературная значимость их непомерно раздута, король обретает незавидную долю обычного ремесленника, а падение даже с невысокой горки – это всегда катастрофа для тщеславного бездаря, возмнившего себя поэтом. Так что не доводите своё тщеславие до абсурда поведения в обществе, ибо, что положено Юпитеру, не дано быку, но в стаде и бык может стать редкостным и талантливым производителем не только телят, но и поэм о любимых коровах.

Пишите, пишите, но помните, что есть на белом свете «чудное мгновение» – явление которого и подвигает творческий разум к созиданию великих творений в стихах и прозе, понятных всюду и всем своею гениальной простотой содержания в себе смысла человеческой радости и счастья. Это и есть ПОЭЗИЯ, а короли к этому чудному действию не имеют никакого отношения. Поэт – он сам себе король и господин, если он – Поэт.

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ОКНА

Наверное, можно смотреть в окно дома, проходя по улице, или из сада, но за окном всё интереснее – там протекает жизнь. Ходят люди, растут деревья, летают птицы. Там ещё что-то есть – живое и красивое, как мечта, которая тоже устремляется за окно, улетает за горизонт, но никогда не возвращается исполненной кем-то, способным это сделать. Вот синичка, которую он кормит крошками хлеба, тоже улетает куда-то, но возвращается к его окну и стучит клювиком в стекло, требуя еды или просто внимания. Она такая маленькая, но умеет летать и прыгать на своих крохотных ножках – прыг-скок, прыг-скок. Он тоже ещё маленький, но не умеет стоять на ногах, а только сидеть в коляске и передвигаться в ней по комнате. Комната – это целая планета, где он живёт, другие места обитания ему неизвестны и пока незнакомы. Когда мама уходит на работу, он остаётся на планете один и тогда все пути на ней ведут к окну, а там другой, инопланетный мир – красивый, но недоступный от невозможности ступить по нему. С каждым новым днём законный мир ширится и растёт, а планета обитания скукоживается, как проткнутый иголкой воздушный шарик, и всё меньше интересных мест остаётся в комнате, и всё больше неизведанного таится для взгляда в окне. Когда-нибудь он заглянет в свою комнату с другой стороны окна и обнаружит здесь что-то незамеченное им ранее, может быть, возвратившуюся домой мечту, ведь это его мечта, и она должна вернуться исполненной, а если нет, то зачем мечтать? Не может того быть, чтобы мечталось просто так, и мама об этом говорит и тоже мечтает о своём счастливом времени, в котором будет и он – её сын. Какая же это, наверное, радость – увидеть маму счастливой.

А люди, что ходят за окном, они тоже, наверное, выходят из дому за мечтой – светлой и красивой. Но если он не может ходить и идти за мечтой ему не по силам, значит, надобно подождать её исполнения здесь, у окна, чтобы мечта, увидев его, не ушла в другие края, в которых он никогда не бывал. Он бывает там, в тех краях, но только читая книжки и просматривая телевизионные передачи о далёких странах и их обитателях. Сколько же в мире интересного, так и хочется обойти его весь и узнать, где начинается и кончается планета Земля, а может быть, она нигде и никогда не заканчивается, ведь она круглая, а по кругу можно ходить тысячу лет и никуда не прийти. Ох, как же это замечательно бродить по бескрайнему белому свету. Белый свет у него начинается за окном, а в дни, когда мама не ходит на работу, он выходит путешествовать через дверь и сразу попадает в чудесный край света и звуков. За окном мир тоже прекрасен, но, когда выходишь в него, он окружает тебя со всех сторон, и ты утопаешь в его необычайных красках. Можно потрогать воздух, синеву неба и сказочную зелень травы и деревьев. Всё вокруг живое и улыбается ему, ему... а он отвечает радостью своих глаз, рук, вырастает в жизнь всем маленьким телом и, кажется, бежит, бежит вдаль, прямо к вершинам высоких синих гор.

Когда-то давно его ножки умели ходить, но потом что-то случилось, и они перестали слушаться. Ножки будто онемели и не слышат его просьб и тихого плача. Нет, он и сейчас умеет ходить, но только во сне, и после таких счастливых видений трудно просыпаться. Он уже многому в жизни научился: читать, писать и даже помогает маме мыть посуду, но её всегда мало, и руки быстро справляются с этим делом, а хотелось бы помочь во многих других делах – ходить в магазин, готовить еду и кормить маму и свою подружку синичку.

Для него праздник, когда приходит учитель и они занимаются науками, так называет эти уроки мама. Учитель хороший и добрый человек – старенький, но знает о многих вещах, которых никогда не увидишь в окне, но они существуют независимо от его маленького разума (так говорит учитель), и эти вещи можно вообразить, создать в уме и любоваться ими или пугаться их. Последнее не всегда приятно, и чаще приходит желание восхищаться придуманной самим красотой. Учитель хвалит его как усидчивого ученика, да он и не может сбежать с урока и не

хочет этого делать, но всегда обдумывает похвальные слова учителя, а как бы он себя вёл, если бы был здоров, и не находит ответа.

А вчера в их доме был большой праздник. Мама пришла с работы не одна, как обычно, а вместе с дядей Олегом – так он назвался при знакомстве. Прямо так, подал свою сильную руку и сказал: «Зови меня Олег». Это значит, что он пришёл надолго, иначе зачем знакомиться, рассказывать о себе, своём детстве и работе? Он строит дома для людей и называет эту работу – возведением жилья. Наверное, это большое счастье – построить дом, а потом увидеть, как туда поселяются жить разные люди. А ещё сказал дядя Олег, что мальчику нужен компьютер, чтобы полнее познавать красоту мира. Так и сказал сам, и никто его об этом не просил. Мама ответила, что давно мечтала о такой покупке, но пока не хватает средств, много денег уходит на необходимые лекарства. Олег ничего не сказал в ответ, только светлая улыбка озарила его красивое лицо. И он понял, что всё в жизни можно исправить, когда за дело берутся смелые и сильные люди. Ведь красивые и смелые люди не должны врать.

Потом они пили чай с вкусным пирогом, который испекла мама, пока они с Олегом знакомились, весело болтали, и такого славного вечера уже давно не случалось в их тихом доме. Перед своим уходом Олег поведал ему доверительно, как мужчине, что у него есть давний друг – доктор, который творит чудеса и многих людей поставил на ноги, и завтра он придёт сюда вместе с ним.

Ночью долго не спалось, он думал о людях, которых чудесный доктор поставил на ноги, и даже видел их, как они ходили, а потом бегали и смеялись от счастья. И уснул он с верой в чудо, что если многие люди пошли и даже побежали, то и маленький мальчик тоже сумеет выздороветь благодаря этому доброму доктору. И тогда он первым делом выйдет на улицу и, поднявшись на цыпочки, как это делает соседская девочка, когда приходит к нему поговорить, заглянет в своё окно с другой стороны и обнаружит там счастье в образе улыбающейся ему мамы. Это и есть его главная мечта, и она обязательно исполнится, надо только верить добрым людям.

А вот и синичка прилетела, стучится и приглашает к разговору. Он угостит её крошками от вчерашнего пирога и расскажет ей все свои маленькие, но такие хорошие новости.

Талгар, 2019

Проза

Сергей Салтыков

Сергей Салтыков (Першаков Сергей Михайлович) – родился в 1960 году в г. Макеевке Донецкой области. Родители – переселенцы из Ардатовского района Горьковской области. В 1983 году окончил Запорожский государственный медицинский институт по специальности «лечебное дело». В 1984 году – Ленинградские высшие курсы МВД СССР. В 1989 году – Харьковский юридический институт им. Ф. Э. Дзержинского. Служил в уголовном розыске, Управлении по борьбе с организованной преступностью, подполковник милиции. С 1999 года – пенсионер МВД. В 2012 году переехал

в Нижний Новгород. Автор книг: «Три Родины» (2016), «Сергеи» (2018), «Проект Земной Разум» (2019), «Стоимость Человека» (2021). Живёт в Приокском районе Нижнего Новгорода.

АТАВИЗМ

Около трёх лет назад на действующей железнодорожной ветке в полукилометре от нашего микрорайона соорудили временную платформу для остановки пригородных электричек. Деревянная, неказистая и короткая, она изначально была рассчитана на небольшой пассажиропоток пенсионеров и людей без личного автотранспорта. Я в числе десятка пенсионеров нашего квартала в летние месяцы пользовался ею для поездок на дачу. Платформа размещалась рядом с густой неширокой лесополосой, зажатой с одной стороны насыпью железной дороги, с другой – обочиной асфальтированной дороги местного значения. В образованной ими ложбине после весеннего паводка ежегодно возникала солидная болотистая лужа. За последние годы по её срединной продольной оси выросла густая непролазная полоса довольно высокого кустарника. Таким образом, в центре лужи даже в период её полноводия располагался продолговатый остров, заросший непролазными зарослями. Несмотря на две дороги, место оказалось довольно диким и безлюдным. Это, наверное, и послужило главной причиной того, что в зарослях кустарника который сезон подряд гнездилась и выводила потомство дикая утка. Такому необычному выбору способствовала также и хорошая кормовая база – всё лето болотистая лужа была покрыта плотным ковром ряски. Периодически утка с шестью утятами покидала своё укрытие в кустарнике и на радость ожидающим электричку дачникам вольготно кормилась на открытых участках лужи.

В это утро, ещё на подходе к платформе, понял, что на луже происходит что-то необычное и явно неприятное. Всегда спокойно и молчаливо сидящие на лавочке дачники в этот раз, как по команде выстроившись вдоль ограждения, смотрели в сторону лужи, периодически что-то комментируя взволнованными голосами и жестами вытянутых рук. Поднявшись на платформу, быстро понял и оценил происходящее. Весь просматриваемый периметр лужи был «окружён» стаей собак. По свободной от ряски полоске воды вдоль островка с тревожным криком полуплыла-полулетела, хлопая крыльями, утка-мать. За ней, жалобно попискивая, тоже взмахивая неокрепшими, едва начавшими оперяться крыльями, – трое утят. Отставая на три-четыре метра, за ними, мощными прыжками выбрасывая сильное тело над поверхностью воды, гналась довольно крупная собака грязно-коричневой масти. В быстром движении, с мокрой шерстью и с довольно приличного расстояния трудно было точно определить её породу. Больше всего походила на дворнягу, переводка восточноевропейской овчарки.

В это же самое время метрах в двадцати по ходу их движения из зарослей островка с таким же писком выскочили и шумно плюхнулись в воду ещё два утёнка. Один из них направился в сторону матери, а другой – в перпендикулярном направлении от островка, к ближайшему от платформы берегу. Буквально через считанные секунды по их следам из кустарника с шумом и рычанием выскочил ещё один крупный пёс. Растерянно повертев мордой, словно решая трудную задачу по выбору цели

преследования, такими же крупными прыжками кинулся за утёнком, плывущим навстречу матери. Плывший в нашу сторону утёнок был уже в двух метрах от берега лужи, когда ему навстречу из прибрежных кустов бросилось мохнатое белое подобие болонки. В охотничьем азарте вскочив по брюхо в воду, эта декоративная пародия на хищника быстро опомнилась и так же быстро вернулась на берег. Утёнок круто развернулся и поплыл назад к острову. Он явно видел, как его мать-утка с четырьмя утятами, буквально в метре от двух рычащих пастей, успела скрыться в непролазных зарослях острова. Взяв правее, смельчак последовал их примеру и быстро исчез почти в том же месте, из которого появился несколько минут назад.

Два здоровых пса, упустив утку с выводком, на какое-то мгновение застыли друг перед другом. Потом резко бросились в разные стороны. Один рванул в обход, другой – через заросли, вглубь островка. Через несколько секунд с той стороны донёлся разноголосый возбуждённый лай как минимум ещё двух-трёх собак.

Уже из вагона отправляющейся электрички, когда изменившийся угол обзора приоткрыл часть противоположного берега лужи, заметил ещё двух собак среднего размера. Одна поднятым кверху бубликом хвоста чем-то напоминала лайку, другая, поменьше, с обвислыми ушами – спаниеля. На расстоянии 10–15 метров друг от друга обе гарцевали по кромке берега и азартно лаяли в сторону острова. Поднявшийся в вагон вместе со мной пожилой дачник, прибывший на платформу немного раньше, в разговоре уточнил, что насчитал в этой хищной стае восемь беспородных особей.

Всю дорогу до своей дачи осмысливал впечатление от увиденного. Ещё с медицинского института хорошо помнил звучный и загадочный медико-биологический термин – «атавизм». Его смысловое значение охватывало широкий круг анатомических и физиологических изменений, переданных потомству по наследству родителями, лишёнными этих признаков уже на протяжении многих поколений предков. И в отношении человека, и в отношении животных этот термин в основном употреблялся по поводу анатомических изменений организма, но по своей сути был также применим и к явным изменениям привычного и адекватного поведения. Я понимал, что меня взволновала и озадачила не теоретическая возможность возврата охотничьего инстинкта у разных пород одомашненных собак, а именно увиденный механизм его практической реализации. Когда, где и при каких обстоятельствах соорганизовалась данная стая, где она обитает!? Каким образом они узнали об утином выводке? Как сложилось такое взаимопонимание и координация действий между членами стаи!? Если наблюдавшаяся с платформы охота окажется удачной, в чём не стоило сомневаться, как это отразится на самой стае, доступных им диких и домашних животных? Отсутствие однозначных и убедительных ответов на эти первоочередные вопросы влекло за собой целый каскад второстепенных вопросов и размышлений. Правильна ли в стратегическом плане политика властей и зоозащитников, ограничивших решение вопроса бродячих, бесхозных собак в городах лишь их учётом, стерилизацией и чипированием!? Как предотвратить нападение подобных стай на людей, особенно малолетних детей!? Как изменится численность популяции бездомных собак в случае существенного снижения жизненного уровня населения страны? Возможно ли вмешательство в данную проблему более подготовленных специалистов, включая генетиков с последними достижениями геномной инженерии!?

Возвращаясь через день обратно, ещё на подъезде к той платформе снова вернулся мыслями к происшедшему. Теперь оно уже не казалось таким драматично-пессимистичным. Конечно, утят было искренне жаль! Но ведь кроме собак есть ещё лисы, куницы, хорьки и масса других традиционных обитателей нашего лесистого региона, для которых подрастающая дичь служит естественной повседневной пищей. А наблюдаемый мною накануне хищный азарт, охотничий блеск глаз, возбуждённое рычание и разноголосый лай – не повод и причина для резкой смены моего отношения к собакам.

Не поленившись, уступая всё нараставшему интересу, сойдя с платформы, отправился на берег лужи. Отсутствие полосок чистой воды в сплошном ковре из ряски указывало на то, что сегодня здесь никто не плавал и не кормился. Метров через десять увидел в траве ворох серо-коричневых перьев. Дальше идти не хотелось. Было ясно, что в этот раз атавизм взял верх над эволюцией одомашнивания. Даже если кроме взрослой утки уцелел кто-то из утят, они покинули это место при первой же возможности и вряд ли когда-нибудь вернуться сюда в будущем.

Проза

Александр Орлов

Александр Владимирович Орлов – поэт, прозаик, публицист, историк, член редакционного совета журнала «Берега», директор Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» с 2020 года. Член Литературного форума «Мир слова» Издательского Совета Русской православной церкви, жюри Международного детско-юношеского конкурса им. И. С. Шмелёва «Лето Господне», жюри Международного открытого конкурса «Просвещение через книгу», жюри Международного литературного конкурса им. С. Т. Аксакова ИС РПЦ, Совета экспертов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова, Международной литературной премии «Югра», Премии им. Н. С. Лескова «Очарованный странник».

ОДНОРОДЕЦ

Рассказ

Нет таких ножниц, которыми можно было бы вырезать что-либо из памяти истории.

*Священномученик Кирилл (Смирнов),
митрополит Казанский*

Мы возвращались с бабушкой с медицинского обследования. Казалось, по нашему маршруту весна перебила настойчивые городские запахи и везде распространяла пропитанные черёмухой и прошедшими праздниками сквозняки.

Бабушка посмотрела в окно машины с заднего сиденья, улыбнулась и так тихо, с любовью произнесла:

– Вот весна... Как мы её всегда ждали, и она всегда приходила и дарила нам надежду, и сейчас так. Ты только посмотри вокруг, какая красота: весь мир дышит весной, каждая клумба, каждый цветок, каждое раскрытое окошко, а главное, люди, люди какие счастливые. Вот посмотри, нет, ты только посмотри, какие девушки красивые идут, нарядные, как мы после войны, все по выходным по городу гуляли, и в парк, и в кино, и в театр ходили. Жизнь такая разная и одинаковая, и сейчас вот, наверное, в кино идут или в парк, как и мы, компанией большой после работы и без ребят, видно, правильные, – одобрительно заключила бабуля.

Я ничего не собирался скрывать от бабушки, да и посмеяться хотелось. Зная её открытый и вспыльчивый нрав, я сказал:

– Бабуль, эти девушки не с работы идут, а они только заступили на смену.

– Они что, медсёстры? Больница-то рядом... – спросила бабушка.

– В своём роде они, конечно, медсёстры, только специфика их помощи особенная, – отвечал я.

– Это какая такая специфика? – встревожилась бабушка. В моменты, когда она была готова начать ругаться, глаза её словно увеличивались в размерах.

– Бабуль, ты не нервничай. Эти девушки с Украины оказывают интимные услуги всем мужчинам, кто обратится к ним или их бригадирам, а охраняют любвеобильных работников крепкие парни из Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской, Ровненской и других западных областей бывшей Галиции.

Бабушка была в полнейшем шоке. Она побелела, и я даже стал за неё волноваться. Она почти закричала:

– Ты меня что, за дуру держишь? Я ещё ума здравого, душой никто не считает, и я на жизнь и разум не жалуясь. Господь Бог милует! – Она уже разошлась и продолжала: – Чтобы в Москве, в центре города, на Ленинском проспекте, посреди белого дня эти стояли, да толпами! Потаскухи всякие да бандеровцы! Ты что, думаешь, мне голову отрезали вместо почки?

Я, рассмеявшись, сказал:

– Понимаешь, сейчас такое время, всё можно, вот они и стоят с семи часов вечера у больницы Святителя Алексея, митрополита Московского.

– Ты послушай, что я скажу, – бабушка ринулась в словесную атаку. – Я жизнь прожила и много что видела. Я и Сталина, и Хрущёва, и Брежнева, и подкаблучника меченого помню, но такого, как сейчас, никогда не было и быть не может, – отрезала она.

– Я не буду спорить, но смотри, – парировал я.

Перестроившись вправо, я резко припарковал машину недалеко от автобусной остановки, и ко мне мигом подошла сильно накрашенная женщина лет сорока пяти:

– Добрый вечер! Что желает молодой человек? Вы каких девушек предпочитаете? Помоложе, постарше? С формами или без? Ой, какие у вас зубы белые, какой мальчик неиспорченный...

Она не унималась. Я извинился, сказал, что освобожусь и заеду позже. Бабушка сидела молча. Смотрела на меня безотрывно. Казалось, она замерла на веки вечные.

– Да ладно тебе, бабуль, не думай об этом, сейчас всё это в порядке вещей, – успокаивал я бабушку.

Мы приехали домой. Я привёл её на кухню. Бабушка молчала. Потом напомнила мне, что закончился хлеб и ей необходимо топлёное молоко, лучше «Можайское». Я мигом сходил в магазин, а когда вошёл в свою комнату, то она сидела рядом с иконостасом у раскрытого окна.

– Ты что задумалась, бабуль? – поинтересовался я.

– Прабабка моя Аксинья, ты-то не застал её, – начала своё повествование бабушка, – всегда правду говорила. У неё было двенадцать человек детей, она первого мужа потеряла в Японскую, потом Германская её счастье не обошла стороной, поэтому она несколько раз была замужем, каждый раз оставалась вдовой с детьми, но она хорошая была, её и сватали. Потом уже при большевиках голод был, отбирали всё, что есть, до последнего. Эта беда и её дом затронула, и она, как уже во время военное было – всех детей раздала в служение тем, кто хоть как-то прожить мог, а то бы все умерли. Так вот, она все посты соблюдала, уже когда старенькая совсем была, подслеповатая, всегда ложку с собой носила, её все дети наперебой звали к себе на обед, или ужин, или на праздник, но она своенравная была, сама решала, к кому пойдёт. Так вот, первым делом, когда она садилась за стол, она молилась, а потом тех, кто говорил во время еды, кто потом не помогал старшим, била со всего маха в лоб. Она мне говорила всегда одно и то же: «Ты, Томка, доживёшь до конца века, ты сама всё разглядишь, уже старая будешь, но кончину эту лютую углядишь, и будет она не с неба, не с земли, не с воды, она в душах произойдёт, и ты в такое придёшь сомнение, что тебе страшно станет за всех детей и внуков своих, что будет вокруг твориться, какой разгул и разврат наступит, что не захочется из дома выходить, а только молиться и поклоны класть». Ты понимаешь, о чём я? – спросила бабушка.

– Примерно понимаю, а ты можешь конкретнее мне всё изложить, не торопясь, – я успокоил её.

– Как тут не торопиться? Как тут не бежать? Куда глаза прятать? По-всякому мы жили, всё было: и скотину у нас, как у зажиточных, отбирали, и церкви рушили, и книги святые жгли с иконами, и отбирали – по домам ходили – всё, что можно, и войну мы пережили великую, и папу я потеряла, и с голоду дохла, и тиф меня убивал, и «юнкерс» бомбил, да так, что осколок меня поранил. Но чтобы посреди города, да ещё в столице, почти в центре, срамные девки стояли и собой торговали на свету, под охраной вражьего выводка пред ликами святыми, что на стенах больничных, такого никогда не было. Это всё с того дурака началось, там, в Кремле. Знать, от водки совсем умом рехнулся! Пьяница – живой мертвец, вот он умер и мается там в геенне огненной за то, что пил и страну нашу Советскую пропил. Ещё святитель Иоанн Златоуст говорил, что дьявол никого так не любит, как пьяниц, потому что пьяница исполняет его злую волю. Так всё и вышло у нас в России. Творится что – я тебя спрашиваю? Сраму, сраму-то на весь белый свет, позорище-то какое! Как исправлять всё это? Кто осилит? Кто? А я дура какая, как я Аксинье не верила! Господи Боже мой, помяни во Царствии Своём рабу Божию Аксинью Егоровну Сёмину, прабабушку мою любимейшую. – Она была готова заплакать.

Мне стало стыдно, и я понимал, что совершил дурацкий поступок, но бабушка не останавливалась:

– Формы? Боже мой, «формы какие надо?» – передразнила она давешнюю крашеную бригадиршу. – Совсем страх потеряли! Помню, Аксинья наша грудастая была. Я когда на неё смотрела, всё думала, что никогда не хотела бы такие груди, как у неё, но вот надумала, и Бог меня за это покарал, вон я какая народилась, стала, как она, с шестнадцати лет мужикам на загляденье, и круглолицая, – вся в неё. Господи, а как я стеснялась, из дома выходить лишний раз не хотела, всё понимала, что глазеть будут, и плакала, пока мама уже меня не выталкивала из дома, а всё почему? Потому как воспитание было наше – от века до века. Ты ту же Аксинью возьми, она тоже, как я знаю, с пути сбивалась. После того как мужа потеряла второго, что в Германскую погиб, то стала понемногу прикладываться к бутылке, не сильно, по чуть-чуть, но частенько, и как-то раз покаялась новому священнику в Преображенском храме. Звали его отец Фёдор, он незадолго до войны у нас служить стал в новом храме. Он сам наш был, с Тверской земли. Вся твоя родня там живёт – в Кимрах, Дубне, Конакове, Кашине, Твери, а папа мой и мама до революции в Рыбинске жили. Маму мою девчонкой Аксинья отдала в служение хорошим людям, там она своё счастье и встретила. Только после революции скрывались в деревне Макарово, потом в Кимры переехали. Так вот, отец Фёдор был наш что ни на есть земляк, и стал он присматривать за Аксиньей и не давать ей сбиться с пути истинного. Она и в обществе помощи фронту у батюшки состояла, как-никак солдатка, и жене его в нём помогала собирать всё, что для солдатиков наших надобно было. Шила одежду для солдат, посылки собирала, да и самой что-то перепало, война, она всегда с голодом приходит.

Батюшка вообще сердечный был, заботливый. Я его не застала, но мама моя говорила, что к Аксинье и к ним с папой часто заходил батюшка Фёдор. По праздникам и в обычные дни. У него предчувствие было сильно развито, если что худое, он и появлялся, да и Кимры не Москва – все друг друга знали и с соседями дружили, не то что сейчас... – Она замолчала.

– Значит, отец Фёдор был духовником Аксиньи? – спросил я бабушку.

– Может, и так, я точно сказать не могу, да и арестовали его, как мне рассказывала мама, а потом и убили, – ответила она.

– Как убили?

– Как, как... Известное дело, как – расстреляли, что удивительного-то? Всех батюшек тогда расстреливали, ну, если не всех, так многих, ничего нового здесь нет, скорбь одна и срам, – подвела итог бабуля.

– А его за что? – продолжал я расспросы.

– Как за что? – удивилась она. – За Бога! Так было тогда не только с ним. Батюшку вначале арестовали, конфискация была, потом оштрафовали всю его семью. Потом он в Москву всё ездил, не служил у нас, ему нельзя было, но помогали ему все, так как прикипели к батюшке, а потом опять разрешили, и он до самого ареста и служил.

– Ба, я только не понял, а оштрафовали за что? Ты, видимо, путаешь что-то, – перебил я.

– Я ещё из ума не выжила, всё помню, что папа, мама и бабушка мои рассказывали, на память не жалею, ты свою лучше проверь. Отец Фёдор платил штраф за то, что служил в церкви, и ему, кто возможность имел, помогали. Он концерты устраивал: пели для кимряков артисты приезжие песни духовные, акафисты, много чего, что душе спокойствие приносит. Потом ему опять запретили служить, но уже кто старше него был.

– Почему?

– Потому как человек слаб, а тогда после революции много всего нового было, и церковь новая появилась. Как Аксинья сказывала, батюшка наш в искушение и впал, а может, это воля Господня, чтобы посмотреть на церковь новую, на людей в ней, разговоры их послушать и нам, грешным, потом рассказать, чтобы мы лжепророкам самозванным не верили, в ересь не впадали. Он один к ним, как в ад, спустился, чтобы нам свет правды о них раскрыть. Хотя мы в эту новую церковь никогда и не верили. Что нам новая, нам старая роднее, мы при ней рождены, крещены, венчаны и отпеты будем. Она нам мать, а Господь нам – Отец.

– Бабуль, а ты помнишь отца Фёдора? Какой он был? – Мне хотелось узнать о нём побольше.

– Ты меня, видно, плохо слушаешь, всё спешишь, а спешка, она не от Бога. Умер батюшка наш, не сам, правда, убили его, расстреляли, почти за два года до моего рождения. Только в вой-

ну Церкви нашей полегче стало. У Сталина свой на это взгляд был. А батюшку убили за то, что он церковь отстаивал. Наш горсовет Кимрский захотел церковь закрыть и в ней поселить людей, а что-то на стройматериалы пустить. Народ, конечно, воспротивился, до самого Калинина дошли люди, но им отказали, а Калинин – величина был, всего Союза староста. Когда комиссия прибыла, чтобы все церковные вещи описать, ударили колокола, на тревожный звон народа собралось уйма, и внутрь их не пустили, а некоторым и досталось, избивали охальников. Батюшка наш много раз к народу выходил, просил разойтись, успокаивал, и Аксинья наша там была, сама всего, что было, свидетельница. Три дня у церкви посменно дежурили, народа в храм-то наш ходило, почитай, несколько сотен человек, а потом милиция арестовала батюшку нашего и ещё с ним людей и в Тверь отвезли, потом в Москву.

Но судили отца Фёдора с размахом. В Кимры батюшку доставили с другими подсудимыми на открытой барже по Волге, пригласительные билеты напечатали, в газетах о суде писали, снискал наш батюшка славу, но родственников и близких на суд не пустили, всё в своих руках чекисты держали, а верховодили у них всё те же с окраины Родины нашей. Потом приговорили к расстрелу батюшку, несколько с ним человек, среди них сосед наш был с улицы Урицкого Анания Бойков. Его и папа и мама мои хорошо знали, мы же на улице Пушкина жили, а он от нас в пяти минутах ходьбы, самый центр.

Потом ещё немало народа отправили в тюрьму, и надолго. В зале много бесноватых собралось, они и в ладоши хлопали, и радовались смертной казни.

После того как батюшки не стало, в храме нашем обустроили клуб, в нём я не раз бывала. Иконы сожгли, а Аксинья с мужем и мама моя из костра успели две вытащить, солдаты их отгоняли, так они наутёк пустились с образами, и Богородица их хранила. Потом сосуды богослужебные, кресты, оклады иконные – всё на переплавку пустили, одежды священников, покровы на престольные на половики и тряпки изодрали. И в храме нашем заработал зрительный зал, читальня для местных, кружки работали в комнатах, и конечно, кино крутили, а на главе храма была красная звезда установлена.

Но Аксинья и мама моя в клуб ходить мне запрещали, да и другим детишкам тоже, а мы, не чета вам, послушными были, так он, храм наш, как клуб по большей части пустовал, а потом в нём склад был, зерно хранили, а вот после Победы сделали ремонт и начали службы в нём.

Но о батюшке нашем Фёдоре Ксенофоновиче Колерове мы всегда помнили, а Аксинья, когда непостные дни были, всегда его поминала, и я поминаю, и убиенных с ним. Вот Евангелие твоё в храме нашем куплено, когда там отец Фёдор служил, оно мужу второму Аксиньи принадлежало, с которым она на службе у батюшки нашего познакомилась.

Бабушка перекрестилась и замолчала. Я открыл Евангелие и прочитал: «Издание сорок первое. Санкт-Петербург. В Синодальной типографии. 1891 год». А на обороте страницы чернилами: «Книга принадлежит Ивану Васильевичу Рыбкину».

Поэзия

Ильяс Аутов

Ильяс Рахимжанович Аутов – заслуженный деятель Республики Казахстан. Родился в Алма-Ате. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета им. С. М. Кирова (ныне КазНУ им. Аль-Фараби). Прошёл срочную службу в рядах Вооруженных сил СССР. Работал корреспондентом различных газет и журналов, ведущим теле- и радиопрограмм и ток-шоу, специалистом по рекламе, копирайтером. В 1993 году создал группу «Мотор-Роллер», лидером которой является и поныне, а также автором практически всех её песен. Впервые Ильяс Аутов и

его группа громко заявили о себе в 2010 году, когда их «Песня о войне» стала хитом Интернета, быстро набрав после премьеры миллионы просмотров. В дальнейшем такую же широкую международную известность приобрела «Песня про советское детство» и многие другие, такие как: «Анна», «Русский и азиат», «Баранина», «Притча о братьях», «Брестские крепости». Последнюю нередко называют гимном нашего времени, а строчка из неё «Наш народ не сотрёшь в порошок, его можно стереть только в порох» была даже отчеканена Московским монетным двором на памятном жетоне, выпущенном в честь героев Первой мировой войны. То, что творчество Аутова и его группы близко многим людям, показывают их выступления не только в республиках бывшего Советского Союза, но и многочисленные концерты, гастролы и творческие вечера в Германии, Финляндии, Чехии, Великобритании, Сингапуре, Гонконге и других странах. Поклонники «Мотор-Роллера» по собственной инициативе перевели песни Ильяса Аутова на казахский, белорусский, английский, болгарский, немецкий и японский языки. Ильяс имеет ряд наград от общественно-политических и общественно-патриотических организаций России и Казахстана, а также медаль «Благодарность» от Русской православной церкви. В 2020 году стихи Ильяса Аутова были включены в обязательную общеобразовательную программу для казахстанских средних школ. Ильяс неплохо проявил себя и в кинематографе: в октябре 2022 года художественный фильм «Мама, я живая!», в котором он сыграл одну из главных ролей, получил Гран-при Каннского фестиваля в номинации «Лучший фильм стран Шёлкового пути».

ПЕСНЯ О ВОЙНЕ

Проснулись все, кому спалось, –
На небе что-то взорвалось.
Я распахнул своё окно и глянул вверх.

И тут мне сзади говорят:
«Ты посмотри, опять бомбят!»
А я в ответ: «Да это ж просто фейерверк».

Кому в ответ? Кто говорил?
Ведь я один в квартире был.
Жена у матери – давно, наверно, спит.

Я обернулся. Что за бред?
Передо мной стоял мой дед,
Мой дед, который в сорок пятом был убит.

Шинель, пилотка, ППШ...
А я стоял, едва дыша,
И головой своей мотал, чтоб сон прогнать.

Но дед не думал уходить,
Он попросил воды испить,
Потом сказал: «Присядем, внук. Чего стоять?»

Напротив деда я сидел
И словно в зеркало глядел.
И дым махорки, незнакомый мне, вдыхал.

А он курил и говорил
Про то, где воевал, где был
И как на Одере в него снаряд попал.

Тут его взгляд задумчив стал,
И дед надолго замолчал.
Потом вздохнул и произнёс: «Скажи мне, внук,

Ты отчего же так живёшь,
Как будто свой башмак жуёшь,
Как будто жизнь для тебя – сплошной недуг?»

Я растерялся, но потом
Ему всё вывалил гуртом:
Что современный человек – такая дрянь!

Что я ищачу на козла,
Что в людях совесть умерла
И что отмыться им не хватит в мире бань.

Я что-то там ещё кричал,
Но тут кулак на стол упал;
Горящим, страшным взглядом дед меня сверлил:

«Тебе б со стороны взглянуть,
Мой внук, на жизни твоей суть,
И ты б тогда совсем не так заговорил.

Ты был талантлив, всех любил,
Но всё в деньгах похоронил.
Искал разгадку смысла жизни, а теперь

Ты ищешь баб на стороне,
Забыл о сыне и жене,
И между миром и тобой стальная дверь.

Неужто ради ваших склок,
За хлеб и зрелища мешок
Мы погибали под огнём фашистских крыс?!

Эх, нету Гитлера на вас!
Тогда б вы поняли за час
Всю ценность жизни, её прелесть, её смысл».

Уже рассвет входил в мой дом,
И пели птицы за окном.
Солдат исчез, и я вдруг начал понимать:

В любом из нас сидит война, –
Не знаю, чья в этом вина, –
И нам нельзя на ней, ребята, погибать.

В любом из нас сидит война, –
Не знаю, чья в этом вина, –
И нам нельзя ее, ребята, проиграть.

БРЕСТСКИЕ КРЕПОСТИ

Нас никто штурмом не брал,
Все ворота мы сами открыли.
Даже тем, кто до крови кусал,
Без враждебности жить предложили.

Они были поражены,
Что мы так безрассудно беспечны,
Что придуманный комплекс вины
Так покорно взвалили на плечи.

А вины насчитали нам лес
Эталоны надменной Европы:
Это наш азиатский замес
И масштабница наши циклопы...

Продолжая к нам в дом проникать,
Многоопытная заграница
Стала нас у корней подгрызать –
Без корней легче договориться.

Она сгрызла учёных, врачей,
Придушила кинематограф,
Обглодала учителей,
И свой глобус пропил географ.

Прогрызала дыры в мозгах,
Чтобы тряпки туда вконопатить.
Наша воля лопалась в швах,
И совсем продырявилась память.

И когда уже стали в глаза
Называть нас «тупая нелепость»,
Я, решив, что так дальше нельзя,
Превратился в Брестскую крепость.

На клочке материнской земли
Я твердел в круговой обороне,
Чтоб хотя бы его не смогли
Оккупантов вытоптать кони,

Чтоб хотя бы детей не отдать
В рабство их содомитской культуре.
Мне бы раньше пойти воевать!
Но нас очень хитро надули.

Мир плясал вокруг дудки врага,
И предатели всласть жировали,
У нацистов окрепли рога,
Им юродивые подпевали.

И казалось, до пропасти шаг,
И, когда эта пропасть разверзлась,
В небо взвился вдруг Родины флаг –
Это билась ещё одна крепость!

И другие бились вдали,
Все в дыму, но полные жизни.
Значит, всех подкосить не смогли
«Благодетели» нашей Отчизны.

И я понял: дайте нам срок,
Мы сметим этой нечисти ворох!
Наш народ не сотрёшь в порошок,
Его можно стереть только в порох.

Не дай бог вам с огнём лезть к нему,
Проверять того пороха силу, –
Он врагов не бьёт по одному,
Он их рейхами валит в могилу.

Но урок давний впрок не пошёл,
И спустя всего два поколения
Новый рейх у порога расцвёл,
Хочет дани и повиновенья.

Сколько раз объяснять дуракам,
Наших дедов слова повторяя:
Мы все выплаты вам по счетам
Совершаем 9 Мая!

Что ж, опять объясним дуракам,
Наших дедов слова повторяя:
Мы всегда, по любым вам заплатим счетам,
Каждый раз – 9 Мая!

ПОЕЗДА НА ВОЙНЕ

Телевизор крутил старый фильм про войну:
Сбитый «юнкерс», пылая, в болоте тонул.
Бронепоезд прицельным зенитным огнём
Превратил в один миг аса в металлолом.

И спросил удивлённый сынишка тогда:
– Пап, а правда, умеют стрелять поезда?
Ведь когда нас на море возил паровоз,
Никакие он пушки с собою не вёз.

– Правда, – молвил отец. – И не только стрелять.
Поезда на войне могут даже летать,
Как летали они – точно ангелы в ад –
Над водой, хлеб в блокадный возя Ленинград.

Как железные, длинные руки страны,
Поезда лезли в самую гущу войны,
И, хоть смерть тут и там стерегла горизонт,
Всё – от танков до соли – тянули на фронт.

Смерть в истерике била по этим рукам,
О колено ломала их напололам,
А они, растирая все муки в муку,
Всё тянулись к Берлину – к её кадыку.

Но для наших они в те суровые дни
Материнским, родным рукам были сродни.
Вспоминают о них со слезами в глазах
Те, кого в санитарных спасли поездах,

Тот, кто чудом в последний вскочил эшелон,
Когда город родной полыхал, как картон;
С пистолетом пустым на подножке стоял
И вернуться сюда себе клятву давал.

Знают дети войны, знает каждый боец,
Фронтальная теплушка – лучший дворец.
Только здесь встретишь столько
прекрасных людей,
Столько чистых и тёплых услышишь речей.

Я не видел войны, но ты знаешь, сынок,
Когда слышу в ночи паровоза гудок,
Вдруг во мне просыпается кто-то другой –
Кто с платформы ведёт с чёрным «юнкерсом» бой.

И товарищей крики «ни шагу назад!»
В одночасье на всё изменяют мой взгляд.
Сквозь ту чушь, что казалась важною мне,
Вижу главное – Родина снова в огне!

По ней, как по тому бронепоезду, бьют,
А она рвётся вдаль, не меняя маршрут,
По Великой Железной дороге своей.
И я должен быть с ней. Я всегда буду с ней!

ПРИТЧА О БРАТЬЯХ

На душе от весёлой сказки
Хорошо, как от шашлыка.
Жили братья по соседству,
Словно с правой левая рука.

Жили, как наставляли предки:
Чтили труд, дух был добр и твёрд.
Но однажды ночью
К брату младшему в дверь постучался чёрт.

Он скулил: я, мол, иностранец,
Заплутал и под дождь попал...
До утра его пустили,
Он на целых шесть недель застрял.

Жил, как барин, ел, как лошадь,
Серой крысой по углам шнырял.
И тихонечко на ухо
Всякое хозяину шептал.

– Милый друг, ты ведь голодранец!
Старший брат тебя обокрал –
Из отцовского наследства
Он объедочки тебе отдал,
А у самого от злата
И каменьев ломится подвал.

Он тебя высосет, как водку,
И заест твоею женой.
Если ты его сейчас не свалишь,
Не останешься живой.
А ещё есть документик,
Что тебе не брат он никакой.

Ты не трусь, что он станет драться.
Только пусть шевельнёт рукой,
Иностраня моя вся
Дружно встанет за тебя стеной.
Она всем заступница, кто слабый
И обиженный судьбой.

Тут вскипел младший брат, как чайник.
Он схватил камень да топор,
Выбил брату стёкла, зарубил собаку
И поджёт забор.
Ясень родовой спилил,
Да тот к нему же и упал во двор.

И забор, пламенем объятый,
Подпалил дом его и сад.
Взвыл несчастный поджигатель,
Смотрит – черти во дворе кишат,
Вроде тушат, а на деле
Посильней огонь раздуть спешат.

Унесли черти в суматохе
Всё добро, с деньгами мешок,
А тот, кого он приютил,
Жену за косы в поле уволок.
И к утру богатая усадьба
Превратилась в уголёк.

С той поры пролетели годы.
Младший брат жив, да не здоров, –
В Инострании у чёрта
Служит главным по мытью полов.

Всё понять не может,
Как он наломал таких ужасных дров.
Плачет о былом, где были счастье,
Брат, семья и милый кров.

Сказка ложь, да не без намёков.
А они тут не глубоки:
Не пускайте в дом чужих,
Покрепче запирайте все замки, –
Черти вечно ищут те места,
Где созревают дураки.

БУМАЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Жил бумажный человек
В нарисованных штанах,
С нарисованной женой
В нарисованных шелках.

Он сидел в бумажном кресле
И бумаги рисовал,
Нарисованной улыбкой
Всех встречал и провожал.

Вырисовывалась жизнь
Так, как он о ней мечтал.
Он не ссорился ни с кем
И детей не рисовал.

Но всегда имел в избытке
Нарисованных друзей
И рисующихся женщин –
Чтобы было веселей.

Он был счастлив, он был счастлив,
Он был счастлив, как никто другой.
Он был счастлив, он был счастлив,
Он был счастлив.

Но пришла к нему беда:
Кто-то на бумажном тельце
Вывел кончиком помады
Красное большое сердце.

Просто сердце, скуки ради,
Но бумажный человек
В рисовальщицу влюбился
И решился на побег.

Он бродил, искал в тетрадных
Клетках слабые места,
Чтобы вырваться к любимой
Из бумажного листа.

А любимая смеялась
И дразнила дурака –
Рисовала ему часто
Очень длинные рога.

Но он был счастлив, он был счастлив,
Он был счастлив, как никто другой.
Но он был счастлив, он был счастлив,
Он был счастлив.

Он пылал такой любовью,
Что однажды начал тлеть.
Многое снесёт бумага,
Но огня ей не стерпеть.

Он горел, и с ним горели
Его деньги и сады,
Нарисованные виллы
И бумажные цветы.

И когда всё стало пеплом
И взлетело в небеса,
Он запутался, счастливый,
У любимой в волосах.

Жил бумажный человек
В нарисованных штанах.
Он запутался, счастливый,
У любимой в волосах.

РУССКИЙ И АЗИАТ

Два человека во мне живут –
Русский и Азиат.
Они то, обнявшись, песни поют,
То псом друг на друга рычат.

Они вечно спорят за право быть мной
И делят меня так и сяк.
Один выбрал внешность, душу – другой,
В которой всегда всё не так.

Я переливаюсь, как детский значок, –
Какая моя сторона?
А месяца тоненький завиток
Приник к крестовине окна.

Я вместе несу их – и крест и луну.
Я – скрепка на стыке миров.
Упрямо разодранную страну
Сшиваю я из кусков.

И слышен такой ослепительный блюз,
И искры до неба летят,
Когда во мне сходятся минус и плюс –
Русский и Азиат.

Друг друга они берегут и бранят,
Едят друг у друга из рук,
Бегут друг от друга, но снова назад
Несутся стрелой, сделав круг.

И, крепко обнявшись, в конце всех дорог
В священную глину они упадут
И преобразятся, когда выйдет срок,
В кирпич и звонкий сосуд.

Один обогреет, накормит другой,
Далёких потомков, смешных пацанят,
В чьих жилах посеют навек непокой
Русский и Азиат.

Поэзия

Геннадий Ёмкин

Геннадий Максимович Ёмкин – поэт, прозаик, член Союза писателей России. Родился в 1961 году в закрытом городе Арзамасе-75 (ныне Саров), Горьковской области. Окончил Лукояновское педучилище (1979, физкультурное отделение), Арзамасский пединститут (1986, биофак з/о). Срочную службу (1979–1981) проходил в Туркмении, Афганистане, на Дальнем Востоке. Работал инструктором по спорту, преподавателем физкультуры, педагогом-организатором, лаборантом, дворником, инженером, техником, кочегаром, плиточником, таксистом. Был частным предпринимателем.

Автор пяти поэтических книг: «Мне навеки дарована Русь» (2000), «Пусть в жизни всё произойдёт» (2007), «Княжский щит» (2010), «Земное ремесло» (2014), «Небывалый ковчег» (2021). Лауреат премий ряда литературных журналов России: «Нижегородская провинция», «Арина», «Русское эхо». Лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова (2016), победитель XXVII Международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце» (2020), дипломант Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2021).

Проживает в г. Сарове Нижегородской области.

О СЛОВАХ

Не купил. Не смыслы вывихнул,
Не украл. И не нашёл.
А казалось, – просто выдохнул.
И сказали: «Хорошо!»

Но крутили всё же, мерили.
Что такое? Расскажи!
Оказалось – не материя.
Оказалось – часть души.

МОЛИТВА

Слово молвил за друзей
Искреннее, ненарошное.
И просил душою всей:
– Дай им, Господи, хорошее!

Помолился. Помолчал.
Попросил-то ведь немало...
Перед образом свеча
Догорела вся, истаяла.

Дотлевал фитиль. И плыл
Дым, и таял понемногу.
Вспоминаю. Не забыл
Ни о ком?
Ну, слава богу!

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Отцу Льву

Едва зелёной дымкой ранней
Леса подёрнутся,
И вот –
Воскресный светлый звон пасхальный
Во все пределы поплывёт
Через поля, долины, реки,
Через едва зелёный лес,
Благовестуя, что веки
Христос воскрес! Христос воскрес!
И чудо!
Вестью светлой полны,
От счастья выплакав глаза,
Вот-вот сорвутся колокольни
С колоколами в небеса!
Чтоб дольше, дальше эту радость
Нести с восторженных небес!
Чтоб в сердце каждом отзывалось:
«Христос воистину воскрес!»

ЗВЕЗДА

Рутковской Надежде

Милые!
Мне рассказать охота
О саровских наших чудесах –
Свет закатный тёмной позолотой

В синих затеряется лесах,
Высоко на бархатно-глубоком
Первыми лучами не остра,
Чуть дрожа, прекрасна, одинока
Дивная рождается звезда.
Тихая свидетельница чуда –
Провиденьем Божиим храним,
Свой пустынный подвиг многотрудный
Совершает старец Серафим...
Свет закатный...
К пустыньке дорогу
Боровые сосны сторожат.
А на стрелке Сатис и Саровка
Затянули в омуты закат.
Птица крикнет в пойме заполошно.
Птица крикнет
И опять уснёт.
Тишина густая...
Тронуть можно...
Лишь к вечерне колокол зовёт.
Тихо так...
Торжественно-печально
Над уснувшей Родиной моей.
И звезды высокое молчанье
Сердцем понимаю я полней –
Ничего рассказывать не надо!
Просто слушай!
Слушай и молчи!
Слышишь, там, на пустыньке на дальней,
Снова кто-то молится в ночи...
Охлади сердечный пыл и ропот.
Верь душе! Ей дан особый слух –
В шуме листьев тихий слышать шёпот:
«Милые! Стяжите мирен дух!»
Верь душе! Она всему основа.
Пусть душа ведёт тебя всегда!
И опять сторае над Саровом
Свет закатный
И встаёт звезда.

НИЖЕГОРОДСКИЕ СОЛОВЬИ

Светлане Леонтьевой

1.

Славны курские и прочие
Соловьинные места.
А у нас, в Нижегородчине,
О ста разных голосах
По оврагам да терновникам,
За любую городьбой,
По сиреням да шиповникам
Княжич свой!

Куст калины – чем не вотчина?
Вот и гнёздышко совыют.
И во всю Нижегородчину
Запоют!
Взять, семёновские... Шалые...
Свистнет – лезвиё ведёт!
О таких ли и вздыхала ты
Ночи напролёт,
Дорогая Серафима?
Он манил тебя не золотом,
А стелил пиджак на мяту,
Помнишь, помнишь, Серафима?
Всё над омутом, над омутом,
Где с глубокой старины,
Все с усами пол-аршинными,
Жили в омуте сомята
И, наверное, сомы...

Хулиганисты и в Павлове
На Оке,
Свистнут – звёзды плавают
По реке.
И плывут на встречу с Волгою,
Не зови...
И свистят им вслед, и цокают
Соловьи.

Есть и почта соловьиная,
И не диво, что случается –
Запоют в Липелее ли, в Линде ли,
В Люнде, в Лидовке отзывается –
Завздыхают сирени, и ломаются
Изо всех палисадов прочь,
И у каждой девчонки бессонница
Во всю ночь.

Хохлома играет солнышком –
Чернь по золоту! – закат.
Запоют – один про гнёздышко,
А другой про соловьят.
– Ах, родная, много ль надо нам!?
Каждый ладушку под крыло...
Распевают – стелют бархатом,
Осыпают серебром.
Серебром тотчас и бархатом
Отзовётся тут и там.
– Ах, родные! Много ль надо нам,
Соловьям?
И коленца с новой силою
Сыплют, дюжины подряд!
– Мы таких нарóдим, милая,
Соловьят!

В маломальской самой вотчине
Распевают от души
Соловьи Нижегородчины –
Хороши!

2.

Из заглавных ударил.
 Страстно. Неуёмно.
 Да с переливами.
 И одной соловьихе ясно:
 – Вот-он, ми-лый мой!
 Ми-лый, ми-лый!

Вот жиган отжигает лихо:
 – Уведу-у! Уведу-у! Уведу-у!
 И красавица соловьиша:
 – Ах, подру-уженьки, пропа-ду-у!

В бузине, заполошный, взъерошенный,
 Чешет клювиком грудь,
 И подруга его огорошена:
 – Где-ты, где-ты?
 – Там-там-там-та-ам...
 – Где-где-где-где?
 – Фиють-фиють-фють...

Годовалый юнец старается,
 Ломкий пробует голосок.
 От кручёной воды отражается:
 – Цок-цок-цок-цок!

И поют соловьи соловушкам,
 Каждый с гнёздышка своего.
 Обмирают от счастья хорошие,
 Слыша каждая – своего.

Соловьиные ночи не длинные.
 Милый, милую выбирай!
 Будет счастье всем соловьиное!
 Месяц май.

3.

В краснотале или в смородине,
 Подмастерье или солист,
 Запоют соловьи на Родине –
 Сердце вдрызг!
 За деревней ли самой маленькой,
 В три жилых-то всего двора,
 В Нижнем грянут ли по окраинам,
 И до самого
 До утра.

Всякий куст соловейке отчина.
 Песня каждая – самая-самая!
 Вот и есть моя Нижегородчина –
 Соловьиное царство заглавное!
 Чем не родина куст смородины
 Соловьихе и соловью?
 Куст калиновый – чем не родина?
 Сядут рядышком и поют...

Пойте, птахи мои невеликие!
 Пойте, милые! Пойте, славные!
 Ваше пение, даже тихое,
 Стало музыкой мне державною.

По окраинам ли рабочим,
 По просёлкам лесным твоим,
 Край любимый, Нижегородчина!
 Соловьи...

* * *

Так покойны воды в сентябре...
 Гладь воды тиха, подобна глянцу.
 Ветер дунет – чернь на серебре,
 И листва прощальная багрянцем
 Всё скользит, скользит...
 И напоён
 Каждый день тишайшей самой грустью.
 И летит листва за окоём,
 И плывёт листва куда-то к устью.
 В эти дни, я верю, – не умру.
 Ничего такого не случится,
 Просто чернь пройдёт по серебру
 Гуще
 И багряней станут листья.

* * *

Тишайше...
 И туман плывёт.
 Калинов мост. Река Смородина.
 Я знаю, что произойдёт.
 Но с нами Бог!
 За нами – Родина!
 Я знаю, что произойдёт –
 Опять «поганые» собираются.
 Но Богородица вот-вот
 Над нами явится!

* * *

Выйду летом в огородину –
 Славно жить!
 Мята соберу, смородины –
 Насушить.
 Много есть ещё у родины –
 Зверобой да липы цвет,
 Без него, молва в народе, –
 «Скуса нет!»

Вот зимую.
 Стучат вроде бы?
 Гость пришёл.

– Чаю будете со смородиной?
– Хорошо б!
– Если сахару вприкуску,
Я сейчас.
Не стесняйтесь! По-простому,
Запросто у нас.

Раскраснелись,
Распотелись,
Чай гонять –
Хорошо!
– А ещё вам, гостенёк, подливать?
– Лей ишшо!

БЕССОННИЦА

Час – четвёртый.
Сижу в тишине,
Мне предчувствие чай подливает
За окном...
Или кажется мне?
Кто-то имя моё называет.

Полдень. Май.
Облака проплывают,
Никуда не спеша.
Хорошо...
В эту ночь я по самому краю
Проходил.
Получилось. Прощёл.

Но
Представилось явно! –
За краем
Я иду и шепчу в тишине:
«Всех люблю. Обо всех вспоминаю.
Вспоминайте и вы обо мне...»

* * *

Евгению Юшину

Под окошком отцветает примула.
За окошком – ветер да жнивьё...

Евгений Юшин

В палисаде
Снова никнет примула.
Предосенний зыбок окоём.
Чёрные
Горластые
Грачиные
Ветер носит стаи над жнивьём.
Вечерет рано.
Только синяя
Над холмом затеплится звезда,

Замигает светом керосиновым
В три оконца дедова изба.
Ей давно от старости не спится.
Оттого и ночи напролёт
Охнет, ахнет, скрипнет половица
Да протяжно матица вздохнёт.

Дом, звезда,
Рязанская глубинка...
Вот сверчок запечный запоёт,
Ты подтянешь гирыку по старинке,
И на стрелках время оживёт.
У него своё предназначенье,
Стоит гирыке двинуться, и вот –
Времени обратное течение,
Памятью владея, увлечёт
В те края, где ты играл с котёнком,
Пескарей азартно подсекал,
Рыжего купая жеребёнка,
Всё его за шею обнимал!
Где в цвету деревья молодые,
От которых тень ещё едва...
А под ними – улы золотые!
Дедушка считал – их двадцать два...

Всё тебе на родине отрада.
И постелен в горенке твоей
Половик,
В сенях царит прохлада...
Вот и славно!
Помни да владей
Домом,
Садом, где созрела слива,
Яблочный ломает ветви Спас.
Хорошо, что сроду не пугливы
Были птицы-аисты у вас.
Оттого всегда качало зыбку
Кованое, в матице, кольцо
И хранило добрую улыбку
С жёлтых фото каждое лицо...

Красный угол.
Высветит лампада
Охру образов и серебро,
В этой жизни всё идёт как надо.
Вот и слава богу, и добро!
Даже то,
Что снова никнет примула,
Не беда...

В преддверье сентября
Осень снова ветром резким кинула
Чёрных птиц на золото жнивья.

Поэзия

Виталий Даренский

Виталий Юрьевич Даренский – родился в 1972 году. Философ, историк, поэт, публицист, доктор философских наук, профессор Луганского государственного педагогического университета. Автор поэтических сборников «Тропа у обрыва» и «Притяжение неба». Победитель поэтического конкурса «Русская Голгофа» (2017), дипломант конкурса к 60-летию журнала «Москва». Член Союза писателей России. Живёт в городе Луганске.

ДОНБАСС СРАЖАЛСЯ ЗА РОССИЮ...

НА ПЕРЕДОВОЙ

Шестую ночь мы спали на земле,
Едва глаза смыкая на морозе,
Душа окаменела – как в псалме,
Её объяли «воды мнози».

Мы наступаем по пятам врага
В полях замерзших вдоль Бахмутки;
После дождя опять будет пурга,
А пацаны всё шутят шутки...

Там, впереди, у *них* укрепрайон,
Его ещё не взяли – нам осталось;
Перед глазами жизнь течёт, как сон –
Быть может, нам её осталась малость...

И снова ночь, и темень впереди –
За полем враг молчит, его не видно.
Прости мне, Господи, все тяжкие грехи!
И если смерть – то пусть не будет стыдно.

А днём, я помню, греясь у огня,
Я вдруг увидел, как светились лица
У всех солдат – но не от света дня,
А изнутри какой-то свет пролился.

Я понял, что здесь каждый шёл на крест
Во искупление своей забытой жизни –
И посылал Господь нездешний свет
На наши лица вместо укоризны.

28 февраля 2022 г.

* * *

Грузились молча в кузов мужики –
Война, как и любовь, всегда неожиданна.
Жена смотрела вслед – и взмах её руки
В душе запечатлелся очень странно.

Подумалось: «Быть может, никогда
Не встретимся уже на этом свете;
Пусть этот взмах мне светит, как звезда,
И если на него не суждено ответить».

Ушла в поля луганская пехота,
И в тех полях мы не считали дни –
Ты жив пока, но хрипло стонет кто-то –
В один печальный миг слились они.

Но я вернулся – взмах руки, наверно,
Хранил меня и в смерть не отпускал;
И в тех полях, как ангел верный,
Меня, забытого, искал.

Осталась мне последняя работа –
Хранить тот свет, сиявший мне во мгле;
Ушла в поля небесная пехота,
А я опять остался на земле.

НАЦИСТЫ

Когда растаял дым от взрыва,
И остов танка догорал,
И страшной братскою могилой
Навеки экипажу стал,

И их испуганные души
Предстали перед Судией,

Окаменев в посмертный ужас
Никчемности судьбы своей –

Им в помощь будут лишь молитвы
Всей ими преданной Руси.
И стыдно вспомнить поле битвы
Теперь им там, на небеси...

У СГОРЕВШЕГО БТРа

На поле в утреннем тумане
Чья-то закончилась судьба –
Главное, что не в обмане,
А что так рано – не беда.

Здесь, на окраине посёлка,
Попал в засаду экипаж –
Повоевать успел он сколько?..
И не укропский, явно наш.

Машина пламенем объята,
Взорвался сразу бензобак.
Не страшно погибать, ребята,
Коль погибать не просто так.

«Вся эта жизнь – иной начало», –
Сказало сердце тихо мне.
И мне слова эти звучали
Словно впервые на земле.

МАЛОРОССЫ

Хохлуха Дзюба из Черкасс
Под нежным псевдонимом «Асти»
Певица модная сейчас
И сердце людям рвёт на части.

Есть ещё Дзюба – футболист,
Хохол и лидер русской сборной,
Таранный форвард, скандалист,
Любимец публики бесспорный.

Дзюба – фамилия на смех,
Ведь переводится «Клевака».
Наверно, предок был у всех –
Какой-то шустрый гайдамака.

Его потомки навсегда
России душу полюбили,
Она им светит, как звезда, –
И честь свою не погубили.

Но разделился наш народ
На русь и нёрусь – без остатка;
Мы долго ждали этот год,
Мы долго ждали эту схватку.

Но мы, как Дзюбы, – навсегда
России душу полюбили,
Она нам светит, как звезда,
Мы честь Руси не погубили!

* * *

Когда умолкла артиллерия
И наступила тишина –
Какие странные мгновения
Ты подарила нам, война!
Как будто в мире нету времени
И всё застыло навсегда –
И нескончаемо мгновение,
И мир сияет, как звезда...
Пусть краток миг преображения,
Подобный явленному чуду –
Но эти тихие мгновения
Я никогда не позабуду.

ПРОЩАЙ!

И снова вижу с чёрной лентой чьё-то фото –
Лицо знакомо, и плывут воспоминанья...
Уходит в небо там луганская пехота,
А мы живые – это тоже наказание.

А в кабаках, как панихида, песня Асти
О том, как парень всё искал её по барам,
Пил, как Есенин, и не верил в расставанье,
И вспоминал, как с ней бродил по тротуарам.

И у меня так тоже было ведь когда-то...
Жизнь – расставание и вечные поминки,
Но, сердце, ты не плачь, прошу, не надо –
Ведь бесполезны твои тайные слезинки.

Как в этой песне, жизнь, как ветер, пролетела,
Как странный сон, придуманный не нами;
А смерть пришла – ей вовсе нету дела,
Какими глупыми мы вечно жили снами.

Бродили по барам, по тротуарам,
мокрым и старым –
Прощай!
Пришла наша кара,
сбылась наша карма –
Встречай!

НОВОРОССИЯ

Здесь сбросила Русь сатанинское иго,
 Антихристов Запад опять отступил!
 Дождался народ долгожданного мига –
 Господь свою Правду над нами явил.

А мы и не знали, как много героев,
 О Духа рождённых, народ сохранил!
 Как будто вернулось к нам время иное
 И Дмитрий Донской нас на подвиг водил!

Народ «украинцы», отравленный ложью,
 Здесь начал расплату за Каинов грех,
 И снова воскресшая Русь непреложно
 Сияет над миром святыней для всех!

Нам счастье досталось, хотя бы на время,
 Быть совестью мира, быть солью земли!
 Мы русской свободы счастливое бремя,
 Как свет всему миру, достойно несли!

Здесь юная Русь вновь восстала из пепла,
 Вновь ликом святым проницая века.
 Воскресшая Русь новой силой окрепла,
 Простёрта над нею вновь Божья рука!

ДОМОЙ

Донбасс сражался за Россию,
 Став на пути гнилой орды;
 Здесь в нашей правде – наша сила,
 И совесть – суть нашей судьбы.

Донбасс был блудный сын России,
 Украденный чужой страной –
 Но он восстал, собрал все силы
 И возвращается домой.

И вслед за ним по зову духа
 Вновь соберётся наша Русь –
 Закончилась наша разруха,
 Мы сможем всё, только не трусь!

Не умерла народа совесть,
 И память в нас не умерла –
 И мы пройдем сквозь смерть и горечь,
 Лишь бы жила наша страна!

И возрождённые войной
 Мы возвращаемся домой.

* * *

Бог же благословляет
 праведную брань.
Св. Филарет Московский

Война – не худшее из зол,
 Намного хуже душ погибель,
 С которой Запад к нам пришёл.
 Но русских Бог не даст в обиду!

Война – евангельский ответ
 На зло антихристового мира!
 Греми, воинственная лира,
 Врагу достойный дай ответ!

Путей нет в жизни безопасных,
 Но вечно светит вышний свет;
 И нет на свете жертв напрасных,
 И ничего бессмысленного нет!

* * *

Когда закончится война
 (Не знаю, будем ли живыми)
 И обновлённая страна,
 Горда победами своими,

Будет смотреть мечтами вдаль
 И мерить мир своею мерой,
 Забудет смертную печаль
 И укрепитсся правой верой –

Тогда забудут все о нас,
 О тех, кто жил в года глухие,
 Кто приближал победы час
 И верил в чудо и в Россию.

Придут иные времена,
 Придут иные поколения,
 Забудут наши имена –
 Но слову не дано забвеньё!

Нет, мы останемся всегда,
 Смерть ничего в том не изменит:
 Будут греметь наши слова
 Для тех, кто знает их и верит.

Поэзия

Анатолий Андреев

Анатолий Николаевич Андреев – родился в 1958 году в г. Североуральске Свердловской области. Литературовед, культуролог. Член Союза писателей России, Союза писателей Беларуси. Доктор филологических наук, профессор. Автор 310 научных публикаций, в том числе учебника «Теория литературы», монографий «Персоноцентризм в классической русской литературе XIX в.», «Философия литературы. А. С. Пушкин», «Основы теории литературно-художественного творчества», «Психика и сознание: два языка культуры», научно-популярной книги «Зачем нужны умные люди?» и др. Автор 14 опубликованных романов («Лёгкий мужской роман», «Маргинал», «Для кого восходит Солнце?», «Халатов и Лилька», «Срединная территория», «Игра в игру», «Всего лишь зеркало...», «Отчуждение», «Авто, био, граф и Я» и др.), книги рассказов «За буйки», книги повестей «Вселенная не место для печали», книги стихов «Сквозь Млечный Путь – железная дорога», сборника пьес «Главные слова для любимой женщины».

Живёт в Москве. В настоящее время профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ).

КОЛОКОЛ

Опять звонит. По ком? По нашу душу?
Тот колокол рассерженный. По ком?
Окутал смогом лжи сам дьявол сушу
В союзе с человеком-пауком.
Мы понимаем: Третья мировая.
За Бога. Душу. Веру. Правду. Мать.
И вот, как бы резвяся и играя,
Готовы смерть за благо принимать.

А колокол бередит парадоксы:
Да как же так, где логика и смысл –
Ещё вчера мы были ортодоксы,
Ну а сегодня либералы мы.
Ещё вчера топтали мы фашистов,
И кто не с нами, тот был против нас.
И на душе, и в небе было чисто.
Сегодня на руках другой приказ.

Весь Запад под коричневою жижей.
А русские – фашисты. Как-то так.
Победа далеко, а смерть всё ближе.
Давай, товарищ, доставай наш флаг.
Не в силе Бог, а в правде. Это свято.
И даже если мир сошёл с ума,
Мы будем мыслить здраво, непредвзято:
Ведь с нами Бог и истина сама.

Звони, гуди, радей за нашу правду.
Твой звон не для врагов, а для небес.

Нам не впервой подраться против гадов,
Которых водит их фашистский бес.
А русский – это звание навеки.
Нам суждено сражаться против тьмы.
С чумою справятся, конечно, человеки,
Когда под колокол разбудим совесть мы.

04.03.2022

ЗДЕСЬ, НА ВОЙНЕ

Здесь, на войне, в живых остаться –
И то не в радость, а в полгоря.
Давай закурим, что ли, братцы,
И помолчим «за тех, кто в море».

А завтра сами в те же лямки,
И в те же ямки и окопы.
У всех седеют рано мамки,
Которым видеть нас охота.

Не в том беда, что жизни жалко, –
За совесть служим и за правду.
Молох жрёт всех, ему всё мало,
И наших, и фашистов-гадов.

Где справедливость, небо? Где же?
Ведь мы храним твои заветы.
Мы не потерянные, нет же,
Но нам нужны твои ответы.

В ответ – молчанье. Ладно. Ясно.
 Как знак согласия – тихий вечер.
 Закуришь с нами? Нет? Напрасно.
 Становится немного легче.
 08.08.2022

* * *

Злые узлы связаны цепью.
 Цели в прицеле – не отвлекайся.
 Пули эсэсов звенят цецехой.
 Здесь, на войне, не бывает асов.

Здесь все равны: жизнь за Отчизну.
 Только судьба знает детали.
 Завтрак – обед – ужин – тризна...
 Души бояться уже устали.

Смерть за спиной рождает смелость.
 Мама, спаси... Тают силы...
 Жить бы ещё так хотелось,
 Чтобы отдать жизнь за Россию.

* * *

Мерещится мне остов Messerschmitt'a.
 И европейский блеск от Hugo Boss'a.
 И миллионы павших, нет, убитых.
 Потрите Boss'a – и найдёте Bosch'a.

Дизайн от бога: чёрные «пантеры»,
 Шикарные кокарды, португепи.
 Сосо Chanel предвестьем новой эры:
 Чем элегантней – тем, увы, тупее.

И вот опять у нациков фиеста –
 Рисуют на шевронах крест с изломом:
 «Мы укры, из фашистского же теста».
 Фалангами, сомкнувшись в батальоны,

Ползут чумой на издревле святое.
 И было так всегда, от римских жестов.
 Как только крепнет племя молодое,
 Его ждёт бой с фалангой, а невесты,

Приняв закон, начертанный судьбою,
 Тревожно ждут победы нашей правды.
 И побеждаем мы. Но нет покоя.
 Не истребить из почвы корень адов.

И вечный бой. И вечная победа.
 И в этом смысл земного бытия?
 Летит, искрит косматая планета,
 Где только чудом живы ты и я.

КРАСОТА И СМЕРТЬ

Божественный дизайн от гениев из Hugo!
 Волшебный аромат Chanel про рай и кущи.
 Лишь русским на земле приходится так туго:
 Ведь красота и смерть пришли по наши души.

И пятая графа всем нам зловеще светит.
 Бог метит шельму красно – дизайном и духами.
 Нет повести печальнее и нет грустней на свете:
 Да, красота и смерть в союзе с небесами.

Зачем слагать стихи? Зачем кружить балеты?
 Изменит красота – и злу уйдёт служить.
 Сегодня было так, а завтра будет этак –
 Сегодня в храм добра, а завтра – в терем лжи.

Проклятье красоты – она двойной природы:
 Коварна, смертоносна – а без неё никак.
 Вращается Земля на радость земно-водным,
 Обрушивая своды, роняя свет и мрак.

Мы жало красоты вонзим фашизму в жабры.
 Мы знаем про секрет: не в красоте вся сила.
 Да будет с нами свет, не тот, что в канделябрах,
 А в истине с добром. Примите смерть красиво.

* * *

Восхищаюсь солдатами вечной пехоты.
 Преклоняю колени отцам-командирам.
 Виноват: я романтику правды окопной
 Променяю на правду во имя мира.

Но как только представлю с кем надо мириться –
 Пальцы ищут металл, чтобы впитаться в гашетку.
 Нет, уж лучше в окопы – и там будут сниться
 Сны о лете, о птицах в открытой клетке.

Я погибну, конечно, – мир требует жертвы,
 Но с собой заберу зло, что видел в прицеле.
 Я солдат, пехотинец – конечно, не первый,
 Кто завёрнут с поклоном в саван белый.

И с собой унесём мы частицу света,
 И добра на планете станет меньше.
 А нужна ли кому-то такая планета,
 Что стоит на хребтах пехоты вечной?

Одарит нас история мудрой улыбкой –
 Под мерцанье звезды, что была сердцу мила.
 И тогда мы поймём: всё на свете зыбко,
 Кроме стойких солдат в немых могилах.

РОССИЯ

1

Всё понимаю: это так по-русски –
Кривить душой, чтоб мысль не заострять.
Но мы не мотыльки, не трясогузки,
Камо грядеши? – надо отвечать.

Всё понимаю: да, ломать – не строить.
Ну, наломали дров... Дружище, а потом?
Ты ощущаешь холод животом?
Как я? Как все? Тогда, быть может, стоит

Взглянуть в глаза судьбе в который раз,
Чтоб убедиться: «это невозможно»,
А значит, будет в самый раз для нас.
Вот без кокетства и без жестов ложных,

Без накладных бровей, без париков:
Ты уважаешь наших стариков?
Тогда поймёшь и нас, детей детей войны.
Мы все, старик, Отечества сыны.

2

Где упиралась Родина, там лютовал приказ;
Всё, что летело в де Толли, то попадает в нас.

Связаны цепью единою – предки – потомки – я –
Эти пророки в отечестве, Отечества сыновья,

С тяжким клеймом иудиным, бранных превыше сил
Ладили невозможное – ровно как Бог просил.

Нам ли стесняться чуда (сфинксы – и те смущены),
Нам ли бояться пепла всегда предпоследней войны,

Нам ли проделкам феникса дивиться,
как сальто-мортале,
Нам ли железного Феликса (всё ещё на пьедестале –

Косоворотка, шинелька – горе буржуям всех стран;
Невскому Александру странный такой пандан) –

Ладно, отмыли от крови, но не пойму, хоть убей, –
Нам ли железного Феликса ставить среди голубей?

Чему нас история учит? Учи или не учи –
Судьбиною правит случай. Не надо про кирпичи,

Которые падают с крыши на бедных прохожих
панамы.

Волей счастливого случая всем достались
лучшие мамы.

Случайно или напротив – мы выжили. Всем добра.
Но я про своё – невозможное. Нам бы понять пора,

Что дорогу осилит идущий, что победы
достоин тот,
Кто не разделяет грядущий и вчера лишь
ушедший год.

Мы живём в единое время, на вечно своей земле.
Мы побеждаем – или от нас остаётся след.

Мы побеждаем или – история завершена.
Кому интересно в могиле теорию знать зерна.

Понятно теперь? Невозможное –
это источник сил,
Из Чаши Неупиваемой, что Господь нам
преподносил.

3

«Всё сказанное ладненько. Но есть и несказанное.
По батюшке по Фрейду, по всем таким делам...»
Ох, узнаю я племечко, такое первозданное,
Что чуть не прародители нашим всем богам.

Заронить сомнение – это не святое ли?
Вопросом на вопросик – и тут же по кустам.
Хочу ли я, могу ли я, то ли иль не то ли?
Как же вы достали – вот и аз воздам.

Все ходы краплёные, господа хорошие.
Если сказ про курицу – вы тут же про яйцо.
Языки подвешены, лобики наморщены –
«Страна рабов» стрекочете с невиннейшим лицом.

Если про победу, вы вспомните, конечно,
О нашем «полководце, который отступал».
Если с нами русский Бог – то, конечно:
«грешникам,
Закрыв глаза и грех приняв, брезгливо помогал»...

Если русская зима в ржавь съедает свастики,
То язык, что помело, мелет: «повезло».
Начитались, господа, футуристой фантастики:
Если будущего нет, значит, правит зло?

Нас спасает снегопад – вы про чёрный ветер.
Вы уверены, партнёры, случай? правит? бал?
Как-то не случайно нам под руку перечите,
Рифмы всё нескладные: Россия и вокзал.

Лихо маскируетесь, господа присяжные.
Наше невозможное – вас ведь победить.

Голос ваш чужой-чужой, мнение – сермяжное,
А наше дело правое – быть или не быть.

Расточитесь, вражины, заточите устия.
Встретимся когда-нибудь где-то, но не здесь.
Мудрствовать лукавое, светлое, но гнусное, –
Этому искусству обучает бес.

Племя бестолковое, без зазрений совести.
Что вам здесь, на чемоданах? С богом. Не хворать.
Но стоят, любятоя... Нет печальней повести –
Греться у пожарища бывшего двора.

Вы нам зла желаете? Мы добром, посильно.
Вы опять по Фрейду? Значит, будет бой.
За науку, кстати, честное спасибо.
Вы нас научили «быть самим собой».

4

«Плечом к плечу чеканим наш державный шаг.
Если ты не с нами – значит, ты слабак.

Только не стоит шуриться под навес бровей:
Иногда на улице истина ясней».

«Камо грядеши, босота?» – «Это хороший вопрос.
Точно идём не на вест мы, а также не на ост.

И не про север с югом думаем мы в ночи.
Истина – наша подруга, хоть мы о том молчим.

Нам по пути не с теми, погибели кто желал.
Если вы с нами, в теме, то я бы так сказал:

Есть земля такая, есть в ней чудный град...» –
«Но это невозможно!» – «Нам туда, камрад.

Оказалось, чудом единым и живём.
Возможное – возможно. Но это ни о чём.

Возможное – наживка тех самых чуждых сил.
Мы это проходили. Я это проходил.

Да не отвергнем Чаши, да не свернём с пути.
Наше – значит, наше, не веруешь – отойди.

Впе-ре-ди, понимаешь, впереди есть ответ...» –
«Отступаете, значит... Ты веруешь – а я нет.

Я отойду. В сторонку. Синицу верни мою.
Про журавлей вереницу я сам тебе песню спою». –

«Плечом к плечу чеканим наш державный шаг.
Если ты не с нами – что-то с тобой не так.

К чёрту, старик, сомненья; сомнения – это смерть.
Что мы всегда успеем – так это помереть». –

«Кто ожидает вас в белом венчике из роз?
Кто-с? Призадумайся, парень, это большой вопрос.

Белого в мире всё меньше, чёрное в тренде, усёк?
Вопросы, вопросы, вопросы... Возьми-ка
на посошок». –

«Вопросами, знаешь, вымощена большая
наша земля.
Вопросами не проложишь курс первого корабля.

Правим мы по звёздам, ответы готовим впрок:
Нашей умной истории нами усвоен урок.

Мы научились решенья на ходу принимать.
Нам отвечать за Россию, ибо Россия нам мать.

Всё остальное дело случая. Лета. Зимы.
Мы никого не лучше; мы – это просто мы».

5

Мудрой тактике князя Баркляя
Сквозь века благодарно верны:
Полагают, идём на закляние,
Мы – в обратном убеждены.

Говорят-де, державным шагом
Странно как-то: вперёд – отступать.
Гладко только у вас на бумаге,
Поскользнулся – и можно встать.

А Россия – без прав на ошибку,
Как сапёр: раз осёкся – и в рай.
Кто смеётся последним? Улыбку
Отражает облака край.

И случилось: лазурным сиянием
Полотнище небес повело.
Кто-то вспомнил о покаянии,
Осеняя перстом чело;

Кто-то вспомнил о долге солдатском,
Кто-то просто в землю врос.
Но никто не посмел, даже в штатском, –
Вопросиком на вопрос.

Все сомнения неуместны.
Все прозрения совершены.
Все должны быть сегодня вместе,
Все – Отечества сыны.

23–25.02.2021 г.

Поэзия

Ирина Мишина

Ирина Григорьевна Мишина – родилась в 1957 году в Калининграде. В 1978 году окончила педагогическое училище, в 2004 году – Московский открытый социальный университет по специальности «Психолог. Преподаватель психологии». С 1980 года живёт в Балтийске, одна из организаторов и ведущая фестиваля авторской песни «Балтийская Ухана». Работала воспитателем, инструктором по физической культуре, педагогом дополнительного образования, учителем, психологом в образовательных организациях Калининградской области. С 2019 года методист Центра сопровождения системы духовно-нравственного воспитания в Калининградской области. Печаталась в поэтических сборниках и литературных журналах: «Берега», «Запад России», «Хозяйка жизни». Все предлагаемые здесь стихи написаны в 2022 году.

* * *

Невозможной глубины
Это небо, как утрата,
Как возможная расплата,
Отчего же нет возврата?
Отчего разлучены
Облаков летучих стаи
И снега?.. Текут и тают
Их следы, мои читают,
Но в пути обречены
На нездешнюю дорогу
И всегдашнюю тревогу,
И сгущают страхи сны.
Что ж не хочется проснуться,
В синь апреля окунуться?
Мне важнее тишины
В утреннем лесу напиться,
Дать мечтам вчерашним сбыться
И вернуться на порог.
Здравствуй, дом мой! Здравствуй, Бог!

* * *

В стихах ведь можно тоже, как в кино,
Переживать другие жизни-роли,
Меняться можно волей и не волей,
На время забывая кто есть кто.
И можно в день другой перенестись,
И даже в век другой, страну и город,
И в этом тоже ты, и эта жизнь,
И чувства все твои, тепло и холод.
И много разных встреч без суеты,
И разных красок полная палитра,

И время для любви и для молитвы,
Как ни играй, переживаешь ты,
Как ни играй, всё проживаешь ты

* * *

Спроси себя: чего ты хочешь?
Ответ ясней, без суеты.
Что там себе под нос бормочешь?
Простой вопрос: что хочешь ты?
Ты, как трамвай по кругу улиц,
Всё каждый год по кольцевой,
От фальши нот твоих проснулись
Все, а ты как неживой.
Давай, сойди с узкоколейки,
Хотя б за угол загляни.
Твоя мелодия – ремейки,
Те, что услышаны в пути.
А где-то лес и гомон птичий,
А где-то колокольный звон,
Что ж ты плетёшься безразлично
За перегонном перегон?
И за мелькнувшим ржаво-красным
Бежит заблудший пассажир,
И вновь старания напрасны...
Опоры нет, чтоб сдвинуть мир.

* * *

Растворены и чувства и сознание,
И вычитается за скобками всё то,
что было дальше,
А мир в игру играет «верь – не верь»...
И в этой химии твои воспоминания

Так чередуют кнопки правды, фальши,
 Что и надежда тратит счёт потерь.
 И каждый новый день как воскресеньё
 Должны бы принимать, и праздновать, и славить,
 А мы его зачем-то запасаем впрок
 Или беспечно тратим на пустое, сиюминутное,
 Когда б до наступления, до восхода всё оставить
 И заучить на память как урок.
 Оправдываемся: «Мы же не нарочно,
 Мы первый раз, а завтра перепишем, можно?»
 И верим в то, что будет всё иначе,
 И наступает завтра... или нет...
 И вот стоим, растерянные и наги,
 и не переписать, и всё так сложно...
 И в лучшем случае мы просто плачем.
 Раскаяние?.. Рожденье...

* * *

Весна и Светлая седмица,
 И пусть бывает так не каждый год,
 Но всё же посчастливилось родиться
 В дни те, когда с надеждой каждый ждёт
 Счастливого природы обновления,
 Схождения благодатного огня
 И Светлого святого Воскресенья,
 И образа, а может, вразумленья,
 И радости сегодняшнего дня.
 И тесной связи с тем, что прошлым стало,
 Но в будущем, уже отражено,
 Со всем, что нам надежда освещала,
 Всем тем, что нам любовью суждено.

А может, кто-то перепутал,
 И выбор этот – лишь случайность,
 Всего лишь слабостью минутной
 Открыта дверь в твоё отчаянье?
 Туманной мглы густая морось,
 Что скрыла дом за поворотом,
 И этот путь, где все мы порознь,
 Дорогу поливает потом.
 Сквозь слёзы твоего паденья,
 Сквозь постиженье старых истин
 Понять: всё лишь до Воскресенья,
 Иначе этот путь немислим.

ДЕТСКИЙ МИР

Бульжник мостовой, и заросли сирени,
 И жёлтая поляна – в кустах наш тайный ход,
 Всё помнят до сих пор и локти и колени,
 И дует дед на раны, и каплет на пол йод.
 Когда же улеглись все сладкие рыдания,
 Ты знаешь, будет сказка и будешь там жить-быть.

Так можно только в детском твоём мироздании
 Не сказочный, не детский – принять и полюбить.

И вновь деревья в молоке тумана
 всплывают на обочине реки,
 Которую именовал дорогой
 мой прежний проводник,
 но только старики
 припомнят имя: «Точно звался Ноем –
 он здешних мест бывалый старожил,
 жил нелюдимо, но всё ж не изгоем.
 Детей растил и лодку мастерил.
 Когда менялись времена и лица,
 что говорили: «после хоть потоп»,
 им не пришлось бы в голову стыдиться,
 просить Прощенья, и тогда – поток,
 что миновать, сдержат им не по силам,
 срывал все маски и смывал всю муть...
 Вдруг вспомнилось: всё это где-то было,
 а имя было слово: Слово – Бог.

* * *

В одно мгновение поместилось всё...
 И мчится мир, и некогда дивиться –
 Накроет вздох листвы, и шёпот птицы,
 И влага зеленеющей травы.
 В одно мгновенье потерялось всё...
 И этот космос, чтоб успеть принять
 Тепло приюта на Его ладони,
 Для всех, кто понял, хоть на йоту понял,
 ЧТО мы молитвой можем поменять...
 В одно мгновенье принимаешь всё...

* * *

Эти руки в темноте
 На картине Леонардо,
 На невидимой черте,
 На краю, на чёрной карте...
 Вдохновенный дирижёр
 Так же ноты нам рисует,
 Временам наперекор
 Вечности любовь диктует.
 И пунктиром этих нот
 В небеса слетают звуки,
 Нам очерчивают свод
 В темноте всё те же руки.

* * *

В бессоннице нет боли, но открытия...
 Есть чудо детства – на седьмом десятке
 Пить чудо жизни вволю, без остатка

И продвигаться только по наитию.
Почти парить и говорить с великими,
Не просто говорить, а спорить даже,
Не замечать десятков лет пропажу,
И руки не от страха, от варенья липкие...
Да-да, как в детстве – сладко-липкие.

* * *

За разбелённой синью неба
Те, чей неведомый полёт
Так манит. Мне бы, мне бы
Туда, но все наперечёт
Я знаю промахи, обиды,
Мной причинённые другим,
Прошу прощенья не для вида,
Но чтоб соединиться с Ним.
Когда ж отшелушу гордыню
И спесь отчищу как смогу,
Возможно, я и встречу с ними
На самом светлом берегу.
Взмахни рукой, и ты, быть может,
Почувствуешь в дыханье дня,
Всех тех, что ощущаю кожей,
Любивших, верящих в меня.

* * *

До отчаяния не дожили,
И за то благодарю...
Чутко чувствовали кожей
Счастья жгучую петлю –
Рук, затянутых в объятья,
Не разнять, не оторвать
Тела тоненькое платье,
Износилось до заплат.
Что там сыплется в прорехи?
Не дано нам разглядеть...
Не грехи, всего огрехи,
Да, исправить бы успеть...

* * *

Всё когда-то было стихами
Или ими когда-то будет.
Те стихи мы напишем сами,
Просто праздник вплетая в будни.
А в разлом событий военных,
Перемалывая словами наши
Действия, не осмысливая,
Мы стихи оставляем пленными,
Оставляем чувства неискренними,

Недосказанными, недожитыми,
Безымянными, безымёнными...
Просто в строки морзянкой
Вбитыми, просто как-то сплетая строчки,
Пунктуацию расставляя,
Многоточия... просто точки?
Или что-то там означают?
Или скажем, тире – минус тот же,
Вычитает из некой даты
То, что больше сложить не может,
Что становится сразу утратой?
И не станет больше стихами,
Станет болью. Но только память
Вдруг пробьётся травой, побегом...
И стихи прорастут под снегом.
Прозвенят ручейком весенним,
И настанет для них воскресенье.

* * *

А лес умытый пахнет травами,
И сеет золото октябрь,
А там, за временной заставой,
Стоят заступники, как встарь.
Стоят ребята за Отечество,
Стоят отцы, стоят мужья,
И лес стоит до обновления,
И спрятаться никак нельзя.
И лес стоит до обновления,
Стоит за выпавших ребят...
Град не погодное явление,
И накрывает листопад
Дорогу, меченую взрывами,
И край заросшего пруда...
Здесь тоже были вы счастливыми...
Здесь и остались. Навсегда...

Их поэзия взрывает мозг,
Там и город в окопы врос,
И слова разрывают душу.
Повтори себе: я не трушу!
От беды глаз не закрываю,
Ведь чуть-чуть войны не бывает.
Это здесь хоронят солдат,
Здесь уже обелиски стоят...
Отчего разделилась страна?
Оттого, что у нас тишина?
Отчего твержу: я не трушу?
Нам война разорвала душу?
Часть безжалостна, часть ранима.
Но неделима же, неделимы!
Не дели «МЫ» на них и нас,
Только «МЫ» отстоим Донбасс.
Только Он бы сошёл и спас...

Поэзия

Елена Канеева

Елена Канеева родилась в 1956 году в Калининграде. Образование высшее техническое. Публиковалась в журналах: «Берега», «Мурр+», «Балтийские зори» и др., в Интернете на сайтах stih1.ru, proza.ru. Принимает участие в жюри фонда ВСМ (Международный Фонд Великий Странник – Молодым). Участвует в литературном объединении «Эклога», в клубе детских писателей Калининграда. Лауреат международного фестиваля «Всемирный день поэзии» (2017). Издано две книги стихов и прозы, рисунков.

РУСЬ

Какая тишь.
И ты стоишь,
Сама подобная
Собору.
Не верится,
Что отдадут
Тебя
На поруганье
Вору.
Сосчитанная
До небес,
До синих кедров,
В рощах белых
Как убаюкивала нас
В своих угодьях,
Оробелых.
Как устоишь?
Опять одна...
Мой нерв гудит
Гитарной строчкой.
По камушкам
Грядёт весна,
Едва покрытая
Сорочкой.

РУСЬ ТЕРПЕЛИВАЯ

Полинялые платки и одежды,
Эх вы, русские штыки и невежды.
Эх вы, бабий сарафан и обноски,
Тосковать да причитать у берёзки.
А на ваших руках алый бархат,
А на ваших-то руках только плакать.
А на ваших-то плечах столько горя,
Утонуло бы в слезах сине море.
Сколько дюжих мужиков повалило,

Сколько девок, не любя, отлюбило.
Нет терпения в Руси, не осталось,
Вышла на люди, да там и осталась.
Потекла в крови святая водица,
Верит боле не делам, небылицам.
Разучилась танцевать да смеяться,
Ей работать бы, греха не бояться.
Повернись на поворот, и копейка.
А на западе, в кругах, аж истерика.
Нет терпения в Руси, не осталось,
Слишком совестно и долго скиталась.
У нее сейчас весна, хоть и холод,
А иначе в мире мор, трус и голод.

РУСЬ ЦЫГАНСКАЯ

За большим столом – покати шаром,
Мужики сидят, водку пьют.
На большом столе самогона мне
Наливают и подают.

Как на нём простор и за ним простор,
В поле солнышка больше нет.
Закатилось, ночь сгустилась,
А в глазах людей ясный свет.

Думу думают, не придумают,
Русь цыганская понесла
Непонятно что, непонятно как.
Доброта её больше зла.

ВИШНЯ

Пыль по городу след замедляет,
Оседая на небе – горчит,
Только вишня опять зацветает
И невестою в белом горит.

Как в далёком году сорок первом
И отверженном тридцать шестом,
Когда нервы болели, как стервы,
Зауряден был страх и погром.

Холода и сороки витают,
А она о любви говорит,
Одуванчики цвет набирают,
Ржавый спутник по небу летит.

Как в далёком году сорок первом
Набухает на венах война,
Сокровенная тайна военных
Иностранным державам нужна.

Небеса неухоженно прочны,
Достучаться ли тенью молитв?
Только вишня о светлом пророчит,
По старинке по струнке стоит.

КАЛИНИНГРАДСКОЕ

Когда я всматриваюсь в город,
В его окрестности, леса,
То неизбежно устремляюсь,
Молясь о павших, в небеса.

Брусчатка серая дороги,
Строй сохранившихся домов
И восстановленные храмы,
Собора кафедральный остров

Напоминают, как тут было,
Когда война происходила.
Как выглядело до неё
Немецко-прусское житьё.

И я, в послевоенной пыли
Подснежник на чужой могиле,
Прошу, чтоб не было войны,
Чтоб не было ничьей вины,

Настолько сильной, невозможной,
Чтоб сделать целью непреложной
Захваты местности, воды
И воздуха. Ещё – еды.

* * *

О нет, вы не услышите впрямую,
Какую нам сейчас плетут кривую
Дорогу. Спетую, избитую сто раз,
Которая нас уведёт от нас.
Нас проклянут проклятьем нищих глаз,
Нас пожалеют, забыв о нас.

1989 г.

* * *

Там, где дорога в облака врезается,
Трава от солнца светится насквозь,
Свинуха сизым глянец пробивается,
Свет подпуская под земную ось.
Под золотом заката, то рассвета,
Свободное условно, бродит лето.

* * *

Подбирать шелка и штуки ситца –
Может, лучше с этим не возиться?
Может, лучше плёнки, нефть и пластик,
Чем небес голубизна и праздник?
Чем отрада дней, ко мне летящих
В листьях лет, из ситца состоящих.
То блестящих шёлковой строчкой,
То узором, вышитой сорочкой?
Я листву подённо собираю.
Это Осень. Шёлк и ситец. Знаю.

* * *

Куда труднее быть вдвоём,
Одна. И клетчатая шаль.
О одиночество моё,
Томительная даль.
Молотит мельница дома,
Хрустят следы эпох,
Истлели книжные тома,
Утерян Бог.
А под окошком, не дыша,
Летит твоя душа.
Природа дивно хороша,
Натруженно шурша.
Под ветром, воздухом стихий,
Ломаются стихи.
И ветки, треск не для глухих, –
Пронзительно сухи.
Молчу, гляжу в своё окно,
Оно замутнено.
В квадрате люди и дома,
И я сама.

Могучей силою воскрес
 Народный бес.
 Вскипают стоны до небес,
 Проклятий лес.
 В обрывки дерева вогнав
 Железный гвоздь,
 В прицеле грубом задрожав,
 Поймаем кость.
 Осуществится поворот,
 Совсем чуть-чуть.
 Росой кровавой смочит пот
 Сухую грудь.
 На перекрестии креста,
 Сквозь смертный грех,
 Затмит печальное спроста
 Ребёнка смех.

КРЕСТ

Мне дано было забытой
 Гнить в каком-нибудь углу,
 На распяты, на распутье,
 Жмусь к позорному столбу.

Распростёрты на дорогах,
 Ну зачем вы пали ниц?
 Голос мой уже не голос, –
 Шелест высохших страниц.

Наступая вам на спины
 Каблуками, палачи
 Предо мною пели гимны,
 Мне ж грозили – замолчи!

И пока мой крест цветами
 Выжигала ваша боль,
 Озаряло солнце раны,
 Высеребрявая соль.

Вскинув взор на яркий отблеск,
 Лишь один пошёл на свет.
 Палачи стреляли в спину,
 Тени собственной вослед.

Снова крест, и снова то же.
 А вокруг – опять кресты.
 Вспоминаю, где Ты, Боже?
 Но не Ты, опять не Ты...

* * *

Они летели, как листва, срываясь с древа,
 То увядали, как трава, что справа, слева.
 А я помочь им не могла. Сама летела.
 Вплывала неба синева в безумство тела.

* * *

Кончились темы системы,
 Не о чем нам говорить.
 Разве что вечная тема –
 Быть и как быть или не быть –
 Может ещё повториться.
 Но иногда, иногда...
 Бьётся серебряной птицей
 Слов оловянных слюда.
 Множества знаков мнутесь:
 Кто ты, откуда, зачем?
 Значимых нету ответов.
 Жизнь – вне систем.

* * *

Мы по городу ходим и молимся
 В полотняных белых рубахах,
 Два непонятых, неопознанных,
 Самозванные два монаха.

Пробуждается город, взрывается,
 Суею, голосами, рекламами,
 А над ними, как Каин кается:
 «Спаси, Господи, иже с нами».

Забываем свой возраст, без имени,
 С ощущением – некуда деться...
 В голограмме великого космоса
 Безнадёжно великого сердца.

* * *

Я вам спою про старый светлый дом,
 Дом был украшен песнями, стихами,
 Свивали птицы гнёзда в доме том,
 И с вами мы о будущем мечтали.

Шумело море, сыпался песок,
 Скрипели дюны робкими шагами,
 Взрывались звёзды прямо надо мной,
 И тут же птицы мимо пролетали.

В дому тепло, уютная метель
 Нас иногда, как маленьких, качала,
 И в странных снах, где сказки и капель,
 Единственной фиалка расцветала.

Любовь была, таинственная нить,
 Она друзей в союз соединяла,
 Но грянул гром, и опустел наш дом,
 И стало нас в том доме слишком мало.

Нет прочных снов, и светлые дома
Хранят осколки отгоревших буден,
Кто знает, кем мы после жизни будем,
Пока что пишем песни, книг тома.

Нас не поймут пришедшие вослед,
Они начнут жить так, как мы бывало,
Наш тонкий след во тьме грядущих лет
Сотрёт зима, и всё начнёт сначала!

* * *

В декабре декабристы цветут,
Снегом сыплет в окно не на них,
На коньках вокруг дома скольжу,
Превращая прошедшее в стих.

А ещё я на лыжах лечу,
И на птицах, что белых белей,
Отбирает поводья зима,
Холод жалится хуже шмелей.

Были б кони, летела б на них,
Потому что среди них бы росла,
Среди лесов и не скошенных нив,
Зная, вскорости будет весна....

В декабре декабристы цветут,
Подоконник. Окно. Тишина.
За окном фонаря силуэт
И укрытые снегом дома.

УРА

Прощай, иллюзия, навеки,
Я уйду в далёкий путь.
И вы прощайте, человеки,
И ты, родная, не забудь.

В лесу дремучем звёзды чисто
Горят, как очи у тигрят,
Костры разбрызгивают искры,
Ручьи шипучие звенят,

А в поле, вольно и высоко,
Как вьётся жаворонка трель,
С покоса, на верхушке стога,
Стелить душистую постель.

Бродить по городам ли низким,
В горах ли, в море побывать,
Молчать, неистово и чисто,
За всех невинных отстрадать,

И всё же нету мне покоя!
Доколе вижу наяву
Лиц искажающие боли,
Что уж на помощь не зовут.

«Трагична жизнь в своём
Убранстве и в оскотлении добра...» –
Пишу я, пребывая в рабстве
У бога солнечного, Ра.

ПОХОДНАЯ

Прокатилась сила нездешняя,
Да на наших, на русских ребят.
Позабрили их головы грешные,
Кто вернётся, кто знает, назад.

Мы в походе, крадёмся тропинками,
Как в Афгане иль в старом кино.
Из-за сосен нам солнышко бликами
Освещает, что было давно.

Слышите, птицы кричат,
Слышите, травы звенят,
Не умирай, не умирай,
Не умирай, солдат.

Вышли к хутору из окружения,
Нам гитара сейчас – автомат.
Рюкзаки замедляют движение
И потёртые ноги болят.

Перед нами краса расстилается,
Твердь земная спокойствие пьёт,
Нам так нравится здесь, нам так нравится,
Командир на разведку идёт.

Слышите, птицы кричат,
Слышите, травы звенят,
Не умирай, не умирай,
Не умирай, солдат.

Не умрёт, если только поверите,
И в себя, и в него, и в поход.
Что прошли, то не значит – «потеряно»,
То от нас никогда не уйдёт,

Наши силы как будто не таяли,
Командир с нами вместе поёт,
Солнце рыжее светлыми ставнями
Прямо по сердцу прожитым бьёт.

Слышите, птицы кричат,
Слышите, травы звенят,
Не умирай, не умирай,
Не умирай, солдат.

Поэтическая седмица

Елизавета Мартынова

Александр ОРЛОВ:

Елизавета Мартынова в стихах стремится говорить негромко и только о главном. Внешняя простота и доступность её творчества говорит о ней как о человеке, который прошёл через многое и выстоял, не поддавшись изменчивым, а порой и трагическим испытаниям, поэтому её слово кажется «приглушённым», но это лишь усиливает эффект глубинного восприятия. При чтении стихотворений Мартыновой появляется ощущение литературного аскетизма, вокруг которого распространяется тайное лирическое притяжение, способное усиливаться и безусловно связанное с вечностью.

Елизавета Сергеевна Мартынова (Данилова) – родилась в 1978 году в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. Кандидат филологических наук. С 2008 года по настоящее время – главный редактор журнала «Волга – XXI век». Публиковалась в журналах: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Волга – XXI век», «Луч», «Вайнах», «Введенская сторона», «Русское слово» (Чехия), «Подъём», «Русское эхо», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостиный двор», «Отчий дом», «Молоко», в альманахе «Новые писатели России», коллективном сборнике «Новые имена в поэзии» (Москва) и других изданиях. Лауреат премии им. Юрия Кузнецова от журнала «Наш современник» (2008), годовой премии журнала «Сура» (2013, 2019), межрегиональной премии Николая Благова (2017), сайта «Росписатель» (2017). Автор книг: «Письма другу» (2001), «На окраине века» (2006), «Свет в окне» (2009), «Собеседник» (2012), «Воздух дороги» (2017). Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

* * *

Написать небесную Россию:
Облака, туманы и поля,
Сумерки её, дожди косые,
Свет, которым полнится земля.

Так, чтоб пело сердце благодатью
И страданьем, горечью живой –
Дом родной, далёкий написать бы
Тонко над речною синевою.

Не пером, не акварельной кистью,
Только словом: осень и окно,
А за ним уже роятся листья,
Небо между звёздами темно.

Написать, как жизнь светло и просто
Смотрит в нас и не отводит взгляд,
Если от рожденья до погоста
Только прочерк – журавли летят.

Не поймаешь их, не остановишь,
Только смотришь, смотришь в небеса,
Словно ждёшь томительную новость,
Слышишь дальних предков голоса.

Видишь лица за дождливой синью,
Перелётных ангелов житьё.
Тайную небесную Россию,
Горних обитателей её.

* * *

Опять листвы просвеченная медь,
Сквозняк берёзы бело-синеватой.
И снова можно плакать и неметь
Пред красотой такой же, как когда-то
Давно, за много лет до наших дней –
Чем раньше, тем прозрачней и ясней.
Здесь жили деда. Мельница кружилась.
Казалось, что сам воздух был крылат.
А если что, как песня, не сложилось –
В муку перемололось наугад.

А если что, как листья, облетело –
Так это моей бабке на веночек.
Чернеют птицы в небе чистом, белом.
И мы живём. И Бог не одинок.

* * *

Но смерти нет – есть прерванный полёт,
Весеннее обыденное небо.
Пока душа безумная поёт,
Не надо зрелищ и не надо хлеба.

Ещё грачи над городом кружат,
Ещё в глазах черно от их мельканий,
Но вот уже бессмертьем воздух сжат,
И музыкой объята даже камни,

Дома, деревья голые, асфальт,
Большие голуби, и куртки нараспашку,
И неба синего звучит высокий альт,
И облака с дождём вздыхают тяжко.

И мы с тобой по улице идём,
Перегоня неизбежный ливень,
И сами мы становимся дождём,
Не ведая, когда и где погибнем.

Я ТОЖЕ СТАНУ СТЕПЬЮ

Не вечен город. Здесь столетья степь
Лежала – неподвижная, глухая.
Звезды погибшей добирался свет
До золотой земли – и в травах таял.

Степь – это воздух, горький и густой,
Весенний, опалённый, неповинный
Ни в чём – и опьянённый высотой
И радугой крылатой и наивной.

Стань детством, степь, воспоминаньем будь –
О девочке, на станции живущей.
Здесь будет город. Здесь намечен путь
Для молодых, безудержных, поющих.

Не страшно им, что призрачен барак,
Сквозящий на ветру войны великой,
Что слишком много выпало утрат
И в скорбных лицах проступают лики.

Играет девочка на пристальном ветру,
Дивится травяному благолепию
И говорит, что «если я умру,
То ничего – я тоже стану степью».

* * *

Тонкие вишни как будто бы маслом написаны –
Так их сиянье прекрасно над чёрной землёй.
Наискось ветер срывается беглыми искрами.
Бледное пламя полощется над головой.

Прожито небо. Весною земное дороже –
Ишь, как дрожит, отзывается чуткой струной –
Каждая травка на солнечный замысел Божий,
Каждая птица под новой и белой луной.

Скрипнет калитка ночная светло и маняще –
Смех ли раздастся, обрывок ли песни какой –
Вижу тебя во дворе: ты живой, настоящий,
Снова отводишь цветущую ветку рукой.

Как я хочу, чтобы это мгновенье продлилось,
Чтобы на воздухе лёгкий застыл лепесток.
Вымолить бы мне от Бога ту малость и милость:
Взгляд твой упрямый и твой молчаливый упрёк.

* * *

Сквозь влажный обморочный листвы –
Шаги, шаги, шаги.
Шуршат оранжево кусты
Рябины и ольхи.

Там вспыхнет, рядом подмигнёт
Искринкой дождевой,
И не кончается полёт,
Задуманный листвою.

Земли покатою мокрым бок
Касается небес,
И смотрит изумлённый Бог
На ярко-красный лес.

Неуловима красота –
Она сотворена
На краткий миг из тайны тайн
В былые времена.

Беспомощна её душа,
Как веточка, тонка,
И дождь ложится не дыша
В резную тьму листка.

И человек, что здесь прошёл,
Выходит сам не свой
В мерцающий туманом дол,
В поля с ночной травой.

Берега юбилеев

Вадим Терёхин

*Сердечно поздравляем Вадима Фёдоровича с юбилеем
и желаем новых творческих успехов, добра и света, любви и гармонии!*

Вадим Фёдорович Терёхин – поэт, сопредседатель Союза писателей России, член координационного Совета и континентальный координатор международного поэтического движения «Мир без стен» (WWW) в странах Азии и Европы, заместитель министра – начальник управления культуры, искусства и кинематографии Министерства культуры и туризма Калужской области (2009–2014), действительный государственный советник II класса. Лауреат многих российских и международных литературных премий.

ШЕСТОЕ ФЕВРАЛЯ, ИЛИ ПЕРВЫЕ ПИСЬМА ОТ МУЖЧИНЫ

Внучке – Злате Голыжбиной

I

В круглом, как шар, животе
С той стороны тычет пальчик.
Как там тебе в темноте?
Девочка ты или мальчик?
В узких дверях бытия
Тянется к свету упрямо
Юная смена моя,
Кто называть будет мамой
Ксюшу – любимую дочь,
Львёнка, рождённого летом.
Кто мне сумеет помочь
Стать скоро дедом-поэтом.
Здравствуй, невидимый мир!
Быть тебе снова и снова
В каменных нишах квартир
Вестью дыханья иного.

II

Ты кричала в трубку телефона
Из роддома, спящего в снегу:
Папочка, я больше не могу!
И пространство лопалось со звоном.
Таяла промёрзшая земля.
Человек рождался во Вселенной
Помощью от Ксении Блаженной
В светлый день шестого февраля.
На окно мороз ложился вязью.
Иссыхала дёрганная ночь.

И никак нельзя тебе помочь
Было лишь одной мобильной связью,
Рвущейся по поводу и без.
Я молил: «Скорее стань же мамой!» –
В церкви, понимая, что из храма
Можно докричаться до небес.

III

Обещали мне колокола,
Что сегодня не допустят зла.
И мороз в ответ им вторил звонко
Треском раздвигающихся льдин.
Совпадает праздник именин
Маминых с рождением ребёнка.
Совпадают время и число.
Видно, мои просьбы донесло.

И ответ пришёл путём тернистым.
Трижды новость огласил петух,
И вселился животворный дух
В чадо под защитою Пречистой.
Так была молитва горяча.
И стояла церковь, как свеча.
Облегчала горькие напасти.
Усмиряли люди естество.
Каждый в ней, не ведая того,
К твоему рождению причастен.

IV

Твой муж, как все отцы, чего-то ждал.
И требовал шутливо и картинно
Родить ему, конечно, только сына
И говорил, что ждать уже устал.
Но ничего не мог переиначить.
Курил, ходил от стенки до дверей.
Так все отцы в наивности незрячей
Хотят юнцов, а любят дочерей.
Так все отцы, когда вам станет хуже
И скрутит оглушающая боль,
К себе в тот миг примеривают роль
Теперь уже не мальчика, но мужа.

V

Дочь завела карапуза.
Внучка явилась на свет.
Бабкой становится Муза.
Дедом ворчливым – поэт.
Выпала с неба награда
Нам за какие труды?
Золото – девочка Злата,
Капелька чистой воды.
В помощь надеждам безмерным,
Как неожиданный снег,
Как очищенье от скверны,
Послан нам был человек.
Кротость, любовь и беззлобие.
В люльке на каждом шагу
Морщится Божье подобье
И говорит нам: Агу!

VI

Твой мир ещё непогрешим.
Как ангел, ты пребудешь с нами,
Напитанная небесами
И нежным запахом своим,
Разоружающей улыбкой
И беззащитностью чела
Пророчишь нам о жизни зыбкой,
Откуда ты сюда пришла.
Среди других твоих отличий –
Незнание зла и кроткий нрав.
Ты понимаешь щебет птичий,
Дыхание цветов и трав,
Язык цикад в ночном концерте.
Младенец – вот один, кто чтит,
Как человеку говорит
Всевышний о погрешении смерти.

VII

Высокий лоб и длинные запястья –
Твой нежный облик маму повторит.
В кровати детской безмятежно спит
Три с половиной килограмма счастья.
Сопит всем звукам мира в унисон
Пришедшая для продолженья рода.
Пока твоя важнейшая работа –
Глубокий, крепкий и здоровый сон.
Каким тебе пришёлся этот свет?
Ты маму различаешь без ошибки.
И каждой ослепительной улыбке
Ты безотчётно тянешься в ответ.
Взрослеешь не по дням, а с каждым мигом.
В предчувствии неведомой беды
Боишься, как все люди, темноты.
И одиночество обозначаешь криком.

VIII

Голоси-причитай,
Мой любимый скворобушек, Злата.
Ди-ди-ди, ай-я-яй! –
Это значит, помочь тебе надо.
Ди-ди-ди, ай-я-яй! –
Ты шагаешь с родителем в ногу.
Ди-ди-ди, ай-я-яй! –
Это первая исповедь Богу.
Красный шар, карусель,
И качели, и малые дети,
Что такое капель –
Всё тебе интересно на свете.
Щебечи-говори,
А вчера – что за Божия милость! –
Надувать пузыри
Ты из пены сама научилась.
Я стихи сотворю,
Прошепчу их губами сухими.
И тебе подарю,
И они будут только твоими.

IX

Я столько прожил: год мне стал как день.
Пора настала дань отдать сединам.
И поглотила сумрачная тень
Те времена, где год казался длинным.
Ну, как мне удержать весь белый свет
И возвратить его обратно дому?
Тобой, мой ангел, кто идёт вослед.
Живое жизнь всегда даёт другому.
Пока ты в люльке безмятежно спишь,
Как предок спал перед последней битвой,
Хочу я верить – искренней молитвой
Ты, коль захочешь, жизнь мою продлишь.

Берега истории

Валерий Громак

Валерий Иванович Громак – родился в 1952 году на Украине. Срочную службу в Белоруссии в Ракетных войсках стратегического назначения. В Вооружённых силах СССР и России прослужил 38 лет. Из них 14 лет – в Заполярье. Капитан 1 ранга. Победитель журналистского конкурса на право полёта советского журналиста в космос, лауреат премии Валентина Пикуля, лауреат премии Союза журналистов России «За профессиональное мастерство» и ряда других. Автор книг: «Морская пехота Балтики. Слава и память», «Дороги памяти», «Курс норд-вест», «Ему салютовала Москва». Живёт в Калининграде.

А МЫ РАВНЕНЬЕ ДЕРЖИМ ВЕРНОЕ...

Как быстро летит время! Кажется, совсем недавно мы пели, идя строем по улицам Львова: «А мы равненье держим верное. Львовяне сразу узнают. Курсанты высшего, военного, политучилища идут». А ведь прошло уже полвека. 1 сентября прошлого года исполнилось 50 лет, как мы стали курсантами ЛВВПУ. Среди 147 военно-учебных заведений СССР Львовское высшее военно-политическое ордена Красной Звезды училище не просто выделялось, а было на порядок престижнее. Это был единственный в мире военный вуз, готовивший военных журналистов и культпросветработников для армии и флота. После распада Советского Союза училище оказалось за пределами Российской Федерации, и сегодня выпускает спецов совсем иной идеологической направленности – к сожалению. В прошлом году мы, те, кто познакомился друг с другом полвека назад и кто пронёс верность дружбе и училищному братству через годы, собрались в Москве. Во Львове, где прошла наша курсантская юность, мы пока собраться не можем. Но живы традиции, история училища продолжается – в сердцах тех, кто не изменил присяге, остался верен заповедям красных комиссаров. Были дружеские объятия, признания, рассказы. Нам, поступившим на факультет журналистики ЛВВПУ полвека назад, было что вспомнить. В том числе и курсантские байки об однокурсниках и преподавателях.

В самоволку за борщом

Об этом знаменитом человеке написано множество историй. Но между собой мы, курсанты обоих факультетов – культпросвета и журналистики, величали нашего легендарно строгого и мудрого полковника просто «Костя Непейвода».

Впервые я увидел его ещё в абитуре благодаря моему земляку, учившемуся на выпускном курсе, мастеру спорта Толе Чумаченко. Помню, Непейвода с прищуром посмотрел на меня: «Спортсмен?» И, услышав утвердительный ответ, произнес: «Хорошо».

Родители однокурсника Васи Страшко, с которыми мы три года обитали в одной комнате общаги, жили недалеко от училища. Отец Васи служил в КГБ, в этой же структуре в звании генерала закончил службу дед. Вася частенько бегал в самоволку, чтобы подкрепиться домашними харчами, и нам с Витей Михеевым и Серёгой Колбасовым порою что-нибудь вкусненькое тоже перепадало. Поест Вася любил, за что и получил у нас в комнате кличку «Желудок».

Однажды пригласил меня на домашний харч. Договорившись, что в случае чего Витя Михеев нас прикроет, махнули через забор у санчасти «на волю». Мама Васи, прекрасная женщина и домохозяйка, накормила нас, как говорится, «от пуза». Вася решил ещё на часок дома задержаться,

а я отправился в училище. Прощаюсь у двери с Васиной мамой и вдруг слышу за спиной протяжный голос... полковника Непейводы: «Товарищ курсант!» У меня душа ушла в пятки, а по спине покатился липкий пот. Откуда мне, сирому, было знать, что полковник Непейвода живёт на одной лестничной площадке с родителями Васи Страшко?

Поворачиваюсь к стоящему в дверном проёме своей квартиры полковнику и слышу спокойный голос Васиной мамы: «Костя, это я пригласила ребят вспомнить вкус домашнего борща. Считай, что ты никого не видел!» А мне таким же спокойным тоном: «Иди, Валера, в училище...»

Самоход этот мне Непейвода так и не припомнил.

«Бобёр»

Занятия по минно-взрывному делу вёл фронтовик, полковник. Между собой курсанты его называли Бобёр. Массивный, неуклюжий, с грубыми чертами лица, он и впрямь походил на бобра.

Был июнь, во Львове стояла прекрасная погода, ветерок заносил в открытые окна запахи цветов и свежескошенной травы. Полковник рассказывает о назначении различных типов мин, а курсанты за задними столами заняты своими делами. Кто дремлет, кто книгу читает втихаря, кто пишет родным под видом конспектирования.

«Итак, товарищи курсанты, это мина нажимного действия... – Бобёр указкой показывает на макет мины. – Она предназначена... Вот идёт себе немец, ничего не замечает и наступает на мину...» Бобёр, имитируя ногу немца, с силой надавливает указкой на взрыватель, как обычно на лекциях.

Раздаётся жуткий грохот, аудитория окутывается дымом. Курсанты с перепугу валятся из-за столов на пол. Открывается дверь и в класс заскакивает перепуганный дежурный офицер.

Когда дым рассеивается, Бобёр, как истинный фронтовик, невозмутимо говорит: «Всё нормально, товарищ капитан. Вы свободны». А потом обращается к лежащим на полу: «Так, товарищи курсанты. Признавайтесь, какая... вкрутила в учебную мину взрыватель?»

До полика!

У меня хранится снимок, где я с перепачканным грязью лицом в танковом комбинезоне стою со своим другом сержантом Витей Михеевым у Т-55. Фотографировались на занятиях по практическому вождению танка. Их вёл Герой Советского Союза полковник Иван Иванович Ревков. Его сразу можно было отличить в строю офицеров училища по фуражке с околышем из чёрного бархата. Со времён приказа Верховного Главнокомандующего товарища Сталина такой головной убор имели право носить только танкисты. И когда офицеров училища переодели в общевойсковую военную форму (с красными околышами), Ревков добился права остаться при своей.

Он был почётным гражданином Севастополя, куда прорвался при его освобождении со своим взводом тридцатьчетвёрок и водрузил знамя над вокзалом. Как он сам о себе говаривал: «Несколько раз горел в танке. Два из них не очень...» Что имелось в виду под словом «не очень», мы не допытывались, но уважали его и любили как человека и настоящего профессионала. О трансмиссиях, планетарном механизме, траках, цапфах он рассказывал как о самых главных вещах в жизни. (Кстати, мне это потом пригодилось при сдаче экзамена по общевойсковой тактике при поступлении в академию.)

Вождение танка по пересечённой местности никакого труда для сержанта Виктора Михеева, который во время срочной службы был командиром боевой машины, не составляло. Но для большинства из нас...

Видя моё замешательство, полковник Ревков занимает место в командирской башне. Я, механик-водитель, слышу в шлемофоне спокойные команды Ивана Ивановича и, тронув танк с места, веду его по трассе. Накануне прошёл дождь, в низинах огромные лужи. Когда танк спускается в ложину, невольно сбавляю обороты. «Что, сдрейфил?! – раздаётся голос преподавателя в наушниках шлемофона. – Давай до полика!»

От неожиданности или с перепугу жму до упора на педаль подачи топлива. Танк на полном ходу со всего размаху влетает в лужу, голову обдаёт жижей, поскольку крышка люка открыта. А наблюдав-

ший за этим финтом прапорщик-инструктор рассказал потом, что полковник Ревков чуть не вылетел от такого манёвра из башни.

На подведении итогов полковник Ревков, пожимая мне руку, тихонько поинтересовался: «Что такое до потолка запомнил?»

Запомнил. И с благодарностью вспоминал уроки Ивана Ивановича, когда приезжал в командировку в танковый батальон бригады морской пехоты и мог запросто сесть на место механика-водителя и повести танк. Естественно, у морпехов тут же менялось отношение к газетчику.

Разойдёмся красиво?

Ревков, было дело, подшучивал над курсантами, которые вели себя на занятиях нагло. До нашего набора был последний приём в училище, когда брали сверхсрочников и платили им тот оклад, который они получали в своих частях. Нам, бывшим сержантам срочной службы, тоже платили больше, чем рядовым курсантам: 15, а то и 20 рублей вместо 10. Зато с третьего курса все уже получали по 15. А сверхсрочники – по 90–100 рублей. Старшекурсник С. порой говорил: «Я не просто “кусок”, а “кусок” сторублёвый».

И вот он заходит к Ревкову на зачёт по танковой подготовке с нагловатой фразой: «Может, разойдёмся красиво, товарищ полковник?» На что Иван Иванович отвечает: «Расходятся красиво только с девицами лёгкого поведения. Придёшь в следующий раз».

Когда С. сделал третью или даже четвёртую попытку сдать преподавателю зачёт, Ревков предложил ему залезть в танк и развернуть башню на 180 градусов. В наших аудиториях в зависимости от военной дисциплины стояла техника, был и танк весом 36 тонн, из которых одна башня тянула тонн на 18. В ней, конечно, имелся стопор, опустив который можно было вручную (без включённого двигателя) повернуть рукоятку ствол орудия в нужную сторону.

С. в башню залез и там несколько минут находился. Так как он был высокий, то, видимо, случайно зацепил тот стопор, поэтому саму башню развернуть не смог. Тогда выбрался наружу, взялся за ствол пушки и стал её разворачивать на заданный градус.

Ревков схватился за голову: «Всё, ухожу из училища... Давай свою зачётку и вали».

1001-я ночь

Перед сдачей сессии за третий курс кто-то из ребят предложил отметить тысячу первую ночь в училище во время выезда на полигон, где должны были сдавать зачёт по практическому вождению танка. Курсанты подготовились основательно: кто вина во фляжку набрал, кто покрепче. Вася Страшко затоварился чистым спиртом, благо мама у него работала врачом.

Занятия были в полном разгаре, когда на полигоне появилась машина начальника училища генерал-майора Новикова. Полковник Ревков объявил группе перекур, а сам поспешил с докладом к генералу.

Было жарко. И Герой Советского Союза обратился к Васе Страшко: «Дай-ка попить». Вася снял с пояса свою флягу и, не подумав про содержимое, протянул преподавателю. Тот, не морщась, сделал несколько глотков и вернул. Но когда генерал уехал, полковник вновь попросил у Страшко фляжку, содержимое которой Вася, тухнув, уже успел вылить в кусты. Убедившись, что фляга пустая, полковник произнёс: «Разгильдяй ты, Страшко. Смотри, больше спирт в учебный центр не вози». А потом повернулся к командиру группы Вите Кутищеву: «Займётся самоподготовкой, а я в столовую. Потом чуток отдохну».

Мальчики-мальчики, где вы росли?

Лидия Александровна Андросова (в своё время переводчица на Нюрнбергском процессе) преподавала нам немецкий язык. Как его изучали тогда в сельских школах, которые окончили многие курсанты, рассказывать не буду. К тому же большинство из нас в училище пришли со срочной службы, где всё напрочь забылось.

При первом же знакомстве с группой Лидия Александровна поняла всю полноту наших знаний и грустно так произнесла: «Мальчики-мальчики, где вы росли, где вы цвели?» Более душевного, тактичного человека мы не встречали и старались не подвести нашего преподавателя, зубрили, сдавали «тысячи». Но нет-нет да огорчались.

По-немецки хорошо «шпрехал» лишь Витя Михеев. Потому он садился за первый стол, чтобы отвлекать Лидию Александровну. И вот очередное занятие. За последним столом после ночного дежурства «бодрствует», смежив веки, Саня Макаров. Витя Михеев беседует с Лидией Александровной по-немецки. Что снилось в это время сыну главного хирурга города Ейска Саше Макарову, сказать трудно. Но он вдруг спросонья решил блеснуть латынью, выдав: «Фортуна нон...» Лидию Александровну чуть удар не хватил...

На экзамен по немецкому мы принесли массу цветов. А Витя Хабаров сделал огромное фото нашей группы с развёрнутым плакатом, где по-немецки было написано: «Мы разговариваем по-немецки благодаря Вам, любимая Лидия Александровна!» Но в текст плаката как-то вкралась ошибка. И опять в наш адрес с укором прозвучало материнское: «Мальчики-мальчики...»

Что ощущаете, то и рисуйте!

Общевойсковую тактику на первом курсе нам читал фронтовик полковник Янов. Проходили тему «Полк в обороне», преподаватель вызвал к доске Славу Чубакова: «Товарищ курсант, рисуйте передний край обороны: окопы, огневые точки...» Слава Чубаков взял мел, подошёл к доске и посмотрел на нас с мольбой: что и как рисовать, подскажите. Преподаватель тактики, видя затруднение курсанта, решил ему помочь: «Эллипсы рисуйте, товарищ курсант!» Слово «эллипсы» ввело Славу в ступор. Он опять с мольбой в глазах к аудитории: что рисовать-то? Поняв, что слово «эллипс» курсант Чубаков слышит впервые, полковник Янов вновь пришёл на помощь: «Товарищ курсант. Возьмите мел в правую руку. Взяли? Теперь левую руку засуньте в левый карман брюк. Засунули? Нащупайте левое яйцо и что ощущаете, то и рисуйте...» После этого урока тактики мы на всю жизнь запомнили, что такое эллипс.

Берега истории

Николай Андреев

Николай Андреев – родился в 1947 году в Соль-Илецке Оренбургской области. В 1974 году окончил факультет журналистики МГУ. С 1972 по 1983 год в штате «Комсомольской правды». Работал в «Литературной газете», «Известиях», «Российской газете». Автор фундаментальных биографий: «Жизнь Сахарова», «Жизнь Высоцкого», «Жизнь Горбачёва». Печатается во многих российских и зарубежных изданиях. В настоящее время проживает в Чекалине – самом маленьком городе России.

ДЕСЯТЬ РАЗ ВПЕРЕДИ ПЛАНЕТЫ ВСЕЙ

У меня нет никаких иллюзий по поводу Советского Союза – не ностальгирую по тем временам. Значительная часть моей жизни прошла в советские времена, потому имею представление, как тогда всё было устроено. Журналистом объездил всю страну, разговаривал с тысячами людей, наблюдал действительность как она есть, и к началу 80-х годов у меня сложилось твёрдое мнение: страна обречена. Обречена прежде всего потому, что экономика зашла в тупик. И несправедливо всё было устроено, хотя идеология провозглашала как раз справедливую конструкцию общества. Тогда была популярна присказка: думаем одно, говорим другое, делаем третье.

Не желаю возвращения советских порядков. Но надо отдать должное советской системе – она родила уникальные достижения, которые стали примером для остального мира. И это не только первый спутник и первый человек в космосе. И совсем не бесплатные квартиры – чтобы получить своё жильё, надо было отстоять в очереди лет 20–30. И не дешёвые путёвки от профсоюза на турбазы и в санатории. И не детсады... Достижения совсем иного рода. И в год столетия СССР повод о них вспомнить.

«Книга – лучший подарок»

Помню из детства: в нашем доме стояла этажерка с книгами. Отец был простым рабочим, но знал: должна быть домашняя библиотека. Помню на полках серые томики: собрания сочинений Тургенева, «Дон Кихот», «Повести» Пушкина, «Счастье» Павленко, «Ниссо» Павла Лукницкого, Толстой «Казаки», Михаил Кольцов «Фельетоны», «Как закалялась сталь» Островского...

Для советского дома обязательная деталь интерьера – библиотека. Книги любили. За книгами гонялись. И главное – книги читали. Человека, уткнувшегося в книгу, можно было увидеть в метро, в автобусе, на пляже, в очереди, в парке на скамейке, в парикмахерской...

Я был записан в три библиотеки – городскую, школьную и заводскую, где работал отец. Библиотеки были всюду – в школах, в институтах, на турбазах, на заводах, на рейсовых пароходах. Андрея Сахарова после окончания университета в 1942 году распределили на военный завод в Ульяновске. Он ехал туда на поезде и на каком-то вокзале переждал пересадки, а чтобы скоротать время, взял в библиотеке книгу. То есть пассажиры могли брать книги в вокзальной библиотеке. Изба-читальня, книгоноша – духом истории веет от этих слов. Читальные залы всегда полны. Помню, студентом сидел в Ленинке, ещё в старом здании – доме Пашкова. Испытывал гордость.

Сейчас я живу в маленьком городке Чекалин. Что поражает в нашей городской библиотеке – зачитанность книг классиков. Уж казалось бы, Достоевский не для наших деревенских. А все его тома, включая полное собрание сочинений, – потрёпаны, и крепко потрёпаны, значит, не один десяток раз побывали в мозолистых руках. И зачитаны они в советские времена. Сейчас редко кто заглядывает в библиотеку.

С годами интерес к книге в обществе только рос, и пик пришёлся на 70–80-е годы прошлого века. Книг не хватало, в магазинах раскупали всё. Книги стали своеобразной валютой – с помощью дефицитных изданий можно было заиметь некоторые блага. В дневнике литературного критика из Костромы Игоря Дедкова читаю: «Клеевицкий жаловался, что все дела теперь приходится устраивать с помощью книг и преподносить книги строителям, автотранспортникам, продавцам...»

Было предпринято уникальное издание – «Библиотека всемирной литературы». 200 томов. В них вошли 26 тысяч произведений 3 235 писателей из 80 стран мира. Тираж – 600 миллионов экземпляров, а всё равно БВЛ была в огромном дефиците. Помню объявления типа: «Продаётся БВЛ. Состояние томов идеальное. Цена 2 000 рублей». Огромная по тем временам сумма, «Жигули» стоили пять тысяч.

Жаждали иметь собрания сочинений, за подписками стояли в очереди ночами. Помню, дикий ажиотаж за подписку на собрание сочинений Достоевского. Мне не досталось. И какие тиражи! Пушкин – почти 400 миллионов экземпляров. Толстой и того больше – 440 миллионов. Больше 100 миллионов тиражи сочинений Чехова, Горького, Тургенева, Гоголя, Лермонтова, Шолохова.

Где истоки любви к книге? Когда это началось? Основа заложена в первые годы Советской власти. Идея издать библиотеку лучших произведений писателей всего мира – от Античных времен до современности – зародилась у Горького. Он создал издательство «Всемирная литература». Была запущена серия «Народная библиотека», в которой вышло около 300 книг – произведения русских классиков. Выпускалась серия романов выдающихся зарубежных писателей. Научно-популярные издания выпускались в сериях: «Наука для всех», «Начатки знания», «Естественнонаучная библиотека».

Писатели были уважаемыми людьми. И их творчество хорошо оплачивалось. Прозаики, поэты могли жить на гонорары от изданий. Сегодня такое и представить невозможно. А тогда писатель, фамилию которого сегодня никто и не помнит, издаст в год книгу тиражом 100 тысяч, и этого было достаточно, чтобы прокормить семью. Ну а популярные, например Симонов или Нагибин, выпускали в год по несколько томов, и ни в чём себе не отказывали.

Книги не только читали, их обсуждали, о них спорили, вели жаркие дискуссии – помню многие. Ну, например, бурно спорили о маленьких повестях Юрия Трифонова – «Обмен», «Долгое прощание», «Другая жизнь». Про «Дом на набережной» и говорить нечего – годами обсуждали.

Существовал лозунг «Книга – лучший подарок». Тогда по нему взгляд скользил бездумно, и только сегодня понимаешь, какой глубокий в нём заложен смысл. И он, смысл, остался там, в советском времени.

Создали письменность для сотен народов

Моя бабушка Акси́нья Дементьевна 1899 года рождения писала с трудом. Помню её письма, которые получал, когда был студентом факультета журналистики МГУ – четыре-пять строчек разбегающихся по странице букв. В школе она не училась, грамоту осваивала в ликбезе. Ликбез – популярнейшее слово в 20-х годах. Сокращённо от «ликвидация безграмотности населения». Был принят декрет Совнаркома, который предписывал каждому советскому гражданину в возрасте от 8 до 50 лет учиться грамоте.

Запустили проект и столкнулись с проблемой – у всех малых народов страны письменность находилась на низкой ступени развития или вообще её не было, а как учить читать-писать, если и азбуки нет? Да и не только у малых народов. Татары, казахи, киргизы, узбеки, туркмены, таджики, азербайджанцы имели письменность, но она была построена на основе арабской системы письма, отражающей особенности семитских языков, и плохо подходила для языков тюркской группы. Значит, надо было создать алфавиты для огромного числа языков из разных языковых групп.

За работу взялись лингвисты, языковеды, филологи. Создать письменность – совсем непростое дело, годы уходят на то, чтобы изучить и описать звуковой строй языков, исследовать диалекты, найти в русском языке аналоги слов для перевода с национального. В результате кропотливой работы определялась база письменного языка. Утвердили алфавиты, разработали орфографию. Была создана письменность для почти ста народов и народностей, даже для тех, которые насчитывали всего лишь несколько сотен человек, как, например, алеуты, ижорцы, вепсы. Начинается массовое издание национальных букварей и учебников, появились газеты, журналы, книги. Появились писатели, поэты, пишущие на родном языке, – их переводили на русский, они становились известными в масштабах Союза.

Создание письменности можно назвать подвигом в культурном языковом строительстве. Ничего подобного в Европе не было. Наоборот: носители *большого* языка подавляли языки других, как это, скажем, случилось в Ирландии – английский язык вытеснил местное наречие. А про колонии и говорить нечего – колонизаторам из Франции, Испании, Германии, Англии, Бельгии, Голландии и в голову не приходило развивать языки, скажем, бушменов или тутси, не говоря уж о создании письменности. Язык колонизаторов в регионах Африки или Азии становился обязательным для общения, как устного или письменного. Правда, сформировались пиджин и креольский – упрощённые языки как средство общения между этническими группами и колонизаторами. Это типа «моя-твоя понимай».

В Конституции СССР 1924 года были определены несколько равноправных языков делопроизводства: русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский и тюркско-татарский (нынешний азербайджанский), как языки самых крупных народов, населявших в то время территорию Советского Союза.

Правда, сами себе создали сложности с графикой письма. Сначала выбрали для алфавитов *латиницу*. Кириллицу большевики считали признаком русского великодержавного шовинизма, потому выдвигались проекты перевести русское письмо на латинский алфавит, однако вовремя остановились, сообразили: такая реформа потребовала бы гигантских финансовых затрат, не говоря уже о том, что текст Пушкина, написанный латиницей, воспринимался бы дико и отталкивающе: «Ya vam pishu, chego ge bole...»

Латиница в национальных языках торжествовала до середины 30-х годов – на ней издавалась периодика, печатались книги, детей в школах обучали выводить латинские буквы. Но постепенно стало ясно: русский язык и кириллица совсем не признаки великодержавности, а насущное средство межнационального общения. Невозможно развивать экономику, науку, технику, да и культуру многонациональной страны, не имея общего языка. Начиная с середины 30-х годов национальные языки переводят на кириллическую графику. А в 1938 году руководство ВКП(б) совместно с Совнаркомом СССР издали указ, по которому русский язык стал обязательным к изучению во всех субъектах Союза – национальных республиках, краях и областях. И оказались ненужными изданные до этого на латинице газеты, журналы, книги.

Работа по созданию письменности продолжалась до 50-х годов.

Искусство принадлежало народу

Я приехал в командировку на Челябинский тракторный завод, год 1978-й. И в Красном уголке цеха увидел человека с виолончелью. Естественно, заинтересовался, кто он и откуда. Оказалось, виолончелист местной филармонии, его направили на ЧТЗ дать шефский концерт. Тогда это было обычное дело: посылать людей искусства приобщать к высокой культуре простых тружеников. Виолончелист честно сказал: отыграю минут пять – и свободен. Было утро, можно представить состояние работяг после семи часов тяжёлого труда – до музыки ли им? Не тут-то было! Работяги прослушали один опус. Похлопали. Он сыграл ещё. Опять похлопали. И нет попытки разойтись. Народу даже прибавилось. Так что пришлось виолончелисту отыграть полный концерт.

Творческие люди тогда ездили выступать перед простыми людьми, быдлом, как сейчас любит говорить прогрессивная публика. В цехах, на полевых станах выступали симфонические оркестры в полном составе. Плисецкая танцевала Жизель на сцене заводского клуба в Серпухове, Галина Вишневская пела перед колхозниками Ленинградской области, Мстислав Ростропович провёл месячное турне по городам и весям Сибири. Михаил Горбачёв вспоминал о студенческом клубе МГУ: «Скромное приземистое здание стало для нас очагом подлинной культуры. Сюда приезжали знаменитые певцы и актёры – Лемешев, Козловский, Обухова, Яншин, Марецкая, Мордвинов. Цвет театральной Москвы. Сами актёры рассматривали свои выступления как обязанность прививать молодёжи чувство прекрасного».

Я учился в техникуме в небольшом городе Троицке той же Челябинской области. И нам бесплатно раздавали билеты на концерты областной филармонии. Соученики считали это скукой, а я почему-то ходил. И до сих пор помню выступления певцов, пианистов, рассказы ведущих. Помню исполнение арии Герцога из «Риголетто». И как-то само собой прорезалась у меня необходимость в классической музыке, она, необходимость, до сих пор во мне, сегодня любимая радиостанция – «Радио Орфей».

В СССР было всего четыре программы телевидения, и вот на главной – Первой – в самое смотрбельное время, или как сейчас говорят, в прайм-тайм – в 7 часов вечера – стояло: «Час БСО». БСО – это Большой симфонический оркестр. Исполняли Чайковского, Шостаковича, Малера... Сегодня в такое и не верится. А тогда классическая музыка была среди активных на телевидении, на радио. Георгий Ефрон, сын Марины Цветаевой, репатрировался в СССР из Франции. И его поразило, что по радио передают классическую музыку. В его дневнике постоянно записи типа такой: «Вчера по радио слушал много хорошей музыки – Мендельсон, Глазунов, Прокофьев. Я считаю марш к опере Прокофьева “Любовь к трём апельсинам” замечательным произведением». Ещё запись: «Теперь – увертюра к опере Бизе “Кармен”. Вот – поистине гениальная музыка. Я обожаю эту вещь».

Проходил международный музыкальный конкурс имени Чайковского – все газеты отводят этому событию первые полосы. В 1958 году на конкурсе сенсационно победил американец Ван Клайберн – его лично поздравил тогдашний руководитель СССР Хрущёв. В 1970 году конкурс Чайковского посвятили столетию со дня рождения Ленина, лауреатами стали будущие звёзды Владимир Спиваков, Гидон Кремер и Лиана Исаказде. О каждом из них газеты, журналы писали не меньше, чем о космонавтах.

Был такой лозунг «Культуру – в массы!» Тогда это казалось примитивным идеологическим посылом, а сегодня думаешь: а неплохо бы возродить его. И культуру несли в самые отдалённые места страны. Властвовал кинематограф – свежий советский фильм можно было посмотреть всюду. И не только, скажем, «Пиратов XX века» или «Кавказскую пленницу», но и фильмы, которые, что называется, не для всех. До университета я работал монтажником на строительстве высоковольтных ЛЭП в Оренбургской области, квартировали мы в степном совхозе. И каждый вечер в клубе фильм. Однажды показывали «Земляничную поляну». Сейчас уж редко кто помнит эту картину Бергмана, ставшую классикой кинематографа. Да и тогда она считалась для избранных. Но вот показывали её в глухом краю. И народ смотрел. Десятка два человек было в зале. И никто не ушёл, досмотрели до конца.

Спор о ветке сирени в космосе

Горбачёв в мемуарах пишет, как он в 1959 году был избран первым секретарём Ставропольского горкома комсомола: «Начал с того, что создал городской дискуссионный клуб... Тема первого диспута была достаточно безобидной: “Поговорим о вкусах”. Но она затронула самые острые проблемы молодёжной жизни... Первая дискуссия прошла удачно. Спорили живо, задиристо, порой не жалея голосовых связок. Помещение набивалось до отказа, сидели в проходах, на ступеньках».

Вот ведь парадокс: политическая система требовала идеологического единomyслия, а широко распространились дискуссии, споры, диспуты. Они возникли в конце 50-х годов в пору так называемой «оттепели». Сегодня начинание горкома комсомола представляется наивным: ну, собрались молодые поспорить, но в те времена просто собраться и поговорить на волнующую тему казалось прорывом в другую галактику. А уж темы какие наивные! Иногда даже кажутся детскими. Хорошо помню длительную дискуссию о физиках и лириках, и столь же длительную – о ветке сирени в космосе. О ветке сирени началось со статьи писателя Льва Кассиля в «Комсомольской правде»: «Некоторая часть молодёжи стала доказывать, что в наше сугубо деловое время, в век атома, искусство уже не может играть той роли, какую оно играло в прежние времена. Но в межпланетном полёте космонавту будет нужна и ветка сирени». И до космических высот взметнулись споры о несчастной ветке сирени! Почитаешь сегодня – простодушно, по-детски. А тогда всерьёз спорили.

Дискуссию мог вызвать фильм, спектакль, книга. После выхода романа Дудинцева «Не хлебом единым» по всей стране просто цунами дискуссий. Художественные достоинства повести были мизерными, но она была сенсационно критична к социалистической действительности, и по общественной реакции её можно сравнить только с «Одним днём Ивана Денисовича», вышедшим через несколько лет. Полемика развёртывалась знойная, и полемисты заходили далеко за красные флажки, формулировали далеко идущие выводы. В Ленинградском университете дискуссия продолжалась два вечера по пять часов. Прошла дискуссия в Центральном доме литераторов. Улица, на которой расположен ЦДЛ, запружена, лишь малая часть желающих попала в зал, порядок поддерживала конная милиция. Зал забит до отказа. И такой остроты вспыхнула дискуссия, что книгу запретили.

А сколько споров по поводу постановок пьесы Игнатия Дворецкого «Человек со стороны». Драматургу удалось схватить один из главных конфликтов времени: человек хочет изменений, а коллектив ему сопротивляется, не желает работать по-иному. Коллектив хочет, чтобы ничего не менялось и всё шло сложившимся десятилетиями чередом и чтоб работать с прежней лентой и разгильдяйством. Пьеса всколыхнула общество – дискуссии возникали спонтанно.

А как всколыхнул общество фильм «Премия» по сценарию Александра Гельмана. Парадоксальный, но в то же время простой сюжет: бригада строителей отказывается от премии. Потому что не хочет терпеть бардак на стройплощадке. И такие страсти разгорелись на экране. А потом страсти перекинулись в различные аудитории – спорили, спорили, спорили.

Тогдашние газеты становились площадкой для дискуссий. Тон задавали «Комсомольская правда» и «Литературная газета». Публикация могла поднять дискуссию, которая длилась месяцами. Хорошо помню одну из таких дискуссий после публикации в «ЛП» статьи социолога Урланиса «Берегите мужчин». В «Комсомольской правде» почти каждая публикация Инны Руденко, Лидии Графовой, Юрия Щекочихина вызывали вал писем. Письма читателей приносили мешками – это не преувеличение. И газета иногда отдавала целую полосу этим письмам – рубка мнений была звонкая.

Эксперименты во всех сферах жизни

Моя дочь Аня, десятиклассница, как-то приходит из школы и говорит: «У нас эксперимент. Я теперь завуч». Это 1990 год. В Аниной школе ученики старших классов стали учителями, завучами. Женя, подруга Ани, занимала кресло директора, и, кстати, Женя через много лет станет настоящим директором школы.

А началось всё с командировки журналиста Юрия Совцова в Омск – это где-то конец 70-х годов. Мы работали в одном отделе «Комсомольской правды». Приехал он и рассказал удивительные вещи: на одном из заводов молодёжь неделю управляла предприятием. Да, на неделю руководство взяло отпуск, а их места – начиная от генерального директора и заканчивая начальником смены – заняли молодые. Юра написал об этом эксперименте, публикация вызвала огромный интерес. Мало того – по всей стране принялись копировать этот эксперимент. На заводах, в институтах, в магазинах, даже в школах.

Взрыв экспериментов во всех сферах жизни пришёлся на 20-е годы. Новая власть проводила в жизнь слова «Интернационала»: «Весь мир насилья мы разрушим», потому всё, что было при царизме, объявлялось отжившим. Тогда дров много наломали, начиная со «Сбросим Пушкина с корабля современности» и кончая разрушением церквей. Но в то же время родилось много нового, смелого, неожиданного в литературе, в музыке, в архитектуре, в кинематографе. Эйзенштейн сделал прорыв с «Броненосцем “Потёмкин”» – таких приёмов монтажа мир кинематографа не знал.

Впечатляющим был прорыв в архитектуре. Большевики связывали революцию в архитектуре с политическими и социальными переменами, потому архитекторы получили неслыханную волю. Плоды архитектурных экспериментов можно увидеть в Москве, Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Баку, Магнитогорске. Архитекторы с помощью новых форм создавали среду и социальные ценности, которые должны обживать люди. Я на себе испытал эту экспериментальную среду. С первой женой я жил в доме архитектора Моисея Гинзбурга на Гоголевском бульваре в Москве. Дом построен в 1930 году. Планировка квартир причудлива – комнаты на двух, а то и трёх уровнях. Согласно веяниям тех времён, считалось, что быт – это устаревшее понятие, потому в квартирах не были предусмотрены кухни и ванны. Питаться предлагалось в столовой, которая располагалась на первом этаже, а мыться в общественных банях или душевых павильонах. Ничего из затеи устроить быт на новых принципах общежития не получилось, жильцы сразу принялись отгораживать в квартирах пространство для кухонь, устраивать душ.

Новый разгул экспериментов возник в 60-е годы. Особенно в экономике. Бригадный подряд, безрядные звенья, щёкинский метод, калужский вариант, орловская непрерывка, карповская система – кто сейчас помнит об этих и массе других экспериментах в экономике, а тогда о них писали газеты, исследовали учёные, снимали документальные фильмы. Я сам писал о бригадном подряде и калужском варианте организации труда, и свято тогда верил, что стоит эти эксперименты распространить на каждое предприятие, на каждую стройплощадку, и экономика рванёт вверх. К концу 70-х годов явно

ощущалось, что экономика выдыхается, заходит в тупик, и эти попытки не что иное, как подпорки. Сложившаяся система отторгала поиски новаторов.

Эксперименты в педагогике начались в 20-е годы. Тогда возник феномен Антона Макаренко. Потом система придушила экспериментаторов. А в 60–70-е годы в школе начался поиск новых форм образования. В школьном отделе «Комсомольской правды» работал Симон Соловейчик. Он был первооткрывателем многих талантливых учителей, или, как тогда их называли, педагогов-новаторов. Мы зачитывались его очерками, я и сейчас помню имена – Евгений Ильин, Шалва Амонашвили, Софья Лысенкова, Михаил Щетинин, Виктор Шаталов. Соловейчик не только писал, но и собирал учителей-новаторов в редакции. Тогда родилось нечто вроде манифеста, который Симон назвал «Педагогикой сотрудничества». Он и сегодня современен.

Пресса – четвёртая власть

В наше время на прессу внимание мало кто обращает – нет ей уважения, на испуг она взять не в силах. Но в те идеологически строгие времена пресса была совсем на ином положении – она на самом деле была властью. Помню свои командировки тех времён. Журналист тогда мог попасть на любое предприятие, кроме, разумеется, военных. Мог разговаривать с любым человеком. Мог потребовать предоставить ему финансовые отчёты.

Пресса тогда поддерживала всё новое, передовое, поддерживала эксперименты. Ведь тем же педагогам-новаторам приходилось несладко, сложившаяся система образования не принимала новое, иные из учителей были на грани увольнения.

А Святослав Фёдоров! Всесоюзная знаменитость. Сегодня действует научно-технический комплекс «Микрохирургия глаза» его имени. А как тяжело он пробивался со своим методом операции на глазе – мир медицины не принимал его, коллеги устроили ему травлю. И тут вступил журналист «Известий» Анатолий Аграновский. Он написал статью «Открытие доктора Фёдорова». И газетная публикация развернула ситуацию в позитивную сторону – Фёдоров получил возможность работать, заниматься научными исследованиями. Аграновский вообще был первооткрывателем многих экспериментов, нередко по его газетным выступлениям принимались постановления правительства.

Тогда существовало обязательное правило: после критической публикации все, кого она затронула, обязаны дать ответ редакции. В газетах была рубрика «По следам наших выступлений». И меры принимались иногда на самом высшем уровне. Помню очерк «Долг» Инны Руденко в «Комсомолке» о том, как цинично, как хамски относятся к воинам-афганцам в социальных государственных учреждениях. На публикацию обратил внимание тогдашний генсек ЦК КПСС Константин Черненко. И были приняты меры на правительственном уровне. Положение афганцев существенно улучшилось.

Журналисты были исследователями. Вот как Аграновский собирал материал для очерка «Техника безопасности». Очерк начинается так: «Лучший и пока единственный способ продлить жизнь – не укорачивать её. Моя тема: техника безопасности». Аграновский и решил разобраться, почему техника античеловечна? Вот маршруты его командировок: Харьков – на тракторный завод, Минск – тоже тракторный завод, Саратов – научно-исследовательский институт по технике безопасности, Кубань – посмотреть технику в действии, да и сам попробовал себя как тракторист. Убедился: невыносимый труд, к сорока годам человек заболевает профессиональными болезнями. Чтобы получить общее представление по стране, собрать информацию, журналист побывал в ЦК профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства, в Министерстве сельскохозяйственного и тракторного машиностроения, в сельскохозяйственной академии. Послушал, что говорят умные люди на специализированных конференциях. Расспрашивал десятки специалистов, практиков. И только после этого сел за стол писать очерк. Никто из современных журналистов на такой труд не способен. Да и не ездят они в командировки.

Пресса поддерживала свежее, неожиданное во всех сферах жизни. Юрий Любимов, преподаватель Щукинского театрального училища, поставил со студентами спектакль «Добрый человек из Сезуана». Это стало ярким художественным явлением театральной Москвы. Заговорили о том, чтобы дать талантливым ребятам свой театр. Но органы культуры не решались. Константин Симонов написал статью в «Правде», поддержал и спектакль, и актёров, и преподавателя. И вопрос был решён – родился Театр на Таганке во главе с Любимовым.

Газета могла выдернуть человека из тюрьмы. Помню, Зоя Крылова, корреспондент «Комсомольской правды», написала материал в защиту молодого директора школы, которого осудили за какие-то финансовые прегрешения. И директора освободили.

За иное смелое выступление журналист мог и поплатиться – были случаи, когда увольняли. А самым громким был случай увольнения главного редактора «Комсомольской правды» Юрия Воронова в 1966 году. Газета опубликовала разгромный очерк о злоупотреблениях директора китобойной флотилии «Слава» Соляника. В публикации были затронуты интересы некоторых членов тогдашнего политбюро ЦК КПСС. Потому наказание главному редактору выписали суровое.

Шахматная горячка

В 2020 году появился телевизионный сериал «Ход королевы». О шахматной вундеркиндше Бет Хармон. И вот интереснейший момент! Создатели американского сериала откуда-то знали, что простые советские люди играют на московских бульварах в шахматы. В 70-е годы я жил с первой женой на Гоголевском бульваре и хорошо помню: в любое время суток можно увидеть играющих в шахматы. Доску клали на скамейку или на фанерку, которую втыкали в спинку скамейки. Снег, дождь, ураган, лунное затмение, диссидентов прессуют, война во Вьетнаме – игра продолжается. Уникальное явление. Так вот, Бет, оказавшись в Москве на шахматном турнире, специально приехала на бульвар, чтобы удостовериться: так ли это? Убедилась: так. И даже дала сеанс одновременной игры. Но замечу: сцена снималась не на нашем Гоголевском бульваре, а в Вене.

Бет Хармон печалилась: на шахматы в США всем наплевать, а вот в России... Да, в России шахматы были уважаемым видом спорта. И массовым. Как человека с книгой можно было увидеть где угодно, так и на две склонившиеся над шахматной доской фигуры можно было наткнуться в любом месте. Помню из детства: к нам приходили гости и почти всегда кто-то из них усаживался за шахматы, а остальные наблюдали за партией.

Проводилась масса турниров. На любом предприятии, в любом учреждении можно было увидеть на стене турнирную таблицу.

А началось всё с Ленина, есть известная фотография: на острове Капри он играет в шахматы с Богдановым, своим политическим противником. А если вождь увлекается этой игрой, значит, и рабочий с крестьянином должны сесть за доску. Советская власть сделала максимум, чтобы шахматы овладели массами. За короткое время шахматы стали увлечением миллионов советских людей. Было создано Всесоюзное шахматное общество, оно в 1925 году провело в Москве турнир с участием суперпопулярных тогда Хосе Рауля Капабланки и Эмануила Ласкера. Тогда же был снят фильм «Шахматная горячка», безумно смешной и точно воспроизводящий шахматоманию того времени. И отражение этой горячки – глава в «12 стульях» о Нью-Васюках, будущей столице шахматного мира, которую предлагал создать Остап Бендер.

Увлекли шахматами детей. В домах пионеров обязательно существовал шахматный кружок. Записался в него и я, успехов за доской не обрёл, но хотя бы начал отличать староиндийскую защиту от защиты Немцовича. Во всех газетах, журналах обязательно присутствовала тема шахмат. Печатались шахматные задачи, этюды. Я читал «Пионерскую правду» и, получив очередной номер, первым делом смотрел на четвёртую страницу: есть там шахматная задача? Проводилась Всесоюзная шахматная олимпиада среди школьников «Белая ладья».

Гроссмейстеры, да и просто мастера, проводили сеансы одновременной игры. «Комсомольская правда» проводила матч: читатели против чемпиона мира Карпова.

В СССР выходили регулярные шахматные издания – «64», «Шахматы в СССР», «Шахматный бюллетень», «Бюллетень ЦШК СССР». А в 20-е годы издавался даже такой журнал «Шахматы и шашки в рабочем клубе», в котором печатались статьи «Ленин и шахматы», «Чернышевский и шахматы», «Пролетарий и шахматы». На Центральном телевидении была популярная программа «Шахматная школа». Кстати, история возникновения шахматно-шашечного приложения к газете «Советский спорт» под названием «64» показывает, на каком месте находилась эта игра в спортивной иерархии. В 1968 году редакция газеты решила издавать приложение «Хоккей». А шахматная федерация обратилась в ЦК КПСС с предложением издавать еженедельник «Шахматы». И партийное руководство сочло, что шахматы важнее хоккея.

Издавалась масса шахматной литературы. Зарубежные шахматисты даже специально учили русский язык, чтобы читать выпущенные в СССР книги в оригинале. Одиннадцатый чемпион мира по шахматам американец Бобби Фишер вполне сносно владел русским.

Шахматы по популярности конкурировали с футболом. Когда проводились матчи на звание чемпиона мира, за его ходом следила вся страна. Матчи в Колонном зале Дома Союзов собирали аншлаги. Первым советским чемпионом мира в 1948 году стал Михаил Ботвинник. И на 24 года чемпионами мира становились только шахматисты из СССР. Это подавалось как превосходство советской политической системы над западной. А матч в Багио между Анатолием Карповым и Виктором Корчным стал триллером, и вестей о ходе противостояния ждали как сводок с фронта. И столь же напряжённо следили за противостоянием Карпова и Каспарова – это уже 1990 год. Молодой, раскованный Каспаров был любимцем перестроечной публики, а Карпов подавался как представитель реакционной системы. Но с началом перестройки шахматы стали терять привлекательность и звание игры миллионов. И на Гоголевском бульваре уже не увидеть людей за шахматной доской.

Алло, школьная олимпиада ищет таланты!

1 ноября 1933 года в газете «За коммунистическое просвещение» появилась статья под названием «Явление, встречающееся раз в столетие». Рассказывалось о девятилетнем математике Коле Дмитриеве. Профессор МГУ Чистяков писал: «У ребёнка чрезвычайно большой объём знаний. Он обладает громадной способностью соображения. Несомненно, мы имеем дело с исключительной одарённостью». А заметили одарённого мальчика из Тобола на школьной математической олимпиаде. В то время в стране как раз стали проводить олимпиады среди школьников – по математике, физике, химии. Коля Дмитриев был победителем математических олимпиад. Он потом станет одним из ведущих теоретиков в атомном проекте.

В 30-е годы был расцвет интеллектуального движения учащейся молодёжи – этого требовала индустриализация, становление науки. Олимпиада школьников – нечто вроде соревнований. Начал им положить блестящий учёный Борис Делоне из Ленинградского университета. На олимпиадах выявляли талантливых ребят, которые потом становились студентами лучших вузов. Олимпиады стали постоянными, их проводили университеты и пединституты совместно с органами народного образования. Идея школьной олимпиады объединила научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, которые стремились выявить одарённых учеников, помочь их становлению.

Школьное олимпийское движение ширилось, вышло за пределы Москвы и Ленинграда, стало все-союзным. Кроме математики и физики – базовым предметам, стали проводиться олимпиады по химии, биологии, географии, иностранным языкам. В 1947 году прошла первая школьная астрономическая олимпиада. Победитель – десятиклассник Игорь Зоткин – был награждён дипломом и биноклем. Он стал известным астрономом, исследователем проблемы Тунгусского метеорита.

В 1965 году в Москве была проведена первая олимпиада по лингвистике – этого потребовало время, появились ЭВМ, а с ними возникла потребность связать математику и языкознание. Олимпиада по языковедению и математике должна была заинтересовать школьников в новой специальности, а её задания были предложены на непростых языках: арабском, венгерском, санскрите, чтобы участники подошли к их решению с логически-математической точки зрения.

Проводились олимпиады по сольфеджио.

Этот общественный феномен был замечен и поддержан государством. Проведение олимпиад полностью финансировалось из бюджета. Призёры получали награды, и главная среди них – путёвка в знаменитый детский лагерь «Артек».

Дом творчества

В молодые годы я пробовал себя в драматургии. Занимался в драматургической студии Михаила Шатрова при Центральном доме литераторов. Шатров почему-то меня выделял и послал на всесоюзный семинар молодых драматургов в Юрмале. Я провёл прекрасные две недели. Жили мы в Доме творчества литераторов. Был ноябрь, не сезон, и литераторов были считанные единицы, а в пиковый

сезон путёвку было трудно достать. Такие же дома творчества у писателей были в Пицунде, в Крыму, в Комарово под Ленинградом, на Байкале.

Советская власть создавала условия для людей творческих. Дома творчества – один из примеров. Были и дома творчества у композиторов и музыкантов, у художников, у архитекторов, у театральных деятелей. А ещё члены творческих союзов имели право на дополнительную площадь, на льготы по коммунальным услугам, имели свои поликлиники.

Люди искусства имели свои профессиональные клубы. Как же я жаждал стать членом Союза журналистов, чтобы иметь право свободно ходить в знаменитый Домжур на Суворовском бульваре. Привлекал пивной бар, где мы с Юрой Щекочиным часами просиживали за разговорами, к нам постоянно кто-то подсаживался, мы пересаживались к кому-то за столик.

Но самым желанным был ЦДЛ – Центральный дом литераторов. Стать членом Союза писателей – до такой ереси я не доходил в самых смелых своих мечтаниях, в знаменитый Дом иногда удавалось попадать на какое-нибудь мероприятие. Например, на творческий вечер Булата Окуджавы. Вот где испытываешь восторг. В столице каждой союзной республики был Дом литератора, да и во многих областных центрах писатели, поэты имели возможность собраться для творческого разговора, да и просто посидеть за столиком в ресторане.

В Лаврушенском переулке Москвы в 1934 году специально для писателей построили жилой дом. В нём получили квартиры многие известные литераторы, в том числе и Пастернак. В те же годы подмосковную деревню Переделкино превратили в творческое поселение, нарезали участки размером с гектар и отдали в вечное пользование писателям. Все известные в то время «инженеры человеческих душ» получили возможность построить там дома, им выдали льготные кредиты.

Для артистов Большого театра построили гигантский дом на улице Горького, а для артистов драматических театров дом в Голенищевом переулке – это ещё до войны. А после войны для писателей построили несколько домов в районе станции метро «Аэропорт».

Художники, архитекторы, скульпторы имели право на творческие мастерские. Я бывал в некоторых – вот где душа наслаждается и искусством, и общением с творческой личностью. В мастерской Юрия Роста кого только ни встречал – и Неёлову, и Юрского, и Жванецкого, и даже Евтушенко.

Творческие люди ездили в творческие командировки – за государственный счёт. Правда, власть имела свой расчёт: писатель или художник должны были отразить ударный труд советских людей, но это не такая уж обременительная нагрузка. Мой учитель в драматургии Михаил Шатров съездил на АвтоВАЗ – привёз оттуда пьесу «Погода на завтра», которая была поставлена в более чем ста театрах. Да ещё привёз из Тольятти «Жигули», дефицит которых был зверский. Знакомый художник объездил всю страну, забирался даже на Чукотку и Камчатку, плохо, что ли?

Уважение учёных

После успешного испытания атомного заряда в 1949 году участников проекта наградили – звёзды Героя Социалистического Труда, ордена, медали, Сталинские премии. Для особо отличившихся – квартиры, дачи с полной обстановкой, автомобили, право на бесплатный проезд любым транспортом, денежные премии. Дети могли без экзаменов поступать в любой вуз страны.

Это понятно – награды за колоссальное достижение. Но успешное испытание атомной бомбы отразилось не только на участниках проекта. В том же году на 20 процентов повышены оклады людей, имеющих высшее и среднее специальное образование – инженеры, техники, учёные, врачи, учителя. Подняли значимость учёных степеней и званий. Зарплата профессора, доктора наук повышается с 1 600 до 5 000 рублей, доцента, кандидата наук – с 1 200 до 3 200 рублей. Академик имел ежемесячную добавку в 5 000 рублей. Зарплата ректора вуза поднялась с 2 500 до 8 000 рублей. В научно-исследовательских институтах учёная степень кандидата наук стала добавлять к должностному окладу 1 000 рублей, а доктора наук – 2 500 рублей. Для сравнения: средняя зарплата в стране в то время 700 рублей, ставка министра – 5 000 рублей, секретаря обкома партии – 1 500 рублей.

Учёные в СССР того времени являлись обеспеченной и – что очень важно – наиболее уважаемой частью советского общества. Все знали академиков Ивана Павлова, Николая Зелинского, Игоря Курчатова, Генриха Графтио, Бориса Патона, Отто Шмидта, Владимира Обручева, Милицы Нечкиной... О них писали газеты и журналы, про них снимали фильмы и выпускали книги. Их слово было

авторитетным. Тогда занятие наукой, а в особенности физикой, было престижным. На физические факультеты университетов огромные конкурсы.

Учёный становится значимым героем в кинематографе, в литературе. Много споров вызвал фильм Михаила Ромма «Девять дней одного года», потом сняли картину «Иду на грозу», экранизация романа Даниила Гранина. Главные герои – физики.

Отдел науки «Комсомольской правды» был в то время одним из ведущих в газете.

Прокатилась бурная дискуссия о «физиках» и «лириках». Начало ей положили стихотворные строки поэта Бориса Слуцкого:

Что-то физики в почёте.
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчёте,
дело в мировом законе.

Это 1959 год. На «Комсомольскую правду» обрушился вал откликов – письма приносили мешками. А ведь не сказать, что лирики были в загоне – на поэтические вечера в Политехническом музее ломались толпы желающих. Поэты читали стихи во Дворце спорта в Лужниках, забитом до отказа – а это больше 10 тысяч человек. Но всё же физики, учёные были авторитетнее, их слово весомее. А уж когда запустили первый спутник, когда Гагарин слетал в Космос, тогда наступила наукомания – не только на физфаки огромные конкурсы, но в любой значимый технический вуз.

Советское – значит отличное

Это десять уникальных достижений Советского Союза. А можно привести ещё десятка два. И всё же Союз не выдержал испытания временем, распался, хотя многие предпочитают использовать слово «разрушили». Причин краха СССР много, они подробно исследованы. А в данном конкретном случае главное вот что: у каждого из этих десяти уникальных достижений было своё «НО». Да, искусство принадлежало народу, но сколько же художникам приходилось терпеть от идеологического диктата. Да, много экспериментировали в разных сферах, но судьба экспериментатора нередко была тяжёлой. И так далее и тому подобное по каждому пункту.

Берега Памяти

Эльвира Трикоз (Вологда)

Эльвира Трикоз – родилась в Вологде. Ученый-филолог, музейный сотрудник, преподаватель. Автор научных статей по истории языка, психолгвистике, литературоведению, научно-популярных и публицистических статей о писателях-деревенщиках, о музейных открытиях, связанных с мемориальной квартирой В.И. Белова (Вологда).

О СТРОГОСТИ И ЭДЕЛЬВЕЙСАХ

К годовщине со дня смерти учёного и писателя Людмилы Яцкевич

Людмила Григорьевна Яцкевич (23 ноября 1944, Череповец – 26 января 2022, Вологда) – учёный, писатель, критик. Училась в Череповецком педагогическом институте, аспирантуре и докторантуре Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Работала в Гомельском университете в Белоруссии, затем – в Вологодском педагогическом университете. Автор около 200 научных публикаций по языкознанию, вологодскому краеведению, девяти монографий, автор и соавтор нескольких словарей, связанных с вологодским диалектом, народным словом Русского Севера. Труды Л. Г. Яцкевич по грамматике, лингвопоэтике, лексикографии широко известны в научном мире.

В годовщину со дня ухода Людмилы Григорьевны в Царство Небесное и одновременно в год педагога и наставника попробую вместе со своими друзьями и коллегами обрисовать земные берега мудрого вузовского учителя, который оставил в дар стране – грамотных и добросердечных учителей, талантливых учёных, а науке – многие свои мысли, идеи и книги. Неслучайно в рассказах о ней часто встречается слово «щедрый» и словосочетание «щедро делилась».

Мне повезло: более 20 лет я была всегда где-то рядом с ней. Студенчество, аспирантура, преподавание на кафедре русского языка и затем работа в Музее-квартире В. И. Белова – всё давало точки соприкосновения, а ещё, конечно, книги и статьи всегда высаживали нас с ней на какой-то знакомый нам обеим берег. На нём её рассказы и примеры из жизни всегда с чем-то примиряли, сглаживая угловатость поступков в будущем или своевременно отправляя к нужным книгам, а мои истории её радовали, а иногда даже смешили, например, история о том, как её книга «Слово о родной деревне» попала в руки известного писателя, юмориста и режиссёра Михаила Задорнова.

В 2013 году на экскурсии по территории Вологодского кремля я зачитала Михаилу Николаевичу несколько словарных статей из неё, после чего тема экскурсии сменилась и речь зашла о языке, народных словах и севернорусских диалектах. Тогда мой выдающийся экскурсант сказал: «Я просто обязан теперь уехать домой с этой книгой». Он подарил мне две свои книги, а я ему – книгу профессора.

С Людмилой Григорьевной можно было говорить о житейском и божественном не презренной прозой, а летящими поэтическими образами. Можно – о подсмотренном поэтами будущем, об «эдельвейсах и запахе кипарисовых шишек». Помните, как у Паустовского очень ёмко об этих образах сказано в «Повести о жизни...»: «Иногда мне хочется встретить собеседника, с которым можно, не стесняясь, поговорить о таких вещах, как эдельвейсы или запах кипарисовых шишек. К сожалению, таких собеседников в обыденной жизни я не встречал. Они попадались только в книгах». А Людмила Григорьевна сама была как из книги. Она всегда внимательно слушала, а потом могла в ответ рассказать такую историю, которая не стрелой назидания была в самую голову, а ковылём с босых ног и ладоней сметала пыль ненужных и бесполезных мыслей.

Талант слушателя отметил в «Рассказе о замечательной женщине» и её муж, учёный и писатель Владимир Антонович Яцкевич: «Она была очень общительна, у неё было качество, очень редкое в людях, – она с интересом слушала собеседника и переживала вместе с ним. Переживала совершенно искренне, а люди чувствовали это и тянулись к ней».

На фото слева направо: оппоненты по диссертации Ирины Колесовой – О. В. Никитин и Т. Г. Аркадьева, Л. Г. Яцкевич, И. Е. Колесова

Последняя диссертантка Л. Г. Яцкевич. 2019 год. На фото слева направо: диссертант А. А. Медведева, учёные Л. Г. Яцкевич, Г. В. Судаков, Л. Ю. Зорина, Э. Л. Трикоз

Памятна мне одна её история из жизни о том, как однажды в молодости она села в лодку и поплыла по незнакомой реке и плыла до тех пор, пока не стало смеркаться и её не охватил страх потеряться в чужом месте. Помолясь, она начала искать берег, от которого отправилась в опасное приключение. И выплыла. С этим образом я живу, вспоминая её и чувствуя до сих пор добрый посыл подаренного жизнью образа...

А вот истории моих учёных друзей и коллег – профессиональных филологов и педагогов, которые защищали кандидатские диссертации под руководством Л. Г. Яцкевич в 2000-е годы.

«Библиотекарь направила меня в раздел орнитологии...»

Ирина Рыбакова – преподаватель общеобразовательных дисциплин Вологодского индустриально-транспортного техникума:

Мы были у Людмилы Григорьевны первыми вологодскими студентами. На дворе стоял 1991 год, когда семья Яцкевич перебралась из Гомеля в Вологду. Людмила Григорьевна начала учить нас с первого курса. Вместе с ней мы разбирались в дебрях нескольких разделов современного русского языка, начиная с фонетики и заканчивая морфологией.

Она всегда щедро делилась идеями, которые мы, будучи студентами, проверяли на своём конкретном материале и делали свои, часто непростые выводы, по несколько раз переписывая главы, меняя структуру текста, перестраивая схемы, вводя новые языковые иллюстрации и осваивая термины.

Моя выпускная студенческая работа стала основой диссертационного исследования. Благодаря Людмиле Григорьевне мы чувствовали себя первооткрывателями, оперируя ранее не использованными в лингвистической науке понятиями. В названии моей диссертации, например, присутствовало слово «гнездообразование». Помню интересный момент, когда я посещала библиотеки Москвы и Санкт-Петербурга и пыталась найти литературу по интересующей меня теме. Услышав формулировку темы, одна библиотекарь направила меня в раздел орнитологии, никак не могла поверить, что в русском языке тоже можно изучать гнёзда.

Из студенческой жизни вспоминаются разные моменты... В университете все привыкли видеть маленькую женщину с химической завивкой, модно одетую, на шпильках, с красивой зелёной шалью на плечах, которая в 95-й аудитории читала лекции. И здесь она была нашим преподавателем, профессором, человеком энциклопедических знаний, строгой, но справедливой, с крепким внутренним стержнем, с сильной волей. Людмилу Григорьевну очень боялись наши двоечники, потому что могли ходить на пересдачу по много раз. Дома Людмила Григорьевна была совсем другим человеком: очень тёплым, душевным, способным поддержать, подсказать, дать нужный совет, убедить, что всё будет хорошо. А перед тем, как встреча завершалась, она всегда дарила свои книги.

**Пермский лингвист и этнограф Арина Медведева:
«Людмила Григорьевна организовала значимое для меня «приключение»**

Арина Медведева – лингвофольклорист, этнограф (Пермь):

В жизни каждого человека есть люди-проводники. Они открывают нам новые пути, неизведанные дороги, подают руку помощи, когда кажется, что пройти сложный, но важный путь невозможно... Таким человеком в моей жизни стала Людмила Григорьевна Яцкевич – учёный, писатель, научный руководитель, а также светлая, душевная и реализовавшая себя женщина (жена, мать, бабушка). Меня всегда восхищало её умение успешно совмещать все эти важные социальные роли!

Помню, на третьем курсе профессор предложила написать статью для научного издания. Это показалось чем-то настолько фантастическим и невероятным, что только моя природная любовь к приключениям и сложным задачам заставила согласиться! И это был первый робкий шаг на важном пути, казавшимся в то время непреодолимым... Затем на четвёртом курсе, в начале 2000-х годов, было много сложных исследований по историческому словообразованию и проблема: не хватало фактического материала для изучения языка праславянского уровня... Тогда Людмила Григорьевна организовала значимое для меня «приключение» – путешествие в Москву, где мне посчастливилось работать с картотеками (архивами) ИРЯ РАН и познакомиться с выдающимся лингвистом, первым редактором «Этимологического словаря славянских языков» А. Н. Трубачовым.

После окончания университета, защиты диплома прошло много лет. Я мечтала заняться исследованием фольклорных текстов под руководством Людмилы Григорьевны, но была уверена, что она не согласится, поскольку работает в других сферах языкознания (грамматика, историческое словообразование, лингвопоэтика, лексикография). И какова же была моя радость, когда я узнала, что Людмила Григорьевна занялась исследованиями в области лингвофольклористики и может стать моим научным руководителем! Тогда снова в мою жизнь ворвалась волна исследований и экспедиций, публикаций и конференций, встреч за чаем и душевных бесед. В 2019-м состоялась защита кандидатской диссертации.

Из-за карантина выдача диплома задержалась и получить его я смогла в тот самый день, когда в 2022-м приехала из Перми в Вологду, чтобы попрощаться с Людмилой Григорьевной...

«На танке критики» вдоль и поперёк»

Ирина Кудрявцева – преподаватель-лингвист, доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Вологодской духовной семинарии:

Особенно ярко мне запомнился процесс написания и опубликования статей. Я как будто попадала в русскую народную сказку с её магическим числом «3». Дело в том, что Людмила Григорьевна была требовательным и строгим научным руководителем, и именно благодаря ей я приучилась к точности формулировок и паспортизации данных. Происходило это следующим образом: я приносила ей первый вариант статьи, и она проходила по нему на «танке критики» вдоль и поперёк. Затем я переписывала и приносила статью снова. И вновь, как и в первый раз, Людмила Григорьевна давала понять, что текст никуда не годится. Объясняла, что нужно убрать-исправить-добавить. И когда я спрашивала, когда можно показать окончательный вариант, она отвечала: «Всё, теперь вы дорабатываете статью самостоятельно и сдаёте её в печать».

Тут-то меня холодный пот и прошиб, потому что теперь ответственность за недоработки в окончательном варианте статьи несла я сама. Лично. Таким вот способом Людмила Григорьевна и приучила меня к точности, внимательности и аккуратности в обращении с языком, за что низкий ей поклон!

Семья филологов, или «Кто же из нас был лучше?»

Татьяна Соколова – учёный секретарь Вологодского научного центра Российской академии наук:

Имя Людмилы Григорьевны в нашей семье всегда вспоминается с особой теплотой, ведь и я, и мой муж – ученики этого замечательного человека. В то время как я, будучи студенткой второго курса, ещё только выбирала себе наставника, мой супруг уже писал курсовую работу у Людмилы Григорьевны.

*После защиты диссертации Татьяны Соколовой. На фото доктора наук
Л. Г. Яцкевич и С. Н. Смольников*

Прослушав часть курса по словообразованию, я поняла, что хотела бы, чтобы моим научным руководителем стала именно она. С тех пор я ни разу не пожалела об этом.

Людмила Григорьевна была довольно строгим преподавателем, но при этом отзывчивым и доброжелательным руководителем. Она не выделяла как-то особенно своих подопечных из общего потока студентов, а, возможно, даже была более требовательна к ним. Однажды на семинаре я решила блеснуть и начала отвечать на вопрос, ссылаясь на книгу, которую Людмила Григорьевна давала мне почитать для моего исследования. Но начало выступления получилось не очень удачным, и она посадила меня на место. Видно было, что руководитель мной не доволен, а мне стало стыдно.

Другой яркий эпизод из памяти связан с защитой диссертации. Помню, как я после успешного выступления радостно подошла к Людмиле Григорьевне. Она в это время обсуждала с моим оппонентом Т. В. Симашко результаты всех трёх защит. Я лукаво спросила: «Кто же из нас был лучше?» А она немного кокетливо ответила: «Мы даже не можем решить». Но в этот раз по её смеющимся глазам было понятно, что она очень мной довольна.

Историк языка Ирина Колесова о тотальном, но не всенародном

Ирина Колесова – историк языка, учёный секретарь Вологодской областной универсальной научной библиотеки имени И. В. Бабушкина:

Говорят, что хороший учитель – это тот, кто в определённый момент может обратиться к своим ученикам «коллеги». Мне очень повезло, что у меня был такой Учитель. К Людмиле Григорьевне можно было прийти с любыми научными идеями и, обсудив их, получить поддержку, хороший совет и самое главное – импульс к дальнейшим размышлениям и исследованиям. Она всегда очень щедро делилась с окружающими своими мыслями и идеями, в принципе не понимая, как это: «я пишу об этом предмете, значит никто другой на кафедре о нём писать не имеет права». Но был единственный случай, когда поддержки я не получила. Это было, когда я стала председателем городской экспертной комиссии Тотального диктанта и пришла к ней с воодушевлением и большими планами. Людмила Григорьевна обрушилась с гневной критикой на этот проект, его организаторов, принципы отбора авторов и общее идейное содержание. Я не менее горячо возражала, но, к счастью, наших отношений тот спор не испортил, хотя каждая и осталась при своём мнении. Год назад я поняла, насколько она была права, но сказать ей об этом уже не успела...

Берега культуры и искусства

Андрей Маруденко и Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский

Андрей Маруденко – политический консультант, общественный деятель, публицист, Москва.

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – собиратель произведений искусства и меценат мирового уровня, автор многочисленных публикаций в русских изданиях за рубежом и в России. Участвовал в создании Музея личных коллекций при ГМИИ им. А. С. Пушкина – в 1987 году передал в дар 80 произведений русской графики из своего собрания. В 1994 году передал музею в дар коллекцию фарфора первой трети XX века. Библиотеку в 3 200 томов и часть фотоархива передал Дому русского зарубежья в Москве, часть своих архивных документов передал Российскому государственному архиву литературы и искусства.

В 2013 году Лобанов-Ростовский перевёз в Ростов свыше 1 000 предметов XVII–XXI веков: гравюры и эстампы русских и западных художников XVIII – первой половины XIX века, картины, акварели и рисунки XIX–XX веков, в том числе художников-эмигрантов, а также старинные карты России и Европы, коллекцию афиш выставок русских художников конца XIX – начала XX века, изданных в пяти разных странах мира в последние три десятилетия, архивы Лобановых-Ростовских, Вырубовых и других семей, отражающих жизнь русской эмиграции во Франции, Болгарии, Германии, США, включающих в себя переписку, фотографии, паспорта, дипломы, удостоверения, грамоты, свидетельства.

БЕСЕДА О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ И ПРЕДПОЧТЕНИЯХ КНЯЗЯ

Из книги «Диалоги с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским», 2022

– Никита Дмитриевич, из большинства видных деятелей русской эмиграции, кого я знаю, **Вы единственный, кто хорошо владеет советскими языковыми оборотами и советскими шутками. Понятно, что это следствие того, что Вы часто бывали в СССР, но кроме общения с людьми Вы, может быть, смотрели советские фильмы и читали советские книги?**

– Нет, я не смотрел советских фильмов, ибо кино для меня как минимум на третьем месте моих сценических увлечений, после балета и оперы. Я редко хожу в кино. Про фильм «Семнадцать мгновений весны» я услышал только два года тому назад. Анна Тихонова, обнаружив, что я не знаю о Штирлице, подарила мне диск этого шедевра – результат удивительного актёрского мастерства Вячеслава Тихонова и таланта женщины-режиссёра Татьяны Лиозновой. Сочинения Ильфа и Петрова про Остапа Бендера я читал, как и читал Алексея Толстого, Шолохова и всё, что заставляли изучать в болгарской школе, как, например, басню о Павлике Морозове и трагическую историю о Зое Космодемьянской. Речь идёт о 1946–1954 годах, когда я имел возможность познакомиться с шедеврами советской культуры. Затем с 1955 до 1998 года, живя на «гнилом» Западе, я был «лишён» знакомства с выдающимся советским кино и литературой.

– **Анекдоты советские Вы же знали?**

– Да, ибо анекдоты были частью светских встреч с советскими служащими – на обедах и ужинах, после переговоров. А также и на встречах с некоторыми знакомыми, которые себе позволяли рассказать анекдот, взамен выражения собственного мнения об окружающей действительности.

– **Интересно узнать Ваше мнение насчёт того, как советская культура, несмотря на колоссальный идеологический разрыв с дореволюционной русской традицией, сохранила многие виды искусства на пике возможного, как, например, ваш любимый балет, который всегда был явлением мировым?**

– Балет за 70 лет советской власти остался качественным благодаря педагогам, которые сохранили традиции. Плюс решение Сталина, что надо беречь эталоны балета, театра и оперы для рекламы за рубежом культурных достижений СССР.

– **Что Вы ещё можете выделить из культуры советского периода? Русский авангард?**

– Да, русский авангард, родившийся ещё до 1917 года, оставил след в мировом искусстве. Беспредметная живопись стала частью новой революционной культуры второй половины 1910-х и первой половины 1920-х годов. С уходом Ленина и Луначарского она постепенно умирала. Доклад Жданова 1934 года о соцреализме положил ей конец.

– **Что-то ещё можно назвать значительным русским вкладом в мировое искусство 20-го века?**

– Конечно, русская театральная живопись периода 1914–1930 годов имеет статус мирового инноватора в искусстве. Необычные творения на сцене, новые подходы к театральной живописи начались с Дягилевских сезонов в Париже в 1909 году и затем развивались параллельно с достижениями в беспредметной живописи, которая возникла накануне революции большевиков. Жданову удалось загасить и эту блестящую вспышку русской сценографии. Подобная участь была уготована и советским плакатам, которые, усвоив инновации и достижения Тулуз-Лотрека в области афиш, создавали легко воспринимаемые образы, которые были понятны «доблестным советским трудящимся». И это выдающееся художественное явление умудрились также добить в 1934 году. Достижения в музыке и литературе в советские времена имеют корни в дореволюционной России и продолжали развивать эти традиции вплоть до 1930-х годов. Сталин был любителем театра, литературы и музыки. Он знал о колоссальном успехе русских композиторов и писателей, проживающих за рубежом. И ему удалось заманить Прокофьева обратно в СССР. Вместе с Эйзенштейном они создали незабываемые талантливые кинофильмы.

– **В настоящее время что из российской культуры Вы бы могли выделить?**

– Увы, я не знаком с современной русской литературой, музыкой и кино. Некомпетентен дать вам ответ. Балет в Большом театре и Мариинском – в затишье. О руководителях обоих театров создаётся впечатление, что они не чувствуют, не понимают тонкости балета и оперы. Мне неинтересно ходить на их спектакли. Зато исполнения симфонических концертов в Мариинском театре Санкт-Петербурга и в Московской филармонии – на высшем уровне.

– **Вы сказали про затишье в балете. Что не так, на Ваш взгляд?**

– Складывается впечатление, что ни у директора Большого, ни у руководства Мариинского нет нужного образования. Нет чутья, понимания качества и требований к балету. Мне непонятно их отношение к развитию талантов и распределению ролей в спектаклях.

– **Никита Дмитриевич, хочется продолжить с Вами разговор о культуре и искусстве, но не о живописи – об этом Вы много говорили. Скажите, насколько западный высший класс ориентирован на классическое искусство?**

– Несомненно, классическое искусство элитарно. Часто выступления артистов, чтецов и музыкантов, преданных классической традиции, оплачиваются весьма скудно или вообще не оплачиваются. Классическое искусство не востребовано массами. Поэтому большинство его институтов, таких как музеи, балет, оркестры и концертные залы, субсидируются государством. В разных странах – в разных пропорциях, там, где государства сознают, что классическая культура является необходимостью для нации.

В США ситуация коренным образом отличается от других стран. В Штатах частные пожертвования на культуру превышают государственный бюджет, на неё выделенный. Метрополитен-музей в Нью-Йорке зарабатывает очень успешно на торговле репродукциями из своего собрания. И достигает выручки в 20 процентов от расходов музея. 50 процентов от годовых расходов оплачивается городом как совладельцем музея. Остальная часть бюджета покрывается корпоративными и частными пожертвованиями – из элиты Нью-Йорка. Метрополитен-опера, как и все остальные оперные театры, существует на дотации элиты.

– **Можно сказать, что любовь к классическому искусству является сущностным элементом высшего класса в целом?**

– Если рассматривать европейский высший класс, то любовь к классическому искусству является частью его мировоззрения. Такое восприятие – результат домашнего окружения и обучения в частных школах, где до сих пор всё ещё преподают предметы, глубоко знакомящие с классической культурой, в отличие от бесплатных государственных школ.

– **То есть условный или настоящий лорд Ротшильд или среднестатистический член клуба Whites, как правило, живёт в пространстве высокого искусства, или это не обязательно?**

– Лорд Якоб Ротшильд живёт в окружении выдающихся произведений искусства в своём замке Ваддесдон. Так, в его спальне, как я уже упоминал, висит эскиз Леона Бакста к Синей султанше для балета «Шехерезада» на музыку Николая Римского-Корсакова, поставленного в 1910 году Михаилом Фокиным для «Русских сезонов» Сергея Дягилева. К средним членам клуба Whites относятся современные «помещики», немного промышленников и «купцов», – большинство из них живут в пространстве высокого искусства.

– **Откуда у Вас любовь к классической музыке? Из семьи?**

– Да, любовь к классическому искусству у меня благодаря семье. Мой дед Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, имевший придворное звание камер-юнкера, занимавшийся большой хозяйственной деятельностью, ведавший казёнными конными заводами Российской империи, был ещё и скрипачом. Играл на скрипке Страдивари. Его любимым композитором был Чайковский. С раннего детства я привык слушать его ежедневную игру на скрипке. Я на его мотив пел в пятилетнем возрасте: «Терен теренится, а его мать бранится».

– **Когда Вы начали сознательно слушать классическую музыку?**

– Классическую музыку я впервые сознательно услышал, когда мне было пять лет. Родители взяли меня с собой на оперу Сметаны «Проданная невеста». В скором времени после этого они отвели меня на оперу Верди «Аида». А затем, со временем, будучи юношей, я регулярно посещал оперу и балет, по крайней мере раз-два в неделю. В коммунистической Болгарии лучшее место в оперном театре стоило столько же, сколько и билет в кино, – культура была открыта достойным «голодранцам».

– **Если говорить о музыке, какие Ваши любимые произведения? Что в них особенно впечатляет?**

– Среди моих любимых концертных музыкальных произведений – то, что я чаще всего слушаю, – это Бах и «Реквием» Моцарта. Независимо от того недостатка, что это произведение Моцарт не успел закончить, его музыкальный диапазон чувств настолько глубок, что они затрагивают во мне все зоны звуковых ощущений. 2-й концерт для фортепиано с оркестром Рахманинова – я ненасытно восхищаюсь его самой богатой палитрой звуков среди другого музыкального репертуара. 1-й концерт для фортепиано с оркестром Прокофьева – его необычные ритм и мелодика меня пленили. Отзвуки этого концерта мы слышим в балете «Ромео и Джульетта», который я ставлю третьим среди самых любимых мною произведений.

– **Среди пианистов, скрипачей и дирижеров кого Вы любите более всего?**

– Среди пианистов, которых я знал и слушал в США и Европе, я ставлю Владимира Горовца на первое место за его музыкальность и узнаваемую интонацию. Я дружил с его дочерью Вандой в Нью-Йорке. Далее – Артур Рубинштейн, с его чувствительностью и неподражаемым мастерством исполнения музыки Шопена. С ним я познакомился у герцогини Марины Кентской. Я навещал её дочь Александру в Кенсингтонском дворце, бывая на вечерах, на которых иногда играл Рубинштейн.

Если говорить о скрипачах, то в Нью-Йорке мне удалось услышать Давида Ойстраха и Яшу Хейфеца. В доме Натана Мильштейна я познакомился со своей будущей супругой Ниной. В 1925 году, с разрешения Троцкого, Горовиц и Мильштейн выехали из СССР на гастроли и не вернулись.

Из дирижёров – Герберт фон Караян остаётся незабываемым благодаря своей музыкальности, качественности и чистоте исполнения. Он за десять лет превратил хор Софийской оперы в самый качественный в мире, выступающий во всех лучших концертных залах Европы. Артуро Тосканини и Валерий Гергиев мне всегда доставляют огромное удовольствие своими безупречными и индивидуальными подходами к трактовке партитур.

– **Никита Дмитриевич, Вы очень любите балет. Кто из исполнителей балета для Вас являются лучшими среди тех, кого Вы видели?**

– Эрик Брун в роли Альберта в балете «Жизель». Как ‘danseur noble’ (премьер-балетмейстер, демонстрирующий мастерство и благородство танца) он уникален среди коллег за последние восемьдесят лет. Нуреев в него влюбился, поражённый его талантом. Далее – сам Нуреев в роли Армана в балете «Маргарита и Арман» на музыку Листа. Исполняя эту роль вместе с партнёршей Марго Фонтейн, он олицетворял драму страсти, чувствительности, со всем мастерством танцовщика.

Конечно, Владимир Васильев в роли Спартака, Екатерина Максимова в роли Фригии, Марис Лиёпа в роли Краса – в балете «Спартак» на музыку Хачатуряна. Наталия Осипова в роли Китри и Иван Васильев в роли Базиля в балете «Дон-Кихот» Минкуса. Михаил Барышников в балетах Баланчина. Марго Фонтейн в роли Джульетты вместе с Нуреевым в роли Ромео в постановке Кеннета Макмиллана. Николай Цискаридзе в «Щелкунчике».

– **Разумеется, нельзя обойти здесь вопрос про оперных певцов и Ваши предпочтения.**

– Не могу дать глобальную оценку отдельно какому-то голосу, могу выразить мнение о голосе в контексте роли в определённом спектакле. Из тех, на чьих выступлениях я присутствовал, запомнилась Мария Калас в драматической роли Тоски вместе с Тито Гоби в роли Скарпии. Её бархатный и безупречный голос сочетался с талантом драматической актрисы. Подобные качества были и у Гоби. Он полностью погружался в роль жестокого и сильного жандарма, чему соответствовал тембр его голоса и телосложение. На вечере у моего дяди Николая Васильевича Вырубова в Париже он пел возле окна в гостиной – стёкла звенели от мощи его голоса.

К своим предпочтениям отнесу и роли Анны Нетребко. Её исполнение роли Мюзетты в опере Пуччини «Богема» незабываемо. Владимир Моторин в роли Бориса в опере «Борис Годунов» Мусоргского – в предыдущей постановке Большого театра. Его мощный и мелодичный голос сочетается с талантом изумительного драматического выражения эмоций. Более всего напоминает Шляпина в этой роли. Дмитрий Хворостовский. Он был совершенен в роли Онегина. Его выступление с Рене Флеминг в роли Татьяны неизгладимо из памяти.

Вспоминается история, как однажды мы с Дмитрием Хворостовским одновременно подъехали к воротам Букингемского дворца, на банкет, который королева дала в честь президента Путина. Все гости были во фраках, кроме Дмитрия, который был одет в необычный «театральный» пиджак, без белого галстука. Кстати, Растропович тоже был не во фраке, а в чёрном пиджаке без воротника, но с множеством пуговиц – на китайский манер.

– **Большое спасибо за столь интересную беседу.**

Берега культуры и искусства

Евгений Татарников

Евгений Феликсович Татарников – родился в Удмуртии в 1959 году. После школы в 1976 году поступил МВТУ им. Баумана, которое окончил в 1982 году и работал на ПО «Ижмаш» в отделе главного технолога, печатался в заводской многотиражке «Машиностроитель» на производственные темы. В 1988 году окончил высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии. Подполковник милиции в отставке. Проживает в Ижевске. Печатался в журналах: «Южная звезда», «Традиции и Авангард», «Истоки», «Бийский вестник», «Царицын», «Литкультпривет», «Автограф», «Великороссь», «Александръ», «Камертон», в газетах «День Литературы» и «Российский писатель».

МЕКСИКАНСКИЙ СЛЕД ПОЭТА БАЛЬМОНТА В СТРАНЕ КРАСНЫХ ЦВЕТОВ

(Эссе про его путешествие в Мексику – страну индейцев майя)

«И Мексика возникла, виденье вдохновенное...»

Майя – загадочный индейский народ, чьи знания превосходят возможности древних людей. Обряды майя поражают невероятной жестокостью. Их предания содержат странные легенды, не поддающиеся объяснению. Индейцы майя освоили в древности и продолжают населять области, охватывающие территории южных штатов Мексики (Чьяпас, Табаско, Кампече, Юкатан, Кинтана-Роо), Гватемалы, Белиза, севера Гондураса и Сальвадора.

«Если бы мне дали определить Бальмонта одним словом, я бы, не задумываясь, сказала: Поэт... В Бальмонте, кроме поэта в нём, нет ничего... На Бальмонте в каждом его жесте, шаге, слове – клеймо – печать – звезда поэта», – писала Марина Цветаева. А если бы мне разрешили добавить, я бы сказал: «Странствующий по всему миру поэт, который потом об этом интересно рассказывает в своих очерках». А что сам о себе пишет Бальмонт? Ну, давайте послушаем его: «Я – весенний солнечный луч... нежный лютик... смешинка на лице ребёнка».

А в своей последней «автобиографии» Бальмонт пишет: «Имею спокойную убеждённость, что до меня, в целом, не умели писать в России звучных стихов. Чувствую в душе нескончаемую юность. Говорят, будто лучшая моя книга “Будем как солнце”. Это вздор. По существу своему я в непрерывном движении, которое не видно лишь слепым рассудочникам. У меня нет лучших и худших книг, а все книги одинаково плохи или одинаково хороши. Нужно быть безумцем, чтобы сказать, что одуванчик лучше или хуже орхидеи».

Даже Александр Блок находился под обаянием его стихов. И писал: «Когда слушаешь Бальмонта – всегда слушаешь весну. Никто не окутывает душу таким светлым туманом, как Бальмонт».

– Да, – соглашался Бальмонт:

*Я тревожный призрак, я стихийный гений,
В мире сновидений жить мне суждено,
Быть среди дыханья сказочных растений,
Видеть, как безмолвно спит морское дно...*

Учился Бальмонт на юридическом факультете Московского университета и, не окончив до конца ни одно высшее учебное заведение, но с детства пристрастившись, не без помощи матушки, к чте-

нию книг, Бальмонт обладал обширными энциклопедическими знаниями благодаря своему упорному самообразованию. Себя он называл стихийным гением, живущим настроением момента, хотя любознательность его не оставляла никогда. Как он писал в «Записной книжке»: «Я живу слишком быстрой жизнью и не знаю никого, кто так любил бы мгновенья, как я. Я иду, я иду, я ухожу, я меняю и изменяюсь сам. Я отдаюсь мгновенью, и оно мне снова открывает свежие поляны. И вечно цветут мне новые цветы». Бальмонт освоил 15 иностранных языков, что позволило ему не только читать в подлиннике литературные шедевры разных народов.

Атлантида Бальмонта

Первая цивилизация, появившаяся на Земле, известна под названием – «Лемурия». В те времена на планете обитали семь рас. Среди них выделялись «атланты», «барнишады», «рмоахаль». «Мир похож на луковицу своими многими уровнями. Тот мир, который мы знаем, – это лишь один из многих. Иногда мы пересекаем границы и выходим в другие плоскости, другие миры, очень похожие на наш мир, но не совпадающие с ним», – писал Карлос Кастанеда. Увлечение Бальмонта древними цивилизациями Латинской Америки началось ещё в студенческие годы, и путь к ним шёл через миф об Атлантиде. Помните его стихотворение:

*Атлантида потонула,
Тайна спрятала концы.
Только рыбы в час разгула
Заплывут в её дворцы...*

А может, ему про Атлантиду поэт Брюсов подсказал, когда написал, что по всей Земле идёт преемственность от древних начальных цивилизаций, а «самая ранняя» древность, вероятнее всего, должна была опираться на древность Атлантиды. А может, Бальмонт прочитал грека Платона, который первым упомянул об Атлантиде как о материке, некогда располагавшемся за Геркулесовыми столпами (Гибралтаром) и погибшем «в один день и бедственную ночь».

Христофор Колумб тоже искал аналог Атлантиды – «Острова Блаженных», а нашёл Америку. В древности существовало представление об Атлантиде, находящейся где-то далеко-далеко на западе на огромном континенте, где спит Кронос и который охраняет Бриарей. Это была земля, покрытая тропическими лесами, в них растут орхидеи, их стебли, как змеи, с «печатью греха на лепестках», где текли реки хрустальной чистоты, а воздух был свеж. В представлении древних людей она занимала то же место, что и Земной рай у христиан. Отцы церкви боролись с этим популярным верованием, поскольку Священное Писание давало ясное указание, что чудесная земля находится «в Едеме на востоке». Однако, несмотря на их попытки искоренить идею о существовании западного рая, она продолжала жить в умах людей на протяжении эпохи Средневековья до тех пор, пока Христофор Колумб не начал искать и не обнаружил Атлантиду и Рай в Новом Свете. Это был мир, где совпадали представления древних людей и людей Средневековья, поскольку он находился к востоку от Азии и к западу от Европы. Решил её найти и Бальмонт. Бог тебе в помощь, может, тебе повезёт... Писатель Лев Эллис видел в Бальмонте «старый тип испанского искателя». Он писал: «Воистину более всего явил своё “Я” Бальмонт в своих странствованиях без орбиты, цели и усталости. Что ищет он? Погибшую Атлантиду? Или даже Лемурию?» Возможно, Бальмонт верил в Атлантиду и Лемурию, но всё же у его путешествий была и своя конкретная цель, которую он всегда достигал. Следы поглощённого в пучине вод континента – Атлантиды – Бальмонт решил искать в первую очередь в странах майя, и ацтеков и тольтеков, куда он и отправился из Парижа, в который уехал почти сразу после расстрела мирной демонстрации у Зимнего дворца в Петербурге. На родине отъезд посчитали знаковым. «Сию минуту кончился целый период. Бальмонт десять лет полновластно царил в литературе, иногда капризно, но царил, – писал Максимилиан Волошин. – Мы будем жить без него. И я думаю, что мы все видели его в последний раз. Он не вернётся из Мексики или вернётся совсем иным...»

Бальмонт первым из русских поэтов побывал в Мексике, про которую он писал в своей книге «Змеинные цветы»: «Страна красных цветов, раскрывшихся в умах, опьянённых Солнцем и влюблённых в Луну, и в Вечернюю Звезду, Звезду Утреннюю. Страна разноцветных цветов и птиц с яр-

кими перьями, лазурными, зелёными, оттенка всех драгоценных камней. Страна кровавых зрелищ и утончённой благоговейности, легенд правдивых и действительности неправдоподобной, цветных иероглифов и пирамидных храмов, медленных слов и быстрого ножа, вечной Весны – вечной Осени. Страна, чьи горы подобны исполинским изваяниям, чья история – сказка, чья судьба – печальная поэма, печальней, чем поэма Эдгара По. Страна, обманутая, преданная, проданная, побеждённая предсказанием, гением, женщиной и конём, изуродованная безвозвратно Кентавром бледнолицым, несущим гибель, разрушение и лицемерную религию, вместе со смертельными заразными болезнями, всюду, куда он проникает – в Индию, в Океанию, в Перуанскую идиллию и в эту растоптанную Страну Красных Цветов...»

К поездке в Мексику поэт был подготовлен знанием испанской классической и народной поэзии, с которой познакомился во время путешествия по Испании, где он побывал до поездки в Мексику. Константин Бальмонт всерьёз увлекался историей и культурой великих цивилизаций древности. У него была страсть к путешествиям. В одном из своих писем Бальмонт рассказывал: «Я читаю без затруднений на языках – французском, английском, немецком, испанском, итальянском, шведском, норвежском, польском, португальском, латинском. Прикасался к египетскому, еврейскому, китайскому, японскому, к языкам Мексики, но, к сожалению, слишком поверхностно...»

В феврале 1905 года Бальмонт со своей спутницей Еленой Цветковской – молчаливой, сдержанной, с необычной внешностью, влюблённой «до безумия» в Бальмонта, готовой следовать за ним хоть на край Земли, хоть на край Вселенной, – отправились в Мексику. Она была странным человеком, как её называли близкие – «лунным существом», который вращался, как спутник Земли – вокруг Бальмонта. Да и Бальмонт сам был «не от мира сего земного». Мечтатель вселенского масштаба: «Я хотел бы уехать туда, где изумительные цветы и упоительные волны океана, туда, где можно забыть, что человек – грубое и свирепое животное». Но куда же от этого уедешь? К таким же свирепым и грубым? А может, и хуже. Отправляясь в плавание по морям и океанам – на край Света, Бальмонт набивал кованный сундук не картами и провиантом, а литературой. Так было и в этот раз.

«И путешествие началось в феврале в страну вечной Весны»

*Февраль – предатель. Бойся тот,
Кому Февраль теплом дохнёт.
Он греет час, в обманах дней,
Чтоб ночью было холодней...*

– писал про него – февраль – Бальмонт.

В феврале 1905 года в Гамбурге начался морской путь Бальмонта в Мексику и продолжился в испанском городке Корунья. «Я был счастлив несколько часов в Корунье – это типичный испанский город, гавань в Галисии. Во мне испанская душа. Я обошёл весь город из конца в конец, заходил в жалкую церквульку, обедал в каком-то Café Oriental, заходил в разные магазины, и мне всё было радостно, как родное, и с каждым я говорил с наслаждением. Испанцы – искренние дети. 5 февраля. С тех пор, как мы уехали из Коруньи, я впал в какую-то странную полосу отрешённости от всех последних дней, с их мучениями, сомнениями, понял, что я действительно уехал, потерялся в Океане», – писал Бальмонт в своей книге.

Из Коруньи его путь лежал на Кубу и завершился в мексиканском портовом городе Вера-Крус. Об окончании путешествия через Атлантический океан Бальмонт так сообщал Екатерине Алексеевне в письме от 21 февраля 1905 года, отправленном из Вера-Круса: «Последние дни на корабле, день на острове Куба, эти три-четыре дня здесь были какими-то сумасшедшими. Я попал в вертящееся колесо. Я был в сплошной движущейся панораме. Минуты истинного счастья новизны сменялись часами такой тоски и такого ужаса, каких я, кажется, ещё не знал. Ведь я до сих пор не знаю, что делается в России. В Москве кровавый дым. Я опишу подробно свои впечатления от Океана, очаровательной экзотической Гаваны и заштатной смешной Вера-Крус, когда приеду в Мехико. В Гаване я видел цветы, цветочки родные, маленькие и пышные розы. Мне хотелось упасть на землю и целовать её». Потом его вторая жена – Екатерина Андреева-Бальмонт – вспоминала: «В начале нашей совместной

жизни с Бальмонтом мы редко расставались с ним. А если разъезжались, даже на короткий срок, писали друг другу ежедневно. Когда же он уезжал надолго в Мексику, Египет, он тоже писал мне часто и большие письма. Отрывки из этих писем, касающиеся общеинтересных вопросов, описания стран, его мыслей и впечатлений от них, я отдавала в печать в «Весы» и другие журналы». Константин Бальмонт был одним из основателей журнала «Весы» (1904–1909).

На корабле Бальмонт достал из своего кованого сундучка книгу американского историка Прескотта «История завоевания Мексики», прочитал её и сделал для себя пометку: «Это и красочная сказка, правда о Кортесе и древних мексиканцах. Безумная сказка. Народ, завоёванный гением, женщиной, конём и предсказанием. Это формула моя, и я напишу книгу на эту тему». Но не написал. Гений у него был – Кортес, женщина – индианка Марина – переводчица и любовница Кортеса, а предсказание – легенда о грядущем возвращении Кецалькоатля.

Теночтитлан – вотчина вождя Монтесумы

Ацтеки пришли на будущую территорию Мексики с севера примерно в X веке нашей эры, постепенно покорили местные племена и создали свою империю. В 1325 году они основали на пустынном острове озера Тескоко селение, превратившееся очень скоро в величественный город – Теночтитлан. Согласно преданию, главный бог ацтеков Уицилопочтли сказал однажды старейшинам и жрецам племени: «Идите туда, где растёт кактус-теночтли, на котором вольно сидит могучий орёл. Там вы должны остановиться, там вы должны встретить множество племён, и вашими стрелами, вашими щитами вы подчините их себе. Там будет ваш город Мехико-Теночтитлан, там орёл расправит свои крылья, он ест змею и кричит». И ацтеки сделали всё «по велению божию»: основали свою столицу на указанном месте, на острове, где на большом кактусе сидел орёл и клевал змею. Город возвышался среди солёного озера и был расположен на соединённых между собой островах. Некоторые его здания были построены на сваях! С суши город связывался тремя дамбами, по числу городских ворот. Теночтитлан пересекали не только улицы, но и каналы, и поэтому его сравнивали с Венецией.

Вот каким увидел и описал древний город ацтеков Теночтитлан в 1519 году испанский конкистадор Эрнан Кортес: «Провинция, в которой находится этот крупный город, имеет форму почти правильного круга и охвачена кольцом высоких диких гор. Город так же велик, как, например, Севилья или Кордова. Улицы его широкие и прямые как стрелы; на многих главных магистралях половину улицы образует мостовая, другую половину – канал, по которому плавают лодки. Улицы и насыпи во многих местах перерезаны поперечными каналами, через которые переброшены мосты из больших и прочных деревянных балок. В городе много рыночных площадей, где ведётся постоянная и оживлённая торговля...» И здесь жил последний вождь ацтеков – Монтесума. Монтесума родился приблизительно в 1467 году. В таком случае, к моменту прихода испанцев ему было 52 года, а это век по календарю ацтеков. Такое совпадение могло усилить веру Монтесумы в то, что испанцы – не люди, а боги. Сохранились описания Монтесумы: «Это был мужчина высокого роста, с лицом хищной птицы. На его голове развевался огромный головной убор из пурпурно-зелёных перьев, усыпанных жемчугом и бирюзой. Плащ Монтесумы представлял собой настоящее чудо ремесленного искусства: тысячи перьев всех цветов радуги сливались в ослепительно богатый орнамент. Весь царский наряд блистал золотом и драгоценными камнями. Даже подошвы его башмаков были сделаны из чистого золота».

Помните роман Райдэра Хаггарда «Дочь Монтесумы»? Имя дочери – Тикучипо, что означало «пушинка хлопка». Я в детстве любил читать этого писателя. Интересно, что Кортес имел несколько ацтекских наложниц, среди которых были и дочери Монтесумы. Он считается жестоким и жадным правителем. Монтесума погиб при загадочных обстоятельствах. Он находился в плену у Кортеса и призывал жителей Теночтитлана покориться испанцам. Покорность захватчикам привела к тому, что правителя возненавидели даже его бывшие сторонники. Ацтеки выбрали нового правителя – младшего брата Монтесумы – Куитлауака. Когда пленного Монтесуму вывели к народу, чтобы он усмирил его, низложенного правителя забросали камнями. Считается, что бывший император был убит восставшими вскоре после отъезда Кортеса. По другой версии, Монтесуму задушили испанцы, ибо как заложник он перестал представлять для них какую-либо ценность. По записям конкистадоров, сопровождавших Кортеса, отмечается, что ацтеки уничтожали тысячи человек во время ритуальных обрядов. Сердце отделялось от тела, пока человек был жив, и клалось в специальный жертвенный

сосуд. В другой – сливалась кровь. «В Мексике пленников возводили, с целым рядом религиозных церемоний, на высокие пирамидные теокалли, и там жрец, обсидиановым мечом, высекал у пленного сердце и приносил это, ещё живое, дымящееся сердце в жертву Солнцу, в чертоги которого, по смерти, возносились погибшие воители», – писал в своей книге Бальмонт.

На самой большой площади Теночтитлана стояла огромная пирамида Уицилопочтли и Тлалока. Сооружение высотой свыше 60 метров было двухступенчатым и состояло из двух храмов. Храм слева, выкрашенный белой и синей краской, был храмом национального бога, волшебника колибри, другой храм, выкрашенный белым по кроваво-красному полю, был посвящён богу дождя и произвёл очень сильное впечатление на испанцев. «Он такой, – пишет Эрнан Кортес, что никакой человеческий язык не в силах описать его размеры и величие». В этом храме, куда ведут 114 ступенек, Кортес и Монтесума провели свою знаменитую беседу о достоинствах богов. К северу от Теночтитлана находился город Тлателолко, его противник, но в результате быстрого завоевательного броска ацтеков этот город был покорён и стал частью Большого Мехико.

Бальмонт в Мехико

3 марта 1905 года Бальмонт прибыл в Мехико со своей спутницей Еленой Цветковской, которая была страстной поклонницей его поэзии и страстно любила поэта. Бальмонт не был влюблён в Цветковскую, но испытывал в женщине потребность как в верном и преданном друге. Константин метался между семьёй и любовницей: то жил с женой – Екатериной, то уезжал в путешествие с любовницей Еленой. Но вернёмся в Мексику. Бальмонт прибыл в Мехико, основанный индейцами-ацтеками, которые появились в этих местах в начале XIII века. В 1325 году они основали Теночтитлан – «Дом кактусовой скалы». Согласно легенде, индейцы случайно увидели сидящего на высоком кактусе орла, который держал в своём клюве змею. Ацтеки решили, что этот знак им послал их бог солнца Уицилопочтли. Столица ацтеков была названа в честь вождя Теноча: он как честный человек посудил, что раз сам основал город, то и назвать должен именем себя. Город Теночтитлан просуществовал всего два столетия, он пал в 1521-м под натиском Эрнана Кортеса и его конкистадоров. На месте разрушенного Теночтитлана был основан Мехико – столица колонии Новая Испания.

Константин Бальмонт увидел и описал город так: «Пыль Теночтитлана, превращённого в трамвайную Мексику, город приезжих прожорливых белоликих и обнищавших последних ацтеков, пьющих свою пульке в вонючих кварталах. Рвань, нищета, голоножье, каких не увидишь и в Москве...» Но ещё больше его возмутило другое, и он писал: «Мне не жаль изуродованных тел, мне не жаль убитых. Но видеть мерзкий христианский собор на месте древнего храма, где молились Солнцу, но знать, что он стоит на зарытых в землю памятниках таинственного искусства. О, трижды, семью семьдесят раз мерзавцы европейцы!» И об этом он написал в письме к В. Брюсову, хранящемуся в рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

«3 марта 1905 года. Мехико. Сейчас солнце заходит. Идёт дождь, большая редкость здесь в это время. Был гром. Не странно ли? В Вера-Крус я сразу попал в сказку, когда пошёл завтракать на солнечной улице, около пальм, а передо мной коршуны гуляли стаей, точно ручные, и пожирали какие-то неприемлемости, которые угрюмый мексиканец, под звон колокольчика, собирал в свою гробообразную повозку. Эти чёрные коршуны – спасители города; они с красивой жадностью уничтожают то, что должно перестать существовать, – как у Парсов они пожирают трупы... Море с берега, нежно-менящее. Красивые рыбы. Старый, до потешности заплатанный город. Он такой же почти, как был при Кортесе. Печать исторических воспоминаний, экзотические лица и одежды, шляпы, похожие на высокий колпак средневекового звездочёта, всадники, объезжающие город, смуглые старики и старухи, достойные кисти Гойи, горячее солнце, горячие взгляды, удивляющиеся и смеющиеся с дикарской наивностью. Глаза мексиканцев прикасаются, когда глядят. Предки этих людей были пьяны от Солнца, и вот у них осталось в зрачках воспоминание о празднествах лучей и крови, и они всё ещё дивятся, вспоминают, увидят чужое и словно сравнивают со своим, глядят на мир как на сон, во сне живут, во сне, их обманувшем. У людей здешнего народа нежная интонация. Они погибли оттого, что были утонченники...» – писал Бальмонт в своей книге.

В Национальной библиотеке

4 марта... «Я вернулся сейчас из Национальной Библиотеки, куда неукоснительно хожу каждый день. В огромной высокой зале таких прилежных читателей немного. Мексиканцы не книжники. Число посетителей – от двадцати до трёх-четырёх. Фантазия, не правда ли? Другая фантазия ещё чудеснее: за окнами слышен громкий крик петухов, а над читателем воркуют и летают голуби, которые тут же в библиотечном зале выводят птенцов. Какие-то барышни стучат на пишущей машине. Читатели курят, не боясь поджога. Говорят вслух. Некий юноша зубрит вдохновенно, не щадя слуха чужого, он пьян анатомией; в руках у него огромная кость, он раскачивает её, прижимает к сердцу, скандирует научные фразы. Не знаешь, студент ли это медицины или особая разновидность шамана. Библиотекари изумлены на умственную жадность русского и, кажется, считают меня несколько свихнувшимся. Я читаю древнюю книгу тольтеков “Popol Vuh”, космогония и легендарная летопись, смесь ребячества и гениальности...»

В Мехико в Национальной библиотеке Бальмонт изучает древнюю книгу майя «Пополь-Вух». Её нашёл монах – доминиканец Франсиско Хименес, который в начале 18-го века был настоятелем церкви в гватемальском городке Санто-Томас-Чувила.

Народ киче в книге «Пополь-Вух»

Если коротко об этой книге, то главным героем в ней является, конечно, индейский народ. Примечательно то, как заканчивается книга: «Больше о существовании народа киче сказать нечего...» Ведь главная цель творения – это рассказ о великом прошлом цивилизации. И, как положено мировосприятию того времени, под «великим» подразумеваются победоносные войны, сожжённые вражеские города и посёлки, захваченные рабы, присоединённые территории, человеческие жертвоприношения в угоду кровожадным богам и так далее. При этом создатель книги всячески избегает тех моментов, которые могут тем или иным образом опорочить его народ. Поэтому в «Пополь-Вухе» нет и слова о многочисленных внутренних раздорах, которыми с успехом пользовались вражеские народы. Например, какчикели. Нет в книге и упоминаний о столкновениях с испанцами, ведь в них-то киче нечем хвастаться. Зато в книге точно указано, что майя-киче изначально жили в центральной Мексике, скорее всего, в соседстве с тольтеками. Но затем что-то случилось, и они вынуждены были искать новую территорию. Так киче оказались в Гватемале. Благодаря «Пополь-Вуху» стало известно, что индейцы считали себя выходцами из северных пещер, та земля называлась Тулан. А вход в неё охраняла летучая мышь. Она являлась своеобразным посредником между миром живых и миром мёртвых. Так что, если верить преданиям майя, их предки когда-то сумели выбраться из преисподней и поселиться на живой земле.

«Колибри, малая Жар-Птица...»

*Колибри, малая Жар-Птица,
Ты фея в царстве орхидей,
Ты Мексиканская царица,
И ты сильнее всех царей.
Промчались битвенные шумы,
И рой царей исчерпан весь,
И нет Ацтекам Монтесумы,
А ты, Колибри, здесь как здесь.*

«Если Египет озарён золотым, нежно-жёлтым Солнцем, Мексика вся освещена заревами Солнца алаго. В её гимнах слышишь песню крови. Её главный бог – Вицтлипохтли, бог Войны, национальный бог мексиканцев, особенно города Мехико. Он называется также Левша, т. е. Южный. Он явился, и являлся, своим верным, в лике колибри, самой цветистой и самой сильной из птиц, несмотря на свою малость. Птица вечного движения, неустанного полёта...» (К. Бальмонт. Из цикла «Мексика»).

*Колибри, птичка-мушка, бесстрашная, хоть малая,
Которой властью Солнца наряд цветистый дан,
Рубиновая фея, лазурная, и алая,
Сманила смелых бросить родимый их Ацтлан.
Весёлым пышным утром, когда Весна багряная
Растит цветы, как солнца, как луны, меж ветвей,
Летунья щебетнула: «Тиуй, тиуй», – румяная,
Как бы цветочно-пьяная, – «Тиуй, – идём, скорей!»
В тот миг жрецы молились, и пение жемчужное
Лазурно-алой феи услышали они,
Пошёл народ бесстрашный, всё дальше, в царство Южное,
И красной лентой крови свои обвил он дни.
И Мексика возникла, виденье вдохновенное,
Страна цветов и Солнца и плясок и стихов...*

– писал К. Бальмонт.

Центральная Мексика, с её высокими горными хребтами, каменистыми плоскогорьями и глубокими долинами, всегда была зоной повышенного риска, где на головы индейцев периодически обрушивались сильнейшие землетрясения, извержения вулканов, засухи и наводнения. Полные удушья испарений джунгли, выжженные солнцем каменистые нагорья, где днём палит зной, а ночью замерзает вода, грозные вулканы, частые разрушительные землетрясения, хищные звери и ядовитые змеи – такова была среда, в которой обитали жители Мексики.

Мехико и его пригороды

7 марта, гуляя по Мехико, Бальмонт так его описывает: «Противный, неинтересный город. Испанцы уничтожили всё своеобразное и бесчестно европеизировали этот некогда славный Теночтитлан. Жизнь дороже, чем я рассчитывал, и всё плохо. Низкое обирательство. <...> Окрестности мексиканской столицы очень интересны, и мы почти каждый день ездим то туда, то сюда, на электричке. Хороши профили снежных вершин, потухших вулканов Ицтаксигуатль и Попокатепетль. На Попокатепетль через две недели я совершу восхождение. Прекрасен роскошный парк-лес в древней летней резиденции Ацтекских царей, Чапультепеке, с вековыми агуэгуэтлями, и осоками в два человеческие роста. Там есть дерево Монтезумы, таинственного царя-жреца, предавшего свою родину белолицым разбойникам. Хороши агавы Такубайи, сады древнего селения Тольтеков, Койоакан. <...> Мир осквернён Европейцами. Европейцы – бессовестные варвары. Их символ – тюрьма, магазин, и трактир с бильярдом, сюртук и газетная философия...»

Из Мехико Бальмонт и Цветковская выезжали в разные районы Мексики: в пригород столицы, в прекрасный, древний, цветущий Чапультепек смотреть на бой быков. И Бальмонт пишет в своей книге: «Арумы белые растут в канавах. Кое-где краснеют цветы кактусов на хищных уродливых своих деревьях, на которых орлу можно сесть со змеёю в клюве. Через неделю начнётся весна, расцвет, прилетят ласточки. На вулканах начнут таять снега. <...> Вечер. Какое страдание! Я окончательно не переношу более – грубых зрелищ, которые когда-то нравились мне. Бой быков, особенно здесь, где нет испанской роскоши в обстановке, есть гнусная, ужасающая бойня. Быки были на редкость сильны и свирепы, а тореадоры до отвратительности неловки и трусливы. У меня как будто помутился рассудок от вида крови и трупов».

Через 20 лет после Бальмонта этот город посетил Владимир Маяковский, и вот как он его описал: «Город Мехико плоский и пёстрый. Снаружи почти все домики выглядят разноцветными ящичками. Преобладающий цвет этих ящичков – розовато-жёлтый, как морской песок на заре восходящего Солнца. Фасад дома скучен, вся его красота – внутри. Здесь дом образует четырёхугольный дворик. Дворик усажен всякой цветущей тропичностью. Перед всеми домами обнимающая дворик двух-трёх-четырёхэтажная терраса, обвитая зеленью, увешанная горшками с ползучими растениями и клетками попугаев. Это – испанский тип домов, завезённый сюда завоевателями. От старого восьмисотлетнего Мехико, – когда всё это пространство, занимаемое городом, было озеро, обнесённое вулканами,

и только на островочке стояло пуэбло, своеобразный город-дом-коммуна, тысяч на 40 человек, – от этого ацтекского города не осталось и следа. Зато масса дворцов и домов первого завоевателя Мексики – Кортеса и его эпохи, недолгого царя Итурбиды, да церкви, церкви и монастыри. Их много больше 10000 расставлено по всей Мексике. <...> В отличие от врагов мексиканского человечества – автомобилей, трамваи исполняют гуманную роль. Они развозят покойников. Часто видишь необычное зрелище. Трамвай с плачущими родственниками, а на прицепе-катафалке покойник. Вся эта процессия жарит всюю с массой звонков, но без остановок. Своеобразная электрификация смерти!..»

Археологические памятники ацтеков

Бальмонт с Еленой почти каждый день ездят по местам, где сохранились археологические памятники. Посетили Ксочикалько – «город цветов». Это практически единственное место в Мексике, которое избежало разрушения испанскими завоевателями. Множество каменных иероглифических значков покрывали пирамиду. Вот что он пишет в своей книге: «Развалины Ксочикалько принадлежат к числу самых красивых и величественных созданий скульптурного и архитектурного гения ацтеков. Пирамидное построение, находящееся на вершине горы, среди других горных вершин, вздымающихся кругом, представляет теперь лишь обломки, но рельефы основания со всех четырёх сторон видны, и на одной стене хорошо сохранилась каменная легенда: оперённый змей, похожий на китайских и японских драконов, величественный и страшный, обнимающий своими извилами полстены, и затем, в обратном порядке, симметрично повторяющийся на другой половине. Фигура воителя обращена к его пасти лицом, перед воителем дымоподобный каменный узор, это означает “цветистую речь”, песнь или молитву. Легенда повторяется с новыми сочетаниями и фигурами, на других стенах. Она рассказывает о четырёх великих эпохах мира, связанных с четырьмя мировыми гибелями, которые предшествовали нашей земной жизни... Четыре мировые бича, и создатели: Огонь небесный (Солнце и Молния), Огонь земной (Вулкан), Воздух (Ураган), Вода (Потоп)». Бальмонт посетил город Пачуку, где присутствовал на народном празднике. Ездил по местам, где жили древние народы и где можно было увидеть пирамиды, руины Митлы, Паленки («мне сказали, что, если я поеду в Паленке, мне придётся купить палатку, самому заботиться о пище и питье, а также о том, чтобы проводники-индейцы не сбежали...»). Поэт посетил руины Хóхо, «куда я ездил в коляске из Оахаки на причудливой шестёрке, из которой два номера – были клячи, и четыре – мулы».

Древний город Чичен-Ицá

Чичен-Ицá, который в 9-м веке приобрёл могущество и звание верховного политического и духовного центра майя. Жертвенный колодец в Чичен-Ица – это современное чудо света. В момент обнаружения данный колодец получил название «девственной пучины». Считалось, что души молодых красавиц, приносились в жертву богу грозы и грома Чаку.

*Наклонись над колодцем, увидишь ты там,
Словно тёмная яма чернеется,
Пахнет гнилью, и плесень растёт по краям,
И прозрачной струи не виднеется.
Но внизу, в глубине, среди гнили и тьмы,
Там, где пропасть чернеется мгlistая,
Как в суровых объятых угрюмой тюрмы,
Робко бьётся струя серебристая,*

– писал Бальмонт в стихотворении «Колодец».

Пирамида Кукулькана в городе Чичен-Ица – это равнобедренная пирамида, разнесённая по 55 метров по основанию. По центру граней с четырёх сторон тянется лестница, содержащая 90 ступеней. Её парапеты напоминают тело змеи, а входы защищаются мощёными змеиными головами. Ибо так в стародавние времена изображали бога ветра, или пернатого змея. Данная пирамида – отображение

майянского календаря – могла использоваться в качестве обсерватории. Среди конструктивных особенностей пирамиды – преобразование тени и проецирование её на лестничный парапет. Безусловно, в даты осеннего и весеннего равноденствия создаётся символ спускающегося дракона с небес на почву или поднимающегося в обратном направлении.

У майских развалин Уксмаль

*Созданья великих веков,
Застыли руины Уксмаль.
Воздушны края облаков,
Безбрежна пустынная даль.*

*Здесь жили когда-то цари,
Здесь были жрецы пирамид.
Смотри, о, мечтанье, смотри,
Здесь жемчуг легенды горит.*

*В безгласье сидящих плит
Узорные думы молчат.
И только немолчно звучит
Стоустое пенье цикад...*

Осмотрели Бальмонт с Еленой и другие следы былой цивилизации – это Юкатан, Уксмаль. Вот как Бальмонт описал эти руины: «Среди руин Уксмаль есть одно здание с подземельем, в котором мне довелось испытать ощущение единственное. Не знаю кто, но кто-то неумный, назвал это здание Casa de la Vieja (Дом Старухи). Так же точно и дивную Колдунью Райдэра Хаггарда безумные считали старой. Ты помнишь поразительный его роман “She”? – Более чем когда-либо ценю Хаггарда. Я вошёл в подземелье полусогнувшись, в точном смысле уменьшившись в росте наполовину, – иначе войти в подземелье нельзя. В полузасыпанном обломками камней коридоре, у левой стены, я увидел лишь одно изваяние, строгий лик, фигура по пояс. Казалось, и может быть это так, наверно так, казалось, что нижней половиной своего тела эта фигура ушла в землю. Когда я приблизился к этому лицу вплоть, мной овладело волнение, странное, я сказал бы вспоминательное. Вместо старого лица, которое я должен был увидеть, и вместо уродливого лика, одного из тех, к которым я здесь привык, на меня глянуло молодое и вечное лицо, молодое и прекрасное. “Да ведь это она, она”, – подумал я про себя, – “She who must be obeyed”.

*Колдунья, мне странно так видеть тебя.
Мне люди твердили, что ты
Живёшь – беспощадно живое губя,
Что старые страшны черты.
Ты смотришь так нежно, ты манишь, любя.
И вся ты полна красоты.*

На меня глядел прекрасный лик египетски-еврейского типа. Тонкие черты, живые глубокие глаза, не живые, но полные жизни, красивый нос с выразительно-чёткими ноздрями, и губы, которые умели и умеют молча говорить. Головной убор как будто нашей боярыни, головной убор как будто Византийский, и лёгкие подвески упали с него. Мне казалось, что это лицо жило. В нём была какая-то мысль и чувство. Я исполнился колебания и смущения. Я не мог так уйти от него, как уходят от мёртвой картины и каменной статуи. С ощущением несказанным я приблизил свои губы к этому лицу, и странное чувство освежительной прохлады возникло в душе, когда эти изваянные губы, приняв мой поцелуй, волшебным образом ответили на него». Читаешь Бальмонта, аж дух захватывает. Как много он увидел.

«Как хорошо умели строить Майи! Они любили высоту, и для своих молитвенных настроений они выбирали такие места, что могли видеть под собой и перед собой широкую панораму. Они любили даль, которая уходит к горизонту. В их молитвы свободно входили Солнце, звёзды, воздух, и зелёные просторы Земли...» – писал он в книге.

Иногда Бальмонту и Елене приходилось делать пешеходные походы или переезды верхом на конях по горам. «Я надел leggings и вскочил на лошадь с такой решительностью, как будто был записной ездок. Правда, это странное чувство. Я ездил верхом всего раз десять в жизни, раз на Ай-Петри, раз на Кавказе, в Кабардинской области и несколько раз мальчишкой в деревне. Но тут я почувствовал какую-то странную уверенность в себе, силу и ловкость тела и счастье, покойную радость», – писал он в книге. А ведь Бальмонту в то время уже было 38 лет от роду, но он ещё хорохорился, изображая из себя «молодого рысака». «Не боюсь никаких неудобств и пока ещё не был укушен ящером, не ужален змеей или какой-либо мексиканской красавицей», – шутиливо замечает Бальмонт в письме матери.

«Он вернулся в июле и не изменился...»

*В июле хоть разденься,
Не станет холодней.
Гроза, вскипи и вспенься,
Спусти дождей с цепей...*

– писал Бальмонт про июль.

*Берёза родная со стволом серебристым,
О тебе я в тропических чащах скучал...
Но, тихонько качаясь
На тяжёлом, чужом, мексиканском седле,
Я душою дремал – и воздушно во мне расцветаясь,
Восставали родимые тени в серебряной мгле.*

Из путешествия Бальмонт вернулся в Москву в июле 1905 года и вскоре отправился с семьёй в Эстонию, в Силламяги, что на берегу Финского залива. «Я здесь, у воли, пишу стихи, читаю книжки, словом, всё, как оно мне и полагается, – сообщал Бальмонт поэту Брюсову 1 сентября. – Не чувствую, чтобы, увидев Мексику и Майю, Аризону и Калифорнию и всякие там Нью-Йорки, я изменился хоть на волос».

Приехав из Мексики, он потом красочно напишет:

*Братья мыслей, вновь я с вами, я, проплывший океаны,
Я, прошедший срывы, скаты голых скал и снежных гор,
Гордый жаждою увидеть вечно-солнечные страны,
Я принёс для звучных песен новый красочный убор.
Я спою вам, час за часом, слыша вой и свист метели,
О величии надменном вулканических вершин,
Я спою вам о колибри, я спою нежней свирели,
О стране, где с гор порфирных смотрит кактус-исполин.
О стране, где в чаще леса расцветают орхидеи,
Где полями завладели глянцежитости агав,
Где проходят ягуары, где шуришат под пальмой змеи,
Где гремят цикады к Солнцу, меж гигантских пышных трав.
О стране, где мир созвездий предстаёт иным узором,
Где сияет каждый вечер, символ жизни, Южный Крест,
Где высоко, в странном небе, опрокинуто пред взором
Семизвездье Скандинавов, Ursa Major льдяных мест.
Слыша северных метелей стоны, бреды, вскрики, шумы,
В час радений наших зимних, при мерцании свечей,
Я вас вброшу в дождь цветочный из владений Монтезумы,
Из страны Кветцалькоатля, из страны крылатых змей.*

Разъезжая по Мексике, Бальмонт не просто накапливал впечатления, но постоянно и безостановочно работал. Везде, где он останавливался, его мгновенно окружали груды книг на самые разнообразные темы. И тут же он овладевал языком любой местности, где он находился! Впечатления его от поездки в Мексику, где Бальмонт побывал в 1905 году, были очень яркими и глубокими, и они до сих пор поражают читателя своими историческими познаниями.

В 1908 году он выпустил сборник «Птицы в воздухе», один из циклов которого озаглавлен «Майя». В него вошли 33 стихотворения, посвящённых Мексике. В 1909 году в свет вышел сборник «Зовы древности» с разделом «Мексика», где бальмонтские переводы доиспанской поэзии порой неотличимо переплетаются с его собственными импровизациями на индейские религиозные темы. Наконец, в 1910 году путевые заметки и очерки поэта, наряду с выполненными им вольными переложениями индейских космогонических мифов и преданий, вошли в «Змеиные цветы».

В конце своего путешествия по древней Мексике Бальмонт напишет: «Я благословляю людей, строивших храмы на высотах, я люблю потомков Атлантов, которые, молясь, сливали в одно великое очарование – мысли, цветы, слова, благовония, краски и вольный воздух, и высоту пирамид, с которых виден зелёный океан растений до дальней черты горизонта, под родным лазурным небом, под лучами родного, народившего нас, Солнца».

В поэтических очерках путешествий по Мексике «Змеиные цветы» (1910) неуёмный путешественник К. Д. Бальмонт, которого Брюсов метко нарёк «искателем Атлантиды», в мифах мексиканских индейцев находит свидетельства влияния культуры атлантов. Как мы видим, в «Змеиных цветах» мексиканцы видятся Бальмонту лишь одними из наследников атлантов, но сама Атлантида относится им за Северную Америку.

И как итог его поездки – вот этот отрывок из его стихотворения «Майя»:

*Майя! О, Майя! Лучистый обман!
«Жизнь – для незнающих, призрак – для йоги,
Майя – бездушный немой океан!»*

Очевидно, главным источником сведений о культуре ацтеков послужила для Бальмонта приобретённая им «Всеобщая история о делах в Новой Испании» Бернардино де Саагуна (ок. 1498–1590), который сохранил для истории гимническую поэзию ацтеков.

Через семь лет, в 1912 году, Волошин напишет в поэтическом «Напутствии Бальмонту», отправляющемуся в кругосветный круиз:

*Чтоб подслушать древние обиды
В жалобах тоскующей волны,
Ты уж спал на мелях Атлантиды.
<...>
Где вставала ночь времён немая,
Ты раздвинул яркий горизонт.
Лемурия... Атлантида... Майя...
Ты – пловец пучин времён, Бальмонт.*

Валерий Герланец

Валерий Ильич Герланец – известный в Донбассе и далеко за его пределами писатель, драматург и публицист, заслуженный деятель искусств ДНР, член Союза писателей ДНР и Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий. Его произведения для детей и юношества издавались в Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, России, США, Чехии, на Украине, а также ставились в профессиональных театрах, театральных коллективах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества, звучали по радио и телевидению.

В 2007 году «За духовное воспитание подрастающего поколения страны» писатель был награждён «Почётным Знаком» Украинской православной церкви Московского патриархата, в 2009-м удостоен почётного звания «Золотое перо Донбасса», а в 2010-м – отмечен медалью А. С. Грибоедова Московской городской организации Союза писателей России.

Большой вклад также внёс в краеведческую литературу, участвуя в многотомном книжном проекте «Донецк в лицах» и написав ряд книг о родном крае и его людях: «УкрНИИВЭ – вчера, сегодня, завтра (1957–2007)», «Дорогу осилит идущий...», «Донецкий политех в моей жизни», «Прокофьев», «Театр и кино Донецкого края (вторая половина XIX в. – 2020 г.)».

Ряд прозаических и поэтических произведений давно вошли в школьные хрестоматии и учебники, выходили в престижных литературно-художественных журналах и альманахах, а философская сказка «Как Иван правду искал» включена в собрание сочинений лучших современных писателей во славу М. Горького «Литературный фонд», которое вышло в 2018 году в Москве.

ИНКОГНИТО В СОНЦОВКЕ

Бывал ли Сергей Прокофьев в родном селе на Донбассе после возвращения из эмиграции?

Вот уже более трёх десятилетий автор этих строк системно и скрупулезно изучает жизнь и творчество величайшего композитора, пианиста и дирижёра XX века Сергея Прокофьева. Были проанализированы как его мемуары, письма, фотоархив, так и воспоминания современников, многочисленные статьи, рецензии, музыковедческие материалы. Вся эта пёстрая мозаика из различных фактов, свидетельств, подлинных, а подчас и мифологизированных историй превратилась в итоге в живой многомерный портрет музыкального гения, чьё творческое наследие до сих пор востребовано всем цивилизованным миром. Даже осатанелому коллективному Западу, решившему сделать Российскую Федерацию мировым изгоем, не удаётся убить интерес людей к российской культуре, в том числе и к творческому наследию Сергея Прокофьева. В результате моих изысканий и анализа появился цикл биографических и краеведческих статей о композиторе, за которые я был в своё время удостоен звания лауреата премии им. С. С. Прокофьева, а также написана реально-ирреальная драма «Прокофьев», отмеченная лауреатским дипломом Международного Волошинского литературного конкурса в Крыму.

За свою не столь уж длинную цивилизационную историю Донбасс дал отечеству и миру много выдающихся личностей, но первым в этом длинном ряду был и продолжает оставаться Прокофьев, появившийся на свет в затерянном в степях селе Сонцовка. В тринадцатилетнем возрасте музыкально одарённый мальчик поступил в Санкт-Петербургскую консерваторию и покинул малую родину. В Сонцовку, где оставался его отец, Сергуша приезжал из столицы только в летнее время на каникулах. О своей детско-юношеской поре в родном селе Сергей Сергеевич достаточно подробно описал в «Автобиографии» и «Дневнике». Однако в последующие годы композитор о Сонцовке практически не вспоминал и больше туда не приезжал. Хотя этот факт так и остался под большим вопросом у его биографов и музейных работников. Во всяком случае, прямых сведений о том, что композитор

Сонцовские друзья детства композитора – Яков Маслов и Евмен Голиков объясняют Михаилу Бабкову (крайний справа), как располагались постройки в усадьбе Прокофьевых, июль 1960 г.

Композитор С. Прокофьев с кинорежиссёром С. Эйзенштейном

побывал в родном селе после 1910 года (в этом году умер его отец), я ни в одном из сохранившихся источников информации, находящихся в свободном доступе, так и не нашёл.

Вот тогда мне и пришла мысль (было это лет 15 назад) обратиться к скрипачу и музыковеду Михаилу Бабкову. Именно этот человек, работавший в 1950–1980 годах в Донецке (до 1961 года – Сталино), разгадал тайну села Красного, которое в дореволюционный период называлось Сонцовка и административно входило в Екатеринославскую губернию. Опять же, именно Михаил Григорьевич стал инициатором увековечивания памяти композитора на его малой родине, строительства здесь музея и концертного зала. Впоследствии неутомимый пропагандист прокофьевского творческого наследия переехал из Донецка в Кисловодск, где и проживал, активно сотрудничая с местными газетами и журналами.

В своё время донецкие органы власти поддержали инициативу Михаила Бабкова. В 1991 году к столетнему юбилею композитора в с. Красное (с 2016 год – с. Сонцовка) открылся его музей с небольшим концертным залом, а на площади перед музейным зданием установлен памятник, созданный народным художником Украины Василием Полонином. Этот комплекс стал филиалом Донецкого областного краеведческого музея и многие годы пропагандировал жизнь и творчество родившегося на донецкой земле композитора. Свою научно-просветительскую функцию филиал продолжал до тех пор, пока после произошедшего в Киеве государственного переворота обандеренная Украина не взяла курс на оголтелую русофобию. Дошло даже до того, что прокофьевские произведения стали стремительно исчезать из репертуаров украинских музыкальных театров, филармоний и школ искусств...

Но вернусь к Михаилу Григорьевичу Бабкову. Через его бывших коллег удалось с ним связаться и задать столь интересовавший меня вопрос: известно ли ему что-либо о поездке Прокофьева в родное село в предвоенные годы, или это не более чем слух? Где-то спустя месяц я получил от человека, знавшего о композиторе, казалось бы, абсолютно всё, ответное письмо. Причём достаточно объёмное и в определённой степени интригующее. Долгое время я его не обнародовал, пока не пришёл к выводу, что предположение музыковеда вполне имеет право на существование. А так ли всё было на самом деле или нет, покажут дальнейшие исследования жизни и творчества моего великого земляка. Кстати, на сегодняшний день опубликована лишь часть его дневниковых записей и писем, всё остальное он ещё при жизни запретил публиковать до 2050 года. Так что архивы Сергея Сергеевича, большая часть которых осталась за рубежом, думаю, хранят много интересного и неожиданного.

Но давайте вернёмся к гипотезе, высказанной Бабковым. Он пишет, что, покинув в 1918 году Россию, Прокофьев скитался по свету, завоевав признание и мировую славу.

Музей Сергея Прокофьева с концертным залом в с. Красном

Затем по приглашению советского правительства вернулся на родину, но ни разу не вспомнил о родном селе, словно по каким-то причинам отрезился от него. «Верится в это с трудом. Ведь беспокойная, творческая и любознательная натура композитора вряд ли могла смириться с тем, что целый пласт его жизни навсегда потерян, тот пласт, с которым связано столько дорогих воспоминаний, – пишет Михаил Григорьевич. – Высказываю пусть спорное, но смелое предположение, что свидание с родным селом всё же состоялось, и стало ещё одним болезненным ударом по сердцу композитора. Почему он и умолчал о нём, сделав своей сугубо личной тайной. Он даже скрыл это свидание от своей второй жены – Миры Александровны Мендельсон, которая под диктовку записывала заключительную часть его воспоминаний».

Далее Бабков обосновывает своё смелое предположение: «В предвоенные годы Прокофьев трижды в 1937, 1938 и 1939 годах посещал курорты Кавминвод. Он любил Кавказ, где бывал ещё в юности – перед отъездом за рубеж почти год жил в Кисловодске и много сочинял.

А теперь представим: поезд Москва – Кисловодск вот-вот прибывает на станцию Гришино (ныне г. Покровск, а до 2016-го – г. Красноармейск), пункт во времена детства композитора ближайший к Сонцовке. Прокофьев долго колеблется, но любопытство берёт верх – решение принято. Он высаживается, компостирует билет и затем попутным транспортом добирается до Сонцовки, которое именуется теперь как село Красное. Представим, что погода благоприятствовала ему, была солнечной, сухой. А, возможно, и дождливой...

Тогда по щиколотку в грязи наш путник вышагивает по главной сельской улице до места, где стояла отцовская усадьба. Но что он видит: заросший бурьяном пустырь, кажется, здесь нечто вроде мусорной свалки и никаких следов былого... Да, отец это предчувствовал ещё в 1905-м, когда происходили крестьянские волнения и в его адрес начали сыпаться угрозы. Видимо, позднее многие из них осуществились... (Замечу: усадьба Прокофьевых была разграблена и сожжена в гражданскую войну, скорее всего – махновскими бандами, которые орудовали поблизости.)

Сергей Сергеевич стоял в скорбном молчании, глядя на пустошь, а затем обратил взор в даль, на церковь, в которой он был крещён. Слава богу, она уцелела. Он подошёл к ней поближе. Господи, в каком она ужасном состоянии, захламлена, забита какими-то грязными мешками, поблизости – загон для скота, пасущиеся лошади, кучи смердящего навоза. Где-то здесь захоронены две его сестры,

умершие в младенчестве, и бабушка Анна Васильевна. Но их могилки не видно – сравнялись с землёй и заросли травой... Лицезреть всё это просто не было сил! Бежать, бежать отсюда, ни с кем не встречаясь и никого не расспрашивая... Хорошо, что он посетил родное село инкогнито и не был никем узнан. Правда, некоторые селяне с нескрываемым любопытством взирали на высокого интеллигентного незнакомца в плаще и шляпе, явно приехавшего из города. Видимо, дядька этот – представитель района, а то и области, прибывший для проверки или инструктажа...

Сергей Сергеевич вернулся на окраину, уговорил проезжавшего мимо колхозника довезти за хорошую плату хотя бы до Селидова. Оттуда он потом легко добрался до железнодорожной станции и ближайшим поездом продолжил путь на Кавказ.

Соседи по купе напрасно пытались разговорить мрачного, погружённого в свои мысли пассажира. Только в конце пути он немного пришёл в себя и даже попросил у проводника чаю с печеньем. От стопки «беленькой», предложенной радушными соседями, отказался, сославшись на большое сердце. А сердце после увиденного, действительно, ещё долго ныло и покалывало».

Далее автор гипотезы сам себе задаёт вопрос: мог ли Прокофьев ездить на курорт в гордом одиночестве? Ведь у него была семья: жена – певица Лина Любера и два сына – Святослав и Олег. Однако есть документальные свидетельства, что на кавказские минводы он приезжал один, так как творческая деятельность требовала уединения, а подводившее здоровье – лечения. К тому же в предвоенные годы у него с женой уже наметился разлад. Так что в его самостоятельной поездке на курорт не было ничего удивительного.

Поэтому смелое предположение Михаила Бабкова о том, что Сергей Прокофьев всё же побывал на малой родине, может вполне иметь под собой реальную почву. Другое дело, что этот спонтанный заезд композитора в Сонцовку напрочь перечеркнул все его радужные детско-юношеские воспоминания о ней. Но такова была суровая действительность того далёкого исторического периода. Другой стала не только Сонцовка, но и вся страна.

Допущение о том, что съездить в Солнцовку композитор мог в последующие годы, и вовсе маловероятно. В этот период он очень много работал: участвовал в постановках балета «Ромео и Джульетта» в Кировском театре оперы и балета (Ленинград) и переработанной им же оперы «Семён Котко» в Театре имени Станиславского (Москва), сочинял музыку к кинофильмам и оперу «Война и мир» по роману Л. Н. Толстого. В 1941 году Прокофьев в составе большой группы деятелей культуры был эвакуирован на Кавказ, а позднее – в столицу Казахстана. В 1944-м по возвращении в Москву композитор работал над музыкой к новому балету «Золушка», в последующие годы написал ряд сонат, Пятую, Шестую и Седьмую симфонии. А год спустя у Прокофьева начались серьёзные проблемы со здоровьем, и из-за плохого самочувствия он вообще редко куда выезжал.

*Памятник великому композитору
Сергею Прокофьеву, с. Красное*

Берега Янтарного края

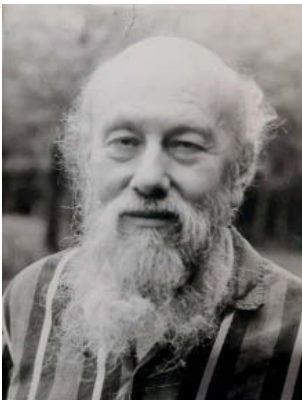
Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, кандидат философских наук, автор 27 книг прозы, поэзии, публицистики.

КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ХОВАНСКИЙ И ЦАРСКАЯ ПОДУШКА

Тобольск – Калининград – Пушкин

А. Н. Хованский – фото из архива о. Митриофана

Для нас самое главное – это Россия!
Мы обязательно должны приумножать её славу!
Мы не будем участвовать в различных
подпольных движениях в борьбе за власть.
Мы будем способствовать развитию России
своим творчеством, творчеством в науке,
культуре и искусстве. Ведь мы же князья,
и мы должны своим собственным трудом
показывать пример служения Отчизне другим людям.

Николай Александрович Хованский

Причина приезда в Калининград

Разные судьбы приводили людей в Калининград. Довольно часто в самую западную область СССР приезжали такие люди, которые оказывались неугодными властям того города, откуда приезжали новые жители Янтарного края, закрытой территории до 1990 года. Сюда прибыли в 60–70-е годы княгиня Татьяна Петровна Залеская после ГУЛАГа, писатель Юрий Куранов из-за вызвавшей гнев у псковского руководства книги «Глубокое на Глубоком» о драме «неперспективных деревень», актёр Михаил Пурга, рериховец, и список можно продолжить, но это будет другая тема.

В Калининграде оказался и князь Алексей Николаевич Хованский (1916–1996), выдающийся математик, приехавший в Калининград в 1967 году вместе с женой Татьяной Алексеевной Кокаревой.

Они устроились на преподавательскую работу в Калининградский государственный университет. Переехали они из Борисоглебска, где жили недолго. Причиной покинуть предыдущие места работы – Марийский государственный педагогический институт, а затем Борисоглебский государственный педагогический институт – стал такой случай.

Прочитав историко-фантастический роман украинского писателя Олеся Бердника «Подвиг Вайвасваты», Алексей Николаевич Хованский написал отзыв о книге фантастики и по наивности отправил в «Литературную газету». Неизвестно, знал ли Алексей Николаевич о том, что Бердник был ярким антисоветчиком и неоднократно сидел в различных лагерях, потом раскаивался не раз уже в 90-е годы. Но вскоре после письма корреспондент популярнейшей в те времена «Литературной газеты» приехал в Йошкар-Олу, чтобы на учёном совете пединститута осудить и раскритиковать автора отзыва на книгу «Подвиг Вайвасваты». Досталось ему заодно и за вегетарианство, и за то, что признаёт телепатию, что занимается эсперанто – так называемый в 50–60-е годы прошлого века «язык шпионов». Его обвиняли в том, что он «протаскивает идеализм», «уродливую форму толстовства – вегетарианство».

В защиту Хованского выступили только два человека – преподаватель истории П. П. Вандель и Т. А. Кокарева. Вандель сказал, что не надо стрелять из пушки по воробьям и что вегетарианство не опасно, что вызвало возмущение президиума. Т. А. Кокарева, которая училась в университете в одной группе с Хованским, произнесла длинную речь о пользе вегетарианства и о значении языка эсперанто для международного общения, что было названо «неуместной пропагандой». В заключение ректор Романов в грубой форме потребовал от А. Н. Хованского признать ошибочность своих взглядов, Алексей Николаевич не стал ему отвечать. В итоге Хованскому был вынесен строгий выговор, ему было отказано в запланированной научной командировке, был также поставлен вопрос о возможности его руководства аспирантами.

Хованского поддержал и член-корреспондент АН СССР А. А. Ляпунов, который написал письма в Министерство просвещения РСФСР и в Академию педагогических наук. Хованского он оценивал как талантливого учёного и педагога, который «уделяет большое внимание развитию общего кругозора у своих учеников»¹.

Так А. Н. Хованский и его жена Кокарева оказались на математическом факультете в Калининградском университете, только недавно тогда преобразованном из педагогического института.

*Т. А. Кокарева,
фото из архива М. В. Кретова*

Царская подушечка

Много я слышала рассказов о необычном, многогранном, талантливом жителе Калининграда А. Н. Хованском, но вдохновила меня написать эту небольшую историю сотрудница Государственного архива Калининградской области Наталья Ивановна Дроздова, подарившая мне небольшую книжечку, составленную Татьяной Алексеевной Кокаревой, «Князь Алексей Николаевич Хованский: Былое в воспоминаниях и стихах» (под ред. С. В. Даниель-Бек. Калининград, 2000).

Меня заинтересовал рассказ Натальи Ивановны Дроздовой о том, что у Алексея Николаевича была от родителей доставшаяся ему диванная подушечка, вышитая цветами, и кем бы вы думали? Членами семьи Николая Второго в то время, когда те находились в Тобольске, незадолго до их гибели. Родители Алексея Николаевича, живя в Тобольске, передавали царской семье через их знакомую баронессу Софью Буксгевден сладкие ватрушки и сухарики к чаю. В благодарность царевны вместе с императрицей и при участии цесаревича Алексея вышили подушечку из холщовой ткани цветами и в последний вечер пребывания в Тобольске передали княгине Хованской. Как известно, после июльских событий 1917 года в Петрограде Временное правительство решило переправить царя с семьёй в ссылку в Тобольск, куда царь прибыл 6 августа 1917 года пароходом из Тюмени, вместе с семьёй и свитой – добровольно сопровождавшими их лицами (45 человек). 17 апреля 1918 года семья была направлена большевиками в Екатеринбург.

Родители Алексея Хованского

Необходимо рассказать о родителях нашего героя – знатном, но небогатом роде князей Хованских. Отец Алексея Николаевича – князь Николай Александрович Хованский, коллежский советник (1879–1967) – окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета по специальности химия.

Мать Алексея Николаевича – дочь действительного статского советника Зинаида Алексеевна Никольская (1874–1947). Николаю Александровичу после окончания университета предложили службу в Переселенческом управлении Министерства земледелия и госимущества Сибири в Красноярске.

Алексей Николаевич, единственный сын у родителей, называвших его Аликом, родился в Тобольске в 1916 году. Он помнил рассказы родителей о жизни в Тобольске, о том, что в 1919 году Николай Александрович был арестован большевиками и содержался в тюрьме, потом был отпущен,

¹ Игнатъев А. А. // Калининградские архивы. Калининград, 2003. Вып. 5. С. 55.

*Князь А. Н. Хованский,
фото из архива М. В. Кретова*

потому что говорил: «Для нас самое главное – это Россия! Мы обязательно должны приумножать её славу! Мы не будем участвовать в различных подпольных движениях в борьбе за власть. Мы будем способствовать развитию России своим творчеством, творчеством в науке, культуре и искусстве. Ведь мы же князья, и мы должны своим собственным трудом показывать пример служения Отчизне другим людям».

Связь с царской семьёй – из рассказа Алексея Хованского

Царскую семью в Тобольске поселили в бывшем губернаторском доме. Этот дом сохранился до нашего времени, в нём располагается музей «Дом Романовых».

С царской семьёй приехала фрейлина государыни баронесса Софья Карловна Буксгевден (1883–1956) со своей бывшей воспитательницей мисс Мэзэр, которые бывали в семье Хованских в Тобольске, так как могли, в отличие от царской семьи, свободно выходить из дома. Мать Алексея Николаевича – Зинаида Алексеевна – передавала семье царя выпечку и сухарики к чаю, приготовленные по её особому рецепту, а Николай Александрович специально для Николая Второго – английские журналы и газеты, которые он выписывал.

В ночь накануне отъезда из Тобольска, в знак благодарности, царская семья передала Хованским подушечку через Софью Буксгевден. (Современные исследования говорят, что Софью Буксгевден сопровождала 60-летняя шотландка мисс Анни Данзайр Матер, подруга её почившей матери. По прибытии в Тобольск (23 декабря 1917 г.) С. К. Буксгевден не получила разрешения властей посещать императрицу. Тем не менее ей была оставлена возможность встречаться с графиней А. В. Гендриковой, жившей при государыне в «Доме свободы». Об этом свидетельствуют записи из личного дневника государыни, а также её письма.)

Мама рассказывала, что вся царская семья приняла участие в этом рукоделии, в том числе и сын царя Алексей. Его цветок получился менее удачным, чем остальные шесть.

«У родителей сохранилось фото баронессы и её воспитательницы, – рассказывал Алексей Николаевич. – Эта фотография хранится в Риге в отделе рукописей и редких книг Академии наук Латвии, и там же в красном альбоме есть фото губернаторского дома с балконом, где в этот момент находилась царская семья. Фотографировал мой отец. Я же отдал фотографии в архив во избежание неприятностей».

Баронесса осталась жива, так как её не пустили сопровождать царскую семью из Тобольска в Екатеринбург, и она уехала за границу.

Мама рассказывала, что наследник в то время совершенно не казался ни большим, ни немощным. Наоборот, он вёл себя как озорник. Очень оживлён был всегда. Катался на лестничных перилах, не опасаясь ушибов. Ещё родители рассказывали, что караул солдат часто меняли, так как после краткого общения с царской семьёй они быстро привязывались к ним и становились искренними друзьями и поклонниками».

Схиигумен Митрофан (Лаврентьев)

Прошло время, и на страницах петербургского портала «Русская народная линия» я обнаружила небольшую статью о встрече с Алексеем Николаевичем Хованским в Калининграде. Написал ещё в 2007 году схиигумен Митрофан (Лаврентьев): «Дальнейшая судьба царской подушки такова. Во время прохождения мною послушания у моего духовного отца Василия (Борина), известного экзорциста, привившего мне любовь к Царственным мученикам, я вспомнил о великой реликвии, хранящейся в Калининграде. В один из моих приездов в город я встретился с Алексеем Николаевичем и убедил его, что не место хранить эту святыню в книжном шкафу в однокомнатной квартире панельного дома

почти на окраине Калининграда. Хотя в то время (1990 год) у нас ещё и речи не шло о канонизации Царской Семьи в лике святых. Алексей Николаевич со мной согласился и передал её мне для определения достойного для неё места. Подушка побывала со мной в Зиянье и в Печорах Псковских, но там не нашли для неё достойного места.

Но вот весной 1993 года мне довелось побывать в восстанавливавшемся в то время храме Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы города Пушкина, где намечалось тогда создание музея Царской Семьи. Богослужения велись в нижнем приделе храма, освящённого в честь св. преп. Серафима Саровского, и служил там иеромонах Варсонофий. В этот Царский храм я и передал эту великую реликвию. Она была помещена в комнатку (пономарскую) рядом с алтарём, где любила молиться Императрица. По свидетельствам, там она пребывает и донныне.

Когда подушка ещё пребывала со мной, я и мои знакомые, знавшие о ней, часто прибегали к её помощи для избавления от головных болей, приложив её к болящей голове, что свидетельствует о сохранении ею благодатной силы любви, вложенной в неё святой Царской Семьей».

С. Буксгевден
(из открытых источников Интрнета)

Интервью с Мирой Островской

Однажды в библиотеке имени космонавта Алексея Архиповича Леонова я разговорилась с ведущим специалистом библиотеки Мирой Иосифовной Островской о князе Хованском.

– **Мира Иосифовна, как Вы познакомились с Алексеем Николаевичем Хованским?**

– Он был моим преподавателем в Калининградском государственном университете. Но ещё ранее я училась в Школе юных математиков, и помню, как впервые я увидела его на вступительной лекции, которую, скорее, можно было бы назвать уроком жизни, потому что он говорил, что всегда надо думать о том, что тебе важнее всего. Нельзя терять ни единой минуты, по дороге в школу, стоя на остановке, думать о самом главном.

– **А что он читал вам в университете?**

– Это был курс теории вероятностей.

– **Видели Вы царскую подушечку?**

– Да, конечно. Мы жили с Алексеем Николаевичем в одном подъезде: мы на третьем этаже, а он на первом. Он был для меня человеком уникальным. Во-первых, я ходила к нему в кружок по изучению эсперанто, а во-вторых, он занимался со мной французским языком. Я пригласила его заходить к нам, если ему куда-то надо позвонить, и он с удовольствием приходил позвонить его первой жене Татьяне Алексеевне. Она исповедовала принцип: «Не говори с тоской – ушло, а с благодарностью – было». И Алексей Николаевич очень ласково и тепло говорил с ней обычно на эсперанто.

К нему в квартиру шли постоянно люди, часто оставались ночевать. Он кормил дворовых котов и собак. И ещё он собирал мусор во дворе, за что его очень не любили работники коммунальной службы. В те времена мусорная машина, подъезжая к дому, сообщала колокольчиком о своём прибытии, кто-то выносил ведро или полведра мусора, а Алексей Николаевич собирал его добровольно во дворе довольно много, что вызывало гнев у работников этой службы.

Поток посетителей его квартиры не иссякал. Одна девушка украла у него часть Энциклопедического Словаря Брокгауза и Ефрона, унося в сумке по два тома.

А когда он к нам приходил позвонить, то мы потом ещё подолгу беседовали. И моя мама предложила ему прятать царскую подушечку у нас, и Алексей Николаевич послушался. Мама её хранила в чистой наволочке в шкафу, а у него она лежала в книжном шкафу на виду. Подушечка была сделана из серого холста, на котором по периметру прямоугольника подушки шли цветы разных оттенков мулине. Вышивку сделали великие княжны Романовы и цесаревич Алексей, когда семья Хованских жила в Тобольске и родители Алексея Николаевича передавали царской семье гостинцы, ватрушки,

испечённые матерью Алексея Николаевича. В благодарность императрица передала эту подушечку Хованским, и Алексей Николаевич её всегда с собой возил. Мне с трудом верится, что я когда-то прикасалась к вышитым царской семьёй цветам на сером холщовом поле. Ветер истории России коснулся моей щеки.

– **Были ли Вы знакомы с женой князя Хованского?**

– Татьяна Алексеевна Кокарева тоже преподавала у нас в университете на физмате дифференциальные уравнения. Такая маленькая, кругленькая, уникальная женщина, никто никогда не слышал от неё укора, она не умела обижаться, не умела винить.

Даже после того, как Алексей Николаевич привёл к себе женщину на сорок лет моложе его, которая потом захотела присвоить его квартиру, бросила его после того, как он ослеп, Татьяна Алексеевна перевезла Алексея Николаевича к себе и ухаживала за ним до конца его дней. Она увековечила его память двумя небольшими сборниками о нём.

Я называю её калининградской Софьей Ковалевской (первая в мире женщина – профессор математики), потому что её кандидатская диссертация «Теоремы существования аналитических решений для интегро-дифференциальных уравнений в частных производных» – это не что иное, как решение задачи, обратной к классической задаче Коши – Ковалевской. В некотором смысле это и обобщение класса задач, благодаря введению значительно более широкого класса допустимых функций. Всемирно известная математик Софья Ковалевская получила результаты для уравнения теплопроводности, которые были распространены доктором физико-математических наук, профессором Г. С. Салеховым, научным руководителем Татьяны Алексеевны, а она исследовала проблему для двух других классов уравнений.

– **Почему же она не стала такой же известной, как Софья Ковалевская?**

– Если бы она посвятила себя всецело математике, она бы добилась большой известности. Но она жила интересами любимого человека и видела в этом смысл. У Алексея Николаевича очень рано начало портиться зрение, но, когда он начал заниматься йогой, ему удалось намного улучшить своё зрение. Вместе с ним она изучала йогу, философские учения, и самое главное, следовала им. За много лет я не видела её расстроенной или раздражённой.

– **Какие черты Татьяны Алексеевны Вы запомнили?**

– Она любила принимать участие в капустниках на День физмата. С абсолютно серьёзным лицом она доводила нас до хохота, который называют гомерическим. Она хорошо знала музыку, живопись, поэзию, знала французский и немецкий, переводила с них, знала эсперанто, разбиралась в восточных учениях. Оба они были вегетарианцами.

– **А куда делась их огромная библиотека с редкими книгами, нотами?**

– Благодаря хлопотам Михаила Васильевича Кретова, многое попало в Государственный архив Калининградской области. Михаил Васильевич сумел похоронить Татьяну Алексеевну на старом кладбище на проспекте Мира рядом с Алексеем Николаевичем.

– **А где жил Алексей Николаевич?**

– На улице Чекистов, дом 118.

– **А есть мемориальная доска?**

– Нет!

Кретов Михаил Васильевич, предприниматель

– **Михаил Васильевич! Расскажите о дружбе с Хованскими.**

– Я больше дружил с Татьяной Алексеевной. 18 декабря 2023 года ей будет 100 лет. Алексея Николаевича я, конечно, уважал, потому что это был прекрасно воспитанный, интеллигентный человек, всегда поздороваешься, поговорит, спросит о делах. И он был безотказным человеком: надо кого-то записать в народную дружину – пожалуйста, разработать новый курс лекций, семинаров – пожалуйста. Спокойный человек, никогда не возражал, если что-то нужно было кафедре – пожалуйста, все её проблемы он закрывал. Он для неё был палочкой-выручалочкой.

Алексей Николаевич зимой ходил налегке, без тёплой одежды, из еды предпочитал картофельные котлеты и винегрет. Спиртное не употреблял, лишь немного иногда, но это было очень редко. Знал 15–17 языков. Участвовал в концертах, возил студентов на съезды эсперанто в Вильнюс. Татьяна

Алексеевна обладала изящной фигуркой, миловидная, у неё были поклонники, но любила она только одного человека – Алексея Николаевича.

В 1986 году я ушёл из университета, занялся бизнесом, а в 2003 вернулся – некому было читать лекции, работал до 2018 года. Занимаюсь дорожным строительством.

Умер князь Хованский 30 ноября 1996 года и похоронен на старом кладбище на проспекте Мира, недалеко от часовни.

Я его хоронил. Татьяна Алексеевна его очень любила и говорила после ухода к очередной аспирантке, что у них просто схожие поля. Просила похоронить их рядом, и это удалось сделать. Как-то во время бури упала на их могилы старая липа, но всё убрано, и могилы в хорошем состоянии.

Я приехал на работу в Калининград в 1969 году после окончания Воронежского университета. Татьяна Алексеевна дружила со старшим преподавателем Галиной Никитовной Виноградовой.

У меня осталось много иностранных книг, которые я хотел сдать в библиотеки, но никто не берёт. Есть ноты музыкальных произведений Алексея Хованского. Мои внуки иногда исполняют его произведения. У меня есть подлинник гербовника дворянского рода Хованских, сборники с научными трудами Хованских.

После ухода Алексея Николаевича Татьяна Алексеевна семь раз устраивала вечера памяти в филармонии. Читались стихи, исполнялись романсы, пьесы, активно участвовал ансамбль «Камерита-Самбия», а я организовывал чаепитие.

Рассказ Бориса Ивановича Попова, писателя и генеалoga

– **Борис Иванович! Как Вы познакомились с князем Хованским и почему Вы сказали, что он Ваш дальний родственник?**

– Дело в том, что род Хованских, а это был род русских князей, как и род моей прабабушки Варвары Сергеевны Пушкарёвой, происходили от одного и того же человека – от основателя Вильнюса великого князя литовского Гедимина. Только род князей Хованских происходил от сына Гедимина, носившего имя Наримунд, бывшего одно время новгородским князем, а род Пушкарёвых – от младшего сына Гедимина, носившего имя Кориат, который княжил в Подолье. Поэтому мы с Алексеем Николаевичем Хованским приходились друг другу кровными родственниками в каком-то там колене.

Познакомились мы благодаря тому, что, возвращаясь из Москвы в Калининград поездом, я разговорился со своими попутчиками, и они дали мне адрес Алексея Николаевича. Мне было очень интересно пообщаться с ним о превратностях судьбы.

– **Вы пришли к нему домой и каким Вы его увидели?**

– Алексей Николаевич был намного ниже меня ростом, совершенно лысым. Очки его имели сильные увеличительные стёкла, он практически не видел меня, а взирал лишь на некую мою тень. Мы сели за небольшой стол и начали беседовать. К нам присоединилась и Татьяна Алексеевна.

Комната была заставлена шкафами и полками с книгами. Книги были на самых различных языках. За моей спиной стояло старое немецкое пианино с подсвечниками.

– **О чём шла Ваша беседа?**

– Алексей Николаевич дал мне в руки старую толстую книгу, изданную в середине XIX века и посвящённую потомкам Гедимина.

Точно такую же книгу я видел и раньше в одной из библиотек Москвы. Но теперь у меня появилась возможность обсудить её содержание именно с тем человеком, который по своему происхождению должен был лучше меня знать историю жизни различных потомков Гедимина, да и самого Гедимина. И мы стали беседовать с ним на эту тему. Вспоминали не только род князей Хованских, но также роды князей Трубецких, Голицыных и Куракиных, которые тоже происходили от Гедимина и тоже трудились во славу России. Алексей Николаевич наизусть знал представителей всех двадцати колен своего рода, мог о каждом из них что-то сказать. Мне подумалось, что хорошо было бы каждому россиянину восстановить историю своего собственного рода как можно дальше вглубь веков и знать её так же, как знал её Алексей Николаевич. Это позволило бы всем нам вместе лучше знать историю своей страны через призму конкретных лиц, своих предков.

– **Вы говорили о России после 1917 года?**

– Конечно, мы в своих беседах вспоминали историю России, 1917 год, гражданскую войну, белых и красных. И вот Алексей Николаевич говорит о себе и своём отце, об их серьёзном разговоре друг с другом, ведь они по происхождению всё-таки были князьями и должны были вроде бы участвовать в белом движении. Слова, услышанные тогда мной, глубоко запали в мою душу. Отец, Николай Александрович, сказал во время разговора своему сыну примерно следующее: «Мы же князья, и должны своим собственным трудом показывать пример служения Отчизне другим сословиям и людям».

И этот наказ он исполнял всю свою жизнь до самой своей кончины. Окончив в 1941 году Казанский университет, он стал профессиональным математиком, учёным, продолжателем дела основателя неевклидовой геометрии Н. И. Лобачевского. Мне даже довелось подержать в руках одну из его книг, посвящённую цепным дробям. В своё время в научной работе при математическом описании процессов, происходящих в различных сферах жизни общества, мне приходилось прибегать к таким дробям, поэтому я понимал, о чём идёт речь в этой книге. Конечно, научных математических трудов было написано Алексеем Николаевичем за всю его жизнь очень много, около пятидесяти, и я при первой встрече познакомился лишь с малой толикой из них. И это были труды не какого-то там абстрактного математика, а математика практического, полезного стране и обществу. В том же 1941-м ему приходилось, например, рассчитывать таблицы для артиллеристов, сражающихся на фронтах Великой Отечественной войны. И это был его личный вклад в победу нашей страны над фашизмом.

Труды его переводили и в Китае, и в Западной Европе. Но это, как оказалось, ещё не всё, что он сделал и продолжал сам делать во славу России. У него были очень хорошие способности к изучению различных языков. За свою жизнь он научился писать на шестнадцать языках, поэтому он занимался переводами различных книг на русский язык, проводил занятия с любителями иностранных языков, в том числе даже таких необычных, как эсперанто или санскрит. Я сам был свидетелем тому, как на последнем году своей жизни Алексей Николаевич, будучи совсем слепым, занимался переводом книги одного из авторов на французском языке – я брал эту книгу в руки. И он успел завершить её перевод как раз перед своей кончиной. В это же время он принимал у себя дома отдельных студентов, которые приходили к нему домой за помощью в переводах, например, с латинского или греческого языков, или желающих пополнить свои знания в санскрите. И он даже при всём своём неудовлетворительном физическом состоянии оказывал им необходимую практическую помощь. Удивительно!

– **Играл ли для Вас Алексей Николаевич на фортепьяно?**

– Однажды я пришёл к нему со своим братом – поэтом и музыкантом. И Алексей Николаевич поразил нас обоих своими поэтическими и музыкальными способностями. Оказывается, он был автором не только многочисленных математических трудов, но и автором многочисленных стихотворных произведений. Он как бы соединил в себе одновременно две ипостаси: и физика и лирика, чего удаётся достичь лишь немногим. Выходит, Алексей Николаевич принадлежал именно к таким. В тот раз Алексей Николаевич поразил нас с братом тем, что вдруг сел за пианино и начал вслепую играть музыкальные произведения собственного сочинения, в том числе вальсы, танго, фокстроты, а также песни и романсы, которые он сам же и пел. Он же был автором таких музыкальных произведений, как марши и музыкальные фантазии на разные темы. Любил он исполнять и музыкальные произведения других авторов, в том числе произведения В. Моцарта, Р. Вагнера, Ф. Гайдна, Ф. Шопена, первую симфонию П. И. Чайковского «Зимние грёзы», а также духовные песни, особенно песню «Христос и человеческая душа», написанную на стихи Д. Мережковского и музыку М. Гаузера. Будучи профессиональным математиком, Алексей Николаевич, оказывается, часто читал лекции студентам не только по математике, но также по вопросам языкознания, музыки и живописи. Я с удовольствием познакомился с его поэзией.

– **Вы знакомы с его стихами?**

Среди его стихов мне очень понравились следующие:

После долгого сна нелегко пробудиться,
Душу прочно сковал беспощадный кошмар;
Но всё время растёт нетерпение биться
И ему нанести смертоносный удар.
Целый год надо мной ночь свирепо царила,
И её приговор мне дорогу закрыл,

Но надежду мою всё ж она не сломила,
И спасения час, наконец, мне пробил.
И я знаю одно, не в покое спасенье,
В жизни счастье всегда достаётся борьбой;
Так пускай ждёт меня впереди поражение,
Я свободен и вновь выступаю на бой.

* * *

Вся наша жизнь – сплошное ожиданье:
С какой-то жадностью смотря упорно вдаль,
Мы создаём себе напрасное страданье
И счастье превратить хотим скорей в печаль.
Зимой мы ждём весны, весною ждём мы лета,
А там и надоест июльская жара...
И всё нам кажется, что там, в грядущем, где-то
Настанет счастья блаженная пора.
Так, провожая день ушедший с нетерпеньем,
Мы жадно ждём, что скажет новый день;

И мы не сознаём, томимы наважденьем,
Что каждый раз хотим догнать свою лишь тень.
И каждый ждёт, надеясь, своего дня...
А нам давно, давно понять пора,
Что «завтра» – только эхо от «сегодня»;
«Сегодня» – только эхо от «вчера».
Но ветер времени на ледяных могилах
Не может погубить зелёного ростка;
Пусть «завтра» изменить не в наших силах —
Мы можем изменить грядущие века.

Таким вот удивительным творческим человеком оказался князь Алексей Николаевич. И он был для меня настоящим князем даже не по своему происхождению, а по своей прожитой жизни, по своим собственным заслугам перед Россией. Алексей Николаевич отличался ещё и тем, что имел необыкновенную душу и сердце...

Переписка и общение с настоятелем Феодоровского Государева собора и его помощницей

Написав письмо-обращение настоятелю собора иерею Герману Александровичу Ранне с просьбой прислать фотографию царской подушки, я получила очень быстрый ответ и несколько фотографий подушечки.

Добрый день, уважаемая Лидия Владимировна! Спасибо за Ваше письмо. Царскую подушку благоговейно храним в нашем соборе и по сей день. Будем рады, если у Вас появится возможность посетить наш храм. По благословению настоятеля отца Германа высылаем Вам фото. С уважением Феодоровский Государев.

Получив фото подушки и разослав тем, кто видел её у князя Хованского, с вопросом, та ли подушка, у свидетелей мнения разделились: одни говорили, что та, а другие – не та. Утверждение, что на подушечке были царские вензели, и меня склоняли к тому, что подушечка та самая. Мне нужен был отец Митрофан, который передал подушечку в Феодоровский Государев собор, как его найти?

Поиски отца Митрофана, который стоит в ряду замыкающих, кто видел последним царскую подушку, благодаря Анатолию Дмитриевичу Степанову, руководителю портала «Русская народная линия», и его знакомому Сергею Васильевичу Скатову, приславшему телефон отца Митрофана, завершились успешно. Отец Митрофан оказался очень дружелюбным человеком. Он рассказал, что когда посещал настоятеля Феодоровского Государева собора епископа Маркелла в 2012 году, то видел подушечку в его покоях.

После смерти владыки Маркелла настоятелем стал отец Герман Ранне, который после похорон владыки описываемой подушечки не обнаружил. Полученную от Феодоровского Государева собора фотографию я отправила отцу Митрофану, который выразил сомнение, что это именно та, сказав, что точно было на подушке в виде венка только семь цветков, по количеству членов царской семьи, но прошло так много времени, что точнее сказать не может.

Благодарю всех, кто помогал в поисках материалов, связанных с семьёй Хованских и драгоценной православной реликвии, проделавшей путь от Тобольска через Калининград в Пушкин.

*Фото царской подушки
из Феодоровского Государева собора*

Берега Новороссии

Галина Чудинова

Галина Васильевна Чудинова – прозаик, литературовед, публицист. Кандидат филологических наук. Автор нескольких книг. Кавалер ордена Достоевского III степени (2013). Член Пермской краевой общественной организации Союза писателей России с 2015 года. Публиковалась в журналах: «Литературная Пермь», «Сибирский старообрядец» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Всерусский Собор» (Санкт-Петербург), «Крылья» (Луганск), «Берега» (Калининград). Публицистические очерки и рассказы были опубликованы на порталах: «Российский писатель», «Русская народная линия», «Новый социализм XXI века», «Луганский информационный центр», «Луганск-1», «Окопка.Ру», на авторской страничке Проза.Ру. Трижды – с 2015 года – приезжала в Донбасс и писала очерки о каждой поездке. Более десяти рецензий на луганские альманахи и книги писателей Луганска и Донецка стали её поддержкой современной талантливой литературе Донбасса.

МОЛИТВЫ О ЗДРАВЬИ И СПАСЕНИИ

Рассказ

– Милостиве Господи, спаси и помилуй раба Своего Вячеслава. Избави его от всякия скорби, гнева и нужды. От всякия болезни душевныя и телесныя. Прости ему всякое согрешение, вольное и невольное. И душам нашим полезная сотвори.

С самого начала специальной операции, а по существу – войны на Украине, Марина Сергеевна по нескольку раз в день читала эту молитву, творя земные поклоны перед иконами и зажжённой лампадкой. Огонёк в лампадке порой трепетал от завывания ветра, мчащегося с севера над полувырубленными уральскими лесами, приносящего холод даже сквозь оконные стёкла, и в этих буйных порывах, в вое и рёве грезилась ей смертельная опасность, угрожающая дорогому её человеку.

– Слава, Славонька, спаси и сохрани тебя Господь, – шептала она, а позже бережно брала в руки его книгу «Мама, если не я, то кто», присланную ей Вячеславом Протасовым. Судьба врача-психиатра с сорокалетним стажем, открывшего в себе за годы войны дар писателя, стала едва ли не главным смыслом её жизни, предметом её дум. Уроженец Донецка, он не покинул родной город ни в две тысячи четырнадцатом году, ни позже, а всё пережитое им за несколько лет вылилось в пронзительные рассказы и очерки. Даже псевдоним себе он взял – Вячеслав Донецкий.

Известие об оставлении Херсона повергло Марину Сергеевну в шок. Давно ли город на Днепре был объявлен первым областным центром присоединённой к России важнейшей южной земли? Почему нельзя было послать подкрепление по сухопутному коридору? Какова теперь будет участь Мелитополя, Мариуполя и Крыма? Почему Кирилл Стремоусов, самый преданный России и яркий политик Херсонщины погиб как раз накануне отступления из Херсона? Возможно, он был категорически против этого? Официальная версия – попал в ДТП: его бронированный автомобиль был смят в лепёшку выскочившей на дорогу фурой. Если его убили, то кто? Если украинцы, то почему российская сторона даже не заикнулась о возможных убийцах? Вспомнилась ей ставшая крылатой фраза политолога Максима Шевченко: «Мы имеем дело с информационным образом события, а не с самим событием». Вспомнилась знаковая телепередача – мрачное лицо генерала Сергея Суровикина, стоявшего с указкой в руке перед картой военных действий в Генштабе, и его слова о необходимости вывода наших войск из Херсона. По мнению Максима, реальной военной необходимости в отводе наших войск не было: противник там не нападал, не угрожал, но было политическое решение сдать Херсон ради продолжения олигархической зерновой сделки. То же самое произошло на севере Украины – уход из взятых ранее территорий ради газовой сделки с Германией.

Ничего утешительного не нашла в тот день Марина Сергеевна в соцсетях, пройдясь беглым взором по избранным ею порталам. Всё тем же ядом брызгали статьи на Публицисте.Ру: «Может ли насквозь коррумпированное государство с экономикой в полтора процента от мировой, не способное наладить производство простеньких мобильников победить весь остальной мир?» Опечалил её и очередной злобный выпад: «Уже с полгода гуляет анекдот по всему миру про российскую армию: “Армия, которая собиралась брать штурмом Вашингтон, но застряла под Авдеевкой”».

«Что происходит с двумя бывшими советскими республиками, самыми мощными в СССР? И со всеми их жителями? Дичайший театр абсурда, ад на земле! Разве на то направлена Божья воля?» – задалась вопросом немолодая женщина, вспоминая семь с половиной лет своей работы в Луганском пединституте и знакомство с Вячеславом, начавшееся с переписки в Фейсбуке. Тогда её внимание привлекло любопытное суждение в конце января 2015 года: «Я мирный человек. Не по павлиньим декларациям, а потому, что медицина уже тридцать пять лет тычет меня носом в людские страдания и беды и воинственность сдувает. Я готов примириться и обняться с любым регионом Украины, но с предварительной проверкой их истинного, а не словесного, показного миролюбия и всепрощения. Проверка будет состоять в том, что наша артиллерия и авиация девять месяцев будет нещадно долбить “миролюбивый” регион, и если, после всех похорон и разрушений, желание обниматься с нами у вас не пропадёт, то обнимемся, братья мои и сестры. Но сначала мы вас разбомбим, как вы нас. Это справедливо, не так ли? И за столом переговоров мы будем в равных условиях».

– Читали ли вы Нагорную проповедь, отрицающую ветхозаветное «Око за око, зуб за зуб»? – спросила она донецкого врача. Последовал остроумный и полный горечи ответ атеиста, нелестный отзыв об официальной Русской православной церкви с её озолотившимися архиереями.

Стремясь убедить собеседника, что Бог есть, Марина Сергеевна сослалась на собственный духовный путь. Сообщила в очередном послании, как после возвращения из Луганска в родной Пермский край убеждённо пришла она к староверию после бывшего атеизма да пятилетнего пребывания в РПЦ, что уже тринадцать лет молится в пермском старообрядческом храме. Поинтересовалась отношением врача-психиатра к перспективе возрождения СССР и получила очередную отповедь: «Сейчас торгаши и дети торгашей истекают любовью к Союзу: и вкусное там всё было, и качественное. Я помню, как в хрущёвское время стоял народ в очереди за мукой – лысый придурок кукурузой тогда всё засеял. В брежневское время ростовчане ездили в Донецк за варёной колбасой по 2 рубля 20 копеек. Загадка у нас была – “длинное, зелёное и пахнет колбасой”, ответ – “электричка Донецк – Ростов”. Промтовары более-менее приличные из-под прилавка, мебель по блату, обручальные кольца по талонам, а потом и водка с сигаретами. И морды за прилавками довольные: эти распределители советских благ чётко знали, кому и что из-под прилавка продать, и сколько наварить на этом, наличными или ответными услугами. Даже приёмщица стеклотары себя богиней чувствовала и подручных из местных алкоголиков держала. Призыв “взять всё лучшее от СССР” прекрасен, но наивен. Всё лучшее в СССР мешало обогащаться единицам, и потому в 1991 году произошла реставрация капитализма, которая всё лучшее уничтожила, а сейчас осмеивает. Но не стоит забывать, что ядерная дубина, которая есть у России, получена из рук Советского Союза. И может быть, она сохранила, сохраняет и будет сохранять жизни и земли россиянам».

Так – слово за слово – завязалась переписка, продлившаяся несколько лет, со спорами о вере в Бога и православном социализме, пока не получила она приглашение посетить Донецк да побывать вблизи от линии соприкосновения.

Вмиг нахлынули на неё воспоминания о первой поездке в Донецк осенью две тысячи шестнадцатого года и о первой встрече с Вячеславом. То была ещё тёплая в Донбассе пора октября, по обеим сторонам дороги – бескрайние степи и терриконы, золотисто-рыжая донбасская осень с ещё не облетевшей листвой на деревьях, но уже поникшими травами. Дорога пролегла мимо мест недавних ожесточённых боёв: Дебальцево, Ясиноватая, Углегорск, более чем наполовину разрушенный от обстрелов, а неподалёку – отворот на Горловку.

Вячеслав понравился ей, что называется, с первого взгляда. Понравилось, как на автовокзале быстро выскочил он из своей машины и устремился к ней, окидывая на ходу её лицо и фигуру цепким внимательным взглядом врача. Понравилось, как обнял её, расцеловав в щёки, как усадил в машину. Чуть выше среднего роста, со спортивной фигурой теннисиста, с густым загаром на скуластом лице и тогда ещё редкой сединой в густых волосах, он был лет на десять младше её, но казался старше и опытней во всём.

– Сейчас едем устраиваться в гостиницу «Эконом», – коротко бросил он, усаживаясь за руль, – а завтра, в свой выходной день, покажу тебе город.

Теперь этот город, ежедневно обстреливаемый американскими хаймерсами, полуразрушенный, истекающий кровью всё новых жертв, но не сдающийся врагу, стал для Марины Сергеевны источником постоянной душевной боли. Но в тот памятный день он ещё жил своей полнокровной жизнью. Автомобильная экскурсия началась с центральной улицы Артёма, и уроженка Урала внимательно разглядывала площадь Ленина.

– Историческое место! Здесь с весны две тысячи четырнадцатого года собирались многотысячные митинги сторонников независимости ДНР, – пояснял ей Вячеслав на ходу. – А вот театр оперы и балета имени Анатолия Соловьяненко, нашего донецкого соловья, видишь, его позолоченный памятник возвышается возле театра. А теперь посмотри на любимое место отдыха дончан – тенистый и уютный бульвар А. С. Пушкина. Здесь на тумбах можно увидеть фотографии и прочесть историю бывшей Юзовки. Сейчас мы едем к «Донбасс Арена», видишь огромный крытый футбольный стадион на пятьдесят четыре тысячи человек, его построил для города донецкий татарин, бывший футболист, а ныне олигарх Ринат Ахметов на малую частичку отнятых им у народа денег.

Вспомнила Марина Сергеевна, как вышли они с Вячеславом из машины возле огромного монумента героям Великой Отечественной войны, и с высоты женщина увидела, насколько удачно спланирован город, пересекаемый в нижней его части рекой Кальмиус. Парки и цветники давали ощущение простора, облагороженного пространства: и гостья с Урала почувствовала, как любят дончане свой город, не уступающий по ухоженности и красоте иным европейским столицам. Не забыл показать ей внимательный гид и городскую «изюминку» – парк кованых скульптур с фигурой кузнеца посредине, сработанной в стиле авангарда. А возле здания Донецкого университета вспомнил Вячеслав, как в оные времена приехал сюда на учёбу уроженец Галичины Василь Стус, но занят был тем, что третировал студентов и преподавателей, ходил по коридорам босым и в портках да проклинал советскую власть: «Доигрался, и отправили его в ваши края, в лагерь для политзаключённых Пермь-36».

– Да, помню о таком, – отозвалась Марина Сергеевна. – Один из моих знакомых назвал его поэтом-великомучеником, посвятил ему стихи.

– Какой на хрен великомученик! То был лютый бандеровец, из тех, кто сейчас обстреливают нас с окраин Донецка. А ты не боишься проехать до линии соприкосновения?

– Рядом с тобой я ничего не боюсь!

Гостье с Урала довелось увидеть, сколь разительный контраст с фешенебельным центром являли собой здания со снесёнными крышами и пустыми глазницами окон. Сам Киевский проспект был перекрыт в то время блокпостом. От него – рукой подать, с полкилометра до старого здания аэропорта, до линии соприкосновения. Здесь Гиви, Михаил Толстых, – Царствие ему Небесное! – со своими ополченцами вовремя взорвал мост, дабы нацисты не прорвались в город.

Навсегда остался в памяти Марины Сергеевны и вечер того дня. Вячеслав, появившись в назначенный час в гостинице, бережно взял её под руку, сопровождал в кинокофейню имени Ханжонкова, место встреч донецких бардов, писателей и поэтов.

– Услышишь авторский концерт Геннадия Горелика, ныне самого известного городского барда. Молодец мужик, год назад вернулся в родной Донецк из Израиля, где прожил лет пять. Сказал, не могу больше слушать, как клянут там Россию и Донбасс, да, говорят, собирается в ополчение. Евреи тоже разные бывают!

Песни военных лет под гитарные струны сменяли одна другую, зрители, аплодируя, отбили ладошки. Уроженке Пермского края хотелось, чтобы этот вечер никогда не кончался. На прощание Вячеслав расцеловал свою спутницу в обе щёки, бодро пообещав ей: «Ещё увидимся!»

«Тёмная ночь, только пули свистят по степи», – уже ночью в гостинице звучала в душе Марины Сергеевны знаменитая фронтовая песня. Позже узнала она, что день и вечер оказались роковыми: в двух километрах от кофейни было совершено подлейшее убийство Арсения Павлова, легендарного командира батальона «Спарта» с позывным «Моторола». Проводить в последний путь легенду Донбасса по зову сердца пришли более пятидесяти тысяч человек, многие из них ради этого приехали из других городов.

Платоническая любовь к незаурядному человеку побудила Марину Сергеевну вновь приехать в Донецк. Её вторая встреча с Вячеславом состоялась через два года в апреле и была непродолжи-

тельной. В светлый солнечный день они погуляли по бульвару Пушкина: не хотелось думать о том, что где-то рядом шла война. Вспомнила, как уговаривала она его поскорее издать свою книгу, и он обещал сделать это. Вспомнила его короткие дружеские поцелуи на щеках да привычное: «Бог даст, ещё увидимся!»

Изданная книга попала во все библиотеки Донбасса, ею зачитывались, оставляли самые хвалебные отзывы, а вскоре Вячеслав Протасов был принят в ряды Союза писателей России. Узнав об этом, Марина Сергеевна снова собралась в Донбасс, да ковидная истерия двадцатого и двадцать первого годов заморозила её планы. Сердцем чувствовала она неумолимое приближение войны: с Вячеславом порой переписывалась по электронке. На её вопрос о вероятности отъезда из Донецка он ответил в канун объявления о спецоперации: «Никакой эвакуации ни я, ни жена, ни дочки не планируем. Обстрелы окраин ДНР усилились, но пока по мирному населению не бьют или бьют редко, хотя напряжение нарастает».

К двадцать шестому марта напряжение усилилось, и в ответ на её тревогу пришла короткая весточка: «Здравствуй, дорогая Марина! У нас всё нормально. То света не было, то Интернет с перебоями, то не было всего, кроме газа, но это житейские мелочи. Пока ещё живём в зоне обстрела, стараемся меньше ходить по улице без дела, особенно из-за “Точек-У”, которые прилетают в любую часть ДНР. Утром отвожу жену и дочек на работу, а вечером еду забирать. После 19.00 транспорт в Донецке почти не ходит, рестораны, фитнес-центры работают только до 19.00. Город опустел, все сидят по норам и ждут Победы: мужики ушли на фронт. Я почти всё время смотрю новости, всё другое не интересно, эмоционально не затрагивает».

Такие дела. Обнимаю. Пиши. Жду».

Пасхальное поздравление от двадцать пятого апреля было не менее лаконичным: «Христос Воскресе, дорогая Марина! Поздравляю тебя со Светлым Христовым Воскресеньем! Желаю доброго здоровья, творческой энергии и веры в лучшее! Мы ждём начала боёв под Донецком с продвижением вперёд. Пока идёт артподготовка. Работы у меня сейчас много: на реабилитацию поступают контрактники и мобилизованные, все после лечения по поводу минно-взрывной травмы, сотрясения головного мозга. Ничего, кроме дневника, не пишу. Как-то не до того. Читаю старые сборники стихов и публицистики о ВОВ, ещё 60-х годов прошлого века, под редакцией Константина Симонова и других. Такие дела. Пиши. Всего тебе самого наилучшего!»

Коротким было и майское послание: «Здравствуй, дорогая Марина! У нас пока более-менее. Я работаю с утра до вечера: много военнослужащих на реабилитацию поступают, а с ними не столько врачебной работы как таковой, а куча бумажной волокиты: продление справок через ВКК каждые десять дней. Фронт от нас почти не движется, и живём по-прежнему в зоне обстрела. Такие дела. Пиши. Жду».

Летние письма напоминали телеграфные строки: «Работаю с утра до вечера, устаю, не до писем. Даже не знаю, когда в отпуск: некому работать. Обнимаю. Пиши»; «Кручусь как белка, потом прихожу домой, тупо смотрю новости, сплю и снова на работу. За воскресенье едва отхожу. Вот и вся моя жизнь. Пиши. Жду, но не всегда отвечаю сразу».

С назначением генерала Сергея Суровикина командующим специальной операцией начались массированные обстрелы электростанций во всех крупных городах Неньки, и Украина погрузилась во тьму. Вспомнились Марине Сергеевне слова Порошенко, брошенные в адрес жителей Донбасса в 2014 году: «У нас будет работа – у них нет. У нас будут пенсии – у них нет. У нас будет поддержка детей и пенсионеров – у них нет. Наши дети пойдут в школы и детские сады – их дети будут сидеть по подвалам. Вот так мы и выиграем эту войну». А теперь украинские дети прячутся по подвалам: «С чем к другим людям придёшь, то и – по Божьему промыслу – получишь обратно», – подумала она, с тревогой слушая ежедневные сводки новостей.

Всю осень Вячеслав работал на износ, послания становились всё короче: «Работаю один за пятерых. Врачи разбежались и разбегаются. Как-нибудь напишу подробнее. Обнимаю. Всего самого наилучшего. Пиши».

Хроника текущих событий ужасала Марину Сергеевну: «Украинские военные продолжают бомбить территорию ДНР. За минувшие сутки, с 08:00 второго декабря до 08:00 третьего декабря, в результате обстрелов ВСУ на территории Донецкой Народной Республики погибли пять человек и ещё четырнадцать мирных жителей получили ранения».

Тем временем прокремлёвский политолог Сергей Марков поделился с читателями в соцсетях о целях регулярных ударов по объектам энергетики на Неньке: «Цель ударов предельно проста. Это не мучения населения Украины. Это прекращение мучений населения Донбасса. То есть Украина должна прекратить расстрел Донецка и других городов Донбасса. Восемь лет их уговаривали. Наконец перешли к принуждению. Давно пора. И жёстче надо принуждать к миру».

В недрах его ведомства даже созрел такой анекдот: «Хохол кричит: – Господи, ты всё дал русскому: и нефть, и газ, и золото, и алмазы. И великую историю. А мне ничего не дал. Почему?»

– У тебя все это было! – отвечает Господь.

– Когда?!

– Когда ты был Русским!»

С началом зимы весточки от Вячеслава прервались, а целенаправленные расстрелы Донецка леденили душу: «Очередное военное преступление совершили сегодня утром украинские фашисты. Ровно в семь часов утра они подвергли центр Донецка самому массивному удару, начиная с 2014 года, – сообщил в своём Телеграм-канале мэр столицы ДНР Алексей Кулемзин. – Сорок ракет из реактивных установок залпового огня БМ-21 “Град” выпущено по гражданскому населению. Под обстрел угодили проспект Богдана Хмельницкого, улица Университетская, бульвар Школьный, улица Набережная, район крытого рынка. Произошли прямые попадания в многоэтажные дома по проспекту Ватутина, были прилёты по проспекту Мира, улице 50 лет СССР, бульвару Шевченко, проспекту Театральному, по железнодорожной больнице, студгородку. Всюду возгорания и задымления. В детском саду № 15 вылетели окна и двери».

А в соцсетях на доверчивых читателей накатывали всё новые валы информационной бравады: «Хохлы не учитывают, что залп нашей ответки тяжелее. Там, где они убьют бедную донецкую бабушку, мы убьём треть их энергетики. Не стоило играть в террор. Не стоило играть в войну. Не стоило быть хохлом. Но уже поздно чего-то менять. С первыми днями зимы, хохляцкая сволочь!»

«Только новый социализм спас бы Россию и Украину, только справедливость и народовластие, созидание и развитие, – размышляла Марина Сергеевна, с горечью читая кипящие ненавистью строчки. – Салорейх, укровермахт, бандерштадт – вот каковы ярлыки, навешанные на ранее цветущую, а ныне полувыжженную Неньку». Мысленно представила она русских и украинских солдат, сидящих в сырых и холодных окопах да блиндажах по обеим сторонам баррикад, вспоминая пронзительные слова и музыку Микаэла Таривердиева к спектаклю «Прощай, оружие!» по роману Хэмингуэя: «Вместе с ротой моей я по длинным траншеям впился в жгучую мякоть войны... // Зачем? Зачем? Зачем? Для чего? Для чего? Для кого? // Гибнут, гибнут люди, шагая по разрытой боями земле... // Зачем? Зачем? Зачем? Для чего? Для чего? Для кого?» Написан роман о Первой мировой войне, а ощущение – что про наше время. Гибнут молодые парни – для чего и для кого? Ради прибылей миллиардеров той заокеанской содомистской страны, что недавно узаконила однополые браки? Очнитесь, люди! Прозрейте в схватке с нашим общим безжалостным врагом – российским и украинским олигархатом!»

В минуты горечи только вера в Божий промысел, только молитвы о здравии и спасении дорогого человека были подобны бальзаму для тоскующей души: «Милостиве Господи, спаси и помилуй раба Своего Вячеслава. Избави его от всякия скорби, гнева и нужды. От всякия болезни душевныя и телесныя. Прости ему всякое согрешение, вольное и невольное».

– Нет, он не погибнет от вражеского осколка: милостию Божией он выживет, верю, что настанет время, и мы вновь увидимся в Донецке, – с этими мыслями Марина Сергеевна по вечерам погружалась в тревожный сон, а утрами встречала каждый новый день.

ТА, ЧТО ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

Рассказ

Раннее хмурое утро двадцать четвёртого февраля запомнилось Алисе Малеевой на всю жизнь: ей показалось, что от мощного рёва моторов раскалывается небо над их домом. Женщина встала, наскоро накинула халат, подошла к окну и тихо ахнула. Боевые вертолёты один за другим двигались в западном направлении, она попыталась сосчитать их, но быстро сбилась. Рёву машин вторил гул тяжёлых бомбардировщиков в тёмном таганрогском небе, эскадрильи мчались на Украину.

Проснувшийся муж Григорий окликнул её, поднялся с постели, обнял жену за плечи, стремясь унять её нервную дрожь:

- Что это, Гриша? Никак, война началась?
- Нет, принуждение хохлов к миру!

То было начало Специальной военной операции, первоначально задуманной Путиным и его кремлёвским окружением как блицкриг.

* * *

Неисповедимы пути Господни... Думалось ли Марине Сергеевне, что в один из апрельских дней года две тысячи двадцатого прилетит к ней по электронной почте весточка из Таганрога от дальней родственницы по имени Алиса, ставшей за время их общения одной из самых близких для неё людей. Алису Малееву живо интересовала история рода Кудиновых, особенно её очерские корни. Тут же, в письмеце, выяснилось, что прадед Марины Алексей Варфоломеевич Чазов и бабушка Алисы Васса Варфоломеевна были родными братом и сестрой. Как тут было не наладить обмен фотографиями да документами по общей их теме? По Божьему промыслу ранее незнакомая родственница становилась Марине Сергеевне всё ближе, а осенью 2020 года жительница Пермского края получила приглашение погостить у вновь обретённой родни.

Ярким и радостным стало для гостьи с Урала её пятидневное пребывание в Таганроге, в дружной семье Малеевых. Алиса, чьим хобби было составление родословных, развернула перед ней плотный рулон, где на особой бумаге были размещены фотографии, даты, краткие сведения не только об уральских корнях Малеевой, но и обо всех представителях её семьи. Рулон дополнял толстый альбом с дополнительно найденными данными. Марина Сергеевна искренне восхитилась огромной поисковой работе, проделанной хозяйкой уютного двухэтажного дома.

Что ещё по-настоящему удивило её, так это доброта и душевная щедрость хозяев. Летом 2014 года, в разгар боёв в Донбассе, семья Малеевых приняла у себя пятерых беженцев из Донецкой и Луганской республик – своих дальних родственников. Дом был переполнен, напоминал, по словам Алисы, цыганский табор, и, хотя беженцы спали на раскладушках и матрасах, все были накормлены и утешены. Иные нашли свою судьбу в Таганроге, другие через год вернулись домой, зато ни один не погиб от обстрелов да осколков снарядов. Не только людей, но и бездомных животных приютила эта семья – дюжину брошенных кошек да покалеченных собак. Одну из них нашли на морском берегу, где несчастное животное пряталось в каменном укрытии, другую подобрали с простреленной ногой, и ветеринар извлёк пулю. Отрадно было слышать, каким благодарным лаем встречали собачки приход в дом своих заботливых хозяев!

В те памятные дни знакомство с Таганрогом Марина Сергеевна начала с посещения двух главных музеев города: «Лавки Чеховых» и Дома-музея А. П. Чехова. Её порадовали великолепно продуманные экспозиции: в каждой из комнат был бережно воссоздан быт чеховской семьи, передана атмосфера конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Жительница Урала черкнула в путевом блокноте, что таганрогцы свято чтут память своего великого земляка, есть здесь и улица, и парк с памятником Чехову, но, увы, не обошлось и без пошлых курьёзов: проезжая по городу, она увидела вывеску «Фитнес-клуб имени Чехова», услышала, что открыт и бар, названный его именем. Интеллигенции пора бы активно вмешаться, прекратить подобное паразитирование знаменитым «брендом», подумалось ей. Старый Таганрог с его историческим центром много лет привлекал и местных и приезжих своими тихими улочками, низенькими старинными домиками, – впрочем, со всеми современными удобствами, но строительная мафия уже нацелилась на уникальный уголок прошлого. Удастся ли его отстоять для грядущих поколений?!

Курьёзным стало купание гостьи с Урала в Азовском море: выбрав подходящее местечко на пляже, она вошла в воду с намерением поплавать, прошла более трёхсот метров, но глубина, как говорят в народе, была ниже пупа, выше колена. Купания в обмелевшем Таганрогском заливе не получилось, и больше такой попытки Марина Сергеевна не повторила.

Вторая её встреча с семейством Малеевых состоялась через полгода после начала СВО. И вновь Алиса с мужем Григорием во втором часу ночи встретили уроженку Пермского края на Ростовском вокзале да привезли в свой столь знакомый ей гостеприимный дом.

Приезд совпал с днём Успения Пресвятыя Богородицы, с окончанием строгого Успенского поста, и особо радостными стали для Марины Сергеевны трапезы и беседы в кругу близких по духу людей. Речь зашла о начале спецоперации, когда в марте приток беженцев из Мариуполя и его окрестностей в Таганрог составлял порядка ста тысяч в сутки, Алиса курировала четыре бригады волонтеров, оказавших огромную помощь попавшим в беду людям. Гости с Урала показали наскоро снятый видеофильм: колонну автобусов и полуразбитых машин, что медленно приближались к таможне. Вот на нейтральной полосе оказалась машина с выбитыми и наспех залепленными плёнкой стёклами. Из неё вылез плачущий поседевший человек лет сорока, чьи родные погибли при обстреле. Казалось, сам воздух пронизан бедой... Комок подступил к горлу Марины Сергеевны, понявшей все её масштабы.

Алиса поведала, что пограничники не справились бы с этим людским горем без помощи волонтеров. Задачей их, пограничников, была тщательная проверка документов, а задачей волонтеров – снять стрессы с измученных людей, неделями просидевших в подвалах. На нейтральной полосе молодые девушки и парни, равнодушные к чужой скорби, кормили беженцев супом и кашей – по ложке через каждые полчаса, дабы от полных тарелок пищи не пострадали голодные желудки. Устанавливали биотуалеты, раздавали памперсы, влажные салфетки, поили чаем, утешали как могли. А после проверок беженцев развозили по городам и весям всей России.

Чуть позже довелось Марине Сергеевне отдохнуть восемь дней в пансионате «Казачий берег» да поплавать в тёплых водах Азовского моря близ Ейска. Что запомнилось ей во второй приезд на юг России? Постоянный гул самолётов в утреннем небе и два бомбардировщика, что почти ежедневно ближе к вечеру с рёвом пролетали над кромкой воды на высоте не более ста метров. Отдыхающие лихорадочно хватались за мобильники, пытаясь заснять их, однако скорость была огромной. Высший пилотаж! Запомнился диалог-спор в программе «60 минут». Один из участников справедливо говорил, что миллионам людей, особенно молодёжи, нет дела до СВО, иные прямо называют её путинской авантюрой. В ответ ведущий Евгений Попов утверждал, что «всё идёт по плану». Запомнился рассказ семейства Малеевых про памятник паровозу, стоящему в Таганроге возле старого железнодорожного вокзала, да поучительная история этого памятника. В разгар гражданской войны в привокзальном здании засели белые, обнаружили в его подвалах огромное количество вина, прочно забаррикадировались и попивали вино, напрочь игнорируя все требования о сдаче. Спустя несколько дней красным надоел период затягивания «спецоперации», они догадались добавить рельсы, разогнать паровоз и мощным его ударом разрушить стену здания. Противник капитулировал.

Вернувшись домой, заново перечитала она письма Алисы, полученные вскоре после двадцать четвёртого февраля. Подумала, как круто изменила военная операция всю привычную Алисину жизнь, о чём постоянно сообщала она уральской родственнице.

* * *

18 марта 2022 г.

Здравствуй, дорогая Марина Сергеевна! Активно занимаюсь помощью в вывозе людей из Мариуполя. Очень много задач. Получаю адреса, связываюсь с волонтерами, потом получаю информацию и передаю родственникам. Пытаемся вывезти людей с территории, которая пока что является линией фронта. Ждём, когда наши двинутся дальше.

В Таганроге всё спокойно. Получилось так, что мы основной перевалочный пункт для эвакуированных с Донбасса. Люди приезжают разные. Большинство обычные труженики, которые безмерно благодарны, что их привезли, дали кров, кормят, обеспечивают всем необходимым. Но есть отдельная, довольно большая по количеству, категория, которая считает нас обязанными. Мы им должны всё! И кормят их плохо. И разместили не в пятизвёздочном отеле.

У нас в городе беженцы везде. Даже во Дворце спорта. Обеспечены они всем. Люди помогают. Привозят одежду, детские товары, детское питание, памперсы. Конечно, люди выезжают «в чём есть»... Многих вывозят из подвалов. Смотреть видео из Мариуполя тяжело...

Довелось мне общаться с несколькими семьями. Жест, конечно...

Очень чёткий досмотр всех выезжающих мужчин. Несколько рубежей. Нормальные мужики сами поднимают одежду и показывают своё тело. Ищут, собственно говоря, наколки, след от приклада. На руках смотрят след от курка. Если есть какие-то подозрения – дополнительные исследования, включая смывы с рук на обнаружение следов пороха.

24 марта 2022 г.

Дорогая Марина Сергеевна! Я – координатор в волонтерских группах. Ищем, вытаскиваем из ада, эвакуируем, помогаем оформляться в России. Сложно. Очень сложно.

Добивают новости от друзей и родственников. Вчера из Мариуполя пришла семья нашей хорошей знакомой. Шли пешком, потому что на тачке везли самодельный гроб с телом своего тринадцатилетнего сына. Я ревела сегодня полдня. В голове такое не укладывается. Прямое попадание в дом. Мальчика убило осколком. Стреляли нацики. Рядом не было ни одного солдата. Просто стреляли в дом. Поток беженцев увеличился с деблокацией Мариуполя. Сейчас их с границы сразу везут вглубь страны.

Посылаю письмо от девочек с КПП: «Мы с Леной работали внутри таможни. Первая задача – организовать и отладить непрерывную работу, потому как именно сюда прибывали измученные и голодные люди. Ждали, пока их зарегистрируют и проверят. Многие не ели от трёх до шести дней. В этот момент – до регистрации – важно обеспечить горячую пищу или перекус, накормить их. Мы успокаивали людей, которые в буквальном смысле вырывали из рук еду, выдавали им питьевую воду, бутерброды и салфетки. Все они были грязные, а многим предстояло ехать в поездах по три-четыре дня. Мы обеспечивали их минимальным набором необходимой помощи: салфетки влажные, прокладки, подгузники, набор ребёнку, вода. Влажными салфетками они могли вытереть себя, пока доедут. Месяц люди не мылись вообще, были чёрного цвета от сажи. Детям от семи лет выдали подгузники с собой, так как многие от страха писались. Люди были напуганы, и мы успокаивали их как могли».

7 апреля 2022 г.

С Благовещением Вас, дорогая Марина Сергеевна! Сегодня птичка гнезда не вьёт, девка косу не плетёт, а мы работаем! Надеемся на улучшения. Я, как обычно, волонтер на работе. Ищу, где что можно купить дешевле, обеспечиваю доставку. Привлекаю к работе своих знакомых. Кто-то из них начинает помогать руками, кто-то машиной, кто-то деньгами.

Приятно, что мои друзья, живущие в разных уголках страны, откликнулись на мои просьбы. Сейчас из Москвы идёт посылка с новыми вещами от хозяйки магазина одежды, детское питание едет из Иваново, тапочки, которых **ОЧЕНЬ** не хватает, едут из Самары. Остальные кидают деньги, кто сколько может.

6 июня 2022 г.

У нас здесь часто бывают наши защитники. Они выходят «из-за ленточки» отдохнуть и подлечиться. Вот кого надо слушать! Вот это реальные события! А все эти блогеры и часть военкоры – «слова на ветер»! Муж племянницы пишет только одно! «Косим укроп!» И приветствие у нас с ним – ZOV! Приезжайте! Окунётесь в нашу атмосферу!

* * *

В один из летних дней Григорий Малеев привёз Алисе сумку с едой и большой термос с чаем в их магазин по продаже детских игрушек. Небольшое семейное дело успешно существовало уже несколько лет, но в последний год торговля шла не лучшим образом. Алисе самой приходилось быть кассиром, и уборщицей, и – порой – сторожем. Покупателей становилось всё меньше, и всё свободное время женщина занималась работой с волонтерами, активно включившись в созданную в соцсетях группу «Неравнодушные». Вот и в тот день, раскрыв на столе планшет, она что-то искала по карте.

– Ну что, моя жёнушка, в твоих планах на сегодня?

– Очень много поисков. Часть завершила, но появились новые. Одна из историй крайне тяжёлая...

– Расскажи.

– Начало такое... Жили-были в Мариуполе Агриппина Трофимовна Мальцева и её сын Родион. Жили они хорошо: сын достойно ухаживал за своей девятилетнею мамой. Когда началась самая жёсть в Мариуполе, сына эвакуировали военные, прямо с завода. Точно не могу сказать, где он работал. Предполагаю, что речь идёт об «Азовстали». По датам похоже. Сына вывезли, а мало-мобильная мама осталась одна.

Кто-то сказал сыну, что дом его сгорел, а мама, бывшая в своей квартире, тоже сгорела. Я вот в таком виде получила материал на поиск, и моя задача была – установить судьбу Агриппины Трофимовны..

– И удалось?

– Искала я данные о ней пять дней. Когда стали пускать в Марик, сын рванул назад. Пока он к ней туда добрался, у меня седых волос стало в два раза больше. Сначала сказали, что она сгорела в своей квартире, как лежачая. Можно было прекращать поиск, но чё-та я засомневалась... Стала искать людей, которые не выехали из Марика, и нашла девушку! А та мне в ответ: «Тю! Та такие, как баба Груня, в огне не горят! Ей и в воде утонуть не суждено! Она ещё нас с вами переживёт!» Гибель Агриппины Трофимовны мне подтвердили человека три, но мне почему-то не верилось. Какое-то двадцать седьмое чувство говорило, что она обязана выжить. Я связалась с донскими волонтерами, а теперь смотри сюда, какой они сделали сюжет.

«Ростовская область, 1 июля 2022. DON-24.RU. Волонтеры спасли из разрушенного и сгоревшего дома Мариуполя 98-летнюю Агриппину Трофимовну Мальцеву. В доме без окон, крыши, воды и электричества женщина прожила несколько месяцев. Сейчас она в безопасности – накануне пенсионерку доставили в один из пунктов временного размещения в Таганроге. Вместе с группой волонтеров за 98-летней пенсионеркой ездила и фотокорреспондент информационного агентства “ДОН 24”».

– А теперь послушай её запись!

«История началась ещё весной. Родион Мальцев, 63-летний житель Мариуполя, мартовским утром, как всегда, ушёл на работу на завод “Азовсталь”. В квартире осталась его пожилая мама – она была слаба и не совсем здорова, на улицу не выходила почти десять лет. Домой в положенное время Родион не пришёл – сотрудников предприятия посадили в автобусы и отправили в эвакуацию. Вернуться за матерью мужчине не позволили, сказали, по городу работает артиллерия и их дом разрушен, в нём никто не выжил.

Оказавшись в России, Родион не смирился с потерей и пытался найти маму. В этом ему помогали многие люди, пока через соцсети он не вышел на волонтеров поискового движения “Неравнодушные”. Как женщина выжила – для всех загадка. По зданию работала артиллерия, а у пенсионерки сохранился слух и выдержало сердце. Потом четыре месяца квартиру заливало во время дождей, воды и света в доме не было. Соседей не осталось. Когда женщину обнаружили, к ней приехали добровольцы. Они привезли самое необходимое, а Агриппина Трофимовна показала свои фотоальбомы, в одном из которых – все снимки о Великой Отечественной войне. Возможно, что именно та закалка помогла женщине продержаться и в этот раз.

Первую попытку вывезти пенсионерку в Россию волонтеры предприняли в начале июня. Для этого нашли машину скорой помощи – во время своего одиночества и без того ослабленная женщина питалась лишь теми запасами, что были в квартире. Ходила она плохо, поэтому часто падала, её тело покрыто ссадинами и синяками. Решили, что транспортировать бабушку без медицинского наблюдения очень опасно, но Агриппина Трофимовна испугалась переезда, и тогда уговорить её не смогли.

В конце июня поисковое движение “Неравнодушные” решило повторить попытку перевозки. Медлить было нельзя – здоровье женщины ухудшалось. Было решено отправиться за пенсионеркой и её сыном на трёх легковых машинах, а по пути забрать ещё и брошенную собаку.

В квартиру бабушки волонтеры вошли с мягкими носилками. Пенсионерка очень не хотела уезжать, однако не могла верно оценить всё происходящее в силу возраста. С помощью сына её всё же вынесли из квартиры и уложили на заднее сиденье легкового автомобиля. В дороге пенсионерку настигали приступы страха, но в какой-то момент ей показалось, будто её везут в Москву и она сможет поговорить с президентом Владимиром Путиным. Тогда бабушка попыталась привести себя в порядок, поправила одежду и причесалась.

В Таганроге мать и сына определили в пункт временного размещения. Женщине оказали медицинскую помощь, а Родиону помогли устроиться на работу. Чуть позже корреспондент Вероника Князева поделилась своими впечатлениями: “Когда мы вернулись в Ростов после дня в Мариуполе, было странно видеть целые дома, нормальные дороги. Такой контраст! Как только утром пересекли границу, всё поменялось: здания разбиты, дороги изрешечены, всюду воронки. Где-то сапёры работают, дорожные знаки прострелены, с указателей содраны надписи. Какой-то параллельный мир. Люди

идут куда-то... Всё разрушено. Кто-то передвигается на велосипедах, кто-то стоит в огромных очередях на остановках. Там, где раздают гуманитарную помощь, тоже толпы людей. И всюду надписи: «Здесь живут люди», «Здесь дети». У меня весь вечер перед глазами были эти чёрные, выжженные и простреленные дома»».

– Ну, как тебе эта история?

– Слава богу, завершилась благополучно!

– А я каюсь перед тобой: много денег ушло на телефонные переговоры. Сам знаешь, каковы наши дела с продажами! Прости за лишние траты!

– О чём ты говоришь? Какие траты? – Григорий обнял жену, поцеловал в висок, потрепал волнистые, изрядно поседевшие кудри. – Представь, что такое случилось бы с нашими матерями! Разве не поступили бы мы так же, как Родион? Я всегда знал, что женился на самой доброй и не равнодушной к чужим бедам женщине! Садись обедать, а после вместе попьём чаю...

* * *

Письма Алисы восхищали Марину Сергеевну активностью её таганрогской родственницы: «У меня была парочка очень сложных и интересных поисков. Пока все завершаются удачно. Соединяем семьи. Сейчас работаю по поиску дочери 88-летней женщины. Дочь живёт в Америке. Женщину отправили в ПВР Липецка.

Наши ПВР стали «проходными». Люди здесь находятся буквально два-три дня. За это время они успевают выкупаться, отдохнуть, подобрать себе одежду и обувь, подать все необходимые документы на легализацию своего нахождения в стране и положенную им выплату в 10 000 рублей. Многие успевают вообще определиться со своей дальнейшей жизнью. Кто-то решает получить гражданство и остаться в России. Вакансии им предоставляют в разных регионах. Много людей уехало в Хабаровский край «насовсем». Там им предоставляют и работу, и жильё.

Почти каждый день у нас формируются поезда, которые уходят вглубь страны. География обширная! Пенза, Тольятти, Ульяновск, Тверь, Владимир, Казань, Нижний Новгород, Кострома, Рязань, Чебоксары, Астрахань, Саранск, Гатчина, Псков, Ижевск, Киров, Невинномысск, Владивосток, Хабаровск, Уфа. В Липецке уже приняли и разместили в комфортных условиях тысячи людей. Многие вернутся назад. Надеюсь, всё у них будет хорошо!

У нас немного потише. Даже в волонтерских чатах затишье. Зато полный аншлаг в чатах поисковых. Люди потерялись с переездами. Ищем!

Телефоны разбиты, потеряны. Записные книжки сгорели или остались в разрушенном жилье. Хорошо, что есть соцсети и люди, которые рядом, которые могут сходить, посмотреть, спросить. Так и прорвёмся!»

«Представляешь ли ты, милая моя Алиса, что уже пережили и что переживают люди под непрерывными обстрелами в Донецке?» – спросила её в одном из писем уроженка Пермского края. В конце декабря последовал ответ: «Дорогая Марина Сергеевна! Мы тут все не просто представляем, в каких условиях живут люди, мы помогаем как можем. А ещё помогаем выехать. Очень сложно вывозить стареньких. Вот сейчас в работе история с эвакуацией из Запорожской области слепой женщины, восьмидесяти четырёх лет от роду, и из-под Сум женщины восьмидесяти шести лет.

С территории, подконтрольной Украине, цена эвакуации 3500 долларов плюс 150 000 рублей. И я не ошиблась с количеством нулей, именно сто пятьдесят тысяч. Скорее всего, будет объявлен очередной сбор. Из Донецка выехать проще. Автобусы ходят. И ПВР принимает людей свободно. Мало кто хочет уезжать. Как-то так».

«На таких неравнодушных, как ты, милая Алиса, держится земля Русская!» – летела весточка в Таганрог.

Та, что приходит на помощь, в ответ посылала истории о новых спасённых жизнях.

Берега прочтения

Сухейль Фарах

Доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, писатель, переводчик, религиовед, культуролог, арабский учёный, президент Открытого Международного университета «Диалог цивилизаций», Председатель Ливано-российского дома.

ПОЧЕМУ НАМ ДОРОГ ПУШКИН ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА?

(Предисловие к книге «А. С. ПУШКИН: ЗЕМНОЕ И БОЖЕСТВЕННОЕ».

Книга вышла в Ливане летом 2011 года на русском, арабском, английском и французском языках)

Почему Пушкин?

Нам будет проще ответить на этот вопрос, обратившись к самому духу творчества этого великого русского поэта, оставившего громадное культурное и литературное наследие не только для русской, но и для всей мировой цивилизации.

– Взываю к тебе, Александр Сергеевич Пушкин с беспримерной любовью! Ты, кто пребывает на столь недостижимых высотах духа, позволь нам раскрыть тайну и силу наших чувств к тебе!

– Твой гений принадлежит и этому Востоку, ведь ты всегда стремился бережно хранить воспоминания о своём происхождении. Поэтому магнетическое поле притяжения между тобой и этим Востоком связало вас неразрывно тысячью и одной нитью.

– Мы здесь, в Антиохии и повсюду в Леванте, считаем тебя одним из нас, ведь ты дорог нам тем, что сумел вместить в своём духовном мире всю божественную любовь Иисуса и Мухаммада.

– Запад считает тебя своим тайным продолжением, потому что ты до мозга костей жадно впитал в себя его культуру, и потому, что искры твоего планетарного гения проникли в его собственную культуру и все его творческие замыслы...

– Ты был вдохновенно красив и прекрасен духом, ты был всегда полон песен, воспевающих любовь божественной красоты мироздания и земной природы человека. В глазах твоих читателей, где бы они ни были, ты остался недостижимой вершиной прекрасного в мировой культуре.

– В каждом слове твоих стихов мы слышим дыхание музыки и пение соловья, ведь ты всегда умел услаждать слух музыкальностью и напевностью.

Ведь ты сказал:

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

– Ты был величайшим из художников, который смог создать в сознании своих современников и в сознании последующих поколений театральных деятелей, литераторов, художников и кинематографистов прекраснейший образ художественного творчества.

Твоё творчество стало синонимом искусства вообще.

Здесь я приведу слова министра просвещения времён Александра Пушкина, графа Уварова, который однажды вошёл вместе с Пушкиным в залу, где шла лекция по искусствоведению со словами: «Здесь говорят об истории искусства, а я привёл с собой само искусство!»

– Ты с такой напряженностью бытия отобразил в своих произведениях дух чистоты и мятежности, радость и печаль, красоту и гений, судьбу и вечность, что читатели твоих стихов и прозы на русском языке и на всех языках мира, на которые переводились твои книги, подняли тебя до вершин величайших учителей человечества, сумевших примирить противоречия и грехи этого мира с судом высшей небесной власти.

– Просвещённые умы и все, кто восстали против косности и застоя, господствующих в государственных учреждениях и институтах церкви, считают тебя одним из своих союзников...

– Творческие личности, стремящиеся к постоянному обновлению русского языка, признают тебя пионером, создателем современного русского языка...

– Сторонники творческого взаимодействия национального просвещения с мировым просветительским движением считают тебя лучшим среди них...

– Ни один очарованный своей возлюбленной влюблённый, будь то юный подросток или взрослый мужчина, зрелый муж или, может быть, старец, не считает свою любовь к ней, как и её любовь к нему совершенной, если в ней нет твоих стихов, твоей поэзии, источающей по капле сотовый мёд столь сладострастных и каждый раз новых чувств...

– Ни один русский ребёнок не засыпает вечером или ночью не убаюканным своими близкими чтением твоих волшебных поэтических сказок...

– Тебя любят русские. Все русские. И я – один из них. Ведь ты был светочем, озарившим мою судьбу, историю и культуру...

– Тебя любят все ценители прекрасного в этом мире и вышнем, ведь ты был властелином слова и стал самым совершенным образом литературного творца в России и во всём мире. Ведь ты был, и, наверное, это самое яркое качество твоей личности, подобен пророкам, более чем кто бы то ни было, приблизив свою душу к сферам пророчеств. Не ты ли сказал:

*И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и видь, и внемли,
Исполни волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

– Истинно говорю тебе, Александр Сергеевич Пушкин, твои слова обошли все пределы земли и моря, а в эпоху Интернета они преодолевают пределы Вселенной. Они воистину жгут наши сердца и воспламеняют наш разум высшей красотой упоительных мыслей и чувств.

– Ты – вечность, и тебе – наивысшая любовь наша на все времена...

Берега прочтения

Галина Хэндус

Галина Хэндус – прозаик, публицист. Родилась в России, с 1998 года живёт и работает в Германии. Автор книг: «Берег другой жизни», «Отношения», «След Хамелеона», «Бумеранг из детства», «Музей совести», «Долгая жизнь, короткая смерть».

РОМАНОВ: УКРАДЕННОЕ ИМЯ

(о книге Лидии Довыденко «Дарить России. Мои встречи с Н. Д. Лобановым-Ростовским» – Москва, 2022)

Несколько дней предновогоднего путешествия на север Германии предполагали свободное время. Потратила его с пользой – прочла книгу Лидии Владимировны Довыденко «Дарить России» и скажу искренне: большое спасибо автору за описание её впечатлений от встреч с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским. Фамилия главного героя раньше мне ничего не говорила, потому что его интересы к собирательству раритетов русской зарубежной культуры (1870–1930) не совпадали с моими.

Сегодня я многое знаю об этом уникальном человеке, истинном патриоте России, преклоняюсь перед его деятельностью на благо самой лучшей страны на свете – Российской Федерации.

Задела меня в книге, однако, не столько тема выдающихся дарений Никиты Дмитриевича, сколько глава о наследниках царской семьи Романовых. Почему эта тема вызвала горячий интерес? Причины две. Первая: ничто российское мне не чуждо. Вторая: после 25 лет проживания в Западной Германии и работы с коренными жителями могу утверждать, что знакома с немецким менталитетом не понаслышке. Да, я не отношусь к аристократам, но после двух лет тесного общения с последним бароном фон В. (от титула барона, присвоенного его прадеду королём Пруссии Фридрихом II, он отказался после смерти отца; фамилию не называю по личным соображениям) кое-что поняла в сложных семейных аристократических отношениях.

Мой интерес вызвал Георгий Прусский из семьи Гогенцоллернов, так называемый претендент на звание «Его Императорского Величества», и его матушка, княгиня Мария Владимировна. Именно поэтому хочу присоединиться к мнению князя Н. Д. Лобанова-Ростовского, барона Э. Т. фон Фальц-Фейна († 2018 в возрасте 106 лет), графа П. П. Шереметева, графа С. А. Капниста, князя А. А. Трубецкого, князя Д. М. Шаховского и других титулованных особ. У них брала интервью журналист Оксана Карнович, и их мнение по заинтересовавшей меня теме приводится на страницах вышеупомянутой книги. Именно к мнению представителей российского дворянства, которые знают предмет наследования аристократических титулов в совершенстве, нужно прислушиваться. Эти люди не предвзяты и опираются на законы престолонаследия Российской империи. Параллельно я провела своё небольшое расследование и делюсь информацией с читателями.

Сегодня в Германии при желании можно насчитать почти 80 тысяч потомков знатных родов, бывших когда-то королями, графами, герцогами, князьями, курфюрстами. Привилегии их дворянских титулов были отменены Веймарской конституцией 1919 года, где записано: «все граждане равны», и у знатных родов остались просто знаменитые фамилии. Эти люди не часто попадают в списки самых богатых или влиятельных людей Германии. Редко у какой семьи есть миллионные счета, сверхвысокие доходы, родственники или друзья в бундестаге. Практически всё осталось в прошлом, теперь представители громких фамилий учатся, приобретают профессии, зарабатывают на жизнь сами.

После отречения последнего немецкого императора, Вильгельма II Прусского, нынешние члены знатных домов Баварии (Виттельсбахи, Турн-и-Таксис) или Баден-Вюртемберга (Фюрстенберги), благодаря связям и местным законам, смогли сохранить в Западной Германии свои фамильные владения. Клану Гогенцоллерн из Восточной Германии, бывшей территории Пруссии, повезло меньше.

Во-первых, после войны аристократов в ГДР лишили всего имущества без намёков на компенсацию, а по условиям воссоединения страны в 1989 году национализированное в ГДР имущество на законных основаниях осталось у государства. Если бы по фантастическому сценарию в Германии воцарилась монархия, то на место нового императора или кайзера могли бы претендовать представители только двух кланов: прусского и баварского. Баварию трогать не будем, а вот бывшую Пруссию рассмотрим подробнее, потому что Пруссия – это Гогенцоллерны, один из представителей которых протянул руку к российскому престолу.

В Германии живут несколько семей потомков последнего немецкого кайзера, но они не очень ладят между собой. Северным претендентом на гипотетический немецкий трон считается сегодня экономист, 46-летний Георг Фридрих Принц Прусский (Georg Friedrich Prinz von Preußen) из рода Гогенцоллернов (Фридрих IV) – праправнук последнего императора Германской империи Вильгельма II. Он руководит наследием Гогенцоллернов с 1994 года. После смерти деда в 2002 году принц Георг Фридрих Прусский распродавал на аукционе 17 тысяч предметов из фарфора и серебра, принадлежащих наследию кайзера. Деньги ему понадобились для выплаты налога на наследство, подтверждения статуса главы дома Гогенцоллернов и главного наследника семьи. Ему пришлось выплатить долю наследства не только финансовому ведомству, но и шести дядям и тётям. Эта история позади, но место главного наследника знаменитой семьи однозначно занято. Дому Гогенцоллернов принадлежит фамильный замок в Баден-Вюртемберге, но он функционирует как музей, доходов не приносит, работает только на имидж. Холостяком принц Георг Фридрих Прусский жил в двухкомнатной квартире в Берлине, а после женитьбы и рождения близнецов переехал с семьёй на жительство в дом под Бременом, где сам провёл детство и где умер его дед. Делаем вывод: принц Георг Фридрих Прусский является официальным наследником престола Гогенцоллернов, женат на принцессе Софии, дальней родственнице от русских княжеских династий, правнучке в 15-м поколении Софьи Палеолог и Ивана III, имеет четверых детей, живёт на честно заработанное и уж точно не покушается на российский престол.

Теперь к нашим непосредственным «героям». 23-летняя Мария Владимировна Романова, родившаяся и постоянно проживающая в Испании, знакомится с 33-летним Францем Вильгельмом Прусским. В 1976 году пара поженилась в Мадриде, в 1981 году появился на свет сын Георгий Прусский. Брак не выдержал испытаний и сразу после рождения сына распался. Шесть лет – небольшой срок для двух любящих сердец. По неведомым автору причинам муж-немец принял православие, но после развода отказался от него и опять вернулся в родную лютеранскую веру без всяких русских имён.

Мария Владимировна наверняка прекрасно осведомлена, что родственник мужа, принц Георг Фридрих Прусский, руководит наследием Гогенцоллернов и её сынуле по линии папы ничего не светит, тем более живут они не в Германии, а значит, не патриоты. Мария Владимировна также знает, что бывшая немецкая аристократия продолжает оставаться довольно закрытой кастой и её, разведенную после шести лет брака, точно не примет в свои круги. Практически все потомки знатных родов Германии являются в той или иной степени родственниками, у них давно нет грандиозных политических или экономических амбиций, свою роль в обществе они видят как хранителей семейных традиций и историй. Мария Владимировна неглупая женщина, а по словам князя Лобанова-Ростовского, «очень энергичный и пробивной человек», поэтому она стала активно размышлять о дальнейшей судьбе своей маленькой, но гордой фамилии.

Тут нужно посвятить читателя в некоторые перипетии семьи Марии Владимировны. Граф Пётр Петрович Шереметев, прекрасно осведомлённый в предмете, делится в интервью О. Карнович откровением: «Начиная с Кирилла Владимировича до пятого колена эта ветвь нарушила правила семьи и, следовательно, не может претендовать на престол». По требованию Николая II Романова, Кирилл Владимирович ещё до революции 1917 года подписал отречение от престола для себя и своего потомства. Причина, на взгляд не аристократки, самая банальная, но для царских особ решающая: потомки великих князей женились либо на разведённых дамах, либо их иностранные жёны не соглашались крестить детей в православие. В данном случае великий князь Кирилл Владимирович хотел жениться на своей разведённой двоюродной сестре. Николай II на его желание ответил письменно: «Ни основные Законы нашего семейства, ни весьма точные правила нашей Православной церкви не дают мне права терпеть брак между Великим князем и его двоюродной сестрой. Великий князь отлично знает, что подобный брак имел бы своим немедленным и неизбежным последствием: 1 – исключение его из службы; 2 – воспрещение ему возвращаться в Россию; 3 – потерю титула Великого князя и 4 –

лишение его доходов из удельных сумм». Всё так и случилось – князь женился и подписал отречение от престола для себя и потомков, о чём прекрасно осведомлены и его внучка Мария Владимировна, и ее сынуля Георгий Прусский.

Вернёмся к нашим «кандидатам» на российский престол. Отец Марии Владимировны, Владимир Кириллович, призывал русских бороться на стороне Германии против большевиков в 1941 году, то есть против самой Российской Советской Федеративной Республики. Одной этой причины достаточно, чтобы и близко не подпускать, даже теоретически, представителей этой семьи к российской границе. Это не всё. Владимир Кириллович пошёл в папу и тоже заключил морганатический брак: его будущая жена Леонида находилась в разводе с американцем Кёрби (Sumner Moore Kirby), то ли еврейского, то ли шотландского происхождения, и Русская православная церковь отказалась венчать пару. Ещё одна из важнейших причин недопущения представителей этой ветви к России: «Мария Владимировна вышла замуж за принца Франца Вильгельма Прусского, прямого потомка императора Вильгельма II, который, как известно, объявил войну России в 1914 году». Есть ещё причины, о которых упоминает князь А. А. Трубецкой, но об этом лучше прочесть в книге Лидии Довыденко «Дарить России».

Чувствуя, что почва уходит из-под ног, Владимир Кириллович решил если уж не сына, которого не было, то хотя бы своего внука возвести на престол, что, уверена, не вызвало возражений со стороны дочери Марии. Со слов князя П. П. Шереметева, после рождения Георга его мать, Мария Владимировна, появляется везде где может и не может, «награждает, раздаёт титулы, ордена Андрея Первозванного или Святой Анны. Её отец... вообще продавал эти ордена, когда жил в Испании. После чего Франко запретил ему даже находиться в Испании и выслал его во Францию». То есть скандальная семейка оставила после себя неприятное амбре постыдного, некультурного, недобросовестного и позорного поведения. Такое поведение никак нельзя связать с высоким происхождением, но представители семьи не устают выпячивать свои так называемые «права рождения в семье Романовых».

Интересно, что в немецкой прессе представителей семьи Гогенцоллерн, куда, собственно, по происхождению отца принадлежит сын Марии Владимировны, называют с аристократической приставкой фон: принцесса Катарина фон Гогенцоллерн (Prinzessin Katharina von Hohenzollern) или принц Иоганн Георг фон Гогенцоллерн (Prinz Johann Georg von Hohenzollern), а наших «героев» величают по матушке: Княгиня Мария Владимировна с сыном Георгом. И всё. Кстати, вот что пишут на сайте Rodovid, английском онлайн-портале генеалогических древ для хранения и визуализации семейных отношений, о сыне Марии Владимировны: «Георг из клана Гогенцоллернов, полное имя Georg Mikhailovich von Russland (Георг Михайлович из России. – *Прим. авт.*)». Вот так простенько – даже не Георгий по-русски, а Георг по его немецкому паспорту.

Мы подошли совсем близко к сыну «героини» нашего повествования. Согласно немецкому и французскому документам, его зовут Георгий Прусский. (От автора: странно, но нигде не нашла упоминаний об испанском гражданстве Г. Прусского, ведь он там проживал с матерью, да и сам родился в Мадриде. Впрочем, три или четыре гражданства – разве в них дело? Как говорят в России – был бы человек хороший...) В 1992 году, самом мутном времени в России после распада СССР, по ходатайству российского посла в Париже Ю. А. Рыжкова, Георг Прусский получил российский паспорт с фамилией Романов. С чего и откуда – вообще не понятно. Россия не Израиль и не даёт фамилию и национальность ребёнку по матери. Впрочем, такие высшие материи решаются только за стенами посольств. С тремя или четырьмя паспортами очень удобно путешествовать и совершать деловые поездки по Европе – ни виз не требуется, ни приглашений, экономятся время и деньги.

Следующая информация немного напрягает. Согласно Википедии, Георг Прусский окончил Парижский колледж Станислава, то есть частную католическую школу. Стоп! Сразу три вопроса. Первый – почему Георгий до сих пор носит отчество Михайлович, ведь сразу после развода в 1982 году его отец Прусский отказался от православия, вернулся в лютеранство, а значит, отказался от имени Михаил Павлович. Нет имени – нет отчества. Или у князей по-другому? Второй вопрос: претендуя на российский престол, почему кандидат имеет католическое образование и паспорта на другое имя и фамилию? Я уже не говорю о том, что родственники отца Георга Прусского по немецкой линии объявили войну России, а его родной дед призывал немцев бороться на стороне Гитлера против Российской Федерации. Откуда вдруг с таким «послужным списком» любовь к России? Может быть, не к России, а к её огромным возможностям и богатствам?

Хорошо, не буду заниматься инсинуациями и грубо топтаться на патриотических чувствах эмигрантов, которые не хотят переезжать в Россию, хотя иметь из неё хотят многое. Чем занимается кандидат на российский престол? Работал некоторое время в аппарате Европарламента и Еврокомиссии. С 2008-го по 2014-й был советником гендиректора «Норильского никеля» и членом правления Института никеля, успел поработать в швейцарской фирме сбыта «Норильского никеля». Женат на итальянке по имени Ребекка Вирджиния Беттарини, которая ни разу не принадлежит ни к одной аристократической фамилии Европы. Из Европарламента да сразу «с любовью к России»? Что-то как-то не вяжется, изо всех углов торчат белые нитки сребролюбия и тщеславия, то есть того, что православие определяет как смертные грехи. Впрочем, автор не богослов, может и ошибиться, хотя мнение своё отстаивает как верное.

Ещё при рождении Георга Прусского князь Василий Александрович Романов († 1989), председатель Объединения членов рода Романовых, опубликовал заявление, в котором говорится: «Счастливым событием в Прусском Королевском доме не имеет отношения к Романовым, поскольку новорождённый князь не принадлежит ни к Русскому Императорскому дому, ни к роду Романовых». Об этом, по-видимому, не хотят слушать ни российские чиновники, ни церковь современной России, потому что, судя по делам их, охотно признают самозванных претендентов на российский престол. То ли это ослепление величием имени Романовых, то ли недомыслие, то ли наивность, то ли просто ещё один библейский грех.

В связи с этим автор вспомнила историю одной из самых известных лже-принцесс в истории России XVIII века княжны Таракановой. Благодаря своим амбициозным планам в отношении российского престола, невероятному дару убеждения, хорошему образованию, знанию нескольких языков и правил этикета она обводила вокруг пальца влиятельнейших государственных особ. Аферистка путешествовала по всей Европе: Бордо, Киль, Берлин, Вена, Лондон, Париж, Венеция, пока не остановилась на России. Для этой великой страны авантюристка сочинила красивую легенду, – любознательный читатель быстро найдёт информацию об этом в Интернете. Грамотно составленная легенда самозванки на российский престол открыла ей многие двери – так называемую «наследную принцессу» с радостью принимали в знатных домах, ей одалживали крупные суммы денег, жалели и всячески помогали подняться на следующую ступеньку карьеры, ведущей на российский престол. Мы знаем печальный конец этой молодой женщины. История России знала немало загадочных людей, выдававших себя за наследников престола, так, может быть, и Мария Владимировна решила пополнить их ряды, придумав себе титул «великой княгини», которой на самом деле не является, и сыну припасла имя Романов, которое просто было украдено и вписано вместо законного имени Прусский?

12 апреля 2021 года заинтересованные в восстановлении справедливости и равнодушные к традициям России люди – князья, маркизы, графы, профессора, журналисты, другие официальные лица – написали письмо президенту Российской Федерации В. В. Путину с просьбой разобраться в авантюрных поползновениях Марии Владимировны и её сына Георга Прусского в России, которые пытаются своими действиями дискредитировать Великую историю Великой страны. Люди, подписавшие письмо, верят в торжество правды, как верю в неё я и подписываюсь под каждым их словом. Само письмо читатель может найти в книге Лидии Довыденко «Дарить России».

У лжи короткие ноги и хитрые методы. Правде всегда сложнее достучаться до людей, но русский народ – особенный. Он верит в торжество справедливости. Можно понять причины Георга Прусского и его матери укрепиться из Европы в России, но нельзя хоть тушкой, хоть чучелом укрепиться тем, чьи предки не раз предавали страну. Русский народ может многое простить, но не предательство.

Точно до запятой мы не узнаем перипетии этой совсем даже не запутанной истории, но не будем ломать копыта зря. Есть люди, которые по долгу службы обязаны разобраться с теми, кто самовольно решил взобраться на российский трон. Нельзя также забывать простую истину: чем выше трон, тем больней с него падать.

Берега прочтения

Ольга Ковшевная

Ольга Фёдоровна Ковшевная – родилась в Нарымском крае Западной Сибири. Училась в культпросветучилище и Томском пединституте. Работала библиотекарем, заведующим литературным отделом в краеведческом музее, журналистом, редактором журналов. Живёт в Москве.

Вышел первый в 2023 году международный литературный альманах БЕЗ ЦЕНЗУРЫ, редактором выпуска стал калининградец Александр Герасимов. Большинство авторов знакомы нашим читателям – публиковались в литературно-публицистическом журнале БЕРЕГА.

ЕДИНОГО СЛОВА РАДИ

«...Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды» – метафора великого русского советского поэта хорошо известна каждому настоящему русскому писателю. Не в теории – на самой суровой практике творческой работы. Здесь ключевое слово «русскому», потому что русский язык, как никакой другой, что давно отмечено и учёными, обладает колоссальными возможностями художественной выразительности. Потому далеко не случайно наш язык привлекает внимание людей многих и многих национальностей. Они нередко утверждают: «Ужасно трудный язык!» – и тем не менее учат, чтобы, овладев им, восхищаться: «Какой же он красивый, гармоничный! Как умеет выразить неистовый гнев и нежнейшую ласку, умножить радость и утишить горе!» Недаром, даже оказавшись по той или иной причине в эмиграции, русские и спустя много лет не забывают родную речь как основную носительницу нашей культуры, стараются поддерживать соотечественников в сохранении собственной идентичности, в первую очередь через литературу, через печатное слово.

Во многих странах именно эмигрантами основаны и, несмотря на трудности, естественно возникающие или искусственно созданные (особенно в последнее, отличающееся русофобией, время), не впадают «жалкое существование», а живут и даже развиваются, находя поддержку культурной общности, русскоязычные газеты, журналы, а то и издательства. Они есть на всех континентах (как, например, «Чайка» в США или «Жемчужина» в Австралии), иногда придерживаются разных политических взглядов, но свою главную функцию – сохранения и продвижения русского языка – выполняют исправно.

Одним из таких журналов, уже более двадцати лет выходящих в Германии (с 2015 года в содружестве с Международным литературным клубом Astra Nova) и открытых для русскоязычных авторов со всего мира, является EDITA («Литературный журнал в Вестфалии»). Журнал принимает и публикует произведения любых жанров. Выходят четыре номера в год, ежеквартально, каждый объёмом 18 авторских листов. И есть очень интересное приложение к журналу – альманах «Без цензуры», публикации в нём – в авторской редакции.

Несмотря на кажущуюся «всеядность» издания, публикуемые материалы отличаются удивительно хорошим качеством, профессионализмом. Присылаемые произведения оцениваются редколлекцией (её члены живут в разных странах) и только потом попадают на страницы журнала или альманаха «Без цензуры».

Все годы изданием руководит его основатель, известный как в Германии, так и в России поэт, прозаик и переводчик с немецкого Александр Барсуков. Благодаря высокому уровню требований, за десятилетия читатель увидел на страницах изданий сотни имён как маститых, так и начинающих талантливых авторов. Перечислить всех просто невозможно. Это говорит о доверии писателей как главному редактору, так и составителям журнала и альманахов.

Для примера возьму свежий, 29-й номер альманаха, первый в 2023 году, редактором-составителем которого стал член редколлекции журнала EDITA Александр Герасимов.

Думается, прежде всего следует сказать несколько слов о самом составителе. Кстати, его рассказы открывают этот выпуск альманаха.

Александр Герасимов, прозаик и драматург, родился в таёжном Приамурье, на малой родине был педагогом, редактором газет и телевидения, председателем государственной телерадиокомпании, сейчас живёт в Калининграде.

Герасимов – великолепный художник слова, его главная тема – Природа и Человек. Большинство его рассказов, часто небольших по объёму, но неизмеримых по глубине, а главное – по любви к родной земле, посвящены Приамурью, его природе и людям, они насыщены тысячами красок, сотнями звуков, десятками запахов – лесов... рек... озёр... цветов... грибов... дождей... снегов... И всё это прописано тончайшими кисточками истинно русского языка. О недавно вышедшей в Вестфалии, а затем и в России книге рассказов этого автора лётчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Владимир Джанибеков написал: «Книга “СОПРИКОСНОВЕНИЕ. О России с любовью” – сокровище для людей, пребывающих вне Земли. Эту книгу Александра Герасимова взял бы на орбиту».

А теперь и о других авторах этого выпуска альманаха «Без цензуры».

Двенадцать прозаиков и поэтов. Есть маститые, есть и начинающие. Среди первых – публицист, критик, журналист, писатель, желанный едва ли не во всех литературных журналах России, – Владимир Куницын, он представил в альманахе россыпь блистательных рассказов. Автор – виртуоз рассказа, тонкий психолог, философ по образованию и мировосприятию.

Николай Андреев – великолепный журналист, из тех, кого называют «акула пера», автор широко известных фундаментальных книг-исследований об Андрее Сахарове, Владимире Высоцком, Михаиле Горбачёве. Редактору альманаха Александру Герасимову он предложил интереснейшие малоизвестные факты из жизни недавно покинувшего мир М. С. Горбачёва. Такого, возможно, не знали даже члены Политбюро и тогдашний председатель КГБ Крючков. Написано захватывающе-увлекательно.

В альманахе известные в России писатели из Воронежа – прозаик Сергей Пылёв и поэт Александр Лисняк. Привлекают читателя глубокие, порою ироничные стихи Вадима Новожилова из Калининграда, рассказ о первой любви Павла Рыкова из Оренбурга.

Но особо хочу сказать ещё о двух авторах этого выпуска альманаха. Два редактора ведущих литературных журналов России – Лидия Довыденко (журнал «Берега», Калининград) и Марина Саввиных (журнал «День и Ночь», Красноярск). Сами редакторы в альманахе впервые, но в их журналах публиковались многие авторы этого немецкого издания.

Проза Лидии Довыденко – в основном очерковая, документальная – чрезвычайно привлекательна своей глубокой причастностью к событиям и поступкам героев, о которых она пишет. Рассказывает ли об исторической фигуре, повествует ли о людях истерзанного войной Донбасса, или вдруг (как тут, в альманахе) – о рыбаках-любителях Калининграда – всюду чувствуется ненапускная личная заинтересованность и умение видеть в каждом герое «душу живую». А ещё – её слово очень лирично, отчего суховатый порой сюжет наполняется красками и звуками жизни. «Рыба и овощи ласкали желудок. В речах моих товарищей сквозило наслаждение от пережитого ими во время рыбалки, странным образом перетекавшее и в мои артерии. Плескался смех, как неторопливая балтийская волна. Казалось, небо, деревья, кустарники подвинулись ближе к костру, молча приникли ухом к непринхотливой мужской беседе». Читаешь и словноходишь в тот мир, встречаешься с его героями, сопереживаешь им...

Стихи Марины Саввиных – это даже не стихи, это – сама Поэзия. Она погружает тебя в необычайный мир многозначных слов и образов, из которых складывается уникальная вселенная Марины Саввиных, пронизанная зыбким, почти призрачным светом её чувств, магнитными силами

переживаний. Они обволакивают тебя и не отпускают, да тебе и самому не хочется лишаться их очарования – наоборот, хочется погружаться в них, пытаться постичь их, насладиться изяществом и красотой.

*Ангел ласковый, замедли свой полёт
На земле, припав с мольбою христорадца,
Микельанджело целует нежный лёд,
Не умея с добротой твоей расстаться.
Что он шепчет, этот грешный человек,
Как в тоске неутолимой плачет глухо,
Не увидишь – не подымешь мёртвых век,
Не услышишь – пустоте не внемлет ухо...*

А рядом в альманахе – новое имя: Максим Седелкин, дворник из Благовещенска, что на Амуре, на родине Александра Герасимова, – со стихами, уровень которых может позавидовать иной поэт с десятком книг.

*Тряси меня, как яблоню, пока душа жива.
Да будут миру явлены плоды мои – слова.
Да будут они собраны; я несказанно рад
Отдать себя, по-доброму, не требуя наград.*

Станислав Федотов на страницах немецкого издания представлен как автор большого исторического повествования. Если как литератор он родился из довольно редкого сплава физика и лирика (окончил радиофизический факультет и аспирантуру Томского университета), что отразилось в его стихах, то весьма неожиданно такой сплав проявляется и в прозе. Повесть «Катрин» по сути – историческая. Но факты истории («физика») пронизаны любовью во всех её проявлениях («лирика») – от трепетной до высокодуховной. Такую прозу хочется читать и перечитывать.

Очень хорош альманах, подготовленный Александром Герасимовым.

И вернёмся к языку.

Перед самым Новым, 2023 годом на неформальном саммите глав СНГ президент Казахстана Токаев неожиданно поднял вопрос об огромном значении русского языка для стран Содружества. Его поддержали президенты Путин и Лукашенко, и было решено объявить 2023-й Годом русского языка в СНГ. При известии об этом невольно вспоминаются слова великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины – ты один мне надежда и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Берега прочтения

Ирина Анастасиади

Ирина Анастасиади – писатель, переводчик, публицист, президент Международного творческого фестиваля в Греции «Визит к Музам», главный редактор журнала «9 Муз», автор проекта Международный творческий конкурс «Гомер».

МЕДЕЯ

Историческое расследование

Как живётся вам с другою, –
Проще ведь? – Удар весла! –
Линией береговую
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По небу – не по водам!)
Души, души! быть вам сёстрами,
Не любовницами – вам!

Как живётся вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с одного сошед),

Как живётся вам – хлопочется –
Ёжится? Встаётся – как?
С пошლიной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев –
Хватит! Дом себе найму».
Как живётся вам с любовью –
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее –
Снедь? Приестся – не пеняй?
Как живётся вам с подобием –
Вам, поправшему Синай!

Как живётся вам с чужою,
Здесьнею? Ребром – любя?
Стыд Зевесовой вождою
Не охлёстывает лба?

Как живётся вам – здоровится –
Можется? Поётся – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живётся вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живётся вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и начисто разбит!)
Как живётся вам с стотысячной –
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живётся вам с земною
Женщиною, без шестых

Чувств?
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин –
Как живётся, милый? Тяжче ли –
Так же ли – как мне с другим?

Марина Цветаева. «Попытка ревности»

Так по-своему, по-женски, видит Цветаева Медею, её и своё горькое, чисто женское переживание покинутой своим избранником. Это переживание знакомо многим. Такое, раздирающее сердце, чувство несправедливости и преданных чувств, поруганной искренности и неоправданных ожиданий преданного сердца. Многим из нас это знакомо, не правда ли?!

Так кто же она, Медея, царская дочь, жрица Гекаты, великая ведунья?! Переходное ли звено между смертными и Богами, избранная и изгнанная, униженная и величественная, совмещающая в себе противоположности и не находящая себе места в своём странствии?! Сколько вопросов возникало у человечества в связи с её личностью. В силах ли мы осознать сущность внучки Гелиоса и внучатой племянницы Гекаты?

И что нам вообще известно о Мееде из исторических документов, дошедших до нас в виде мифов, то есть сказаний? Она считается великой волшебницей, владеющей тайнами целебных растений. Известно, что она выдала секреты своего отца Ясону, одолела недремлющего дракона и последовала за своим избранником в Иолк, где он занимал не самое завидное общественное положение. И наконец, в поздних мифах времён патриархата Мееде представлена нам детоубийцей и злодейкой.

Эзотерики считают, что Мееде, будучи мощной ведуньей (то есть приобщённой к древним Знаниям), покинула своё Место Силы, землю свою, которой покровительствовал дед её Гелиос, ради отважного и доблестного героя, конечно, но неблагодарного полубога. На долю Мееде, безусловно, выпало множество лишений и испытаний. И принесла она множество жертв во имя своей любви.

Приписывают ей и убийство собственного брата, которого она будто бы расчленила и бросила в море, дабы задержать корабли своего отца, гонящегося за «Арго». Приписывают ей ограбление Колхиды, которому Золотое руно давало защиту и урожай. Уверяют, что всё это тяжким грузом ложилось на её сердце, и даже очистительные обряды, проведённые с ней её тёткой – волшебницей Цирцеей – не избавили Мееде от этой ноши.

Не верю! Ну что поделаешь, не верю я в это. И всё!!!

Изучая древние документы, я не нахожу подтверждения этим утверждениям. А вижу лишь желание каких-то сил повлиять на сам ход событий в Коринфе. Но имеем ли полное осознание событий, имеющих непосредственное отношение к событиям того времени?!

В рассказе поздних документов мы видим две ипостаси Мееде. С одной стороны, она – могущественная колдунья, представительница рода, ведущего своё происхождение от Гелиоса, племянница Цирцеи, и жрица, и внучатая племянница Гекаты. С другой – она женщина, поддававшаяся земным страстям, полюбившая, последовавшая за своими чувствами и пострадавшая вследствие их. Так, жизнеописание Мееде как бы являет собой конфликт двух реальностей: внешнего и внутреннего.

Существует множество писателей, поэтов и историков, которые с удовольствием смакуют именно эту, позднюю версию истории. И среди них Еврипид¹, создавший поражающий воображение женский образ. А вот нарисованный Еврипидом образ вдохновил Корнеля², Клингера³, Шарпантье⁴, Делакура⁵ и других. О Мееде писали также Диодор⁶, Аполлодор⁷, Гигин⁸ и Павсаний⁹. Но мы, основываясь на исторических справках, попробуем правильно оценить и проанализировать версии этого нелепого, на наш взгляд, образа, существующие во многих литературных произведениях.

Хочется разобраться во всём, не принимая во внимание глупые предположения, привитые нам тёмными временами фаллокрации. Так давайте проведём расследование, опираясь на древние источники. Так кто она, Мееде? Безжалостная детоубийца? Жертва любовной измены, ввергнутая в безграничное отчаяние? Или Менада¹⁰, жаждущая крови, в святом безумии обгравившая руки кровью своих чад?

¹ Еврипид (греч. Εὐριπίδης; 480–406 до н.э.) – древнегреческий драматург, крупнейший (наряду с Эсхилом и Софоклом) представитель классической афинской трагедии, создал шедевры классической афинской трагедии. Написал около 90 драм, из которых до нас дошло 17 трагедий и драма «Киклоп».

² Пьер Корнель (фр. Pierre Corneille; 6 июня 1606, Руан – 1 октября 1684, Париж) – французский поэт и драматург, отец французской трагедии; член Французской академии (1647).

³ Фридрих Максимилиан фон Клингер (нем. Friedrich Maximilian von Klinger; в российском подданстве Фёдор Иванович Клингер; 1752, Франкфурт-на-Майне – 1831, Дерпт) – немецкий поэт и драматург, генерал российской армии, видный деятель российского военного и гражданского образования.

⁴ Марк-Антуан Шарпантье (фр. Marc-Antoine Charpentier; 1643–24 февраля 1704, Париж) – французский композитор, певец (контратенор), теоретик музыки.

⁵ Фердинан Виктор Эжен Делакура (фр. Ferdinand Victor Eugène Delacroix; 1798–1863) – французский живописец и график, предводитель романтического направления в европейской живописи.

⁶ Диодор Сицилийский (греч. Διόδωρος Σικελιώτης, Диодорос Сикельянос; около 90–30 до н.э.) – древнегреческий историк и писатель. Родом из Агирии на Сицилии.

⁷ Аполлодор (греч. Ἀπολλόδωρος, Аполлодорос, около 180–120 до н.э.) – древнегреческий писатель. Изучал грамматику у Аристарха Самофракийского и философию у стоика Диогена. В 146 году до н.э. уехал из Александрии в Пергам, а затем поселился в Афинах.

⁸ Гай Юлий Гигин (лат. Gaius Julius Hyginus; родился в Испании или в Александрии около 64 года до н.э., умер в 17 году н.э.) – римский писатель, ученик Александра Полигистора.

⁹ Павсаний (греч. Παυσανίας, Павсаниас; ок. 110 – ок. 180) – древнегреческий писатель и географ, автор своего рода античного путеводителя «Описание Эллады».

¹⁰ Менады (Μαινάδες, «безумствующие», Мэнадес) – спутницы Диониса. Следуя толпами за Дионисом, Менады, украшенные виноградными листьями и плющом, сокрушают всё на своём пути.

Мы почему-то всегда опираемся в своих исследованиях на показания Еврипида. Однако эпоху, в которую жил Еврипид, Ницше называл «сумерками богов». Не потому ли его Медея, решаясь на своё преступление, взывает к Гекате? И вообще, какова на самом деле связь внучки бога Солнца Медеи и Гекаты, дочери Титанов Перса¹ и Астерии?

В своей знаменитой трагедии «Медея» (431 г. до н.э.) Еврипид уже не в первый раз обращается к образу Медеи. В его трагедии «Пелиада» она также была главной героиней. В этой драме Еврипид представляет зрителю Медею, коварно заставившую дочерей фессалийского царя Пелия убить своего отца, внушив им, что этим они вернут ему молодость.

Для этого образа убийцы Пелия и собственных детей поэт выбрал коринфский эпизод мифа о Медее. И прошу обратить на это особенное внимание. Ведь в более ранних мифах нет подобных событий и нет образа Медеи как злобной убийцы. Критики считают, что подобный трагический вариант был нужен Еврипиду для большего эффекта и ещё...

Известно, что Еврипид пренебрёг ранними сказаниями, утверждающими, что детей убили коринфяне, мстящие за гибель своего царя и его дочери. Был, правда, также повод гораздо серьёзней, чем какая-то месть. Но об этом я расскажу позже.

Но, так или иначе, драматург сделал виновницей гибели детей саму Медею. Существуют, однако, источники, по которым стало известно, что женоненавистник Еврипид сделал это ужасное изменение в сказании за крупную взятку от них.

Как писатель, могу понять Еврипида, считавшего, что обыкновенное столкновение коварного тирана-обманщика и мести со стороны жертвы было бы слишком банальным для трагедии. Вероятно, то же самое думал и И. Ф. Анненский², когда писал об этой трагедии Еврипида: «Руководимый высшим смыслом, поэт дал нам в этой трагедии минимум непосредственного ужаса и грязи действия, чтобы тем сильнее заставить нас почувствовать всю его страшную цену».

Анненский также говорит о Медее: «Её мучит не Эрос, а Эриния³, и Медея отнюдь не брошенная любовница, которая оплакивает утраченные радости брака». Честно говоря, слишком легкомысленное замечание для человека, который не захотел ознакомиться с полной картиной событий!!!

Понятно, конечно, что всех устраивал привившийся в веках образ Медеи, написанный Еврипидом, завоевавшим исключительную популярность среди мужского населения планеты. Особенно большой любовью пользовался этот образ, многократно повторенный позднейшими поэтами. И так отвратительно читать, как Ясон Еврипида, Ясон, которому Медея не раз спасала жизнь, называет жену «львицей, а не женщиной, более дикой, чем тирренская Сцилла», и вот уже Кюхельбекер вслед за ним использует эту фразу в «Аргивянах»⁴:

А если позабыл, что в тот же срок,
В сем самом граде создала Медея,
Какою смертью воздала Креону,
Надменному, подобному ему,
Ужели мне и днесь ему напомнить
О старой повести времён забытых?
Грядущие часы об ней напомнят
И, может быть, могущего владыку
Научат мене презирать меня!
Но ныне, юный вождь седых героев,
Дозволь, да буду ваших дел участник!
Или и ты, ни в чём не сходный с братом,
Или и ты пренебрегаешь мною?

¹ Перс (греч. Πέρσης, Персис) – в древнегреческой мифологии младший Титан, сын Крия и Еврибии, муж Астерии, отец Гекаты. Является олицетворением разрушения.

² Иннокентий Фёдорович Анненский (20 августа (1 сентября) 1855, Омск – 30 ноября (13 декабря) 1909, Санкт-Петербург) – русский поэт, драматург и переводчик, критик. Исследователь литературы и языка, директор мужской Царскосельской гимназии.

³ Эринии (от греч. Ερινίαι «гневные», Эриниес) – богини мести. По одному сказанию, дочери Нихты-Ночи и Эреба-Мрака, по другим источникам – порождены Геей-Землёй от крови Урана-Неба. Их рождение приписывают первому совершившемуся преступлению: когда Кронос ранил своего отца Урана, капли его крови, падая, превратились в Эриний.

⁴ Характерной для декабристской литературы является трагедия Вильгельма Кюхельбекера на сюжет из античной истории «Аргивяне» (1822–1823).

Меж тем Медея Аполлония Родосского «Аргонавтика»¹ (приблизительно 60-е гг. III в. до н. э.) представляет собой полный контраст Медее Еврипида: у Аполлония она – благочестиво-нерешительна. И долго колеблется, прежде чем подчиниться властному призыву любви, внушённой ей Эротом. Под властью уговоров своей сестры Халкиопи она решает разорвать трагический узел самоубийством.

Но, почувствовав страх перед смертью, решается на преступление против семьи. Дальнейшие её бегство, убийство брата, которого она завлекает в ловушку, постоянный страх выдачи (на острове феаков, где Аргонавты прибегают к заступничеству царя Алкиноя² и его жены Ареты, она становится женой Ясона, поскольку Алкиной решил её выдать колхам, если она ещё не замужем), – всё это только следствия её первоначального предательства, но по существу – спасения жизни Ясону, не оставляют ей самой надежды на спасение.

Медея Аполлония не может смотреть на то, как Ясон убивает её брата, и отворачивается, закрыв лицо краем пеплоса. Ей, конечно, далеко до горячей и необузданной решимости Еврипидовой героини. Но по-прежнему и в этом эпосе наблюдается непреодолимое желание опорочить женщин в частности и матриархат в целом.

А вот Овидий³ посвятил Медее один из самых значительных эпизодов в своих «Метаморфозах», а именно в начале VII песни (эпос создан в первые годы от Р. Х.). И тут надо подчеркнуть, что Медея Овидия лишена трагических черт. Поэт выбирает для своего эпоса не коринфский эпизод, а колхский и фессалийский.

Овидий отмечает, что Медея, несмотря на все свои чары, боится за Ясона, когда он проходит свои испытания. Овидий последовательно устраняет трагические детали: одно из самых страшных злодеяний, приписываемых Медее, а на самом деле совершённых Ясоном, убийство её брата Апсирта, присутствующее как эпизод у Аполлония Родосского и как утверждающее начало у Еврипида, Овидий не признаёт. Пользуясь древнейшими, а значит более правдивыми источниками сказания, согласно которому Апсирт на то время – ещё ребёнок, а значит, никак не может преследовать Медею.

В «Метаморфозах» Овидия внутренняя борьба героини изображается по всем правилам риторики с тончайшими нюансами приёмов убеждения. Её Медея полна сомнений: «Итак, я предаю сестру, брата, богов и родную землю? Однако отец слишком суров, земля варварская, брат мал, а сестра за меня». Это её состояние выражается великолепным афоризмом: «Я вижу лучшее и одобряю его, но следую за худшим». Вот так: «Я вижу лучшее и, видя, восхваляю, Но худшему вослед, о небо, поспешаю».

Так, совсем иначе Овидий представляет Медею. Он подчёркивает её тонкость и остроумие. И иначе трактует события, связанные с возвращением молодости Медеей отцу Ясона. Эпизод с дочерьми Пелия, к примеру, у него лишён наивного рационализма Еврипидовой драмы: и у него баран просто превращается в ягнёнка. А на коринфский эпизод он набрасывает покров. Но многим данный эпизод откровенно не нравится. Им по душе образ женщины-детоубийцы.

Меж тем давайте обратимся именно к коринфской версии. И поговорим, зачем нужно было не просто обвинить в страшном преступлении женщину и мать, но и предательски убить малолетних детей Медее и Ясона?!

Вспомним, что греки полагали, что дворец и конюшни бога Солнца Гелиоса находились в Колхиде и именно оттуда он каждое утро поднимался в небеса. Золотое руно, Овен – как символ солнца, как символ Единства, Любви и Познания – также хранилось в Колхиде.

И вот Аргонавты во главе с Ясоном добрались до Колхиды, где правил царь Эт, отнюдь не желавший отдавать им своё главное сокровище – Золотое руно. Но Медея, полюбив Ясона, помогла ему справиться с испытаниями, а Геката помогла Медее осуществить планы Ясона и выкрасть Золотое руно...

После чего Аргонавты уплыли из Колхиды, взяв с собой Медею. А вернувшись домой, Ясон передал Пелию Золотое руно. И как мы помним, царь не выполнил своего обещания уступить свой трон.

¹ «Аргонавтика» (греч. *Ἀργοναυτική*) – поэма Аполлония Родосского, написанная в первой половине III в. до н. э. и ставшая единственной сохранившейся эпической поэмой эллинистической эпохи.

² Алкиной (греч. *Ἀλκίνοος*, Алкиноос) – царь народа богатых мореходов феаков, живших на острове Схерия. Внук Посейдона и сын Навсифоя (у Диодора сын Феака). Упоминается в «Аргонавтике» и в «Одиссее». От своей жены Ареты, дочери его брата Рексенора, имел пять сыновей и дочь Навсикаю.

³ Публий Овидий Назон (лат. *Publius Ovidius Naso*; 20 марта 43 года до н. э., Сульмо – 17 или 18 год н. э., Томис) – древнеримский поэт. Автор поэм «Метаморфозы» и «Наука любви».

Больше того, возвратившись в Иолк, супруги узнают, что Пелий убил Эсона, законного царя и отца Ясона. Тогда Медея возвращает покойника к жизни.

Узнав об этом чуде, дочери Пелия решают вернуть молодость и своему отцу. Они обращаются с этим к Медее, и та уверяет их, что способна вернуть дряхлому Пелию молодость. Для этого Медея требует разрубить царя Иолка на куски, что и делают дочери. Так бесславно Пелий погибает.

За это Медея и Ясон, по законам того времени, были изгнаны из Иолка. Они бегут в Коринф и просят защиты у царя Креонта. И недаром они бегут в Коринф, ведь до того как жениться на матери Медеи, Ээт был царём Коринфа.

Может, как раз тут и кроется разгадка?!

Давайте вспомним происхождение Медеи! Непонятно, почему никто не пытался выяснить всю правду о нашей героине, исходя из всех известных источников. Почему-то все, кто изучает эту тему, решительно не обращают внимания на то, что Ээт, отец Медеи, до того как стать царём Колхиды, был царём Коринфа. Примечательно, что, воцарившись в Колхиде, он оставил царство на попечение своего родственника, Креона, сына Ликанфа.

Всем известен факт, что вице-царь Коринфа дал приют Ясону и Медее. Но что двигало им? И были ли чисты помыслы Креона?! Поселившись в Коринфе, Медея или её дети могли претендовать на престол Коринфа. А как известно, никто не любит делиться своей властью.

И не в этом ли дело? Представляла ли Медея действительную угрозу для своего родственника? Случайным ли в таком случае стало брачное предложение жениться на Креусе, сделанное Ясону правящим в Коринфе родственником Медеи? И как мешали Креону дети Медеи? Вопросов много. И ответ на них очевиден. Понятно, что внуки венчаного на царство Ээта были реальной угрозой для Креона. Расставаться с царством ему не хотелось. Так возможно ли убить, чтобы править? История знает много примеров таких преступлений.

И вот уже история преобразует законную наследницу коринфского престола Медею в преступницу. И каждый последователь фаллократической версии развития событий старается как может привести этот образ к неким знаменателям. Например, Роберт Ранке-Грейвс¹ в своих исследованиях пытается доказать нам, что раз в поздней фазе матриархата в ритуалах часто имели место кровавые жертвы мальчиков, то можно отнести убийство детей Ясона к этому разряду. При этом делая Медею символом безграничной мести – как представительницу уходящей культуры матриархата. Немного позже мы ещё поговорим об этом удивительном обряде – разрывании на части – и о его значении. А теперь поговорим исключительно о том, как изменялся со временем образ Медеи вместе с изменением отношения к богине Гекате.

Хотя некоторые учёные вообще считают, что мотив, стоящий за детоубийством, можно понимать и в переносном смысле – Медея убивает своё прошлое, чтобы начать новую жизнь. Причём так же, как и Ариадна, Медея становится предательницей из-за любви, покидает родной дом и становится причиной смерти брата. Хотя Медея, в конце концов, возвращается в лоно семьи, и боги даруют ей бессмертие. Ведь боги понимали Любовь как силу, которой следует прощать всё.

Давайте обратимся к личности Медеи. Что мы знаем о ней? Безусловно то, что она – великая волшебница. Что она является жрицей богини Гекаты. И, будучи любимицей богини, владеет всеми тайнами лекарств и ядов. Медея упоминается во многих трагедиях и иных произведениях вплоть до времён Шекспира. Но давайте обратимся к «Аргонавтике» Аполлония Родосского – произведению III в. до н.э., хотя это и не самое раннее произведение, в котором упоминается Медея. Самая ранняя – трагедия «Медея»² V в. до н.э. И в ней есть всего лишь одно упоминание о Гекате, наиболее подробно повествующее об оккультной связи Медеи и Гекаты.

Первые же строки, в которых упоминается Медея, прямо указывают на то, что она является жрицей Трёхликой³:

¹ Роберт Грейвс (Грейвз, англ. Robert Ranke Graves; 24 июля 1895–7 декабря 1985) – британский поэт, романист и литературный критик.

² «Медея» (греч. Μήδεια, Мидиа) – трагедия древнегреческого драматурга Еврипида. По итогам состязаний драматургов на Великих Дионисиях в 431 году до н.э. Еврипид занял последнее, третье, место (первую награду завоевал Эвфорион, вторую – Софокл).

³ Трёхликой называли Гекату (греч. Ἑκάτη) – древнегреческая богиня лунного света, преисподней, магии и колдовства.

Младшую сестру звали Медея, старшей же
имя было дано Халкиопи. Медея случайно
Шла по дороге к сестре, когда её увидели герои.
Дома Гера её задержала. Редко она здесь
раньше бывала, дни проводя за пределами дома
в храме Гекаты, где жрицей была у богини.

Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», III: 245–250.

Перевод И. Анастасиади

Тут к Ясону Арг обратился с такими словами:
«Будешь ли бранить, Эсонид¹, за совет, предложенный мною?
Всё же в беде не пристало всякой гнушаться попытки.
Сам ты слышал от меня о некой девице и раньше,
По наставлениям ведуньи Персеиды Гекаты
чарами, быть может, убедить её сможем».

Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», III: 475–480

Перевод И. Анастасиади

И научила богиня Геката её в совершенстве
Зелья варить из всего, что земля порождает и море.
Ими смягчить она может огня неустанного пламя,
Вмиг сдержать шумных рек потоки
и пути преградить и священной луне и светилам.

Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», III: 530–535

Перевод И. Анастасиади

В эпосе описаны и ценнейшие свидетельства о ритуалах богини. Ну и на сладкое предлагаю описание самого ритуала:

И наконец, через силу промолвила вот что Медея:
«Слушай внимательно, как смогу тебе помочь.
Только явишься ты, и отец даст тебе для посева
Страшные зубы, что были изъяты из зуба змея,
Подождёшь ты, когда полночь наступит,
И струями реки, неустанно текущей, омывшись,
В чёрной одежде, один, без помощи товарищей,
Круглую выроешь яму. Потом в этой вырытой яме
Зарежешь овцу и, на части её не рассёкши,
В жертву надо принести, разложив костёр на дне ямы.
К дочери единокровной Персея, Гекате, взмолившись,
Вылей для неё из чаши пчелиного мёда.
После, когда, помолясь, и к себе расположишь ты богиню,
Прочь от костра поскорей уходи. Но пусть не заставят тебя обернуться
Ни шум случайный шагов, ни лай собачий неожиданный,
Иначе то ты всё испортишь,
И к друзьям тогда уже не вернуться тебе невредимым.
А как встанет заря, – распусти ты зелье моё и, как маслом,
Им до блеска натри, обнажившись, всё тело. И родится
В нём беспредельная мощь и грозная сила
Что поможет не с людьми, а с самими сравняться богами.
Этим зельем намажь и меч, и копьё, и широкий
Щит – тогда тебя не сразит никакое оружие
Мужей земных. Да и пламя тебя не настигнет.

Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», III: 1020–1045

Перевод И. Анастасиади

Существует мнение касательно того, что Медея является дочерью Гекаты. В защиту подобного утверждению можно заметить, что дочерьми называют в античных источниках жриц Великой Богини.

¹ Эсонид – отчество, означает: сын Эсона.

Таким образом, прослеживается аналогия: Геката является богиней-Матерью в духовном смысле для тех, кто ей служит.

Вспомним лучше, как в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, когда Медея готовит зелье из растения, выросшего из крови Прометея, она совершает семь раз ритуальное омовение и использует для сбора сока растения каспийскую раковину:

Вырос впервые тот цветок, когда проливалась по капле
кровь Прометея-страдальца, бессмертная красная влага,
на Кавказских горах орлом-кровопийцей на землю.
В локоть длиной произрос цветок тот из влаги кровавой,
на корикийский шафран своим цветом похожий,
стеблем двойным. Меж тем глубоко в земле притаился
корень его, подобный куску кровавого мяса и полный
сока (похожий на тёмный сок горного дуба).
Сок собирала для своих чар в ракушку каспийскую дева,
семь раз оmyвши себя водой, неустанно текущей,
семь раз призвавши Вримо¹, что юношей бодрых питает,
повелительницу мёртвых, Вримо подземную, бродящую ночью,
мрачную ночью богиню призвав, одетая в тёмное платье.
Рёв прокатился под чёрной землёй, содрогнувшейся в муках,
в миг, когда корень Титана был срезан, застонав
сам Иапета² сын, от боли душою слабя.

Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», III: 851–866.

Перевод И. Анастасиади

Матерью Медеи иногда называют Идию Океаниду³, внучку бога Гелиоса, а иногда, как мы уже сказали, даже саму богиню Гекату. Большинство же считает Медею всего лишь жрицей богини Мрака. Не будем, однако, сейчас выяснять, была ли Геката матерью колхидской принцессы, а немного займёмся происхождением самой богини, чтобы понять, как по-настоящему Медея связана с Великой Богиней.

Именно Геката, будучи или не будучи матерью Медеи, помогает колхидской принцессе добиться любви Ясона. Странно, что влюблённые волшебницы всех времён и народов, пытающиеся завоевать любовь своими чарами, не всегда могут эту любовь удержать на большой срок. И в случае с нашей царевной Ясон обходится с ней в высшей мере несправедливо. Ведь Медея спасла Ясону жизнь, постоянно выручала из разнообразных бед.

Итак, Медея прибегает к помощи Гекаты. Почему бы ей не обратиться к своему деду – богу Гелиосу?! Может, дело не в родстве? Может, тут дело в неких качествах? Но и родство не надо убирать со счетов. Ведь если копнуть глубже, все, кто имеет отношение к богам, – родственники. И Геката является двоюродной бабушкой Медее со стороны Титанов.

Впрочем, давайте обратимся к древним текстам, которые помогут нам постичь природу отношений колхидской царевны и великой богини Гекаты. Интересны, на мой взгляд, слова поэта, описывающего, как Медея совершала особый обряд, который должен был помочь Ясону:

Там, где Галис-река течёт в Пафлагонские⁴ воды,
приказала Медея сойти, повелевши Гекату призвать
жертвы той принеся. Но как эту страшную жертву
готовила дева, делала что, знать не следует

¹ Вримо – один из эпитетов Гекаты. Означает – гневная или грозная. Однако этот эпитет также принадлежал и Богине Кибеле, имеющей фригийские корни, весьма популярной в северном Причерноморье начиная с IV–III в. до н.э.

² Иапет, Япет (греч. *Ίαπετός* «пронзающий», Япетос) – в древнегреческой мифологии один из Титанов, сын Урана и Геи, супруг океаниды Климены (либо, по Аполлодору, океаниды Асии), которая родила ему Атланта, Менетия, Прометея и Эпиметея. Иапет – участник Титаномахии; был сброшен Зевсом в Тартар, разделив судьбу своих братьев.

³ Согласно преданию, Идия, как и три тысячи её сестёр-океанид, была дочерью Титана Океана и Титаниды Тефиды. Считалось, что океаниды присматривают за всеми водными потоками на поверхности земли и под землёй. Идия была второй женой колхидского царя Ээта, которому родила Медею и Аспирта.

⁴ Пафлагония (др.-греч. *Παφλαγονία*) – исторический район на севере Малой Азии, которая в этом месте сильнее всего выступает в Чёрное море, оканчиваясь мысами Карамбисом и Сириасом. С восточной стороны Пафлагония примыкала к Понту, от которого отделялась рекой Галис, а с западной граничила, по реке Парфения и притокам Билеоса, с Вифинией; с южной стороны естественную границу её составлял хребет Орминиони.

ни одному человеку. И меня душа не заставит
петь про эти дела. Я боюсь.
Но жертвенник этот всё стоит, как его герои воздвигли
На берегу для потомков, и издали виден прекрасно.

Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», II: 240–245.

Перевод И. Анастасиади

Такая богиня, а также женщина со схожими качествами движима необходимостью следовать своим внутренним ценностям, делать то, что имеет смысл для неё лично или удовлетворяет её саму, независимо от того, что думают о ней другие люди или боги.

Всё это в полной степени относится к Артемиде и Гекате. Но также очень похоже на характер Медеи Колхидской.

Голову страшную вверх поднимая, Змей
всё стремился сдавить их челюстями, гибель несущими.
Тогда Медея, сломав можжевелника ветку и обрызгнув его отваром,
произнесла заговор и зельем этим опрыснула
глаз дракона. И сразу вокруг распространился запах
зелья чудесного и в сон змея погрузил. Голова его
пала и наземь легла, а его несметные кольца
через лес многоствольный к нему потянулись.
Тут Ясон Руно Золотое с могучего дуба
по приказу Медеи сорвал. А она, стоя рядом,
Зельем тереть продолжала голову Змея, пока Ясон ей
не дал знак к кораблю возвращаться.
Вместе вышли они из тенистой рощи Ареса.

Аполлоний Родосский. «Аргонавтика», II: 155–170

Перевод И. Анастасиади

Вот такой бесстрашной и решительной рисует Медею Аполлоний. И таким женщинам покровительствовала Геката. Именно Геката способна обратить благосклонный взор к просящим любви, удачи и богатства, но сильным личностям. И именно в Медее мы видим силу воли, верность в любви и желание помочь. Эти качества царевны трогают сердце богини. И она помогает Медее в каждом её деле.

Ведь известно, что в одном мифе сама богиня Геката превращается в медведя или дикого кабана и случайно убивает своего собственного сына, а затем оживляет его. Не от этого ли мифа родилась версия убийства Медеей собственных детей?! Сложно сказать, насколько это характерно для каждой женщины, будь она Гекатой или смертной, поднять руку на своих детей?! Всё зависит от того, насколько силён в ней именно аспект Гекаты как Ужасной и Всемогущей Матери (а не Всеблагой Деметры), способной уничтожить – например, полностью подавить волю, задавить выражение чувств или, наоборот, уничтожить гневом своих детей.

А что мы видим в трагической истории, рассказанной в мифе об Аргонавтах и Золотом руно? Мы видим две ипостаси Медеи.

Она – могущественная колдунья, представительница великого рода, ведущего своё происхождение от Гелиоса, племянница великой волшебницы Цирцеи и жрица Гекаты.

И она же – женщина, которая полюбила, подчинила свою жизнь чувствам и пострадала. Вот как говорит влюблённая Медея: «Поговори со мной, земля... Поговори со мною, солнце... Поговори со мной, трава... Почему я не слышу вас больше? Говорите! Я хожу по земле, но не узнаю её, смотрю на солнце, но не узнаю его».

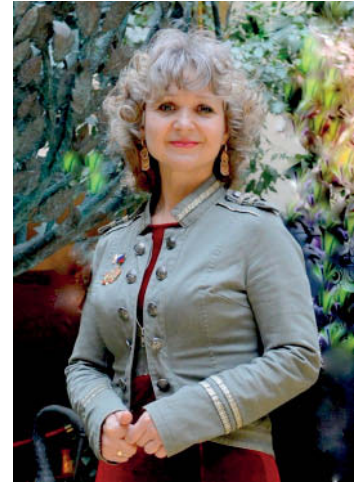
Меж тем эти две связанные друг с другом ипостаси Медеи являют собой острый конфликт двух реальностей, как внешний, так и внутренний. Да и помимо конфликта имеет место психологическая проблема дезадаптации: ведь мир, в который она проследовала, не принял её, не смог оценить по достоинству.

Сила духа побеждает. Сила духа ведёт её к источнику её сил – в Колхиду, к своему божеству, к Гекате.

Берега прочтения

Светлана Савицкая

Светлана Васильевна Савицкая – доктор философии, единственный писатель, чьи книги оформляла Джуна. Сотня притч с названием «Энергия сердца» с оформлением Никаса Сафронова, книга притч «Энергия мудрости»; более пяти десятков книг на 14 языках мира – художественных и научных. Военно-исторический роман «Балканы» был удостоен почётного знака «Самарский крест» от правительства Болгарии, исследовательский роман «Распутай время» признан лучшей книгой 2011 года в Берлине, Сербия вручила писателю «Златну круну». Светлана Савицкая обладатель множества других Гран-при и литературных премий.

В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

РАЗМЫШЛЕНИЯ об «АНТОЛОГИИ СТОЯНИЯ ДОНБАССА»

В России не было лёгких времён. Ни первобытный строй, ни крепостное право, ни революции, ни перестройки, ни войны, ни ещё более сложные периоды отставания собственной нравственности в мифических возможностях поманивших из-за бугра грантов...

С 2014 года идёт Крымское, Донецкое и Луганское противостояние. Державность России испокон веков костью в горле застревала у Запада. Расчленил! Разодрать! Натравить куски России друг на друга! Заставить их пить кока-колу и жевать орбит без сахара! Смотреть бездуховные голливудские фильмы, где Америка побеждает плохих русских по одному и тому же сюжету! В учебниках – оболгать историю! В литературе – задавить «бес-Целью-рами» отечественный книжный рынок, чтобы наш гениальный писатель даже головы не смел поднять!!! Вот чего всегда алкал мировой империализм! И если Крым удалось вытянуть из социального и экономического обрушения сразу, то остальные вменяемые части Новороссии претерпели длительный период жёсткого прессинга со стороны империализма и международной реакции.

Так называемый «интеллигентный мир» бывших союзных республик резко раскололся на тех, кто «ест с руки Сороса» и за это, виляя хвостом и другими частями тела, лёт грязь на: 1) Путина, 2) Россию, 3) всех русских... и тех, кто, собственно, и является здоровым русским ядром (читай как прилагательное, а не как национальность). Проще сказать, образовался некий мега-мозг мирового противостояния Демонизму. Тот, кто всегда был по эту сторону баррикад, ни за что на свете уже не станет называть Богородицу «родителем два» и отдавать детей под нож (или на панель, иного пути нет) ради убожества и обслуживания золотого миллиарда!!!

И посмотрите, как интересно время расставляет точки над Ё!!! Слово «масон» в девяностые называть было нельзя! Слово «русский» – не произноси, за прилагательным «советский» было разрешено только «российский»! Если ты произносил: «Мировой заговор», над тобой смеялись! Но демонизм после пандемии, к счастью, наконец сбросил маску! И все увидели «безобразие без образности!!!»

Мы чётко помним, когда Путин после выборов впервые произнёс запрещённое слово «русский» Крым, на нас и обрушились санкции со всех сторон!

МЫ ВИДИМ СНЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!!!

Сон ли это – возрождение русской культуры? Литературы!?? Сон или явь? Для нас – это цель. Для нас – смысл жизни. Ведь, по большому счёту, мы – это и есть истинная Россия.

Названный «мягкой силой» международный проект «Национальная литературная премия “Золотое перо Руси”» с 2004 года ТВЁРДО отстаивает право говорить, думать и работать на русском языке.

Объединив больше 70 стран мира, русскоговорящие литераторы принимают участие в международном конкурсе с целью внести посильный вклад в развитие мировой культуры посредством русского слова. Мудрого. Прекрасного. Доброго. Вечного. Это – целая армия одарённых, высоконравственных, высокопрофессиональных философов-русофилов.

Русское слово первично. Русское слово всегда было Богом. Русское слово – Бог. Оно, вопреки силам зла, более всего востребовано.

Вот почему в 2005 году мы первыми выехали в Сербию. Провели массовые встречи

в Крагуеваце и Белграде. Вот почему первыми двуязычными сборниками были выпущены русско-сербские антологии поэтов. Чтобы закрепить намечающуюся дружбу между Кавказом и здравомыслящим ядром, мы летали на военных бортах в Грозный. Не прекращалась гуманитарная миссия ради мира в Дамаске, и совместные книги выходили в Сирии. Мы объездили 30 стран и ВСЮ Болгарию! ВСЮ Германию! ВСЮ Швецию! ВСЮ Данию! ВСЮ Украину!.. ВСЮ Россию!

Любая фобия – это страх! Нам нечего бояться. За нами – Слово! Нам жаль русофобов. И конечно, уподобляясь Рязанову и Ахеджаковой, мы никогда бы не вышли против Крыма. А ведь тогда, в 2014 году, когда проходила по стране великая демонстрация «Крым наш», по соцсетям прокатились мерзкие стишки Эльдара: *«Жить бы мне в такой стране, чтобы ей гордиться, только мне в большом г... довелось родиться»...*

Ненависть к вскормившей их стране так называемой «медийной элиты» проявлялась моментально, как лакмусовая бумажка. Но против этой «мерзкой зажавшейся гнили» плечом к плечу и на демонстрациях, и повсеместно вставали истинные защитники Отечества.

Конкурсы и премии множились на манежах и аренах – и умирали, не родившись, деля собранные «по рублю» средства. Единственный бесплатный конкурс для участников, проект «Золотое перо Руси», конечно же, тут же нарекли «ржавым», а учредителей – «красно-коричневой чумой». Но так как силы наши находились на разных континентах, а поддерживали нас и жили общей идеей тысячи талантов, уничтожить ЗОЛОТОЕ ПЕРО было просто невозможно! Кроме того, мы объединены идеей, а не денежными подачками. Свернуть башку руководителю или подкупить жюри бесполезно, нас много, к тому же оргкомитет сам является спонсором и меценатом.

В 2014 году мировой извращённый мозг решил устроить мясорубку русского населения в Новороссии, делая акцент и на культуру, и на литературу, и на экономику. Бомбя и дискредитируя Донецкую и Луганскую Народные Республики, на самом деле объединённые информационные силы противоположного лагеря, чётко названные тогда Лавровым «партнёры», целились не на Украину и не в Новороссию, а в самое сердце Москвы.

Мы – писатели и поэты – звонили во все колокола начиная с девяностых! И с нами был Александр Петров! И с нами Римма Казакова. И с нами Владимир Бояринов... и многие, многие, многие...

Но... зажатая в экономические тиски страна... ой как тяжело поднималась с колен!!!

Хочется напомнить, как осторожно Россия собирала силы. Как В. В. Путин на вопрос *«Почему вы не реагируете на выпады либеральных СМИ?»*, ответил: *«Но это же их работа!»*

И мы поняли. А ведь то, что мы делали с девяностых по воле совести, – больше, чем работа. Это – ПРИЗВАНИЕ ОТЕЧЕСТВА! Нас, писателей! Да! Есть такое ПРИЗВАНИЕ – Родину защищать! Поэт в России больше, чем поэт! Писатели России – это нравственность и гордость мира. Они больше России. Они со-весть.

Жюри и оргкомитет «Золотого пера» всегда всячески поощряли талантливые, честные произведения, присланные по «Военно-патриотической» номинации, «Экологической» номинации, номинации «Духовность», Диплом Дмитрия Саблина, номинации «Моя Родина», номинации «Общественные коммуникации». Проза и поэзия, сказка и интервью, даже юмор – все 20 номинаций конкурса – тщательно и твёрдо с первого пера, выданного в 2000 году, держали планку не квасного, а истинного патриотизма.

И конечно же, оргкомитет находил средства принимать участие в гуманитарных конвоях в Новороссию. В 2021 году высшую награду проекта «Золотое перо Руси» получил хит Владимира Скобцова «Донбасс за нами», вся творческая группа, включая композитора Михаила Хохлова и исполнителей Наталью Качуру и Маргариту Лисовину, была награждена дипломами лауреатов.

Оказавшись в зоне боевых действий в 2021 году, оргкомитет «Золотого пера Руси» провёл массу встреч по разным городам Донецкой Народной Республики, награждений, передачи книг библиотекам, школам, СМИ, учебным заведениям, администрациям городов, воинским частям.

И если официальная версия либералов была в том, что там якобы нет войны, то ещё в мае 2021 года ТВ «Золотое перо» выпустило достаточно вызывающий и правдивый фильм «Мечты на русском языке. Донбасс» (<https://www.youtube.com/watch?v=To4e2UO-prY&t=15s>).

24 февраля 2022 года началась военная операция по демилитаризации и денацификации. А это означало для нас только одно – спираль декультуризации России, закрученная Соросом и «партнёрами», пошла раскручиваться в обратную сторону, и главное сейчас – приложить максимум усилий для поддержки.

Проект «Золотое перо Руси» за 2022 год провёл массу встреч с писателями. Средства от продажи книг переданы в фонды, занимающиеся отправкой гуманитарных грузов в Новороссию.

Нашу эстафету подхватили как простые патриоты страны, так и издательства – «Серебро слов», «Амрита Русь», «Белые Альвы» и др. С 2019 года Издательский дом Академии им. Н. Е. Жуковского во главе с Игорем Агибаловым, обладателем «Золотого пера Руси», запустил уникальную серию книг авторов – победителей конкурса «Золотое перо Руси».

Финал 2022 года ознаменовался тем, что ИД выпустил великолепный сборник поэтов Новороссии «Специальная Вербальная Операция: Культура спасёт мир» «Мы Выбираем мир! За мир без нацизма...».

Параллельно с этим Союз писателей России, в котором состоит большинство команды, также выпустил около десятка подобных сборников в поддержку наших братьев. Иначе и быть не могло.

И вот, в конце января 2023 года состоялась широкомасштабная презентация «Антологии стояния Донбасса». Её автором и составителем явилась обладатель премии «Золотое перо Руси», главный редактор журнала «Берега» Лидия Владимировна Довыденко, автор 27 художественных и историко-литературно-публицистических книг, кандидат философских наук. В Антологию вошли авторы журнала «Берега», писавшие для рубрики «Берега Новороссии» начиная с 2014 года.

Замечательно, что акция получилась широкомасштабной, говорящей, личностной и значительной. Ведь она стала партнёром Духовно-патриотического фестиваля, названного созвучно песне Владимира Скобцова «Россия с нами, и с нами – Бог». Прекрасно, что и сам автор яркого образа присутствовал на мероприятиях с первого до последнего дня. И зрители имели удовольствие лично услышать поэта с Донбасса.

Наиболее грандиозно прошло выступление целой плеяды литераторов на территории войсковой части № 75384 – Первого отдельного стрелкового Семёновского полка, когда в присутствии более шестисот военнослужащих со сцены звучало живое авторское слово.

Проект поддержали не только отдельные поэты и писатели, но и крупные общественные объединения – Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», ИД Академии им. Н. Е. Жуковского.

Лидии Довыденко удалось материально поддержать приезд писателей из Донбасса, а также привлечь авторов «Антологии» из разных городов России. Такие писатели, как **Елена Заславская, Александр Морозов, Андрей Чернов, Ирина Горбань** – все из непокорённого Донбасса, не имея возможности приехать в Москву, прислали на презентацию свои видеоприветствия.

Несколько часов солдаты и сержанты единым монолитом внимали трансляции.

Ведущей и автору проекта сборника «Антология стояния Донбасса» **Лидии Довыденко** удалось создать в зале тёплую, душевную атмосферу.

Отрывки произведений, документального фильма Алексея Полуботы, стихи и песни искренне звучали для отзывчивых военнослужащих в следующем составе:

Светлана Васильевна Савицкая – писатель, доктор философии, автор шести военно-исторических романов, восьми энциклопедий, всего более сотни книг (Москва);

Владимир Скобцов – автор-исполнитель, поэт из Донбасса (Донецк);

Дмитрий Дарин – поэт, доктор экономических наук, координатор движения «Осиянная Русь»;

Виталий Даренский – участник СВО, поэт, прозаик, доктор философских наук (Луганск);
Алексей Полубота – поэт, прозаик, автор фильма «Храм на линии огня» и других о Донбассе (Балашиха);

Марина Бережнева – педагог, в прошлом министр информации и связи ДНР и пресс-службы Верховного суда ДНР;

Владимир Макаренко – поэт, публицист, начальник пресс-службы УФСИН по Смоленской области (Смоленск);

Елена Дубровина – писатель, руководитель издательской студии PROfectus (Воронеж);

Елизавета Хапланова – поэт, публицист (Москва).

Памятной общей фотографией великолепный фестиваль не завершился.

Поэты продолжают одаривать нас поэтическим словом. Писатели удивляют философией.

А мы помним, с чего начиналось противостояние. Мы не забыли имена тех, кто смело взывал первым к совести народной. Те, с кем мы начинали проект, оставшиеся во времени «рыцари без страха и упрёка» до сих пор кричат из наших сердец.

РУССКАЯ ГОРДОСТЬ

(Обладатель «Золотого пера Руси» 2005 г. Александр Петрович Петров)

Грани стирая меж злом и добром,
Лживых газет заголовки мелькают.
Бойкие мальчики с резвым пером
Гордостью русской нас вновь попрекают.
То ли у страха глаза велики,
Иль озлоблением мысль заменили –
С чьей-то нелёгкой, нечистой руки
Русскую гордость с фашизмом сравнили.
Видно, и вправду страшна вам она,
Коль вас кривит, как пред горькою чашей,
Коль вас лишают покоя и сна
Капли последние гордости нашей.
Полно вам попусту страх нагонять.
Вашим стараньям наивный лишь верит.
Русскую гордость не может понять
Тот, кто гордыней своей её мерит.
Русская гордость – не поднятый нос,
Русская гордость – не чванство пустое.
Острый, болезненный русский вопрос
Русское сердце лишает покоя.
Этот вопрос я себе задаю.
Этот вопрос моё сердце тревожит.
Жжёт меня боль за Отчизну мою.
В час испытания кто ей поможет?
Словно на ране горячая соль,
Душу сомнения червь разъедает.
Русский вопрос – наша общая боль –
Он ли в вас зависть и злобу рождает?
Русская гордость смиренью сродни.
С пышной гордыней в ней общего мало.
Не потому ли в тяжёлые дни
Русским сплотиться она помогала?
В тяжкое время насилья и зла,
Междоусобий разрушив препоны,

Русская гордость дружины свела
В месте слиянья Непрядвы и Дона.
Русская гордость – надёжный наш щит.
Гордостью русской крепка наша воля.
И не она ли костями лежит
Среди цветов Куликовского поля?
В дни, когда шляхта в наш дом заползла,
Гостью незваную выгнав с позором,
Русская гордость закончить смогла
Время то смутное Земским Собором.
Через два века, храня свою честь,
Силою русской и Божьей подмогой
Русская гордость французскую спесь
Выгнала Старой Смоленской дорогой.
В горькие годы Великой войны
Средь небывалых тяжёлых лишений
Гордостью русской Отчизны сыны
Дух укрепляли для ратных свершений.
Каждый из дней этих пусть будет свят
В памяти каждого русского сына.
Русская гордость героев-солдат
От Сталинграда вела до Берлина.
Русскою кровью от тяжких оков
Русская гордость народы спасала.
Кто же теперь её хаять готов?
Чем она вдруг и кому помешала?
Дети Востока, Кавказа сыны,
Гнули ль мы вас? Перед вами кичились?
С каждым народом великой страны
Щедро мы гордостью русской делились.
Так отчего же безумная рать,
С целью преступной, корыстной и узкой,
С диким упорством дерзает марать
Память о святости гордости русской?

Или и впрямь в наши трудные дни
Русская гордость в сердцах увядает?
Друг мой, собрат мой, очнись и взгляни –
В мраке забвенья Россия страдает!
Родина, сладким речам вопреки,
Снова опутана злыми врагами.

Русской землёй овладев, чужаки
Русскую гордость пинают ногами.
Вижу опасность у наших дверей,
И не стихает, и не убывает,
Глубже становится боль и острей –
Русская гордость мне грудь разрывает.

*Оргкомитет проекта Национальная литературная премия «Золотое перо Руси».
Январь 2023 год. Оргкомитет приглашает всех желающих принять участие в проекте.
От посетителей сайта www.perorusi.ru, дружественных организаций и объединений участникам
конкурса могут быть вручены эксклюзивные подарки, дипломы и грамоты.
Мы готовы обсудить любые варианты спонсорской поддержки и помощи авторам-победителям
со стороны истинных ценителей русского языка и русской культуры.
Учредитель проекта, доктор философии, писатель **Светлана Савицкая** – www.perorusi.ru/s,
учредитель проекта **Александр Бухаров** – <http://perorusi.ru/blog/2011/03/александр-бухаров/>.*

Наши друзья

СОВЕТУЕМ ПОЧИТАТЬ:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргатак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛиТерра», гл. ред. Владимир Фёдоров
«Литературная Канада», гл. ред. Ваагн Карапетян
Журнал «Сура», гл. ред. Б. В. Шигин: <http://www.magsura.ru/>
Международный славянский форум искусств, президент Николай Бурляев
Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», учредители – С. Савицкая, А. Бухаров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», гл. ред. Сергей Бережной, Белгород
Журнал «Невечерний свет», гл. редактор Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении и подписке на журнал
Поддержка, приобретение и подписка на журнал «Берега»
осуществляется перечислением на карточку Сбербанка: № 2202 2009 0582 4080.